

Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место отводил Сципиону, а третье — себе...

Лучше знаменья нет, чем за Пиррово дело сражаться.

Плутарх

Сравнительные жизнеописания. Пирр

Р. В. Светлов

ПИРР

*И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
ЕГО ВРЕМЕНИ*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2006

ББК 63.3(0)32
С24

Светлов Р. В.

Пирр и военная история его времени. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 355 с.

ISBN 5-288-03892-9

Что помним мы сегодня о Пирре кроме его «Пирровой победы»? А ведь современники считали, что именно в этом человеке возродились дух и воля Александра Великого. Талантливый полководец и государь, он мог изменить ход истории, но обстоятельства не дали осуществиться его амбициозным планам. Читатель этой книги познакомится с удивительной и трагической судьбой этого незаурядного человека, с эпохой, в которую ему выпало жить и сражаться, с общей военно-политической ситуацией в античном мире в эпоху начала эллинизма.

ББК 63.3(0)32

© Р. В. Светлов, 2006
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2006

ОТ АВТОРА

Царь Пирр — ключевая фигура для целой эпохи, начавшейся с создания империи Александра Великого и завершившейся высадкой римлян на побережье Балкан перед началом II Пунической войны. Это было время, когда история могла пойти по иному геостратегическому пути: западные греки имели реальный шанс встать на пути римской и карфагенской экспансии, распространив цепь эллинистических государств до Геракловых Столпов. Конечно, молодой Рим был более энергичным противником, чем дряхлая персидская держава, — с этой точки зрения Пирру было сложнее, чем Александру, — но и греческое влияние в Италии, Сицилии и Западном Средиземноморье было значительно большим, чем на бескрайних просторах Азии. Достаточно было объединить усилия Тарента и Сиракуз, Локр и Агригента, Массалии и Капуи... Неудача Пирра еще не доказывает, что это было невозможно. Не хватило совсем чуть-чуть — то ли последовательности в действиях, то ли везения.

Тем не менее даже провал миссии Пирра на Западе сыграл в истории античного мира определяющую роль: походы эпирской армии способствовали вовлечению Рима во всемирную историю. Отныне политическое пространство, связанное едиными причинно-следственными цепями, простиралось от Альп до Инда. Благополучный для Рима исход войны привел к резкому росту самосознания римлян и вывел их государство в число сильнейших держав мира.

Однако история Пирра не ограничивается его войнами на западе тогдашнего греческого мира. Эпирский царь стал свидетелем распада мировой державы Александра Македонского, сопровождавшегося беспощадной борьбой между его бывшими сподвижниками. Он принимал участие в битве при Ипсе, крупнейшей битве той эпохи (301). Ему довелось видеть закат прекрасной, завоевавшей полмира македонской армии. Он дважды захватывал Македонию и возлагал на себя диадему Александра.

Пирру довелось столкнуться практически со всеми военными системами той эпохи: от македонских педзетеров и спартанских гоплитов до римских легионеров и ополчений южноиталийских горцев. Описание военных кампаний Пирра требует создания энциклопедии военного дела государств Средиземноморья IV—III вв. до н. э.

Из большинства сражений Пирр выходил победителем: как полководца его оценивали очень высоко и современники, и потомки. По общему мнению, в нем единственном возродились дух и воля Александра Великого; многие из его военных находок определили развитие военного искусства.

Судьба Пирра выглядит как классическая трагедия. Недаром в античности зачитывались жизнеописаниями Пирра, из которых до нашего времени дошло только одно — принадлежащее перу Плутарха. Интересно, что в паре с жизнеописанием Пирра в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх приводит жизнеописание римского полководца и политического деятеля Гая Мария, также оказавшего огромное влияние на формирование римской (в скором будущем имперской) армии, семь раз избиравшегося консулом, но в конце жизни пережившего крах всех своих надежд.

Пирр и Марий принадлежали к тому типу людей, который постоянно неудовлетворен своим сегодняшним положением. Каждый успех казался им всего лишь прологом к будущей великой славе. Плутарх говорит о них еще более строго: «У людей же неразумных и беспамятных все

случившееся с ними уплывает вместе с течением времени, и, ничего не удержав, ничего не накопив, вечно лишены благ, но полные надежд, они, смотря в будущее, не замечают настоящего».

С легкой руки Плутарха за Пирром установилась сомнительная слава царственного авантюриста. Но устремленность в будущее еще не означает превалирования в его характере авантюрной жилки. Пирр искал славы — и царства, которое считал бы достойным себя. Эпир, несмотря на воинственность своих обитателей, был политическими и экономическими задворками греческого мира, и правитель, ограничившийся властью над этой страной, принадлежал к второстепенным монархам своей эпохи.

В своем желании оправдать Пирра мы не будем оригинальны. Еще в XIX столетии о Пирре писали как о настоящем государе, чьи амбициозные планы в силу ряда обстоятельств не удалось воплотить в жизнь. Авторы наиболее серьезных книг, написанных об Эпире и Пирре, — Р. Скала, Г. Герцберг, Р. Шуберт, Г. Кросс — именно так его и оценивали. Схожие мысли высказывает и современный отечественный историк С. С. Казаров в книге «Царь Пирр и эпирское государство в эллинистическом мире» — единственной научной монографии на русском языке, посвященной великому эпирскому царю. Из всех исследователей образу вечно стремящегося за журавлем в небе царя был близок, пожалуй, только портрет, созданный И. Дройзенем в «Истории эллинизма»¹.

Однако аура трагического авантюриста сопровождает образ Пирра — по крайней мере в популярных книгах и в учебниках по истории. Возможно, это связано с элементар-

¹ Российские историки не баловали Пирра вниманием. Чаще всего имя его упоминалось в курсах по римской истории или в популярных переложениях Плутарха. Серьезные работы об истории Эпира можно пересчитать по пальцам. Только в последние годы в научной литературе интерес к Пирру стали поддерживать своими работами Л. Р. Вершинин и С. С. Казаров. Отметим также труды В. Н. Токмакова, который активно пишет о римской армии республиканской эпохи.

ным недостатком информации. Хотя все признают военное дарование Пирра и влияние его походов на всемирную историю, мало кто пытается раскрыть, в чем конкретно они выражались. Подробный анализ кампаний Пирра — в Македонии, Италии, Сицилии, Пелопоннесе — крайне редок и, к сожалению, порой поверхностен. Разрозненность и противоречивость античных источников превращает работы о Пирре, касающиеся военного дела, в историографические трактаты. Показательно, что даже такой классик военной истории, как Ганс Дельбрюк, утверждал: «Для истории военного искусства из этих рассказов (рассказов о Пирре Плутарха, Дионисия, Павсания и т. д. — *Р. С.*) ничего нельзя извлечь». О битве при Аускуле он раздраженно замечает, что «сведения о сражении... шатки и противоречивы», а «сообщения о сражении при Беневенте не имеют для нас никакой ценности». В замечательной работе П. Конноли «Греция и Рим: Энциклопедия военной истории» Пирр попросту вынесен за скобки...

Именно поэтому, вероятно, и обращают внимание не на достижения Пирра, в том числе в области военного искусства, а на его трагическую судьбу.

Мы вынуждены признать, что и в нашей книге слова «видимо», «возможно», «судя по всему» будут встречаться часто. К сожалению, история войн Пирра с Римом, сделавшая эфирского царя знаменитым, дошла до современного исследователя в переложении эпохи, когда над миром правил Рим. Писатели того времени всячески восхваляли римское прошлое, затушевывая поражения и многие неприглядные факты. Более того, древние вообще были склонны к морализаторству и к созданию афоризмов по любому поводу. Вот и получается, что история Пирра состоит из красивых поз и фраз, подобных «Еще одна такая победа, и я погиб!» или «Римляне будут воевать с Пирром даже если он обратит в бегство тысячу консулов...». Вместо документальной хроники писатели того времени показывают нам классическое театральное представление.

В результате в некоторых случаях описание вооружен-

ных сил будет занимать у нас больше места, чем анализ самих операций. Иначе голый пересказ источников заставит читателей утратить нить событий, внутреннюю их логику. В этом — порок многих работ о великих полководцах. Не зная, как воевали солдаты того времени, по каким «уставам» командовали офицеры, какие стандарты войны были приняты тогда, мы не сможем понять не только Пирра, но даже Александра Великого и Ганнибала, чьи подвиги древние историки изображали куда более подробно.

Однако если нам удастся восстановить военный (и политический!) контекст того времени, многое будет прояснено и имя Пирра займет достойное место в череде великих полководцев, рожденных Элладой.

В связи с этим наша работа не будет ограничиваться изображением кампаний, в которых принимал участие Пирр. Мы постараемся дать максимально широкий срез эпохи начала эллинизма: как в военном, так и в политическом плане. В то время Средиземноморье стремительно превращалось в единое целое; события в одном его регионе получали удивительное порой отражение в другом. Греческий мир перестал быть замкнутым — и вместе с тем мгновенно перестала быть замкнутой история Эпира. Уже дед Пирра воюет в Италии с луканами, пролагая путь своему потомку, уже отец его возводит на македонский престол царей...

Впрочем, обо всем по порядку.

Г л а в а I

Предыстория

Эпир и Македония. Мифологическая история рода Пирридов. — Роль Эпира в греческой истории до эпохи Александра Великого. — Смерть Александра Македонского. — Олимпиада в Эпире. — Борьба между «конфедератами» и «государственниками». — Регенты при малолетнем Александре IV и Филиппе Арридее. — Столкновение Полиперхонта и Кассандра. — Вмешательство Эпира. — Поход Эакида в 317 г. до н. э. — Кампания осени-зимы. 317-316 гг. до н. э. — Смерть Олимпиады и судьба македонского царского дома. — Свержение отца Пирра.

Эпир и Македония — как бы два плеча протянувшегося с севера на юг Пиндского хребта, омываемого водами Ионического и Эгейского морей. Восточное, македонское, «плечо» больше: горы образуют несколько исполинских ступеней, постепенно понижаясь к морю. Здесь есть обширные равнины, издревле обжитые людьми, здесь текут полноводные реки, одна из которых — Стримон — является северным пределом распространения греческого племени и греческих диалектов.

Эпиру в этом смысле повезло меньше (см. карту №1). Местность на западе от водораздела более сурова, долины — уже и скуднее, Эпир зажат между горными отрогами и Ионическим морем. К тому же Ионическое море холоднее Эгейского — пусть не намного, но это оказывает на климат здешних мест серьезное воздействие.

Несмотря на более чем 150-километровое побережье, Эпир так и не стал морским государством: правда, нужно сказать, что удобные для тогдашних судов гавани находились либо на контролировавшемся иллирийцами севере, близ устья Аоя, самой длинной эпирской реки, либо на юге — в районе Амбракийского залива, греческие города вокруг которого долгое время были независимы от эпиротов.

Прямо напротив берегов Эпира лежит остров Керкира, издревле заселенный греками, один из самых крупных торговых центров в Ионическом море. Здесь была сосредоточена торговля с Хаонией и Феспротией, двумя прибрежными областями Эпира: недаром Пирр будет стремиться овладеть Керкирой, этими морскими и торговыми воротами его государства.

Городов в Эпире было меньше, чем в других греческих землях: образ жизни населявших эти земли людей можно охарактеризовать как патриархальный. Эпироты — крестьяне и пастухи, а не горожане, подобно жителям Афин и Коринфа, и тем более — не владельцы латифундий, вроде спартанцев. Да и греками в полном смысле этого слова они не были: возможно, только царские роды сохраняли связи с эллинскими предками (например, Пирриды, к роду которых принадлежал Пирр, происходившие из Фессалии). Основная масса местных жителей была смесью старого эллинского населения этих мест и иллирийских варваров, которые проникали в Эпир с территории современной Албании. Вообще, иллирийцы всегда играли в истории Эпира важную роль: лишь на короткое время Филипп и Александр Македонские вывели из-под иллирийского влияния своего западного соседа. Однако уже Пирр был посажен на престол «иллирийскими руками»¹.

Как любые жители гор, эпироты хранили верность своим общинам, а возможно, и кланам; таким образом, долгое время ни о какой настоящей централизованной власти в этих землях не могло идти и речи. Подобно Маке-

¹Что не помешает ему позже захватить южную Иллирию.

донию, Эпир долгое время был территорией, где все вершила воля местных князьков. Хаоны, феспроты, молоссы, афаманы, долопы, тимфеи² — вот названия самых известных эпирских племен, то входивших в «конфедерацию», то (как тимфеи и афаманы) оказывавшихся под властью соседей³. Но если Македония уже во время греко-персидских войн получила первого сильного царя (в лице Александра Филэллина), то Эпиру еще долго пришлось ждать своего часа.

Продолжительное время настоящую угрозу Эпиру представляли только северные соседи — иллирийские племена. Племя хаонов, жившее на границе, вело с ними постоянную малую войну. Некоторое время вожди хаонов были гегемонами в Эпире. Однако с конца V в. до н. э. все большее влияние приобретают молоссы, обитавшие во внутренней части страны, в долине реки Аратф. Немалую роль в этом сыграло святилище в Додоне, где находился один из самых известных оракулов Греции.

Додонское святилище представляло собой священную рощу, расположенную у подножия горы Томар. Жрицы (по названию горы их именовали «томурами») давали предсказание, вслушиваясь в шелест ветвей огромного старого дуба, посвященного Зевсу. Есть указания на то, что этот оракул был известен еще во времена Гомера; Геродот вообще называет его древнейшим эллинским прорицалищем. До V в. до н.э. оно находилось под контролем эпирского племени феспротов. Затем святыня оказывается во власти молоссов, их царь становится покровителем паломников и приобретает всегреческую известность. Нам еще доведется рассказывать о приписывавшихся Пирру божественных свойствах: представление о них вызвано в том числе и связью образа молосского царя с культом Зевса в Додоне.

К Додоне имеет отношение родословное древо эпирских царей. По одному из преданий, Девкалион и Пирра — леген-

² Согласно Страбону, в Эпире насчитывалось 14 племен.

³ Восточные области Эпира обычно находились под прямым контролем Македонии.

дарная пара, пережившая ужасный потоп и ставшая родоначальницей нового поколения людей, — поселились на землях молоссов и основали там додонское святилище. После окончания Троянской войны сын Ахилла Неоптолем отправился в Эпир и завоевал себе удел, став первым царем молоссов. Девкалиона и Неоптолема объединяло то, что первый до потопа был царем Фтии, таинственного города, расположенного где-то в Фессалии (области к востоку от Эпира)⁴. Но царем Фтии был и Пелей, дед Неоптолема. Получалось, что сын Ахилла повторил путь своих предков.

Женившись на Ланассе, правнучке Геракла, Неоптолем породнился с Гераклидами, и его потомки получили право держать себя на равных с вождями дорийских государств⁵. Интересно, что своего сына Неоптолем назвал Пирром (греч. «Рыжий»), и это имя носили несколько молосских государей. Как и в дорийских государствах (например, Спарте), власть во времена легендарного прошлого молоссов осуществляли два царя, правда, происходившие из одного рода (Пирридов).

Однако в V в. до н.э. эпирские племена управлялись десятками вождей, царьков или выборных стратегов. Греческие писатели неоднократно подчеркивали варварские, дремучие нравы этих племен. Из событий тогдашней истории привлекло к эпиротам внимание лишь одно: у молосского царя Адмета нашел временное убежище бежавший из Афин Фемистокл, победитель персов при Саламине.

⁴ «Ученое» уточнение: загадочность «Фтии тенистой» (так ее обычно называли греческие поэты) заключается в том, что до настоящего момента не установлено ее точное расположение: несмотря на то что в Фессалии послемикенской эпохи существовал город Фтия, есть основания утверждать, что Гомер говорит о другом месте. Эта неуловимость «исторической родины» Ахилла и Неоптолема подтолкнула ряд ученых XX столетия посчитать Фтию метафорой страны мертвых, Ахилла — царем преисподней (и действительно, многие греки были убеждены, что после смерти Ахилл правит душами погибших героев на некоем острове Левка, расположенном где-то на далеком севере), а племя мирмидонян, которое он возглавлял, — демонами преисподней.

⁵ Гераклиды возглавили переселение дорийцев на Пелопоннес.

Сын Адмета Фарипп долгое время жил в Афинах, воспитываясь в самом развитом из греческих государств. Вернувшись на родину, он даровал своим соплеменникам более современные законы. Можно предположить, что Фарипп ограничил власть местных кланов, запретил обычную среди горцев кровную месть, возможно, реорганизовал ополчение.

Плутарх в своей биографии Пирра утверждает, что Пирр был праправнуком Фариппа. Из других источников мы знаем, что несколько поколений молосских правителей греческий писатель попросту опустил. Однако для нашего повествования это не существенно, так как Эпир почти не затронули такие общегреческие войны, как Пелопоннесская, Коринфская или многолетняя борьба между Фиванским и Спартанским союзами.

Во время Пелопоннесской войны, например, эпирские племена лишь sporadически участвовали в военных действиях. По одному из таких эпизодов можно судить об уровне военного дела у эпиротов. В июне-июле 429 г.⁶ эпироты присоединились к походу спартанских союзников против лежащей на юге от Эпира Акарнании, поддерживавшей Афины. Проспартанское войско было составлено и из «регулярных» греческих подразделений, и из ополчений эпиротов и македонян. Фукидид говорит, что, направляясь в Акарнанию, они шли отдельными отрядами «на столь большом расстоянии друг от друга, что порой не видели соседей». Первой их целью был небольшой город Стратии, мобилизовавший на свою защиту все мужское население.

Силы были неравны, однако неорганизованность не позволила союзникам достичь успеха. Если эллинские контингенты «шли в походном строю, строго соблюдая осторожность, пока не нашли удобного места для лагеря», то хаоны, возглавившие эпирское ополчение и составлявшие центр проспартанской армии, оторвались от флангов, на-

⁶ Все даты — до н. э.

деясь атаковать первыми и разграбить город до подхода остальных отрядов.

Хаоны поплатились за свою самонадеянность, так как стратии заметили их изолированное положение и, подпустив врагов к своим стенам, нанесли по ним удар с нескольких сторон: часть горожан бросилась на врага из заранее подготовленных засад, а главные силы совершили вылазку из городских ворот.

Успех стратиев был полным: хаоны, феспроты и молоссы бежали. Хотя в двух других отрядах пелопоннесцев насчитывалось несколько тысяч человек⁷, они, после того как их союзники исчезли с поля боя, не рискнули продолжать наступление и ретировались. Из рассказа Фукидида можно сделать вывод, что эпироты должны были играть в этой импровизированной армии роль застрельщиков, а также подвижных соединений: без них Кнем, спартанский офицер, командовавший пелопоннесцами, не решился продолжать боевые действия против акарнанцев, слывших искусными прашниками. Это сражение болезненно ударило по военному авторитету хаонов, и, вероятно, именно оно положило предел их гегемонии в Эпире.

Таким образом, эпироты были типичными «окраинными греками», и способ, которым они вели войну, можно назвать скорее варварским, чем греческим. Да и в геополитическом отношении их земли не представляли для борющихся сторон какого-либо интереса. Племенные объединения эпиротов заключали соглашения то со спартанцами, то с афинянами, ничем при этом не рискуя.

Жители Эпира в весьма скромном количестве участвовали в походах Филиппа и Александра. Пока остальные государства Эллады истощали себя в междоусобной брани или заморских походах, эпирские племена постепенно накапливали тот запас энергии, который они выплеснут во

⁷ Правда, по сообщению Фукидида, большинство гоплитов не имели полного вооружения: поход совершался «налегке».

время правления Пирра и который сделает их родину знаменитой.

Да и события первых десятилетий войн диадохов могли бы обойти Эпир стороной, если бы Эакид, отец Пирра, не вмешался в них в 317 г. Впрочем, этот период истории Эпира является своеобразным прологом к жизни нашего героя, поэтому на нем нужно остановиться подробнее.

* * *

Смерть Александра Македонского в 323 г. стала катастрофой для миллионов людей, живших в созданном им государстве. Что бы современные историки ни писали об эфемерности созданной им державы, пока был жив Александр, никому и в голову не могла прийти мысль, что уже через несколько лет его наследство будут растаскивать по кускам. Власть «сына Зевса» казалась незыблемой и даже естественной: недаром египтяне приняли его за своего исконного фараона (оракул в Фивах назвал его «сыном Амона»), греки охотно именовали Александра «гегемоном» (т.е. вождем), а персидские сатрапы, перешедшие на его сторону, убеждали своих соотечественников, что несчастный Дарий, последний царь династии Ахеменидов, на смертном одре именно Александру передал регалии власти.

Ядром этого государства, безусловно, была армия. После начала похода Александра в Индию она, и так многонациональная, все разрасталась, в первую очередь за счет ираноязычных ополчений. Более всего Александр делал ставку на персов: вернувшись в Вавилон, он продолжил создавать персидскую фалангу как противовес его сородичам-македонянам, из-за своеволия которых сорвалась экспедиция в долину Ганга.

Это вызывало ревность македонян, однако пока Александр был жив, любое недовольство можно было подавить в зародыше. Строились планы новых походов, во время ко-

торых опасность, жажда славы и добычи сплотили бы войска. Одновременно вводилось единое денежное обращение, восстанавливалась система управления, созданная некогда персами... Александр был не просто романтиком-завоевателем, он обладал вполне практичным умом и целым штабом помощников, которые могли дать дельный совет.

Но Александр умер. Его смерть стала настолько неожиданной, что вскоре возникли толки об отравлении. Кого только не подозревали в этом: особенно часто упоминают имена бывшего воспитателя царя, знаменитого Аристотеля, с которым в последние годы отношения Александра действительно ухудшились, и старика Антипатра, полномочного наместника Македонии. Антипатр многие годы обеспечивал спокойствие европейского «тыла» великого завоевателя, беспрепятственное поступление подкреплений в его армию, но не приветствовал восточные новшества при царском дворе. Сама возможность отравления, конечно, была: например, Олимпиада, мать Александра, была убеждена, что яд царю поднес Иол, сын Антипатра, поэтому после своего возвращения в Македонию в 316 г. она надругалась над его останками. Однако события, произошедшие после смерти царя, заставляют сомневаться в правдивости этой версии. Заговор обычно имеет целью приход к власти какой-то политической силы, изменение государственного курса. Между тем столкновение гетайров⁸ и фаланги, имевшее место сразу после смерти Александра, было вызвано скорее растерянностью среди его приближенных, чем стремлением к кардинальным переменам. В конечном итоге у руля государства после смерти Александра остались близкие ему лица. Должно было пройти несколько лет междоусобных войн, чтобы политическая ситуация в державе изменилась.

Сама болезнь Александра была, судя по пересказу царского дневника Плутархом, жесточайшей простудой, кото-

⁸Гетайры — ближайшие друзья царя, служившие в своеобразной конной лейб-гвардии (см. о ней в главе III).

рую завоеватель получил на пиру у Медия, одного из своих друзей, и которую усугубил, пытаясь одолеть лихорадку при помощи бань (греческие бани напоминали современные турецкие: простудиться там было несложно). На то, что Александр имел склонность к таким простудам, указывает и его сухошавая комплекция, и повторяемая всеми биографами Александра история о тяжелом заболевании царя, искупавшегося во время зимовки 334/33 г. в ледяной воде реки Кидн (Киликия).

Смерть Александра затронула и Эпир. В это время там правил Эакид, пришедший к власти в 326 г. после смерти своего двоюродного брата Александра I в Южной Италии. Последний в течение пяти лет исполнял роль стратега италийских греков, боровшихся против местных племен (об этом предшественнике Пирра у нас еще пойдет речь). Сестрой Александра I и, соответственно, кузиной Эакида была Олимпиада. Отношения Олимпиады с Эакидом, сыном царя Аррибы (361-342), казалось, не должны были сложиться. Александр Эпирский в свое время получил престол только лишь потому, что Олимпиада стала женой Филиппа Македонского, который после кончины Аррибы настоял на кандидатуре ее брата, обойдя законного наследника. Греческие историки добавляют, что к этому его побуждали не только молодая жена и государственные интересы, но и далеко не платоническая страсть к Александру Эпирскому, не оставшаяся незамеченной окружением македонского царя.

Македонские покровители сделали молосского государя правителем всего Эпира, в том числе и южных областей (Амбракии, Акарнании), населенных греками. При Александре I началась политика масштабного переселения эллинов, особенно на прибрежные земли Эпира. Молосские цари стремились при помощи своих южных соседей укрепить экономику, развить городскую жизнь, иными словами, избавиться от сомнительной славы патриархальной окраины греческого мира. Позже Пирр вообще перенесет свою столицу из Додоны в Амбракию.

Однако итальянская авантюра Александра Молосско-

го задержала развитие государства Пирридов. С 331 г. до смерти своего двоюродного брата Олимпиада исполняла роль регента при малолетнем сыне Александра от Клеопатры, ее же собственной дочери (таким образом, наследник молосского престола был одновременно ее внуком и племянником). Можно предположить, что и Эакид не был удален от власти; недаром после смерти Александра Эпирского Олимпиада сделала ставку именно на него, и ее кузена объявили царем молоссов. Македонскую царицу-мать можно понять — малолетний государь не пользовался бы авторитетом у горцев.

Даже после воцарения Эакида Олимпиада оставалась в Эпире. В отношениях между ней и Антипатром давно уже зрело взаимное недовольство. Эти властные натуры не терпели рядом с собой соперников. Антипатр, будучи полноправным наместником в Европе и одним из ближайших сподвижников покойного Филиппа II, отца Александра Великого, аккуратно, но решительно пресекал поползновения Олимпиады на власть. Судя по всему, он невзлюбил эту гордую, самолюбивую, злопамятную горную княжну. А истории о ее даре колдуньи вызывали у македонян настороженность и неодобрение.

Смерть Александра также не привела к возвращению Олимпиады в Македонию. Она подозревала Антипатра в убийстве сына и понимала, что заявить о своих правах на власть над державой сможет, лишь дождавшись удачного момента.

Доля сатрапии, полководцы Александра Великого все в меньшей степени вспоминали законных царей из рода Темейдов. В течение семи лет на троне формально находился Филипп Арридей, сын Филиппа II (и сводный брат Александра) от фессалийской танцовщицы. По мнению греческих историков, это был мягкий человек с хорошими задатками, однако уже в детстве у него начало развиваться слабоумие — не без ведовства ревнивой Олимпиады, как считали многие. После рождения у жены Александра, сродники Роксаны, мальчика (Александр IV) они стали сопра-

вителями; пока же законный наследник великого царя не достиг совершеннолетия, всю полноту власти сосредоточил в своих руках регент, назначаемый войсковым собранием.

Филипп Арридей не вмешивался в борьбу между диадохами⁹, оставаясь пассивным наблюдателем того, как один за другим гибнут люди, пытавшиеся сохранить мировую державу под властью наследников Филиппа и Александра.

Вначале пал Пердикка (321), первый регент при слабоумном Арридее и малолетнем Александре IV. Его место занял Антипатр, впрочем, ненадолго. Престарелый воин, политик, олицетворявший суровые нравы прошлых царствований, умер уже в 319 г. На смертном одре он отказался от обычая созыва военного собрания, назначив своим преемником Полисперхонта, тоже старого, уважаемого ветеранами полководца¹⁰.

Назначение тем не менее было принято с недовольством — прежде всего потому, что Антипатр не спрашивал мнения у сатрапов азиатских областей державы, уже чувствовавших себя удельными князьками. Несмотря на то что Полисперхонт обещал с уважением относиться к их власти, последним был необходим только повод для того, чтобы взяться за оружие.

Таким поводом стало бегство из Македонии Кассандра, сына Антипатра, который считал себя несправедливо обойденным решением отца и полагал, что тот должен был сделать титул регента наследным в их семье — подобно тому, как много веков спустя в Японии наследным станет титул сегуна.

Борьба Кассандра с Полисперхонтом вызвала оконча-

⁹ Зато несколько раз пыталась плести интриги его жена Евридика — кстати, внучка Филиппа II, т. е. племянница Арридея. В царских домах Македонии и Эпира в это время была распространена персидская традиция кровосмесительных браков.

¹⁰ Определяющим в этом выборе стало то, что Полисперхонт принадлежал к военачальникам «старомакедонской» партии: во время Индийского похода Александра он даже вызвал недовольство царя своими насмешками над его восточными манерами и едва не попал под суд.

тельную поляризацию сил. Наиболее могущественные сатрапы, опасаясь, что новый регент возродит политику Пердикки и попытается лишить их независимости, объединились вокруг Кассандра. Это были Птолемей Египетский, Селевк Вавилонский, Антигон Фригийский, Лисимах Фракийский — люди, которые в 306 г. примут царские титулы, и потому их партию можно назвать партией партикуляризма. Максимальное, на что они были согласны, — государство, являющееся конфедерацией по сути независимых владений, управляемой слабым регентом при еще более слабом царе.

Однако еще имелись силы, которые хотели сохранить наследство Темеидов (партия «государственников»). В Европе их возглавили Полисперхонт и Олимпиада, решительно выступившая в пользу прав Роксаны и Александра IV. В Азии они сплотились вокруг грека Эвмена, бывшего руководителя канцелярии Александра, выказавшего и личную храбрость, и находчивость, и большой полководческий талант. Эвмена поддержали многие сатрапы (в частности, все правившие к востоку от Месопотамии) и ветераны Александра, его пешая гвардия «среброшитых» («аргираспиды»). Война на востоке затянулась до 316 г. и завершилась лишь после того, как Антигону Фригийскому, которому сторонники Кассандра поручили ведение борьбы, удалось переманить на свою сторону большинство союзников Эвмена и, несмотря на несколько поражений, которые он потерпел от энергичного противника, «дожать» его армию в пустынной местности к востоку от Персиды.

На западе первое время перевес в борьбе был у Полисперхонта. Поскольку некоторые македонские гарнизоны, контролировавшие основные греческие города, сохранили верность Кассандру, а в других городах у власти находились олигархические правительства, установленные еще Антипатром (и даже Филиппом II), Полисперхонт с Олимпиадой издали от имени юного Александра популистский указ о восстановлении греческой свободы. Это вызвало целую череду волнений в эллинских городах. От рук взбунто-

вавшейся черни погибло немало сторонников македонской гегемонии, однако в целом эта мера не дала нужного результата. Основные опорные пункты — гавани Афин (Пирей и Мунихий), а также Мегалополь, крупнейший город Пелопоннеса, — остались верны «старомакедонской» партии, которая парадоксальным образом оказалась связана с именем Кассандра, человека, уничтожавшего мировую державу македонских царей.

В то время как Полисперхонт безуспешно пытался взять Мегалополь, в самой Македонии произошли события, которые поставили под угрозу все его дело.

Пока Олимпиада продолжала оставаться в Эпире, в царском семействе, собравшемся наконец в Македонии, начались раздоры. Провоцировала их Евридика, жена Арридея, которая хотела сосредоточить в своих руках единоличную власть. Вначале (лето 318 г.) она пыталась отравить Роксану и юного Александра. Когда те бежали к Олимпиаде, Евридика отправила посланников к Кассандру, назначив его от своего имени регентом. Зимой 318/17 г. сын Антипатра оккупировал большую часть Македонии (кроме верхних, горных областей), захватил боевых слонов, неблагоприятно оставленных здесь Полисперхонтом, и отправился в Грецию, чтобы отвоевать занятые регентом города.

Сейчас уже трудно понять, что заставило Кассандра покинуть только что занятые земли: возможно, он рассчитывал, что Полисперхонт бросится за ним и увязнет в Пелопоннесе. Однако весной 317 г. мы застаем старого полководца в Эпире, где он — вместе с Олимпиадой — убеждает царя Эакида наконец вмешаться в македонские междоусобицы и вернуть на престол Александра, в котором как-никак течет молосская кровь.

Эпироты не желали отправляться в поход: Эакиду стоило немало труда собрать армию, которая поддержала бы Олимпиаду. Чтобы окончательно убедить молоссов — ядро эпирского ополчения — в выгодах этого предприятия, Олимпиада и Полисперхонт пообещали Эакиду, что после достижения Александром IV совершеннолетия за него бу-

дет выдана Деидамия, дочь эпирского царя. Таким образом, появились перспективы унии между государствами.

Кампания, в которой впервые участвовали эпирские войска, может быть легко реконструирована. «Фронт» между противниками проходил как раз по водоразделу между реками, впадавшими, соответственно, в Ионическое и Эгейское моря. На стороне Полисперхонта, Олимпиады и молоссов выступили северные соседи Эпира, иллирийцы, а также этолийский союз племен, чьи владения лежали к югу и юго-востоку от Эпира, между Амбракийским и Коринфским заливами. Евридику поддержали македоняне и отряды Кассандра, занимавшие Фессалию. Видимо, они перекрыли все основные выходы из эпирских гор в Фессалию и равнинную Македонию. Поэтому Олимпиада с Эакидом летом 317 г. совершили обходной маневр, выйдя на границы Македонии с северо-запада, где-то близ Лахнидского озера. Именно здесь, около местечка Эвия, сошлись армии, возглавляемые двумя непримиримыми противниками.

Трудно говорить о численности войск, однако, думается, у Олимпиады был значительный перевес в силах: Кассандр находился далеко, а многие из своих отрядов Евридика была вынуждена разбросать по периметру Македонии и Фессалии.

Косвенно это подтверждается и событиями, произошедшими накануне, казалось бы, неминуемой битвы. Македоняне не решились сражаться с армией, которую привела Олимпиада. Ниже мы многократно столкнемся с тем, что именно македонские подразделения будут без зазрения совести переходить из одного лагеря в другой; при этом иногда подлинной причиной такого поступка станет элементарная алчность, иногда — минутное увлечение пропагандой противной стороны, чаще же всего — нежелание рисковать своей жизнью в ситуации, когда исход военных действий не ясен.

Когда читаешь книги об истории походов Александра Великого, часто забываешь, что македонский царь обла-

дал абсолютной властью лишь над кругом приближенных, многотысячная же фаланга хранила традиции военной демократии. Александру, чтобы подчинить ее волю, приходилось использовать не власть, а убеждение. После его смерти македоняне в еще большей степени ощутили свое значение, понимая, что без их соизволения не удержится ни один претендент на престол.

Итак, армия Евридики неожиданно заявила, что не станет сражаться против матери их великого царя. Филипп Арридей безропотно пошел в плен, его супруга, бросив мужа-неудачника, попыталась скрыться в Амфиполе, пограничном с Фракией городе, однако была настигнута там и выдана людям Олимпиады.

Казалось, что сторонники центральной власти имеют возможность укрепить свою власть. Однако в очередной раз в историю вмешались страсти. Эпирская колдунья решила сполна насладиться мезтью. Она казнила Никанора, брата Кассандра, надругалась над усыпальницами его семьи (в том числе и могилой скончавшегося к тому моменту Иола). Десятки, если не сотни, знатных македонян были перебиты только по подозрению, что год назад они приветствовали сына Антипатра. Дабы у Александра IV не было более соперников, Олимпиада заточила Арридея и Евридику в башне. Услышав, что Кассандр готовится выступить из Греции, Олимпиада приказала охранникам-фракийцам убить слабоумного царя. Евридика повесилась на собственном поясе.

Между тем Эакид вернулся в Эпир, предоставив Олимпиаду и Полисперхонта самим себе. Это в очередной раз изменило соотношение сил — теперь в пользу Кассандра.

Стратегическая ситуация в начале осени 317 г. была следующей. Кассандр вернулся из Пелопоннеса, где он с переменным успехом восстанавливал влияние македонской партии, в Среднюю Грецию. Сын Антипатра имел довольно значительную полевую армию (вероятно, не менее 20 000 человек), более того, обладал господством на море. Однако Фермопильский проход из Средней Греции в Фессалию был

занят ополчением этолийцев, в отличие от Эакида оставшихся на службе у Олимпиады.

Полисперхонт в это время устанавливал свою власть в городах центральной Фессалии, одновременно пополняя свою армию наемниками. Его отряды также заняли горные проходы на севере этой области, в Перребии. Третья часть европейских сил «государственников» — войска, перешедшие на сторону Олимпиады, — находилась в Македонии. Наконец, отдельный корпус во главе с сыном Полисперхонта (его также звали Александр) был направлен в Пелопоннес (похоже, через Коринфский залив), чтобы связать там Кассандра.

Полисперхонт ощущал себя в безопасности благодаря этолийскому ополчению. Действительно, если бы Кассандр попытался обойти Фермопилы с запада, он заплутал бы в горных ущельях: еще Ксерксу в 480 г., во время греко-персидских войн, пришлось штурмовать Фермопилы в лоб, да и взял он эту превосходную позицию¹¹ лишь благодаря предательству.

Кассандра не смутил этот «стратегический тупик». Кампания, которую он провел, является просто показательной (см. карту № 1). Она демонстрирует, насколько важным стало господство на море (греч. «талассократия»): недаром спустя десятилетие его так ожесточенно будут оспаривать Птолемей и Антигон.

Кассандр быстро собрал на северной оконечности о. Эвбея, как бы нависавшего над Фессалией, значительное количество судов — от военных и торговых до простых больших лодок. Из Беотии и Локриды (Средней Греции) сюда была перебросена вся его полевая армия. Для достижения подавляющего стратегического преимущества Кассандру нужен был только один спокойный день на море. Этот день не заставил себя долго ждать — и уже в середине осени его войска оказались в Фессалии, разрезав надвое силы

¹¹ Фермопильский проход можно было с равным успехом защищать как фронтом на север, так и фронтом на юг.

противника. Этолийцы поспешили ретироваться к себе на родину, а Полисперхонт, не чувствуя себя достаточно сильным для открытого боя, стянул все свои отряды в Перребию, закрыв проходы, которые вели в район среднего течения реки Галиакмон и далее в Македонию.

Однако оставалась открытой дорога через Темпейскую долину и затем берегом моря в самое сердце Македонии. Для защиты ее Полисперхонт вытребовал часть сил Олимпиады. Теперь все зависело от быстроты передвижения неприятелей.

Понимая, что с наступлением дождей и холодов прорваться в Македонию будет невозможно, Кассандр сформировал два сильных авангарда. Один из них, под командованием Калата (возможно, старого офицера Александра, известного нам по жизнеописаниям последнего), направился в Перребию и, атаковав аванпосты, но не ввязываясь в более серьезное дело, отвлек Полисперхонта. Другой авангард, в который вошли самые надежные и подвижные части, во главе с Динием устремился в Темпейскую долину. Нам неизвестны подробности происходивших там столкновений, но, видимо, Олимпиаде не удалось собрать достаточно сил для защиты прибрежного пути. Диний без труда прорвался к городу Дий, этим южным вратам Македонии.

Вся система обороны Македонии рухнула. Полисперхонт был связан Калатом, а македоняне после репрессий, проведенных Олимпиадой, не выказывали горячего желания сражаться на ее стороне. Тем не менее царица назначила полномочным стратегом Аристора (одного из телохранителей Александра), поручив ему набор армии, с личной же дружиной, составленной из амбракийцев, и оставшимися верными отрядами укрылась в Пидне, столице Македонии.

Олимпиада не считала, что находится в отчаянном положении. В целом вооруженные силы ее союзников превосходили силы Кассандра. Сыну Полисперхонта был отправлен приказ возвращаться, вестников отправили и к Эакиду. Казалось, царице нужно только продержаться в течение

сурового времени года, которое наверняка поумерит пыл неприятеля и позволит собраться ее сторонникам.

Между тем Кассандр, желая обезопасить свои дальнейшие действия с запада, поручил Динию наступать на Пидну, сам же повернул в Перребию и атаковал отряды Полисперхонта, прикрывавшие самый восточный из здешних проходов. Регенту пришлось подтянуть к себе левый фланг и вообще поменять фронт с южного на восточный. Вскоре после этого Калат полностью оттеснил его в Тимфею и сумел обещанием богатых подарков переманить на свою сторону немалое число вражеских солдат.

Только отбросив Полисперхонта, Кассандр долиной Галиакмона вошел в Македонию и приступил к осаде Пидны. Быстрое движение вперед приводило не к истощению, а к увеличению его сил: многие из македонян, еще полгода назад восторженно приветствовавшие Олимпиаду, теперь спешили поступить к нему на службу.

Еще более удручающие для лагеря «государственников» события происходили в Эпире, где Эакид начал собирать войско, чтобы идти на выручку своей кузине. Эпироты, и раньше не испытывавшие желания участвовать во внутримакедонских делах, теперь открыто роптали. Хотя Эакиду удалось-таки собрать немалое ополчение, оно начало таять, еще не дойдя до границы.

Молосский царь, понимая, что с таким ненадежным войском лучше не начинать военные действия, разрешил всем желающим остаться на родине. Он надеялся, что сохранит хотя бы костяк армии, однако под его знаменами остались совсем немногие.

Подойдя к перевалам, ведущим в Македонию (вероятно, на границе Тимфеи и Орестиады), он обнаружил, что те уже заняты сторонниками Кассандра. Зимнее время не оставляло надежд обойти сильные посты противника по склонам гор, атаковать же их в лоб Эакид с наличными силами не рискнул и повернул к Додоне.

Это решило судьбу партии «государственников». Кассандр обложил Пидну с суши и моря. Холода не позволяли

ему начать инженерную атаку крепости, однако городские запасы оказались настолько скудны, что вскоре не только горожане, но и гарнизон оказался на грани голода. Солдаты получали муки в несколько раз меньше, чем в обычное время давали рабам; мяса не было; вначале съели павших слонов, затем лошадей. Некоторые из варварских наемников не гнушались каннибализмом. Городское население попросту вымирало. Олимпиада распорядилась выбрасывать трупы за стены, чтобы в Пидне не началась эпидемия, но постепенно мор распространился настолько, что у солдат уже не хватало сил избавиться от всех умерших.

С началом весны часть гарнизона потребовала освободить их от клятвы Александру IV. Олимпиада сделала это, но она все еще надеялась на помощь своих сторонников. Аристону удалось собрать около 5000 солдат, и он даже разбил один из отрядов Кассандра. Однако для деблокады города его войск было мало, а потому стратег Олимпиады ограничивался обороной Амфиполя.

Царица попыталась бежать из города. Для этого готовили пентеру¹², на которой царица могла бы достичь Пелопоннеса или даже Финикии, чтобы присоединиться к Эвмену (в Элладе ходили преувеличенные слухи о его успехах; полагали, что он уже поставил под свой контроль Финикию). Но люди Кассандра, предупрежденные перебежчиками, успели захватить корабль, прежде чем Олимпиада могла скрыться на нем среди островов Эгеиды.

Только после этого Олимпиада согласилась капитулировать. Выторговав себе личную неприкосновенность, она сдала город.

Кассандр, желая разлучить старую царицу с Роксаной и юным царем Македонии, предложил ей отправиться в почетную ссылку в Афины. Олимпиада заподозрила, что по дороге ее отправят во время морского плавания на корм

¹² По традиционному толкованию, пентера — корабль с пятью рядами весел. См. о греческих военных судах в гл. X. Есть свидетельство, что на этом корабле в Пидну прорвался посланник от Полисперхонта.

рыбам, и предпочла остаться в Пидне под домашним арестом.

Тогда Кассандр «спродюсировал» собрание македонян, на котором родственники убитых по приказу Олимпиады противников Полисперхонта потребовали ее смерти. Царица предложила провести открытое разбирательство, она сама хотела выступить на суде собственным защитником.

Прекрасно помня, какое впечатление на македонян оказало год назад одно ее имя, Кассандр ускорил развязку. Он передал Олимпиаду в руки ее обвинителей, и те забили мать Александра камнями. Говорили, что старая царица не издала ни звука и, походя на суровых додонских жриц, умерла, завернувшись в свои длинные седые волосы.

Оказавшийся во власти Кассандра семилетний царь Александр был помещен в Амфиполь, где воспитывался подобно обычным македонским детям. Ничто не напоминало ему о царской доле. Новый регент желал сделать царственных пленников послушными своей воле, постоянно чувствуящими, что их жизнь находится в его руках. Однако постепенно жажда единоличной власти пересилила осторожность и почтение перед памятью великих царей из династии Темеидов. В 311 г. Роксана и Александр IV были отравлены и тайно захоронены.

Интересно, что значение этих людей оказалось столь ничтожным, что мы не знаем историй ни об одном «лже-Александр», который впоследствии предъявил бы претензии на македонский престол.

Катастрофой закончился и поход Эакида на помощь Олимпиаде. Те войска, которые он отпустил по пути к границе, вернувшись на родину, начали смуту. Точные ее причины нам не известны: едва ли дело ограничивалось недовольством внешнеполитической линией царя. Пока Эакид находился на границе, в столице произошел переворот. Большинство верных царю людей погибло, его семья бежала на север, в Иллирию. Не протянул руку помощи и Полисперхонт, который, будучи связан Калатом, с трудом удерживал свое войско в повиновении в нескольких пере-

ходах от Додоны¹³. Эакиду пришлось бежать, оставив восставшим Эпир. Кассандр по просьбе организаторов бунта поставил наместником этих территорий своего приближенного по имени Ликиск. Возможно, к управлению привлекли лиц из рода Неоптолема II, отца Александра Эпирского, правившего еще до Аррибы, отца Эакида. Однако мы не знаем никого, кто бы в этот момент выступал в роли царя — пусть вассального.

Г л а в а I I

Провинциал

Внешность Пирра, его характер. — Бегство к царю Главку. — Попытка Эакида вернуть себе престол. Его смерть. — Воцарение Алкеты, борьба с Кассандром и примирение. — Детство Пирра. — Греческие книги по военному искусству. — Новый виток войны между диадохами. — Главк восстанавливает Пирра на престоле. — Деметрий, «освободитель Греции». — Брак между Деметрием и Деидамией, сестрой Пирра. — Коринфский конгресс и начало кампании 302 г. — Новое восстание в Эпире. Пирр бежит в Малую Азию.

«Лицо у Пирра было царственное, но выражение лица скорее пугающее, нежели величавое. Зубы у него не отделялись друг от друга: вся челюсть состояла сплошь из одной кости, и промежутки между зубами были намечены лишь тонкими бороздками. Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезенки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного. И ни один человек, даже самый бедный и незнатный, не встречал у него отказа, если просил о таком лечении: Пирр брал петуха и приносил его в жертву, и такая просьба была для него самым приятным даром. Говорят, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины все тело сгорело на погребальном костре, этот

¹³ По-видимому, весной 316 г. Полисперхонт и его сын Александр эвакуировали свой лагерь и отправились в западный Пелопоннес, где у них имелось немало сторонников и где они продержались еще многие годы, но уже никогда не приобрели того влияния, которое имели в 319-317 гг.

палец был найден целым и невредимым...» Таким Пирра запомнили его современники, описаниям которых следовал Плутарх. О его детстве нам известно очень мало. Античные историки подробно останавливаются лишь на истории чудесного спасения царевича во время восстания эпиротов в 316 г.

Пирр появился на свет в 319 г. Отцом его был уже знакомый нам Эакид, а матерью — фессалийка Фтия. Помимо Пирра от этого брака родились еще две дочери: Деидамия и Троада.

Эакид, как мы увидим, терял свой престол дважды: это запутало уже древних историков. Так, Плутарх подробно изображает спасение Пирра, однако помещает его в контекст событий, произошедших только спустя четыре года.

Разберемся, как же все происходило на самом деле.

Итак, зимой 317/16 г. в Додоне началось восстание. Видимо, оно было неожиданным для сторонников законного государя, так как многие из них погибли, не сумев организовать отпор бунтовщикам. Однако царского наследника спасти удалось. Несколько слуг Эакида, возглавляемых Андроклидом и Ангелом, тайно увезли мальчика. Поначалу они явно хотели доставить его в ставку отца, так как направились в сторону македонской границы. За ними послали погоню, но Андроклид и Ангел где силой оружия, где уговорами (а возможно, и подкупом) сумели заставить преследователей повернуть обратно.

Целью беглецов был городок Мегары, вероятно, располагавшийся в Орестиде. Уже неподалеку от него дорогу им преградил бурный речной поток. Переправиться через реку удалось лишь с помощью местных жителей. Человека, принявшего Пирра на другой стороне, звали Ахиллом, и это сочли предзнаменованием великого будущего наследника престола.

Поскольку беглецы разминулись с Эакидом, который в это время как раз пытался вернуться в Додону, возник вопрос, куда следовать дальше. Власть в Эпире принадлежала бунтовщикам, впереди находились войска Кассандра...

Оставалась только одна дорога—на север в земли иллирийского племени тавлантиев. Царствовавший там Главк был в хороших отношениях с домом Эакида. Во всяком случае, его решение не выдавать юного принца Кассандру требовало определенного мужества, так как Главк становился врагом македонского регента.

Плутарх рассказывает, что эфирские беглецы, войдя в приемные покои Главка, положили Пирра посередине комнаты. Пока царь тавлантиев размышлял, сын Эакида подполз к нему и, вцепившись в полы плаща, поднялся на ноги. Затем он положил свои ручки на колени иллирийца, улыбаясь, посмотрел ему в глаза и вдруг горько расплакался. Сердце варвара дрогнуло, и он согласился принять ребенка, велел своей жене воспитывать Пирра вместе с собственными детьми.

За этим красивым жестом стоял политический расчет. Быстрая смена правителей Македонии могла привести Главка к выводу, что власть Кассандра может быть непрочна: в конце концов, один раз он уже терял ее. Сохраняя у себя сына Эакида, он делал того своим должником и вполне мог рассчитывать отныне оказывать влияние на эфирскую политику — при вполне вероятном возвращении свергнутого царя на престол.

Когда Кассандр спустя некоторое время предложил Главку выкуп за Пирра в размере 20 талантов (порядка 0,5 кг золота), тот отказался от сделки. Впрочем, сумма, предложенная Кассандром, была смешной, особенно если учесть, что в его руках находилась немалая часть старой македонской казны.

Куда бежал сам Эакид, сказать трудно. Вполне возможно, что он также скрылся в иллирийских землях. Не менее вероятно, что эфирский царь присоединился к Полисперхонту и провел три года в Пелопоннесе.

В 314 г. Кассандр через территорию Эпира совершил поход на север, против независимых греческих городов Аполлония и Эпидамн. Особенно важна для него была Аполлония—богатый полис, через который шли торговые связи с

Италией и северной Адриатикой. Древняя купеческая торговая дорога связывала Аполлонию с долинами Стримона и Лулия, т.е. с Македонией и Халкидикой. Город хранил дружественные отношения с тавлантиями, судя по всему платя их царю пошлины за проход по его территории торговых караванов.

Аполлония была взята неожиданным натиском. Главк сумел собрать армию и атаковал Кассандра, лишь когда македонская армия возвращалась на родину. Однако македонский регент одержал победу и заставил царя тавлантиев подписать вассальный договор, в котором специально оговаривалось, что тот не будет вмешиваться во внутренние дела Эпира и поддерживать врагов Кассандра. О Пирре в этом договоре не было сказано ни слова: регент не догадывался, кто вырастет из этого ребенка.

Несмотря на явные успехи регента в 314 г., уже следующим летом Эакид предпринял попытку вернуть себе престол. Ситуация казалась удобной: Кассандр поссорился с Антигоном Фригийским и последний начал против него войну, направив в Пелопоннес значительный экспедиционный корпус. Этолийский союз также выступил против регента, и тому пришлось сосредоточить в Акарнании все свободные силы под командованием своего брата Филиппа. Филипп вел военные действия так же, как это делали и сами этолийцы: не тратя времени на осаду укрепленных пунктов и горных замков, он совершал опустошительные набеги, захватив контроль над переправами через пограничную р. Ахелой.

Однако для этого ему пришлось вывести войска из Эпира, который оказался предоставлен самому себе. Эакид нашел общий язык со знатными молоссами и вернулся в Додону. Это было триумфальное возвращение: эпироты уже раскаялись в том, что отдали свое государство под власть соседей.

Восстановленная держава не хотела воевать с Кассандром: молосская знать отправила ко двору последнего делегацию, которая должна была попросить регента позволить

им жить «по старине», уладив все внутренние разногласия.

Но Кассандр не собирался отказываться от Эпира. Он опасался, что, едва власть Эакида окрепнет, тот объединится с этолиями, и армия Филиппа окажется зажатой в клещах. Поэтому регент приказал своему брату оставить Этолию и форсированным маршем двигаться на Додону.

Об этой войне у нас имеются лишь отрывочные сведения. Мы знаем, что Эакид сумел собрать многочисленное ополчение, которое заняло сильные позиции где-то перед Додоной. Однако эпироты еще не стали той воинственной нацией, какой сделает их Пирр: македонские части прорвали их позиции, атаковав противника прямо с марша. Судя по всему, разгром был полный: большое количество сторонников Эакида погибло, еще больше попало в плен (отсюда можно сделать вывод, что Филипп сумел окружить хотя бы часть эпирских сил), в том числе 50 аристократов из числа знатных молосских родов, пригласивших Эакида вернуться.

Сам эпирский царь сумел бежать и вместе с приближенными направился на юг, в сторону Этолии. По дороге к нему присоединились несколько разрозненных отрядов; во всяком случае, к Ахелюю с Эакидом прибыла небольшая армия. Здесь с ним объединились местные противники Кассандра, но едва ли в большом количестве: известно, что последнее сражение произошло в окрестностях города Эниады, на крайнем юге Акарнании, поблизости от границ Этолии. Отсюда следует, что Филипп нагнал Эакида и оттеснил его от внутренних районов Этолии, возможно, даже не позволив переправиться через Ахелой. Эпирский царь был вынужден принять бой, будучи уже прижат к морю.

В этом сражении пала большая часть эпиротов и сам их царь. Легко завершив войну против этолийцев, Филипп вернулся в Эпир и установил там власть людей, преданных его брату.

Однако уже следующим летом македонян ждало в Эпире суровое испытание. На место Эакида молоссы призвали на престол его старшего брата, Алкету. Диодор рассказы-

вает в своих «Исторических записках», что последний был отвратительного нрава, вспыльчив, и именно поэтому царь Арриба некогда завещал престол Эакиду, отправив своего старшего сына в изгнание. Однако желание получить свободу оказалось настолько велико, что жители Эпира согласились принять его.

На этот раз против Додоны направился Ликиск, тот самый военачальник, который в 316 г. уже был стратегом Эпира. В момент, когда началось восстание Алкеты, Ликиск был стратегом Акарнании, также принадлежавшей Кассандру. Полевое войско у него было небольшим, однако Ликиск решил, что после прошлогоднего погрома он без труда одолеет повстанцев.

Действительно, поначалу он напал на Алкету близ города Кассопии в Нижней (южной) Молоссии и одержал легкую победу. Однако спустя несколько дней близ городка Евримены (к северу от Кассопии?) к эфирскому царю присоединился отряд его сына Александра. Когда подошел Ликиск, Алкета контратаковал его из города, а Александр нанес удар с тыла, и лишь произведенное вовремя отступление спасло армию Ликиска от уничтожения.

В «соревновании» по накоплению сил верх одержали македоняне. Вскоре к Ликиску подошли подкрепления (из Этолии от Филиппа? Кассандр все еще находился в Македонии), и теперь уже он имел достаточно сил для успешной операции. Во втором сражении при Еврименах удача была на его стороне. Город взяли штурмом и разграбили; царская семья бежала в горы.

Явившийся на помощь своим стратегам Кассандр засвидетельствовал удачное решение «эфирской проблемы». Чтобы не превращать горные племена в постоянный источник напряженности для своих западных владений, он пошел на переговоры с Алкетой. Восстанавливая на престоле местную царскую династию, Кассандр рисковал немногим. Во-первых, молоссы уже почувствовали силу македонских армий. Получив престол из рук регента, Алкета явно предпочел бы мирную жизнь попыткам войти в союз с его

противниками. Во-вторых, зная нрав эфирского царя, Кассандр мог ожидать, что тот вскоре рассорится со своими подданными и будет вынужден рассчитывать лишь на силу македонских сарисс. В-третьих, Кассандр решил вернуть под свою власть отпавшую от Македонии Аполлонию.

Осенью 312 г. Кассандр, поставив царем Эпира Алкету и, видимо, заключив с ним неравноправный договор, направился на север. Вскоре его отряды подошли к Аполлонии, у стен которой их встретило ополчение местных греков и значительные контингенты иллирийцев (возможно, под командованием Главка). По Диодору, они превосходили по численности армию регента, которая в итоге потерпела чувствительное поражение. Отсутствие резервов и начинающееся суровое время года вынудили Кассандра принять решение о завершении кампании. Македоняне ушли из Иллирии, причем ушли надолго.

Как ни кощунственно это звучит, но смерть отца и воцарение вспыльчивого, принявшего сюзеренитет Македонии дяди стали причиной спокойного детства Пирра.

Маленький провинциал рос где-то на территории современной Албании, причем мы ничего не знаем об истории царства тавлантиев между 314 и 306 г. Главк благоразумно не вмешивался в борьбу «наследников» Александра, а его отношения с другими иллирийскими племенами греческих историков не занимали.

Воспитывался будущий царь не по каким-то диковинным варварским обычаям, а на греческий лад. В это время греческая манера воспитания была и модной, и естественной вещью даже среди народов, не говоривших по-эллински.

Поскольку Пирр вступит на историческую арену уже сложившимся государственным деятелем — несмотря на свой юный возраст, — нужно полагать, что основы будущих знаний он получил именно в Иллирии. При дворах вар-

варских князей жило немало греческих эмигрантов, или просто образованных эллинов, приглашенных для воспитания подрастающего поколения. Именно у них Пирр учился грамоте, счету, от них узнавал он историю Эллады и собственной страны. Здесь же ему преподавали гимнастику и музыку, без навыка в которых образование молодого человека в ту пору считалось незавершенным.

Однако мальчика более всего интересовало военное дело. Хотя окончательно военное и государственное образование Пирр получит под руководством Деметрия Полиоркета во время кампаний 302-299 гг. в Азии и Греции, а также в период своего вынужденного пребывания в Египте, можно полагать, что начаткам тактики и стратегии он обучался при дворе Главка.

Не следует ссылаться на юный возраст Пирра. Дети в то время выросли значительно раньше и быстро обучались наукам, от которых зависела их жизнь. Живя среди иллирийцев, для которых оружие было таким же естественным атрибутом, как одежда, мальчик проникался убежденностью в том, что единственный достойный мужчины путь — это путь воина.

Основные навыки полководца античного времени лучше всего изложил Тит Ливий в своей «Истории Рима». Рассказывая о достоинствах ахейского военачальника Филопемена (II в. н.э.), он особенно выделял его наблюдательность и внимание к любой из деталей в военном деле. Вот что, по мнению Ливия, отличает предусмотрительного военачальника: «Филопемени было особенно ловко и искусно в умении вести войско и выбирать нужное место. Именно в этом изощрил он ум и способности, упражняя их не только на войне, но и в мирное время. Где бы ни приходилось ему путешествовать, он всякий раз, как попадался ему трудный проход в горах, тщательно и со всех сторон осматривал местность. Когда шел он один, то рассуждал сам с собой, а когда бывал со спутниками, то спрашивал у них, какое решение следовало бы принять, появившись в этом месте враг, напади он спереди, либо с фланга — того ли, другого ли, —

либо с тыла; рассматривалась возможность встретить врага, идущего правильным строем или нестройной гурьбой, что годится только для перехода. Обдумывая и расспрашивая, определял он, какое место занял бы он сам, какое бы понадобилось ему число воинов и, главное, какое вооружение, где поставил бы он обоз, где сложил бы он свое снаряжение, куда отвел бы толпу невооруженных, какую бы оставил для них охрану; идти ли дальше тою дорогой, которой собрался, или лучше отойти тою, которой пришел; какое место выбрать для лагеря, какую площадь обнести укреплениями; откуда удобней брать воду и где много корма и дров; какой дорогой всего безопаснее идти на другой день по взятии лагеря и как выстроить войско для перехода. Настолько он с молодых лет изощрял свой ум подобными заботами и размышлениями, что для него в этом деле не могло быть неожиданностей».

Очень характерный фрагмент: Филопемени, чьи кампании разворачивались на ограниченной территории Пелопоннеса, хотел знать эти земли как свои пять пальцев. Пирру пришлось воевать на куда более обширных территориях, но круг тактических забот полководца здесь обрисован точно.

Если говорить о военной науке в Древней Греции, то она сложилась только к концу V в. До этого момента речь шла не о науке, а скорее о навыке военного дела. Участие в ополчении было гражданской обязанностью любого свободного человека: ветераны обучали юношей-эфебов, которые за два года проходили полную воинскую подготовку, находясь на общественном обеспечении, и призывались на службу в случае возникновения угрозы государству. Такова была военная «система» Афин, в остальных городах-государствах она в целом напоминала афинскую — за исключением Спарты, где каждый лакедемонянин с детства был воином, готовящимся с оружием в руках защищать свое положение, имущество, общественный строй от неполноправных сословий (илотов, периэков), составлявших большинство населения спартанского государства.

Однако и в Спарте военная подготовка была общим делом и осуществлялась по «отеческим традициям». Лишь в эпоху тотальных конфликтов, обрушившихся на Грецию с началом Пелопоннесской войны, сопровождавшуюся развитием наемничества и новых «стратегов», появляются люди, которые желают идти в ногу со временем и обобщают военный опыт, предлагая пособия по тактике, т. е. по искусству построения и маневрирования войск на поле боя.

Первыми подобными учителями стали софисты. Так, известные нам по сочинениям Платона и Ксенофонта братья Евтидем и Дионисодор прославились тем, что обучали (за плату, само собой) единоборству в полном гоплитском вооружении, тактике и даже искусству стратегии, т. е. руководства войсками. К этому добавлялось естественное для набора софистических «наук» искусство красноречия. Хотя Платон и Ксенофонт едко высмеяли Евтидема и Дионисодора, учеников у них было немало.

Вместе с упадком софистов военная наука из сферы «мудрости вообще» стала занятием профессионалов. Одним из первых авторов, писавших об искусстве стратегии, был Ксенофонт Афинский, знаменитый моралист, историк и, кстати, наемник. Ему принадлежат сочинения «О начальнике конницы» и «Искусство управления конницей». Интерес к коннице вызывался тем, что именно этот род войск в первую половину IV в. до н. э. был в Греции предметом особого внимания. Опыт похода 10 000 греческих наемников вместе с Киром Младшим на Вавилон (401), а также их отступления, эпически изображенного Ксенофонтом в «Анабасисе», и опыт войн греков, возглавляемых спартанским царем Агесилаем, против персидских сатрапов в Малой Азии (396–394) дали эллинам немало пищи для размышлений.

Некогда греки победили персов при Платеях, вообще не имея конницы (по крайней мере, в источниках упоминается лишь одно подразделение эллинских всадников, да и то у союзников Персии фиванцев). В V столетии военные реформы в Элладе происходили в основном за счет разви-

тия «средней» пехоты и строительства флота. За это время восточная конница эволюционировала, стала более боеспособной. К тому же новые стратегические задачи (огромные просторы Азии, на которых греки впервые испытали себя) требовали развития этого вида вооруженных сил.

В те же годы, на которые падает творчество Ксенофонта (60-е годы IV в.), аркадский стратег Эней, так называемый Эней Тактик, написал несколько трактатов по военному искусству. До нас дошли лишь фрагменты¹ из его сочинения, посвященного обороне и осаде городов. Известно также, что Эней создал книги о военных знаках, о подготовке лагерей, о приготовлении к бою. На этих книгах учились Филипп и Александр Македонский.

Юность Пирра пришлось на время, когда вся Греция читала описания походов Александра, составленные его придворными историками. У нас еще будет повод задаться вопросом, оказался ли опыт великого завоевателя востребован его потомками, но описания битв при Иссе и Гавгамелах, осад Тира и Газы, первого столкновения с боевыми слонами на реке Гидасп произвели огромное впечатление на людей того времени.

Пирр хорошо усвоил уроки, полученные в детстве. Позже он говорил, что для царя военное дело важнее любого другого, и был совершенно прав: в то время судьба царства часто полностью находилась в руках его владыки. Все зависело от харизмы царя, от умения сплотить армию и, не теряя присутствия духа даже в самом сложном положении, искать пути к победе. Энергичный государь мог создать армию буквально из ничего — и мы увидим немало примеров этому.

Некоторые фразы, приписываемые античными историками Пирру, могут создать впечатление о нем как о суровом и даже сухом человеке. Так, однажды на вопрос, заданный ему во время какого-то пира, кого из знаменитых

¹ Эта книга стала «первой ласточкой» особого военного жанра «полиоркетик» — книг, посвященных осаде крепостей.

флейтистов он считает лучшим — Пифона или Кафисия, — эфирский государь ответил: «Полководца Полисперхонта, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о воинском искусстве...» Однако это — очень односторонний взгляд на Пирра. Вокруг него собирались образованные и интересные люди. Можно назвать хотя бы фессалийца Кинея, одного из искуснейших дипломатов своего времени, бывшего к тому же писателем, и историка Проксена, ставшего придворным историографом эфирских царей.

Да, молодому Пирру наверняка не хватало тонкости и лоска, которые он обрел только в Египте. Но этот умный, волевой человек — а именно таким мы видим его на античных изображениях — с юных лет обратил на себя внимание окружающих.

* * *

Главк посчитал его созревшим для государственной деятельности уже в 306 г. до н.э., когда царевичу молоссов исполнилось только 13 лет.

Правда, политическая ситуация в этот момент стала благоприятной для восстановления на престоле наследника Эакида. Коалиция диадохов-«конфедератов» давно уже развалилась. Антигон Фригийский, которого называли еще Одноглазым (мы не знаем, когда он получил это увечье), после победы над Эвменом собрал под своей властью большую часть Азии и начал борьбу за восстановление державы Александра под своей властью. Уже знакомые нам Кассандр, Лисимах, Птолемей и Селевк объединились против него, но инициатива всецело находилась в руках фригийского сатрапа. В 306 г., после того как Деметрий, сын Антигона, одержал блестящую морскую победу над флотом Птолемея близ кипрского города Саламин, владыка Фригии и большей части Азии возложил на себя и на своего сына царские диадемы. Его примеру последовали Птолемей и Кассандр с Лисимахом.

Однако складывалось впечатление, что фригийские

правители куда более достойны царского титула. Деметрий уже отнял у Кассандра Афины и Мунихий, овладел Мегарой, создав серьезный стратегический плацдарм в Средней Греции. Правда, он был отозван своим отцом ради экспедиций на Кипр, а затем на Родос, однако власть Кассандра на Балканах пошатнулась. Этим и воспользовался Главк. Весной 306 г. армия тавлантиев, вместе с отрядами молосских эмигрантов, ворвалась на территорию Хаонии. Сопротивления не оказывал никто. Долиной реки Аой Главк добрался до Верхней Молоссии, где его встретили с распростертыми объятьями. Алкета был свергнут, он сам и все его семейство уничтожены, и отсутствовавший на родине более десяти лет Пирр стал царем молоссов.

Одновременно антикассандровское движение началось к югу от Эпира. Против македонян восстали жители острова Левкада (лежавшего напротив Акарнании), Амбракии, Акарнании и Этолии. Только отсутствие в Греции серьезных фригийских контингентов позволило Кассандру удержаться в землях, лежащих к востоку от Пинда.

Новоиспеченному царю Македонии требовалось время на то, чтобы прийти в себя. Махнув рукой на Эпир, он попытался вернуть себе Афины. В начале 304 г. Кассандр занял крепости на севере Аттики, открыв себе таким образом дорогу на равнину. Летом началась осада: Кассандр, понимая, что его флот не сможет блокировать город с моря, сосредоточил под стенами Афин большое количество осадных машин, надеясь на прямую атаку.

Лишь в начале осени на помощь афинянам явился Деметрий. Он перебросил свою армию из-под стен Родоса, с которым был заключен мирный договор, в Авлиду — знаменитое местечко на берегу Беотии. Здесь, по преданию, вождь ахейцев Агамемнон готовился принести в жертву свою дочь Ифигению, чтобы обеспечить попутные ветра на время плавания греков к Трое. Деметрия сопровождал огромный военный флот — 330 кораблей различных классов обрекали на неудачу любую попытку македонян воспрепятствовать экспедиции.

Высадка в Авлиде имела не только символическое², но и военно-стратегическое значение. Потеря Беотии отрезала армию Кассандра от Македонии и заставляла ее вести борьбу с перевернутым фронтом и полностью потерянными путями снабжения. Собственно, никакой борьбы не получилось бы: в таких случаях македоняне предпочитали покинуть своего незадачливого командира.

Поэтому Кассандр поспешил оставить Аттику, бросив осадную технику. Он двигался к Фермопилам форсированными маршами, огибая с юга озеро Копайда, а далее — через Фокиду и Локриду. Деметрий не успел перехватить его, но не менее 6000 македонян из армии Кассандра дезертировали и перешли на сторону сына Антигона Фригийского.

Следующий, 303 г. Деметрий посвятил освобождению Пелопоннеса. В это время южная Греция представляла собой чересполосицу независимых городов и территорий, занятых отрядами Полисперхонта, Кассандра и даже Птолемея Египетского.

Именно в этом году на страницах истории вновь появляются эпирские цари. Сближение Деметрия и Пирридов, диктовавшееся самим ходом событий, получило окончательное выражение в династическом браке.

В начале лета 303 г., освободив Аргос и справляя посвященные Гере игры, которые происходили в Арголиде раз в пять лет и как раз выпали на время пребывания здесь Деметрия, последний превратил их в свадебные торжества.

Деидамия была красивой, гордой царевной. Казалось, что она, некогда посватанная за сына самого Александра Македонского, теперь получила куда более «выгодного» мужа. Многие считали, что успехи Деметрия в Греции — лишь пролог к полной победе фригийских государей над их противниками.

Однако Деидамия быстро поняла, что ее муж слишком увлечен собственной персоной, чтобы быть хотя бы снос-

² Деметрий, постоянно подчеркивавший свою «божественность», намекал, что спустя тысячу лет после Троянской войны владыка Эллады вернулся на родину.

ным супругом³. У него было огромное количество любовниц и любовников, из-за которых Деметрий неоднократно отправлял своих жен в почетные ссылки. Уже поздней осенью того же года он увлекся флейтисткой Ламией и предпочитал ее компанию обществу новой жены.

В жизни этому человеку хотелось попробовать все и во всем оказаться первым. Ради минутных увлечений он мог забыть о самых больших политических неурядицах — а что уж говорить о женах! В Греции Деметрий требовал себе божественных почестей, и действительно многие поклонялись ему как богу на земле. Спустя десятилетие некий ловкий писака по имени Гермокл представит на суд публики один из первых примеров верноподданнического искусства — гимн, в котором будет утверждать, что боги, покровительствующие Афинам, либо не интересуются происходящим на земле, либо превратились в бесполезные деревьяшки и куски мрамора. Зато теперь на их место явился настоящий, живой бог, сын великого Антигона... И ведь Деметрий верил всему этому. Остается сочувствовать Деидамии: ее мужем стал слишком избалованный и самовлюбленный человек.

Тем не менее это никак не отражалось на прекрасных отношениях Фригийского царства с Эпиром. Во всяком случае, осенняя экспедиция Деметрия, имевшая целью «освобождение» (т.е. оккупацию) Керкира, захваченного спартанским авантюристом Клеонимом⁴, не могла осуществиться без поддержки Пирра.

³ Это была уже третья жена Деметрия. Сын Антигона Одноглазого ни в грош не ставил греческий обычай единобрачия, женившись вначале на Филе, дочери Антипатра (еще при жизни последнего), а затем — на Бвридике, вдове правителя области Кирена, расположенной на территории современной Ливии. При этом предыдущий брак не расторгался: Деметрий попросту узаконил полигамию в царских семействах.

⁴ Еще один греческий (в данном случае — лакедемонский) полководец, который был приглашен Тарентом для борьбы против племенного объединения луканов и который попытался создать в бассейне Адриатики собственное государство. См. о нем главу VII.

Весной 302 г. Деметрий добился созыва в Коринфе общегреческого союза, восстановив таким образом политическую систему, впервые созданную Филиппом и Александром. В Коринф прислали своих представителей все государства материковой Греции, кроме Спарты, как всегда имевшей собственное мнение, и Фессалии, все еще занятой Кассандром. Результатом Коринфского конгресса стало очередное «восстановление греческой свободы», объявление вечного мира между полисами и признание Антигона и Деметрия в качестве гегемонов Эллады. Их враги становились врагами Греции.

Через некоторое время после окончания заседаний Деметрий выступил в поход против Кассандра. Приближался решающий акт войн за наследство Александра.

В жизни Пирра также произошло важное событие. В 302 г. он покинул свое царство — очевидно, убежденный в крепости своей власти. Целью его путешествия было царство тавлантиев. Он собирался присутствовать на свадьбе одного из сыновей Главка.

Быть может, эта поездка и спасла жизнь нашего героя. Дело в том, что начавшийся столь удачно для Деметрия и Антигона год обернулся острейшим кризисом их государства. Теснимые, уже почти «додавленные» соперники фригийских царей сами перешли в наступление, вторгнувшись в Малую Азию. Антигон срочно отозвал сына для защиты центра их государства.

Как только Деметрий покинул Балканы, в Эпире подняли голову сторонники Кассандра. Можно только поражаться тому, насколько ничтожным был авторитет царей в Додоне после событий 317-316 гг. Смена военной ситуации на восточной стороне от Пинда вызвала мгновенную реакцию к западу от него. Из небытия возникли сторонники той ветви царского дома, которая шла от Неоптолема II. Они разграбили царскую сокровищницу, прогнали приверженцев Пирра и призвали на царство Неоптолема III, сына Александра Молосского.

Очередной переворот не привел даже к какому-то подо-

бию гражданской войны. Большая часть областей Эпира, и так не особенно тяготившаяся властью центра, теперь окончательно отправилась в «свободное плавание». Титул, который носил Неоптолем, был скорее номинальным.

А что Пирр? Он мог оставаться у царя Главка, по-прежнему будучи претендентом на престол, полностью зависимым от своего покровителя, а мог попытаться изменить свою судьбу. У него был еще один «старший друг», куда более могущественный, к тому же связанный с ним родственными узами, — царь Деметрий. В случае победы фригийских царей Пирр рассчитывал триумфально вернуться в землю молоссов.

Изгнанник, сопровождаемый небольшой свитой, покинул двор Главка. Мы не знаем маршрут, который он избрал. Прямая дорога к гаваням Эгейского моря для него была закрыта: Кассандр был бы только рад такому пленнику. Не мог Пирр следовать и севернее, так как Фракию и земли гетов до Дуная контролировал Лисимах. Оставался морской путь из Аполлонии — пусть он и кажется сейчас слишком длинным.

Так или иначе, зимой 302/01 г. Пирр оказался на северо-западе Малой Азии, в лагере Деметрия, который готовился к решающему столкновению с коалицией противников своего отца.

Г л а в а III

Гигантомахия (1)

Классическая греческая армия, ее эволюция. — Армия Александра Македонского. — Тактические и стратегические новации Александра. — Сражение при Иссе как пример македонской тактики.

Противоборство Антигона с коалицией диадохов завершилось битвой при Иссе. Это событие оказалось настолько важно для истории античного мира и величественно по своему характеру, что без преувеличения может быть названо гигантомахией.

Многое из происходившего в 301 г. станет понятно, если мы сделаем первый экскурс в историю военного дела и познакомимся с тем, как формировалась «военная система» диадохов.

Все начиналось с классической греческой фаланги, сменившей колесницы времен Микенской Греции и аристократическую конницу архаических веков. Первоначально слово «фаланга» просто обозначало тесное расположение воинов. Видимо, так — плотно сбившимися группами — и сражались дружины, следовавшие за гомеровскими героями. Существовало предание, что древние македоняне, идя в бой, гнали перед собой стада коз. Быть может, этот образ был вызван видом тесно сбившейся груды людей, ошетилившейся копьями и чем-то напоминавшей козье стадо¹.

¹Столица Македонии называлась Эги, т.е. «козий город».

Однако в греко-персидских войнах уже выступает строй, строго распределенный по ширине и в глубину.

Каждый из гоплитов (тяжеловооруженных воинов) занимал около метра по фронту: его щит при этом отчасти прикрывал левого соседа. В свою очередь сам воин был защищен краем щита товарища, находившегося справа. В связи с этим самым уязвимым был правый фланг расположения фаланги и правое крыло армии вообще (здесь у крайнего ряда гоплитов правая сторона была открыта). Реакцией на данную тактическую слабость стало стремление греков в максимальной степени укрепить именно эту часть боевой линии. Прежде всего на правом фланге становились командир фаланги и наиболее опытные воины. Помимо этого правое крыло армии отдавалось тем подразделениям, которые считались самыми лучшими: находиться здесь считалось почетным делом (так, при Платеях там стояли спартанские гоплиты). Наконец, позже именно сюда будут помещать свои ударные отряды македонские цари и полководцы эллинистической эпохи. Военная история Греции знает огромное количество примеров, когда правые крылья сражающихся армий одолевали противостоящие им отряды и после этого сходились в центре поля боя для решающей схватки. В случае, если кто-либо сдвигал центр тяжести своего построения, он преподносил противнику неприятный сюрприз: в частности, именно это стало одной из причин блестящей победы фиванцев Эпаминонда над спартанцами при Левктрах в 371 г.

Внутри фаланги существовало разделение на небольшие тактические группы, низшей из которых была эномотия, отряд из 25 человек. Он объединял три ряда по восемь гоплитов², а также «замыкающего», который находился позади фаланги и следил за правильностью строя. Глубина в восемь шеренг считалась наиболее удачной, так как позво-

²В некоторых случаях, ради придания удару большей массы, встречались и более глубокие построения — по 10, 15 и даже 25 человек.

ляла сохранить массу удара и достаточно широко распределить силы по фронту.

Трудно судить, насколько было развито взаимодействие между членами эномотии. Сообщение Платона о том, что в спартанской фаланге возлюбленные всегда становились рядом и именно поэтому лакедемонский строй славился наибольшей устойчивостью, на самом деле может указывать на обучение приемам коллективного боя, в котором воин взаимодействовал не только с соседями по шеренге, но и был поддержан гоплитом, находящимся непосредственно сзади. Впрочем, длина копий не позволяла даже спартамцам выработать ту слаженность в ведении ближнего боя, которая будет свойственна македонским сариссофорам, а тем более — римским легионерам. Обычно замыкающие шеренги были всего лишь резервом живой силы для двух первых, поэтому впереди становились лучшие воины, которые и вели рукопашный бой.

Для поддержания порядка в строю и ровности шага использовалась ритмичная мелодия, которую играли несколько флейтистов. Возможно, воинственная песнь, посвященная Аресу (пэан), также была одним из способов организовать движение фаланги. Правда, при сближении с неприятелем гоплиты переходили на быстрый шаг, а затем — на бег, с целью сократить время действия метательных снарядов противника, а также нанести как можно более сильный, акцентированный удар в первый, часто решающий, момент рукопашной схватки.

Наступательное вооружение гоплита составляли копье и меч. Некогда гоплиты носили с собой по два метательных копья — как в недалеком будущем римские легионеры³, — однако в VI в. до н. э. от этой практики отказались. Копье стало тяжелее и превратилось в типичное колющее оружие. Стандартная длина греческого гоплитского копья — 2,5 м. Такие размеры не требовали противовеса, и, поскольку ко-

³ Точно так же герои Гомера, прежде чем взяться за мечи, металы в соперника свои копья; копье долгое время рассматривалось именно как метательное оружие, будучи фактически длинным дротиком.

пье тянуло на килограмм-полтора, тренированный воин без труда использовал его в ближнем бою. Жало, укрепленное на противоположной острию стороне (так называемый подток), позволяло даже обломку этого оружия оставаться опасным для неприятеля. Во время наступления греческие гоплиты держали копья не параллельно земле, а приподняв их вверх, целясь в незащищенную шею противника.

Меч, употреблявшийся во время греко-персидских войн, стал короче, чем во времена героической Микенской эпохи. Теперь его делали железным, листовидной формы и длиной до 50 см: в достаточно тесном гоплитском строю клинок такой длины использовать было непросто. Очевидно, существовали определенные упражнения по выработке навыков фехтования этим оружием, однако когда в V в. до н. э. греческие источники говорят об учителях рукопашного боя, прежде всего они имеют в виду людей, которые тренировали именно гоплитов — тяжеловооруженных копьеносцев.

Нужно отметить, что уже перед греко-персидскими войнами из Этрурии в Элладу начинает проникать мода на использование «кописа», изогнутого меча, напоминающего по способу своего использования ятаган, который был прекрасным оружием против латников. Однако в Греции кописы всегда оставались на вторых ролях.

Защитным оружием гоплитов были щит, шлем, доспех, а также поножи и наручи. В VII в. до н. э. высокий, похожий на стилизованную восьмерку щит был сменен новым, круглым (который обычно именуется «аргивским»). Наличие удобной перевязи и ручки позволяло перенести центр тяжести на предплечье, что значительно облегчало движения гоплита. Такой щит, около 80 см в диаметре, делали из твердых пород дерева, и он имел толщину порядка 0,5 см. Снаружи щит обшивался бычьей кожей (до семи слоев) и укреплялся бронзовыми умбоном и полосой вдоль внешней кромки. Полностью бронзовые щиты встречались редко, причем не только из-за дороговизны, но и по причине слишком большого их веса. На изображениях VI-V вв.

видно, что в некоторых случаях гоплиты привешивали к щитам кожаные «фартуки», которые должны были предохранять ноги от метательного оружия.

Доспех ко времени греко-персидских войн имел несколько типов. Первым «массовым» вариантом стали колоколовидные (т. е. расширяющиеся к поясу) панцири, состоявшие из двух частей, соединенных штифтами. Некоторые из них имели анатомический вид, воспроизводя рельеф атлетической мускулатуры. Впрочем, по причине дороговизны «анатомических» панцирей их надевали лишь военачальники и немногие из рядовых гоплитов. В VI в. до н. э. получили широкое распространение льняные доспехи, представлявшие собой полосы из нескольких льняных полотен, наложенных друг на друга и склеенных особым составом. Эти панцири попросту обматывались вокруг туловища, а плечи прикрывались П-образной накидкой. Льняной панцирь был легок, удобен и защищал не хуже металлических. На него могли нашиваться железные пластины и различные украшения, а к нижней части привешивались особые полосы для защиты бедер. Однако на многих изображениях VI-V вв. (как греческих, так и итальянских), мы видим гоплитов, которые совершенно обнажены ниже пояса.

Наручи греками использовались редко, зато поножи, прикрывавшие голени и колени, имелись у всех гоплитов. Изготавливались последние из металла, подбивались кожей и надевались очень просто: зажимаясь по ноге.

Шлемы, которые носили греческие гоплиты, восходили к нескольким более ранним типам, условно называемым «иллирийским шлемом» (шишаки, т. е. шлемы конической формы), «коринфским» (закрывал всю голову и имел вырез для глаз, носа и рта) и «фригийским» (пришел из Малой Азии и напоминал знаменитый фригийский колпак, известный вплоть до времен якобинцев; характерной его чертой был козырек над глазами и ушами). Так или иначе, они закрывали большую часть головы и были снабжены подшлемниками (из войлока, кожи или ткани), предохраняв-

шими своего владельца от контузии⁴. Все греческие шлемы украшались плюмажами или разноцветными гребнями из конского волоса, мода на которые существовала на Балканах, в Италии и Малой Азии еще во II тыс. до н. э. Как и в Риме, имелись шлемы с продольными и поперечными гребнями; последние, судя по всему, носили младшие офицеры, чтобы таким образом выделяться во время сражения.

В целом поначалу греческая фаланга выглядела достаточно пестро, причем это касалось даже спартанцев. Воины одного города могли быть объединены лишь цветом гребня или плаща; даже однотипные изображения на щитах стали входить в моду только ко времени Пелопоннесской войны.

Вспомогательной силой были легковооруженные пехотинцы, набравшиеся из беднейшего и неполноправного населения полиса или попросту нанимавшиеся греческими стратегами. Имелись даже целые области, традиционно поставлявшие высококачественную легкую пехоту: Крит, Аркадия, Этолия, Родос. Спартанцы набирали многочисленные вспомогательные войска из илотов. Поскольку в задачу подобных воинов не входила рукопашная схватка, их защитное вооружение было легким (войлочные колпаки, плетеные серповидные щиты-«пельты»), а наступательное предназначалось для боя на расстоянии. В связи с этим легкая пехота делилась на различные подклассы: метатели дротиков, лучники и пращники.

Первыми в бой вступали пращники. Опытный воин мог метнуть свинцовый снаряд весом до 50 г на расстояние около 350 метров. Затем наступала очередь лучников, которые могли поражать противника уже на расстоянии 100-150 метров. Последними, перед самым ударом фаланги, на противника бросались метатели дротиков. Следует отметить, что греки, а потом и римляне, довольно пренебрежительно относились к стрелкам из лука, видимо, считая лук

⁴ В качестве подшлемника использовались и длинные волосы, особым образом укладывавшиеся вокруг головы воина.

«варварским» оружием. Метатели дротиков и пращники казались им куда более ценными бойцами.

Легковооруженная пехота должна была прогнать с поля боя вспомогательные войска неприятеля, после чего постараться нарушить строй тяжеловооруженных воинов врага. Таким образом, она имела задачей подготовку основного события битвы: удара тяжелой массы фаланги, которая буквально сминала уже приведенного в беспорядок противника.

В связи с этим в начале боя легковооруженные располагались широким фронтом перед фалангой, когда последняя переходила в атаку — отступали к флангам, а уже оттуда перемещались за спины гоплитов и вели стрельбу через их головы.

Задачей полководца было довести армию до местности, более или менее удобной для сражения, и успеть развернуть фалангу так, чтобы она во время столкновения смогла использовать все свои преимущества. Когда число тяжеловооруженных воинов превосходило 10 000 человек, это было весьма непростым делом. Примером может быть сражение при Платеях (479), предопределившее ход греко-персидских войн. Спартанский полководец Павсаний, командовавший греческим ополчением, имел под своим началом примерно 35 000 гоплитов и примерно столько же легковооруженных. Несмотря на все старания, ему не удалось скоординировать маневры своего войска в день решающей битвы. В итоге сражались только две трети греческой армии, а оставшаяся треть отступала, даже не намереваясь участвовать в бою. Победу эллинам принесли мужество афинян, непревзойденное мастерство гоплитского боя спартанцев, а также тот факт, что персидскому полководцу Мардонию удалось бросить в атаку также не более двух третей своей армии.

Полководец фактически не руководил сражением. Обычно он располагался на правом фланге, ведя в бой солдат этого крыла. Известие о его смерти в разгар схватки могло стать причиной поражения — но не потому, что ар-

мия теряла, так сказать, свой «нервный центр», а потому, что для войска полководец был сакральной фигурой, олицетворявшей силу и удачу армии. Его гибель означала, что Небеса чем-то недовольны.

Зато роль полководца возрастала на последнем этапе битвы, когда его армия уже одерживала победу и было необходимо ликвидировать последние очаги сопротивления врага на поле боя, а также организовать преследование. В случае смерти военачальника уже выигранные сражения превращались в битвы с неопределенным результатом. Так произошло, например, в 362 г. во время сражения при Мантинее, когда гибель гениального фиванца Эпаминонда спасла от катастрофы спартанско-афинскую армию.

* * *

К моменту воцарения Филиппа Македонского в греческом военном деле произошли как минимум два радикальных изменения.

Первое было связано с широким распространением наемничества, хотя имело и более глубокие тактические корни. Традиция наемничества существовала в Греции издревле: так, мы знаем, что греки служили у египетских фараонов еще в VI в. до н. э. Однако настоящего расцвета этот способ комплектования армии достиг на греческом Западе: в Италии и на Сицилии, особенно у местных тиранов. Именно здесь уже в V в. нанимались целые подразделения пехотинцев, всадников или даже полные экипажи для боевых кораблей.

Во время Пелопоннесской войны наемничество стало повсеместным явлением и на территории материковой Греции. Люди из различных греческих городов, а иногда и иноземцы, купившие за свой счет оружие, заключали контракт — вначале с полисом (так нанимали солдат Афины, усиливавшие контингентами наемников свое гражданское ополчение), а в более позднее время — с отдельными полководцами.

Наемники служили в различных родах войск, однако больше всего их было во вспомогательной пехоте, значение которой в течение всей Пелопоннесской войны усилилось, прежде всего потому, что ее можно было вооружить и перебросить в нужный пункт значительно легче и быстрее, чем гоплитов. Особенную славу ей принесла победа на острове Сфактерия, где в 425 г. перед смешанным афинским отрядом, состоявшим из гоплитов и легковооруженных воинов, капитулировало отборное подразделение спартанцев.

В начале IV в. в армиях многих греческих городов начали отдавать предпочтение солдатам, вооруженным легким щитом в форме полумесяца. Щит такого рода был заимствован то ли из Фракии, то ли из Малой Азии; он достигал 70 см в длину, изготовлялся из дерева и обтягивался шкурами. Именно подобный щит традиционно считался принадлежностью амазонок. В афинской армии введение такого щита, равно как и реорганизация легковооруженной пехоты, связано с именем выдающегося полководца Ификрата: его реформа относится к 90-м годам IV в.

Если в эпоху Пелопоннесской войны пельтасты имели при себе пять коротких дротиков и один длинный, снабженный ременной петлей, сообщавшей дополнительный импульс при метании, то Ификрат заменил последний пехотным копьем и ввел в употребление длинный меч. В итоге пельтасты принципиально изменили свое предназначение. Отныне они могли вести рукопашный бой, но при этом легкость доспехов (пельтасты носили шлемы из дубленой кожи и иногда льняные панцири) позволяла им свободно перемещаться по полю боя, не бояться пересеченной местности и применять различные тактические построения. Дротики же служили для завязки боя, а также исполняли функцию копий в случае, если пельтасты вели защиту высот или горных проходов.

Как сообщает римский историк Корнелий Непот, более всего выгод из нового вооружения пельтастов сумел извлечь афинский полководец Хабрий. Во время сражения при Фивах, когда он со своим отрядом пришел на выручку

к беотийцам (имеется в виду война против спартанского царя Агесилая в 378 г.), Хабрий приказал своим пельтастам встретить наступающего врага, опустившись на колени, уперев в него щит и выставив вперед копье. Изумленный Агесилай прекратил атаку, признав, что пельтасты стали родом войск, который был в силах потягаться с гоплитской фалангой.

Количество гоплитов в армиях греческих городов постоянно уменьшалось. Это было связано и с убылью военнообязанного населения (так было в Спарте), и с новой организацией армии, где все большую роль стали играть наемники, чье вооружение было более дешевым, но вполне эффективным. Развитие гоплитского боя в этот момент шло, можно сказать, в противоположных направлениях. С одной стороны, в IV в. стали изобретать новые типы защитного вооружения. Появился «железный хитон», изготавливавшийся из плотного льна с нашитыми металлическими пластинами и являвшийся не чем иным, как удлиненным и утяжеленным льняным панцирем. Воин, сражавшийся в таком хитоне, был менее подвижен, однако значительно более защищен. С другой стороны, опасность со стороны пельтастов вынуждала искать пути повышения общей маневренности фаланги, и мы по ряду данных можем судить, что Агесилай пытался проводить различные эксперименты, например, максимально облегчая гоплитский доспех.

Аргивский щит постепенно вытеснялся овальным щитом, имевшим размеры до 140 см в длину и 70 см в ширину. Особый вид щитов имелся на вооружении в Беотии: в них по бокам делались овальные же прорезы (что напоминало древние «щиты-восьмерки»). Эти прорезы позволяли пехотинцу вести более активную и самостоятельную рукопашную схватку.

Сама фаланга в это время перестала быть единым тактическим образованием. По описанию отдельных походов спартанцев во время Беотийских войн мы можем судить, что такие подразделения лакедемонских гоплитов, как лох или мора, перестали быть элементами внутренней структу-

ры фаланги, став особыми тактическими и даже оперативными единицами.

Принципиально по-новому пытались организовать гоплитский бой фиванцы — и это стало второй реформой в военном деле. Впервые фиванские фалангиты по инициативе Пелопида были построены глубокой колонной (50 рядов по 6 человек) во время стычки со спартанцами близ Тегиры. Вскоре, во время сражения при Левктрах, Эпаминонд таким же образом расположил «священный отряд» Фив и решил дело неожиданным ударом по правому флангу лакедемонян.

Успешное применение этого строя показывает, насколько в древности был важен «удельный вес» удара. Эпаминонд и Пелопид именно потому концентрировали своих гоплитов, организовав из них некое подобие молота, что подобный строй тяжеловооруженных бойцов имел результатом буквально-таки механическое взламывание противостоящей фаланги. Лакедемонские гоплиты попросту не знали, как сражаться в этой ситуации: при Левктрах они стали отступать не потому, что потерпели поражение по всему фронту боя, а по той причине, что правое, традиционно ударное, крыло оказалось приведено в беспорядок. Поскольку тактических вариантов ведения боя на этот случай предусмотрено не было, спартанцы оказались вынуждены отступить.

В дальнейшем фиванцы старались сосредоточить на левом, отныне ударном, фланге как можно большие силы, правое же крыло оттянуть назад, таким образом компенсируя его слабость. Участь сражения должна была решиться прежде, чем противник одолеет слабейшую часть армии. Такое расположение в наше время принято называть «косым боевым порядком», и при Мантинее Эпаминонд продемонстрировал, сколь изощренным может быть подобный строй.

Расширялись возможности конницы, хотя ее роль по-прежнему была скорее вспомогательной. В большинстве случаев конные отряды выстраивались на флангах и дей-

ствовали заодно с легковооруженной пехотой. Традиционно являлись очень сильными беотийская и фессалийская конница. Фукидид сообщает о новшестве беотийцев, которые укрепляли конные отряды так называемыми гамиппами (греч. «быстрый, как лошадь»), т.е. легковооруженными пехотинцами, из расчета один к одному. Такое распределение сил оказалось настолько практичным, что перемешанная со стрелками фиванская конница располагалась перед строем тяжеловооруженных и легко справлялась если не с фалангитами, то по крайней мере с пельтастами.

Скажем в связи с этим несколько слов и об истории конницы.

Конница стала очень популярным видом вооруженных сил в азиатских государствах после вторжения на Ближний Восток киммерийцев и скифов (VIII—VII вв. до н.э.). Одно время она доминировала и в Греции ⁵.

К началу греко-персидских войн основной силой конницы было метательное оружие. Стремена изобрели значительно позже, да и седла либо попросту отсутствовали, либо же имели зачаточные формы, и у всадника не было опоры для разящего удара длинной пикой или тяжелым мечом. Поэтому гарантом успеха в действиях конницы была подвижность.

Тем не менее мы видим, что в восточной, а затем и западной коннице не без влияния иранских кочевых племен (тех же скифов и саков) развивается тип тяжеловооруженного бойца. Когда при Эрифрах (479) греки стремились добить сброшенного конем Масистия, командира элитных персидских всадников, они обнаружили, что все его тело защищено латами, и лишь узкий разрез для глаз, имевшийся в шлеме, позволил им поразить врага.

С подобными латными стрелками, катафрактариями, будут неоднократно сталкиваться и греки, и римляне, од-

⁵ Мы имеем в виду эпоху конных ополчений, набранных из аристократических слоев, пришедшую на времена Лелантской войны — первого вооруженного конфликта, охватившего большинство крупных греческих полисов (VIII—VII вв.).

нако их не следует путать со средневековой рыцарской кавалерией, так как доспешная конница иранцев выполняла совершенно иную функцию. Латы в первую очередь защищали этих стрелков от метательного оружия неприятеля, но они не позволяли катафрактариям исполнить функцию тарана, который врезался бы в строй неприятельской пехоты или кавалерии.

Для ближнего боя конница была вооружена кавалерийскими мечами. Персы использовали оружие, подобное скифским акинакам — легким и относительно коротким мечам-кинжалам. Греческие всадники предпочитали более длинные махайры (60 см и больше), по форме напоминавшие кописы.

Однако в ближний бой и те, и другие вплоть до IV в. шли лишь в крайнем случае.

Примером традиционной кавалерийской тактики может послужить изображенная Геродотом (и уже упомянутая нами) стычка близ местечка Эрифры, предшествовавшая битве при Платеях.

Греческая армия проникла в долину Асоп, где находились персидские силы, обойдя с востока гору Парнас. Поскольку разведка у греков отсутствовала, войска Павсания узнали, что неприятель рядом с ними, лишь когда начали спускаться в долину. Вскоре персидская конница принялась тревожить аванпосты эллинской армии. Тяжелее всего пришлось отряду мегарцев, по непонятной причине оставившему предгорья и вынужденному сражаться на равнине. Поскольку часть персов имела латы, попытки легковооруженных эллинов отогнать неприятеля были неудачны, а гоплиты за конниками поспеть не могли (конницы в армии Павсания попросту не было).

На помощь мегарцам бросились 300 отборных афинских латников, сопровождаемые большим количеством легковооруженных. Заметив это, командовавший персидской кавалерией Масистий лично прибыл туда и организовал несколько атак.

Латная персидская конница неслась на греков во весь

опор: подобное зрелище действительно могло заставить пехотный строй прийти в смятение, и в этом случае всадникам оставалось бы только рубить беглецов. Поскольку же на афинян конная лава никакого эффекта не производила, персы в последний момент останавливали коней, выпускали стрелы и быстро уходили на безопасное расстояние. На смену им приходил другой конный отряд — и так раз за разом. Подобная «скифская» тактика, усвоенная персами после походов Кира и Дария против кочевников Средней Азии и Причерноморья, была рассчитана скорее на расшатывание нервов противника, чем на нанесение ему действительного вреда. Афинские гоплиты выстроили из щитов нечто вроде римской «черепахи» и свели свои потери до минимума. С тыла и флангов их прикрывали пешие лучники, поэтому залогом успеха было терпение.

Так продолжалось достаточно долго, пока случайная греческая стрела не ударила в бок коня Масистия. Видимо, это был тот самый момент, когда персы только начинали выходить из очередного наскока, так как упавший всадник оказался один и в пределах досягаемости гоплитов.

Пока персы сообразили, что произошло, и собрались, чтобы прийти на помощь своему командиру, афиняне успели пережить конфуз из-за своей неспособности пробить доспехи Масистия и поразили перса через глазную щель его шлема.

Отсутствие в армии Павсания конницы объясняется тем, что греческие регионы, которые славились своими всадниками, — Фессалия и Беотия — находились под контролем персов. Беотийские всадники в битве при Платеях сражались на стороне Мардония и покрыли себя славой. Что касается спартанцев, то во время долгого периода они вообще обходились без конницы. Переломным моментом стала даже не Пелопонесская война, а походы спартанского царя Агесилая в Малой Азии в начале IV в. до н. э. Именно тогда, после очередного военного контакта с персами, во всех армиях греческих государств начинают появляться более или менее значительные контингенты конницы. Тогда

же Ксенофонт, ближайший сподвижник Агесилая, создаст первые сочинения, посвященные обучению конницы и управлению ею. Начинается время экспериментов, самыми яркими из которых были упомянутые уже гамиппы Эпаминонда и Пелопида.

С именами Филиппа и Александра связаны революционные перемены в военном деле. Это касается не только вооружения войск, способа их комплектования и тактической организации. Отныне можно говорить о появлении настоящего стратегического мышления. Однако македонские цари опередили свое время на столетия: чем дальше будет уходить в прошлое эпоха великих завоеваний, тем более косным будет становиться военное дело эллинистических государств.

Впрочем, мы застаем только самое начало распада великой системы Филиппа и Александра; во времена Пирра еще были живы открытые ими принципы, а сам эпирский царь не без успеха применял их. Эпоха неповоротливой македонской фаланги времен «Амфипольского устава» и царя Персея была еще в будущем. Поэтому мы остановим внимание на «классической» македонской системе, которая стала высшим достижением военного искусства балканских народов эпохи древности.

Дело было, конечно, не только в удачном применении македонскими царями новаций в тактике и вооружении, но и в духе войска, сохранявшем еще память о военной демократии, где царь был военным вождем, главой огромной общины, объединявшей всех македонян. Филипп подчинил себе местные княжеские роды; их представители — Пердикка, Птолемей, Лисимах (будущие диадохи) — стали высшими командирами и советниками в армии его сына, что позволяло использовать авторитет этих бывших удельных владетелей в войсках, набиравшихся во времена Александра по округам, совпадавшим со старинными княжествами, и при

этом постоянно иметь их рядом с собой, контролировать настроения и поведение.

Основу македонской армии составляло ополчение горцев-македонян — крестьян и пастухов. Именно из них формировалась наиболее весомая часть войск — фаланга. Македонская фаланга имела ряд принципиальных различий с греческой. Так, ее организационные подразделения («таксисы») окончательно перестали быть всего лишь структурными единицами, начав — при необходимости — выступать на поле боя как самостоятельные боевые отряды. Теперь подразделения тяжелой пехоты могли действовать, значительно лучше приспосабливаясь к местности.

При этом фаланга сохраняла основную свою функцию вала тяжеловооруженных воинов, который сметал неприятеля с поля боя. Для атаки таксисы смыкались, впрочем, и отдельный таксис мог действовать как ударный кулак. С этой целью македонская фаланга строилась значительно глубже, чем греческая: македоняне варьировали построения глубиной в 16 и 24 шеренги, лишь порой возвращаясь к классическому греческому строю в 8 шеренг.

Фалангиты, которых в македонской армии называли педзетерами (т. е. пешими спутниками царя — в отличие от гетайров), едва ли были вооружены совершенно единообразно — по крайней мере если говорить о доспехах. Имеющиеся у нас данные позволяют сделать вывод, что первые и последний ряды были облачены в железные панцири, остальные носили более дешевые льняные. Археологические находки показывают разнообразные шлемы, как снабженные забралом, так и являющиеся вариациями фессалийской каски или фригийского «колпака». Большинство исследователей считают, что педзетеры использовали классические аргивские щиты. Однако существуют свидетельства, что для некоторых родов войск Филипп ввел продолговатые карийские щиты, что могло иметь место и в случае фалангитов.

Куда важнее стало изобретение Филиппом Македонским сариссы — длинного (до 6,5 м) копья с кизилковым

древком, возможно, составлявшегося из двух частей, соединенных муфтой. Сариссами вооружали первые шеренги фаланги, причем самые длинные, видимо, были в руках четвертого-пятого рядов. Ближе к первому ряду длина копий уменьшалась (в отличие от «позднемакедонской» фаланги) — примерно до трех-четырех метров. Таким образом, удерживая щит благодаря плечевому ремню, первые шеренги могли держать сариссы двумя руками и использовать их в ближнем бою. Сариссы задних рядов (3, 4 и 5-го) выступали над их плечами и по бокам, придавая большую густоту частоколу копий и делая строй таксиса непроницаемым не только для пехоты, но и для конницы. К тому же щетина сарисс была дополнительной защитой против дротиков и стрел.

Шеренги, начиная с шестой, были вооружены обычными копьями и во время больших сражений исполняли все ту же роль массы, давившей на первые ряды. Видимо, в связи с этим в конце жизни Александр вообще хотел оставить македонское вооружение только у первых трех шеренг и у последней, все же остальные составить из метателей дротиков, которые сопровождали бы наступление таксисов непрерывной «огневой поддержкой».

Есть свидетельства о том, что македоняне со времен Филиппа строились более плотно, чем греки: т. е. по фронту боец занимал меньше места. Смысл более плотного строя очень хорошо проясняет Г. Дельбрюк в своей «Истории военного искусства»: «Таким же образом Фридрих Великий теснее, чем было принято ранее, построил свою пехоту — по четыре человека на протяжении трех шагов вместо четырех шагов, — для того, чтобы иметь одновременно больше ружей на линии огня».

Вторым по важности подразделением македонской пехоты после педзетеров были гипасписты (щитоносцы). У них отсутствовало тяжелое защитное вооружение и длинные пики; судя по всему, они несли стандартные греческие копья. Но в отличие от пельтастов гипасписты были разновидностью линейной пехоты, которая могла действовать

в условиях пересеченной местности и была способна совершать быстрые переходы. Во время битвы при Иссе число гипаспистов не превышало одной трети численности фаланги, однако это вызывалось не столько вспомогательным характером данных войск, сколько необходимостью включать в их число лишь опытных и выносливых воинов. Судя по всему, гипасписты были элитной частью рати Александра. Во время больших сражений они прикрывали правое (как мы помним — уязвимое) крыло фаланги, однако более всего прославились во время частных операций, особенно в Средней Азии и Индии.

В македонской армии имелись также разнообразные виды легкой пехоты — от классических лучников до пельтастов, — набранные либо среди варварских балканских племен, либо же среди греков-союзников.

Конница Александра имела неоднородный характер. В ней служило так много подразделений, что описать их все попросту не имеется возможности. Обобщая, можно выделить три вида кавалерии: легковооруженная (фракийцы, пелопоннесцы, иллирийцы и прочие), средняя (прежде всего фессалийцы и подобные им латные метатели дротиков) и, наконец, ударная. Последняя, похоже, стала новацией македонских царей.

В армии Александра было два типа ударных подразделений конницы.

Во-первых, достаточно странный отряд конных сариссофоров, т. е. конников, вооруженных длинными копьями⁶. Этот эксперимент ненадолго пережил Александра, однако подобное оружие вводилось именно ради ближнего боя. Сариссофоры в идеале могли действовать и против кавалерии, и против пехоты: оружие вызывало появление новой конной тактики.

⁶ О длинных копьях у всадников говорил еще Ксенофонт, однако он, вполне в духе своего времени, утверждал, что два коротких лучше одного длинного. Одно можно метнуть, а другим колоть в разные стороны — так и поступала восточная конница в случае необходимости ведения ближнего боя.

Нужно к тому же согласиться с Дельбрюком, что копья делали таких всадников неповоротливыми, а потому они должны были компенсировать недостаток подвижности тяжелым доспехом. Можно только удивляться навыкам сариссофоров: из-за отсутствия упора в виде стремян они не могли держать копья так, как это делала в более позднее время рыцарская конница или уланы времен Наполеона: зажав древко под мышкой и положив его на предплечье. На знаменитой мозаике из «дома Фавна» в Помпеях, изображающей битву при Иссе, Александр Македонский держит довольно длинное копьё зажатым в ладони примерно посередине древка. Такая «техника» требовала совершенно иных физических упражнений и даже развития других групп мышц (плечевой, лучевой, дельтовидной), чем при «рыцарском» захвате копья, так как в этом случае действовала не вся верхняя половина тела, а свободно движущаяся рука.

Во-вторых, у Александра имелись подразделения гетайров, друзей-спутников царя, которые были и его личными телохранителями, и своего рода школой, поставившей армии командиров различных уровней. Ударной делали эту кавалерию даже не панцири, а характер боя, который она навязывала противнику. Гетайры были вооружены копьями (1,5-2 м длины) и мечами-махайрами. Наверняка они имели при себе и дротики, которые метали перед началом схватки. Однако самым главным было то, что спутники Александра, выстроенные клином, решительно сближались с противником и взламывали его строй, вынуждая на рукопашную схватку.

Эти всадники обладали навыком действовать копьями в ближнем бою; в сравнении с мечом или дротиком копьё были более действенным оружием. Если копьё оказывалось сломано, гетайры брались за мечи: в любом случае энергия движения и сомкнутый строй ставили врага, не привыкшего к такому виду ведения боя, в сложное положение.

Античные изображения защитных доспехов гетайров (в том числе и самого Александра) позволяют утверждать,

что здесь оказалось найдено удачное сочетание металлических наплечников, наборных панцирей, прикрывавших грудь и живот, и льняной основы, благодаря чему воин был и достаточно защищен, и сохранял необходимую для ближнего боя подвижность. Той же цели служили и небольшие округлые щиты, удобные во время кавалерийской схватки ⁷. Но самым главным было то, что конница македонян подразделялась на настоящие тактические единицы (илы, гиппархи — от нескольких сотен до 1000 чел.) и была обучена сражаться в строю. Именно эти факторы: организованность, дисциплина, тактическая выучка — и сделали ее непобедимой в эпоху великих македонских завоеваний.

Талант Александра как военачальника выражался в том, что он умел добиваться почти идеальной координации действий между различными родами войск, входившими в македонскую армию. Тактические возможности его отрядов были богатыми, и молодой царь пользовался ими сполна. В зависимости от характера армий противника, а также от условий местности, на первый план выходили то легкая кавалерия, то тяжеловооруженные отряды «друзей» царя, то подвижные корпуса пехоты (гипасписты), то, наконец, главная ударная сила македонской армии — фаланга.

Управляемость войск Александра была настолько хороша, что он мог во время сражения перебрасывать целые подразделения с одного боевого участка на другой. Такого рода маневр в греческих армиях предшествовавшего периода попросту отсутствовал — даже в армии Фиванского союза ⁸. При этом очень важно, что хотя сам царь сражался в рядах друзей-гетайров, он был в состоянии кардинально менять картину боя: в его штабе имелся целый штат адъютантов, которые держали царя в курсе событий и передавали его приказы командирам отдельных частей. Таким образом, Александр руководил армией, которая уже была профессиональной в современном смысле этого слова — не

⁷ Иногда утверждается, что у гетайров не было щитов.

⁸ Правда, и численность войск увеличилась, что также вело к усложнению внутренней структуры армии.

только с точки зрения подготовки отдельных бойцов, но и ее действий в походе, в сражении, организации тыла и медицинского обеспечения.

Подобная тактическая мобильность вызывалась и еще одной причиной. Эпоха римской армии, основу которой составлял универсальный солдат-легионер, была впереди; легионер объединит в себе характеристики и педзетеров, и гипаспистов, и пельтастов, т.е. всех основных видов пехоты. Пока этого не произошло, македонские цари были вынуждены варьировать свои тактические схемы. Иными словами, вооружение отряда определяло его место в строю: каждое из подразделений выполняло какую-то одну определенную задачу.

* * *

Чтобы не быть голословными, приведем в качестве примера классическую победу Александра над Дарием при Иссе в 333 г. В отличие от большинства битв диадохов, мы располагаем подробным описанием этого сражения, а потому будет небесполезно рассмотреть его, чтобы понять особенности тактики македонских армий.

Битву при Иссе Александр принимал с перевернутым по отношению к линиям своего снабжения фронтом. Македонский царь, чей лагерь весной 333 г. находился в восточной Киликии, узнал, что персидское войско, возглавляемое самим Дарием, расположилось на западном краю долины Евфрата в Сохах. Таким образом, выход из Аманских гор в долину Евфрата был перекрыт отрядами персов, и македонский царь попытался обойти неприятеля. Он устремился из Киликии вдоль берега Средиземного моря на юг. Достигнув Мириандра, Александр мог через Бейланский проход выбраться на Сирийскую равнину. Однако непогода задержала македонян, и именно в Мириандре они узнали, что вся персидская армия оказалась у них в тылу.

«Гениальный маневр» — так иногда описывают движение персидской армии — был делом элементарного случая.

Дарий решил не выпускать македонян на равнину и для этого сам двинулся к «Киликийским воротам». Об оборонительном характере его стратегии свидетельствует тот факт, что, с немалым удивлением узнав о своем выходе в тыл македонской армии, он не начал преследование, но расположил свои рати фронтом на юг на пассивной позиции за рекой Пинар, оперевшись правым крылом на море (см. карту №2).

Казалось, что эта позиция не имела уязвимых мест. С фронта ее прикрывал извилистый поток с крутыми берегами, с флангов — море и горы. При этом грунт на пляже, тянувшемся вдоль самого побережья, был достаточно тверд, чтобы персидская конница могла проявить себя во всей красе.

Перед Пинаром Дарий выставил отряды кавалерии и стрелков, возглавлявшиеся Набарзаном. Они исполняли роль авангарда, который прикрывал развертывание персидской армии и, отступая, должен был заманить македонян к самой реке. На горных склонах находилось значительное количество легкой пехоты: выйдя к Пинару, македоняне автоматически оказывались охвачены с правого фланга.

За рекой стояли отряды греческих наемников и перебежчиков во главе с Тимодом; они составляли главную опору оборонительной линии персов. Все броды были укреплены частоколом, перед наемниками рассыпались дополнительные силы стрелков. Рядом находились кардаки⁹ под командой грека же Аристомеда, а позади — сам царь с трехтысячным отрядом конной гвардии. За Дарием колоннами располагались остальные варварские отряды, не имевшие особого боевого значения, однако своим числом должны были внушить робость македонянам.

На правом фланге стояла отборная тяжелая конница, где начальствовали Арсам, Реомифр и Атизий, которая

⁹ Варварские отряды, вооруженные на гопплитский манер. Во время сражения выяснилось, что их боевая ценность равна нулю.

должна была нанести удар в тот момент, когда греки ввяжутся в бой на линии Пинара и будут охвачены отрядами, спустившимися с гор.

Общую численность персидской армии античные источники доводят до 600 000 человек, что, конечно же, является преувеличением. Судя по описаниям боя, персидская армия превосходила македонскую в полтора-два раза, а не в пятнадцать. Таким образом, у Дария под рукой могло быть 60 000-80 000 человек, к которым, правда, можно прибавить значительное количество прислуги, остававшейся в лагере или находившейся близ своих хозяев.

Македонская армия (около 42 000 человек) медленно двигалась от Сирийских ворот, постепенно разворачиваясь в боевой порядок. Толпы конницы и легкой пехоты, видневшиеся перед Пинаром, могли в любой момент перейти в атаку, поэтому македоняне не торопились, стараясь держать строй. Благодаря Квинту Курцию Руфу мы имеем своего рода «боевое расписание» армии Александра в этот день.

На левом фланге командовал Парменион, старый генерал, ветеран войн Филиппа. Под его началом была пелопоннесская конница, легкая пехота из критян и фракийцев, которой командовал Ситалк, а также один из таксисов тяжелой пехоты во главе с Кратером, самым уважаемым человеком в македонской армии. В центре находился цвет фаланги и гипаспистов во главе с Кеном, Пердиккой, Мелеагром и другими известными военачальниками. Правое крыло, во время завязки боя бывшее местом особенной заботы Александра, обеспечивали сводные отряды пельтастов, пращников, лучников и легкой конницы под общим руководством Никанора, сына Пармениона, и Аттала.

Правое крыло постепенно оттягивалось назад, так как левый фланг персов угрожал тылам спускавшейся к Пинару македонской армии. Однако угроза эта оказалась призрачной. После первой же атаки пращников и лучников Никанора персы бежали вверх по склону горы; таким образом

Александр смог оставить здесь лишь минимальное количество легкой пехоты и 300 всадников, державших неприятеля под постоянной угрозой.

Поскольку местность становилась все более широкой, отряды, шедшие в хвосте македонской армии, начали выводиться в первую линию, занимая промежуток между пехотным центром и оттянутым назад флангом Никанора. Это были новые подразделения легкой конницы и пехоты, фессалийская кавалерия, а также илы гетайров, ставшие в этот день главной ударной силой македонян.

Едва армия Александра приблизилась к авангарду персов, тот благоразумно отступил за реку. При этом вся персидская конница собралась на прибрежном фланге, так как военачальники Дария решили, что местность на горном крыле неблагоприятна для действий кавалерии. В ответе Александр отправил на левый фланг фессалийцев, дабы Парменион имел резерв перед лицом огромных конных полчищ варваров. Однако гетайры остались на правом крыле, и именно они начали македонское наступление.

Приблизившись друг к другу на расстояние полета стрелы, армии издали боевой клич. Умноженный эхом от гор, он, согласно Диодору, произвел впечатление, что одновременно закричало сразу полмиллиона человек. После этого Александр во главе гетайрии бросился в атаку.

Любящие преувеличение античные историки утверждают, будто персы выпустили столько стрел и дротиков, что они сталкивались в воздухе, не причиняя вреда нападавшим. Однако скорее всего успех атаки был вызван тем фактом, что македонский царь выбрал для удара гетайров самое уязвимое звено в оборонительной линии персов — их левый фланг. Его лучники отогнали легкую пехоту персов от реки, а поскольку строй греческих наемников не доходил до этого места, остановить переправу вражеской кавалерии персы не смогли.

Оказавшись на противоположном берегу Пинара, македоняне обошли отряды Тимода и Аристомеда, пробиваясь сквозь толпы иррегулярных частей персов к самому

Дарию. Здесь они столкнулись с отрядом телохранителей персидского царя и на время были остановлены.

В центре фаланга и гипасписты также перешли в наступление. Персидские стрелки не смогли задержать их движение, и отряды тяжеловооруженных македонян уже взбирались на противоположный берег Пинара, когда греческие наемники нанесли контрудар. Они закрыли разрыв, образовавшийся в персидском строю (возможно, часть фалангитов сдвинулась вправо, к бродам, через которые прошел царь, и греки парировали это движение), не только мешая македонянам подняться на их сторону реки, но и стремясь охватить правое крыло неприятельской пехоты. Разгоревшаяся схватка совсем не носила характера правильного боя между классическими греческими фалангами. Македоняне пытались снизу отогнать длинными сариссами наемников, те же сталкивали поднявшихся в Пинар, поражали неприятеля дротиками, а так как вместе с кардаками превосходили по численности педзетеров, наступление последних оказалось под угрозой¹⁰.

Обратим внимание на то, что атака тяжелой македонской пехоты происходила в условиях, казалось бы полностью противоречащих всем современным описаниям тактики фаланги. Педзетеры переправлялись через извилистое русло Пинара, вовсе не опасаясь «пересеченной местности». Можно предположить также, что в этот момент они шли более рассредоточенным строем, чем во время сражения на открытой местности.

Еще сложнее была ситуация на левом фланге. Здесь персы перешли в атаку одновременно с гетайрией Александра и потеснили пелопоннесцев. Однако, поскольку активные действия начались тогда, когда македоняне еще только втягивались в бой и имели свободные резервы,

¹⁰ Точно так же в 1512 г. н. э. испанцы остановят во время сражения при Равенне вооруженную пиками французскую пехоту благодаря рву, имевшемуся перед их позициями. Описания обоих событий, несмотря на наличие в начале XVI в. огнестрельного оружия, совпадают почти полностью.

контрудар фессалийцев задержал персидских «катафрактарию». Вслед за фессалийцами на помощь Пармениону была брошена часть отрядов Никанора, высвободившихся на правой оконечности македонской рати.

Тем не менее персы, пока двигались единым строем, отесняли более легкие подразделения противника и в какой-то момент опрокинули фессалийцев. Возможно, отступление последних было лишь притворным бегством, так как едва «катафрактарии» начали преследование, утратив всякий боевой порядок, те повернули коней и поразили многих варваров, вынужденных сражаться в одиночку. Однако персы сохраняли на этом фланге преимущество, и для того, чтобы чаша весов склонилась в сторону Александра, необходимо было какое-то экстраординарное событие.

Таким событием стал успех гетайрии. Царские спутники, хотя и оказались зажаты между численно превосходящими отрядами персов («щиты ударялись о щиты и клинки мечей упирались во врагов», говорит Курций Руф), не теряли головы и прорубались сквозь тесные ряды телохранителей Дария. В этой схватке пал Оксатр, брат персидского государя, а вместе с ним цвет иранской аристократии. Массивные пластинчатые доспехи персов оказались слишком громоздкими для ближнего боя: гетайры были быстрее и подвижнее неприятелей, к тому же они упорно сохраняли строй, пока голова клина, где сражался сам Александр, не прорвалась к колеснице Дария.

Персидский царь некоторое время пытался держаться; запряженные в его колесницу кони оказались исколоты македонскими копьями. Именно здесь, поблизости от Дария, Александр получил рану мечом в бедро, которая, однако, не помешала ему довести битву до конца. Некоторые из античных историков утверждают, что рану эту нанес персидский царь, однако, судя по всему, прав Арриан, рассказывавший, что, не вступая в поединок с Александром, Дарий пустился в бегство и, оказавшись рядом с горами, пересел на специально заготовленного для такого случая коня.

Здесь он бросил колесницу, а вместе с ней все знаки царского достоинства.

В расположении персидской армии началась паника: вслед за Дарием бежали остатки его телохранителей, а за ними — разноплеменные отряды, что стояли позади царской ставки. Между тем Александр отложил преследование, обратившись против греческих наемников, все еще мешавших фалангитам выйти из Пинара. Его гетайры нанесли удар по неприятелю с тыла, а отрядам гипаспистов, как всегда прикрывавших правое крыло фаланги, удалось переправиться через реку выше по течению и, в свою очередь, охватить греков с фланга.

В итоге педзетеры прорвались-таки на другой берег реки, кардаки показали тыл, и все могло закончиться поголовным истреблением греческих наемников, если бы не страшная неразбериха, творившаяся в этот момент на поле боя. Ее только усиливали персидские латные всадники, начавшие беспорядочное отступление, едва пронесся слух о поражении отряда Дария. Благодаря этому значительная часть греков во главе с Аминтой, Аристомедом и другими офицерами сумела достичь гор и, обойдя по широкой дуге расположение македонской армии, добраться до Финикии.

Александр бросился в погоню за Дарием, однако толпы бежавших персов, перемешавшихся с его собственными союзниками и наемниками, стремившимися разграбить вражеский лагерь, мешали движению гетайров. Дарий ускользнул вместе с остатками своей армии, однако в руки македонского царя попали не только регалии, но и семья персидского владыки.

Битва едва ли была длительной, и основные потери, как всегда, побежденные понесли во время бегства. Источники называют цифру в 100-110 тысяч убитых, что составляет примерно одну пятую от тех мифических сил, которыми якобы обладал перед началом сражения персидский царь. Следовательно, мы должны взять одну пятую от более реалистической цифры, в результате чего получаем 12-16 тысяч человек. Оставшаяся часть рассеялась по горам и, судя

по всему, также была потеряна для персидского царя, ибо большинство его ратников предпочли вернуться домой, а не в лагерь при Сохах.

Потери македонской армии были несравненно меньшими. Как говорил Арриан, «слишком легкой ценой далась эта великая победа». Наиболее правдоподобными здесь могут быть цифры, приведенные Диодором: около 300 пехих и 150 конных бойцов. К этому нужно добавить раненых, чье число наверняка равнялось 2-3 тысячам человек.

* * *

Помимо тактических новаций нужно указать на несомненный стратегический дар Александра. Собственно, его можно назвать первым настоящим стратегом древности.

За весь десятилетний Восточный поход македонский царь дал лишь четыре генеральных сражения (на реке Граник, при Иссе, при Гавгамелах и на реке Гидасп), однако из этого не следует, что он избегал встречи с армиями противника. Просто каждая из битв завершалась исчезновением неприятельских полевых войск с театра военных действий. Однако даже столь убедительная победа на поле боя еще не означала выигрыша войны. Александр прекрасно понимал значение пространства в войне. Он не жалел времени на занятие необходимых укрепленных пунктов, даже если их осада требовала необычайных усилий (как в случае Галикарнаса или Тира), наносил удары по племенам, контролировавшим горные проходы, пользуясь аморфным состоянием Персии, привлекал на свою сторону правителей отдельных территорий. Таким образом, каждый новый бросок армии Александра оказывался идеально подготовленным и каждый раз в генеральное сражение вступала отдохнувшая, свежая, уверенная в себе армия, имеющая за своей спиной дружественное пространство.

Так, сражение при Гранике позволило Александру за год с небольшим занять половину Малой Азии, изображенное нами сражение при Иссе подарило ему Сирию, Палестину

и Египет. Что важно, оно дало возможность македонянам не только взять Тир, но и спокойно занять долину Нила — хотя стратегически коммуникации армии Александра долгое время находились под ударом со стороны Месопотамии и некоторых местностей в Малой Азии. С захватом персидских владений на восточном берегу Средиземного моря полностью прекратились действия антимакедонских сил в бассейне Эгейского моря: отныне Александр мог быть уверен в своем стратегическом тыле. В битву при Гавгамелах Александр вступил, имея численно выросшую армию, уже идеально готовую сражаться с врагом на открытых равнинах Междуречья; призом же за эту победу стал Вавилон.

Глава IV

Гигантомахия (2)

Армии диадохов. — Наемничество. — Слоны. — Политическая обстановка перед кампанией 302-301 гг. Государства-участники войны. — Стратегический план коалиции, враждебной Антигону. — Начало военных действий: диверсия Лисимаха и Препелая в Малой Азии. — Ответ Антигона. — Кампания 302 г. в Фессалии. — Деметрий у Эфеса и в Пропонтиде. — Армии на зимних квартирах. — Гераклея Понтийская. — Катастрофа армии Плейстарха. — Битва при Инсе.

Армии диадохов наследовали от эпохи Александра очень многое, но то, что в руках великого завоевателя было живым организмом, постепенно окостеневало, превращаясь в мертвую схему. По имеющимся у нас сообщениям о многочисленных боевых столкновениях той эпохи можно прийти к выводу, что армии становились все более неповоротливыми, теряя управляемость на поле боя.

В итоге тактические построения превращались в своеобразный ритуал: центр обязательно занимала фаланга, справа и слева от которой последовательно располагались остальные рода войск: гипасписты, пельтасты, слоны, колесницы, конница...

Соответственно, основной стратегической задачей становился сбор армии и поиск местности, на которой все это громоздкое образование могло бы вступить в бой точно с таким же войском.

Изменился и характер самой армии. Прежде всего это касается фаланги. Во времена Филиппа и Александра она была профессиональной с точки зрения ее навыков и организации, но не образа жизни отдельных солдат и подразделений. Об этом свидетельствует отпуск, предоставленный Александром «молодоженам» после кампании 334 г., и возвращение на родину части ветеранов после его смерти.

Чтобы стать профессиональной во всех смыслах этого слова, фаланга должна была оторваться от своих этнических корней, что и произошло с македонянами после развала государства. При этом способ существования профессиональной армии был известен один — наемничество. Во время войн диадохом ветераны либо погибли, либо попросту вымерли, а на смену им пришли разношерстные отряды, в подавляющем большинстве бывшие наемными. Командиры последних были своеобразными кондотьерами, вроде знаменитого Алкима, соратника Деметрия Полиоркета, от лица своего отряда заключившего договор с царем.

Не только пельтасты, но и педзетеры превращались в наемные части (за исключением армии, сложившейся после окончательного воцарения в Македонии династии Антигонидов, — но это будет только в середине III в.), меняющие своих хозяев в зависимости от массы конъюнктурных факторов.

Наемничество было образом жизни и уж, во всяком случае, способом найти деньги на пропитание. Некоторым из наемников удавалось сколотить целое состояние. Вот как описывает быт таких солдат афинский комедиограф Менандр, современник войн диадохом: «И лишь восходит солнце, одни направляются гурьбой из лагеря, чтобы подвергнуть грабежу ближайшую деревню или город, другие же уходят торговать рабами. Возвращаются вечером с немалыми деньгами — и те, и другие...».

С развитием наемничества армии потеряли национальный характер. Названия различных подразделений («таррентицы», «агриане») указывали уже не на этнический их

состав и даже не на особенности их вооружений, а попросту были традиционными обозначениями отдельных частей.

Соответственно, по иному выстраивались и отношения между армией и царем. К концу эпохи диадохом последний из военного вождя превращается в работодателя, даже если при этом придворные круги создавали вокруг него ауру живого бога, своего рода Ареса на земле.

Конечно, были и исключения, одним из которых являлся Пирр, но речь об армии эпирского царя еще последует.

В эллинистическую эпоху начались эксперименты с новыми видами вооружения. Прежде всего это коснулось доспехов. Видимо, под влиянием примера иранской конницы македонские правители начали создавать настоящую тяжелую броню. Вот что говорит Плутарх о доспехах, которые были созданы для Деметрия в 305 г.: «Нарочито для войны с родосцами Деметрию привезли с Кипра два железных доспеха весом по сорок мин (около 18 кг. — *Р. С.*) каждый. Чтобы показать несокрушимую их крепость, оружейник Зоил велел выстрелить из катапульты (стреломета. — *Р. С.*) с двадцати шагов, и стрела не только не пробила железо, но даже царяпину оставила едва заметную, словно бы нанесенную палочкой для письма».

Однако самое значительное воздействие на тактику произвел новый вид вооруженных сил, который стал очень популярным среди диадохом, — боевые слоны.

Уже столкновение с ними армии Александра близ реки Гидасп произвело на македонян сильное впечатление. Хотя в конечном итоге западная армия и одержала победу, в эллинистических государствах начинается повальная мода на слонов.

В рассматриваемое время как боевые использовались преимущественно индийские слоны. В Индии существовали настоящие питомники, в которых выращивали и воспитывали боевых животных. На поле боя они действовали как живые тараны: топтали пеших воинов, распугивали конницу. Сопrotивлявшихся били клыками или же хватали хоботом: «Особенно страшно было смотреть, когда слоны

хоботами хватали вооруженных людей и через голову подавали их своим погонщикам» (Курций Руф). Очевидно, в этом случае погонщик попросту добивал врага. Другие античные историки утверждают, что, подняв хоботом врага вверх, слоны с размаху бросали его оземь.

Как бы то ни было, главным в «слоновьем войске» была именно его масса. Рассказывая о битве при Гидаспе, историки говорят, что животные стояли на значительном расстоянии друг от друга (до 30 м — правда, такая расстановка животных была скорее исключением, чем правилом), а промежутки между ними заполняли пехотинцы: «Вся расстановка в целом напоминала укрепленный город: слоны стояли как башни; солдаты между ними играли роль простенок» (Диодор). Таким образом, слоны придавали устойчивость индийскому фронту. Они должны были «проминать» строй соперника, а в случае конных контратак — отгонять всадников.

«Вооружение» слона (масса, хобот, бивни) дополнял погонщик. На античных изображениях мы видим в его руке кривой шип, при помощи которого он направляет животное. На погонщике шлем и легкая хламида; ноги его беззащитны¹. Так, очевидно, было легче управляться с животным, однако в результате мы неоднократно встречаемся с рассказами о том, как напавшие на отряд слонов войска в первую очередь ранят или убивают погонщиков и боевое подразделение превращается в беспомощное стадо.

Погонщик имел запас дротиков, которые метал в противника. Возможно, уже в армиях Эвмена и Антигона (во время войны «конфедератов» и «государственников») на слонов вдобавок сажали по стрелку, получавшему хорошую позицию для обстрела противника.

Пирр пойдет еще дальше в вооружении слонов, но об этом — в свое время.

¹ Впрочем, при описании той же битвы при Гидаспе античные историки говорят, что индийский царь Пор, сидевший на огромном «царском» слоне, был одет в доспех, покрывавший все его тело, кроме правого плеча.

* * *

Итак, в 302 г. завязался узел событий, которые повлекли за собой кардинальное изменение расстановки сил в Восточном Средиземноморье.

К этому моменту расклад противоборствующих сторон был предельно ясен. Фаворитом был Антигон Одноглазый, 78-летний царь, который, как казалось, имел больше всех шансов восстановить государство Александра.

Интересно, что в походе великого завоевателя он участвовал лишь на первом его этапе. Переправившись вместе с македонской армией в 334 г. в Малую Азию, Антигон первоначально был главой всех греческих контингентов. В чем заключались его функции и какую он сыграл роль во время первой кампании Александра, сказать трудно. Зимой 334/33 г. царь назначил его сатрапом Фригии². Это была стратегически очень важная провинция, запиравшая проходы из Азии в западную часть Малой Азии. В течении 333 г. контроль над ней был просто необходим для македонян: именно через Фригию шли все их коммуникационные линии, пока Александр не взял Тир и Газу, открыв для себя морские пути.

Надо сказать, что Антигон блестяще справился со своей задачей, отразив летом 333 г. попытку контрнаступления персидских военачальников из Каппадокии и Пафлагонии. Ему пришлось дать три сражения, в каждом из которых персы были обращены в бегство.

И после 333 г. во Фригии оставались значительные гарнизоны: это можно понять, так как области на севере Малой Азии, а также Каппадокия сохраняли независимость.

После смерти Александра Антигон последовательно поддерживал сторонников «конфедерации». В Малой Азии он несколько лет боролся против неутомимого Эвмена, а затем, когда регент Полисперхонт сделал последне-

² Если уж быть совершенно точным — Великой Фригии, так как имела еще «Малая», или «Гелеспонтская», Фригия, находившаяся на северо-западе Малой Азии близ Проливов.

го стратегом-автократором Азии, восставшие сторонники Кассандра именно Антигону поручили командование в войне против него.

И Антигон справился со своей задачей. Он медленно теснил Эвмена в пустынные районы восточного Ирана, подкупал его друзей, раз за разом восстанавливал свою армию после очередной трепки и, наконец, отпраздновал триумф зимой 317/16 г. Победа над Эвменом отдала в его руки практически всю Переднюю Азию. Еще более усилило Антигона то, что значительные средства, скопленные Александром и находившиеся в городах Кинде (Киликии) и Сузах, также оказались в его руках. С легкостью подавив мятежи одних сатрапов, вынудив других покинуть свои провинции (так, летом 316 г. из Вавилона бежал Селевк, долгое время правивший Нижней Месопотамией), Антигон в 315 г. в Тире объявил себя регентом, недвусмысленно демонстрируя свои претензии на единоличную власть.

В течение последующих 13 лет Антигон приобретал на Западе, зато терял на Востоке. Ему удалось объединить под своей властью практически всю Малую Азию — а это было сложной задачей, так как в свое время здесь получили владения многие авторитетные сподвижники Александра. Руками своего сына, Деметрия, он «освободил» почти всю Грецию, установив там свою гегемонию и находясь в 302 г. всего лишь в шаге от того, чтобы завладеть Македонией. Однако еще ранее он потерял огромные территории к востоку от Евфрата: в 312 г. Селевк вернулся в Вавилон, разбил наместника Антигона и вскоре объединил под своей властью все земли до границ Индии.

Антигон не чувствовал себя слабее после этой потери: он явно был уверен, что Вавилон находится слишком далеко от мест, где вершится история, а власть Селевка над бескрайними просторами «дальних» сатрапий эфемерна. С вавилонским владыкой надеялись справиться без труда после завоевания Македонии и Египта.

Центр государства Антигон перенес из Келен, своей

фригийской столицы, в Сирию³, где построил город Антигонию. Здесь были армейские склады, лагеря, торговые и ремесленные центры. Здесь же располагались казнохранилища, в которых золота было больше, чем у всех его противников вместе взятых.

Еще одним достижением Антигона и Деметрия стало разрушение «талассократии» Птолемея Египетского. В начале войн диадохов власть над морем была в руках у последнего. Однако уже с 306 г. Деметрий командует не менее, а быть может, и более мощным флотом: по крайней мере из Греции, из бассейна Эгейды и с Кипра египтяне были вытеснены. Впрочем, сам Египет Антигону не давался: Птолемей отражал и сухопутные вторжения, и комбинированные атаки с суши и моря.

Весной 302 г. Антигон находился в своей новой столице. Он праздновал завершение ее строительства и ожидал известий от сына, уже названного Коринфским союзом гегемоном Греции и во всеуслышанье обещавшего этим же летом освободить Македонию.

О ситуации, в которой находился Кассандр, мы уже писали, поэтому перейдем к другим врагам Антигона.

Царем Фракии был Лисимах, один из бывших телохранителей Александра, прошедший с царем всю Азию и прославившийся некогда тем, что на охоте, устроенной в 333 г. в Сирии, сумел убить самого большого из всех встречавшихся македонянам львов. Долгое время он играл второстепенную роль в войнах между диадохами.

Лисимах в сущности владел только прибрежными районами Фракии: на Эгейском побережье до реки Стримон, а на побережье Понта Эвксинского — до Истра (Дуная). Эти берега были заселены греками и эллинизированными фракийцами. Некоторые местности, например Фракийский Херсонес (современный полуостров Галлиополи — фактический центр царства Лисимаха) или земли близ Византия, считались благодатными районами, на Эгейском по-

³ То же самое делает после битвы при Ипсе и Селевк.

бережье имелись золотые рудники. Однако в целом царство Лисимаха было небольшим и небогатым. К тому же внутренние районы Фракии Лисимах контролировал лишь условно; войны против фракийцев, придунайских скифов, гетов и бунтовавших греческих городов были главным содержанием его царствования до 302 г. Правда, отсутствие масштабных военных кампаний, обычно сопровождавшихся значительными издержками, привело к тому, что казна Лисимаха к началу конфликта с Антигоном была полна, и он смог нанять значительную — в сравнении с размерами его царства — армию.

Незадолго до принятия царского титула Лисимах построил себе столицу. Не мудрствуя лукаво, он назвал ее Лисимахией (после многочисленных Александрий эпоха диадохов «отметилась» на карте Греции и Переднего Востока Лисимахиями, Антигониями, Кассандриями, Деметриадами и т. д.). Располагался город в стратегически важном месте: на Фракийском Херсонесе. До этого момента полуостров был укреплен только на перешейке, соединяющем его с Фракией, — против набегов «немирных» фракийцев. С постройкой большого, обнесенного мощными стенами города Херсонес получил защиту и со стороны азиатского берега, находившегося в руках Антигона.

Царь Египта Птолемей Лаг также принадлежал к числу телохранителей македонского царя, особенно выдвинувшихся во время похода в Индию. После смерти Александра он получил Египет — впрочем, его полномочия были ограничены: грек Клеомен, которого назначил правителем Египта еще Александр, должен был разделить с ним «тяготы» власти.

Однако ни Птолемей не собирался терпеть рядом с собой соперника, ни Клеомен не желал уступать свое место. Произошла короткая, но ожесточенная война, во время которой оккупационные войска Клеомена уступили отрядам Птолемея. Бывший правитель Египта был убит, и новый сатрап тут же начал проводить сепаратистскую политику.

Его врагом становился любой, кто получал преимуще-

ство над другими диадохами. Вначале он воевал с первым регентом, Пердиккой: именно во время похода на Египет последний и был убит. Затем врагами Птолемея были Полисперхонт и Эвмен. После победы Антигона фригийский сатрап естественным образом стал его соперником.

В разные годы Птолемей владел многими укрепленными пунктами в Греции и на побережье Малой Азии, контролировал Кипр. Основной его базой в Эгейском море был остров Кос. Будучи талантливым администратором, он прекрасно понимал, что его государство, как бы состоявшее из двух разнородных частей — сельскохозяйственной долины Нила и молодого, но уже большого промышленного и торгового мегаполиса (Александрия), — будет процветать, если ему удастся получить контроль над торговыми путями, по которым происходил сбыт египетского зерна.

Однако активное строительство Антигоном и Деметрием флота к 306 г. по крайней мере уравнило их шансы в морской войне. В течение многих лет Деметрий совершал переправы своих армий в Грецию и обратно, не испытывая никакого противодействия со стороны египтян.

«Сухопутные» претензии здорового Птолемея были более скромными. На Западе он установил контроль над Киреной, но не пытался проникнуть в Ливию дальше и не начинал завоевательного похода против Карфагена, которым на смертном одре грезил Александр Великий.

На востоке Птолемей стремился овладеть Финикией, Палестиной и Келесирией (южной Сирией). Именно из-за этих земель Египет практически непрерывно воевал с Антигоном. Хотя борьба шла с переменным успехом, нужно отдать должное Птолемею, сумевшему сдержать завоевательный порыв Антигона и Деметрия в Келесирии и Палестине, ставших своего рода «предпольем» Египта.

Наиболее глубокое вторжение совершил в 312 г. Деметрий, дошедший до Газы — последней крепости в азиатских владениях Птолемея, но здесь египетскому царю удалось одержать самую славную из своих побед.

К 302 г. царство Птолемея было крепкой структурой, имевшей сильный флот, неплохую сухопутную армию, укомплектованную главным образом греками, издревле в большом количестве жившими в Египте, и македонянами. Однако в одиночку Антигону Одноглазому оно противостоять не могло.

Самым восточным из соперников Антигона являлся Селевк. Это был противоречивый человек, познавший всю изменчивость фортуны, в конце своей жизни создавший огромное царство — от Геллеспонта до Яксарта — и погибший в тот момент, когда перед ним лежала беззащитная Македония.

К моменту смерти Александра Селевк был командиром гипаспистов⁴, занимая, таким образом, одну из высших должностей в македонской армии. После того как Пердикка был избран войсковым собранием регентом, освободилось место хилиарха (командующий лейб-гвардией, фактически второй после царя человек в военной иерархии), и именно Селевк занял его.

Однако позже тот же Селевк участвовал в убийстве Пердикки, «отблагодарив» того таким образом за доверие.

С приходом к власти Антипатра Селевк поспешил избавиться от должности хилиарха, которая в условиях распада армии уже мало что значила, и получил в свое владение Вавилонскую сатрапию. Здесь он правил с 321 г., за исключением периода 316-312 гг., когда Вавилония находилась под контролем Антигона.

К 302 г. Селевк сумел установить свою власть в сатрапиях, лежавших на востоке от Тигра. Нам ничего не известно о его военных операциях; впрочем, мы знаем, что самым сложным оказалось столкновение с индийским царем Чандрагуптой, который изгнал из долины Инда македонские гарнизоны, после чего завоевал всю Северную Индию. Селевк, видимо, проиграл войну, так как он отдал

⁴ Впрочем, при Гидаспе Селевк командовал одним из таксисов педзетеров.

Чандрагупте огромные территории в современном Афганистане и юго-восточном Иране. Однако территориальные потери были компенсированы, во-первых, появлением твердого тыла (отношения между Селевком и Чандрагуптой отныне были исключительно мирными), а во-вторых, получением царем Вавилона стада из 500 индийских слонов. Селевк стал обладателем самого крупного «слоновъего корпуса» среди всех диадохов; недаром его иногда называли «элефантархом».

Имея своей столицей Вавилон, центром своей державы Селевк сделал Персию. Именно здесь пополнялись его административные кадры и войска. К тому же Месопотамия была беззащитна перед вторжениями из Сирии, что продемонстрировал в 308 г. Антигон: его армия неожиданно пересекла границы государства Селевка и долиной Евфрата дошла до Вавилона. Хотя антигоновцам не удалось закрепиться во вражеской столице, их молниеносный марш из Сирии доказывал стратегическую уязвимость Нижней Месопотамии.

После 308 г., правда, враждебные отношения между Селевком и Антигоном сменились мирными, но оба царя понимали, что новое столкновение — дело недалекого будущего.

Принятие царского титула еще не обеспечивало безусловного подчинения подданных. Для этого было необходимо окружить свое имя ореолом богоизбранности. Более всего предзнаменований великого будущего античные историки нам сообщают, говоря о Селевке: его «штаб» поработал в этом отношении лучше других диадохов.

Самыми известными были истории о родимом пятне, имевшем форму якоря, на бедре Селевка и о том, как Селевк спас диадему Александра. Родимое пятно вавилонский сатрап получил якобы в память о своем подлинном отце — Аполлоне. Что касается диадемы, то она была сорвана ветром с головы Александра, когда тот, уже вернувшись в Вавилонию, плывал по озерам Нижней Месопотамии, исследуя могильники древних царей. Согласно Арриану, некоторые из историков утверждают, будто Селевк тут

же бросился в воду, подплыл к тростнику, за который зацепилась диадема, и, чтобы не намочить ее, надел на собственную голову. «Это обещало Александру смерть, а Селевку — великое царство».

Так или иначе, к 302 г. Селевк уже немало сделал для того, чтобы убедить своих подданных в собственной годности богам. Но и он не мог бы сражаться с Антигоном один на один.

* * *

Кампании 302-301 гг. не были блестящей импровизацией союзников. Поскольку их государства находились на значительном расстоянии друг от друга и были разделены враждебными территориями, можно предположить, что на подготовку общего решения и координацию действий ушла вся зима 303/02 г.

Инициатива исходила от Кассандра, держава которого стояла на краю гибели. Прежде всего он встретился с Лисимахом, понимавшим всю опасность положения македонского царя и своего собственного. После этого к Птолемею и Селевку были отправлены послы, предложившие возобновление старого союза и одновременно растолковавшие стратегический план грядущей войны.

Давайте еще раз взглянем на географию конфликта. Кассандр и Лисимах владеют Фессалией, Македонией и Фракией. Их территории с трех сторон окружены сторонниками Антигона: в Греции формирует огромную армию Деметрий, на западе Пирр Эпирский (еще занимающий престол) и Главк, царь тавлантиев, в грядущем конфликте явно займут враждебную Кассандру позицию. Малая Азия является постоянным источником опасности для Лисимаха с юга и юго-востока.

Стратегическая оборона означает гибель — более или менее быструю — уже потому хотя бы, что Лисимах не может перебросить сколь-либо значительные силы в Фессалию, которая первой подвергнется удару Деметрия. Он

должен держать их сосредоточенными на берегах Пропонтиды (ныне — Мраморное море), чтобы парировать гипотетически возможное наступление сатрапов Антигона через Проливы. Между тем поражение Кассандра однозначно приводило к падению власти Лисимаха.

С другой стороны, Антигония на Оронте имела идеальное стратегическое положение для того, чтобы угрожать одновременно Египту и Вавилону. Хотя могло показаться, что владения Антигона охвачены с юга и востока царствами Птолемея и Селевка, бывший сатрап Фригии был в состоянии из своей столицы парировать движения и первого, и второго. Прошлые войны наглядно показали, что Антигон и Деметрий умело пользуются центральным стратегическим положением своего царства по отношению к противникам. Они легко перебрасывали вооруженные силы по внутренним коммуникациям с одного фронта на другой.

Чтобы лишить врага его стратегических преимуществ, союзники должны были вывести его силы из состояния равновесия. При внимательном рассмотрении обнаружилось уязвимое место в государстве Антигона — Малая Азия. Поскольку выступление царя Фракии на стороне Кассандра не прогнозировалось Деметрием и его отцом, они не позаботились о выделении армии, предназначенной для защиты берегов Пропонтиды. Удар в этом месте, нанесенный Лисимахом, должен был смешать планы Антигона и заставить его изменить расположение войск. Предполагалось, что в идеале в Малую Азию бросятся и отец, и сын (так оно и произошло на самом деле). В результате Кассандр спас свое царство и мог поддержать Лисимаха. При этом после ухода армии Антигона из столицы восточная и южная границы его государства оголялись, что позволяло Птолемею с Селевком направить свои войска мимо многочисленных сирийских крепостей в ту же Малую Азию. Соединившись здесь с Лисимахом и Кассандром, они имели неоспоримое преимущество над армией Антигона и могли отважиться на генеральное сражение.

Маневр был крайне рискованным; мы увидим, что союзники неоднократно находились на волосок от гибели. Красота замысла несомненна, но она требовала координации действий нескольких армий, начинающих кампанию в тысячах километров друг от друга. Добиться такой координации сложно даже в наше время, а что уж говорить о IV столетии до н. э. К тому же нужно помнить, что единое командование у союзников отсутствовало, каждый из полководцев-царей преследовал во время войны собственные интересы и мог изменить ход военных действий в удобном ему направлении. Так и произойдет: мы увидим «неторопливость» Селевка, стремление Птолемея отсидеться за спинами союзников... Все говорило в пользу того, что у плана Кассандра больше шансов провалиться, чем привести к успеху.

Однако цари приняли идею македонского владыки. Весной 302 г. началась подготовка армий, причем все делалось настолько скрытно, что произошедшие события крайне удивили Антигона.

Для того чтобы тот занервничал, было необходимо, чтобы удар по Малой Азии стал ощутимым. Хотя враг стоял на границе владений Кассандра, последний не побоялся выделить для усиления Лисимаха часть своих вооруженных сил. Поскольку будущий «фронт» охватывал владения Кассандра и Лисимаха, они тоже могли использовать внутренние операционные линии (но не в казавшемся естественным направлении — в сторону Фессалии, а в обратном, к Пропонтиде). В Лисимахию был отправлен корпус из 6000 пехотинцев и 1000 конных воинов под командованием Препелая. Этот военачальник был хорошо знаком с театром военных действий, так как еще в 314 г. он возглавлял армию Кассандра, отправленную сюда на помощь Асандру, тогдашнему сатрапу Карики, безуспешно боровшемуся с Антигоном. Сам Лисимах имел не менее 25 000 пехотинцев и всадников (значительную часть его сил составляли фракийские и иллирийские наемники); более того, он рассчитывал пополнить свою армию за счет вражеских отрядов.

В начале лета армия Лисимаха и Препелая переправилась через Проливы (см. карту № 3). Они переправились в Азию примерно там же, где когда-то Александр: в полутора десятках километров на юго-западе от города Лампсак.

Этот город без боя сдался неприятелю, зато Сигей пришлось брать штурмом. Потери были немалые, но Лампсак и Сигей представляли собой хороший оперативный плацдарм для дальнейшего наступления. Теперь нужно было превратить его в стратегический.

У Препелая и Лисимаха имелись три реальные возможности. Самой очевидной был марш на юг, через Троаду в Эолию, затем — в Ионию (к городам Колофон, Эфес, Милет). Так поступил после победы при Гранике Александр и очень быстро занял почти все западное побережье Малой Азии.

Однако союзники понимали, что марш-бросок к Милету может подставить оба их фланга под удар⁵. Обретая глубину, плацдарм не обладал бы необходимым фронтом: не было сомнения, что флот Деметрия попытается отрезать экспедиционную армию от Фракии, а также атаковать ее с побережья. В то же время Антигон мог подойти через Фригию и поставить противника в безвыходное положение.

Другим вариантом был поход на восток — вдоль берега Пропонтиды. Захватывая здесь один портовый город за другим, они могли расширить возможности для своей связи с Фракией. Заняв крепости от Абидоса до Халкедона, Лисимах мог надеяться, что Деметрий не сумеет перерезать все возможные пути для фракийских судов. Однако в этом случае наступление союзников вырождалось в борьбу за побережье: стратегический смысл подменялся оперативным.

Третья возможность — прямого марша на Келены через Геллеспонтскую Фригию — на первый взгляд выглядела откровенной авантюрой. Подобный подарок для Антигона

⁵ Напомним, перед тем как маршировать на юг, Александр уничтожил полевую армию персов.

был бы просто царским. Двух-трех десятков кораблей Деметрия было бы достаточно, чтобы заблокировать Лампсак. На враждебной территории, без линий снабжения, армия Лисимаха быстро перешла бы на сторону врага... Однако Антигон даже не представлял, насколько слаба его власть на западе Малой Азии.

Лисимах и Препелай избрали четвертый путь, который оказался смесью первого, второго и даже третьего одновременно. Препелай бросился на юг, в Троаду, а Лисимах отправился к Абидосу. В случае занятия Абидоса, крупнейшего города на южном берегу Геллеспонта, обладавшего мощными линиями укреплений, союзники получили бы мощную базу в тылу предполагаемого фронта наступления.

На долю Препелая выпал просто невероятный успех: напомним, под его рукой было всего 7000 солдат. Судя по всему, он пересек Троаду по внутренним дорогам и без боя вступил в город Адрамиттий, находящийся на берегу залива напротив острова Лесбос. После этого все ожидали, что Препелай будет стараться занять все города на побережье Эгейского моря. Однако тот, не останавливаясь, маршировал до Эфеса. Стены этого города видели куда более многочисленные осадные войска. Однако едва Препелай начал готовить штурм, Эфес капитулировал. Дело, видимо, было не только в неожиданности нападения, но и в предательстве. По крайней мере, Препелай не облагал город контрибуцией, ограничившись лишь требованием сжечь все корабли во внешней гавани, которые Деметрий мог бы с легкостью захватить.

После Эфеса Препелай обратился к Клазоменам, Эритрам и Колофону, городам, лежавшим к северу от Эфеса. Однако взять удалось только Колофон: адмиралы Деметрия, отвечавшие за оборону Ионийского побережья, пришли в себя и сумели помочь остальным городам.

Тогда Препелай оставил прибрежные земли и направился на Сарды — в самый центр сатрапии Лидия. И снова в дело вмешалось предательство. Стратег Лидии Финик, к слову, некогда уже пытавшийся восстать против Антигона,

однако прощенный царем, на этот раз безоговорочно перешел на сторону неприятеля. Лишь цитадель Сард осталась в руках отряда, верного Антигону.

К концу лета в руках Препелая находилась вся Лидия и несколько значительных городов на побережье. Полевых войск под рукой у него оставалось немного: нужно учесть, что значительная часть македонского корпуса была оставлена в захваченных городах в качестве гарнизонов. Тем не менее диверсия, осуществленная войсками Кассандра, оказалась более чем удачной.

В отличие от Препелая, Лисимах большую часть лета потратил на осаду Абидоса. Осада шла энергично, однако Деметрий успел прислать из Греции помощь, достаточную для того, чтобы принудить Лисимаха к отказу от штурма этого города.

Тогда, покинув свой лагерь под стенами Абидоса, царь Фракии неожиданно оставил побережье и направился в глубь Малой Азии. (Чтобы обоз не сдерживал движения армии, он оставил его у Лампсака.) Хотя наступление противников Антигона продолжалось уже более полутора месяцев, именно в традиционных владениях Антигона неприятеля ждали менее всего.

Это тем более удивительно, что от района высадки союзников в самый центр Великой Фригии вела стратегическая дорога, которую строили еще персидские цари и которая была усовершенствована во времена походов Александра. Лисимах беспрепятственно маршировал по ней до города Синнада, находившегося на границе Великой Фригии. Здесь был сосредоточен большой гарнизон под командованием Докима, судя по всему военного генерал-губернатора этих мест. Лисимах окружил крепость, начал инженерную подготовку штурма, но вместе с тем завязал с Докимом переговоры. И вновь крупный военный чиновник Антигона сохранению верности своему царю предпочел капитуляцию. Поскольку в Синнаде находилась казна Великой Фригии, Лисимах мог предложить Докиму значительную ее долю в обмен на сотрудничество.

Вместе с казной в руки царя Фракии попало большое количество доспехов, мечей, копий, луков со стрелами, которыми можно было вооружить еще одну армию. Лисимах тут же начал набор добровольцев. Это было сделать тем более легко, что все окрестные укрепления Антигона перешли в руки фракийцев. Значительная часть Фригии, лежащая к востоку от нее Ликаония, а также находящиеся на южном побережье Малой Азии Памфилия и Ликия приняли сторону Лисимаха. Власть Антигона держалась только в некоторых крупных городах.

Происходящее грозило полным крахом государства Антигона. Реакция старого царя была хоть и запоздавшей, но исключительно энергичной. Несмотря на приходящие сообщения о вооружении Птолемея на границах Палестины, а также о сосредоточении армии Селевка, Антигон оставил Сирию. Он поднял войска, квартировавшие вокруг столицы, и направился в Киликию. Здесь, в городе Кинд, находились его главные сокровища. Царь взял оттуда трехмесячное жалованье для своей армии (мы можем определить ее число в тридцать—сорок тысяч человек), а также 3000 талантов на непредвиденные расходы. Судя по всему, Антигон намеревался продемонстрировать своим противникам пример молниеносной кампании. Успехи Лисимаха должны были обернуться против него же самого. Забравшись в глубь Малой Азии, он подставлял себя под удар неприятеля, превосходившего его численностью, а вероятно, и качеством войск. Загнав остатки вражеской армии в Пропонтиду, Антигон мог вернуться в Сирию до наступления зимы и отразить Птолемея с Селевком.

Решительность Антигона можно только приветствовать. Однако он еще не представлял, с каким упорным и умелым противником ему предстоит иметь дело. Лисимах оставался в районе Синнады и, как представляется, пытался установить связь с Препелаем. Он понимал всю эфемерность своих успехов, поэтому держал главные силы сосредоточенными, ожидая неминуемого появления вражеской армии.

Антигон из равнинной Киликии перешел в Каппадокию — тем же путем, что и некогда Александр Великий, только в обратном направлении. Однако далее он пошел не на север, к Галису, хотя эта дорога выводила его на стратегический левый фланг противника, а устремился прямо к Келенам и Синнаде. Достаточно было одного его появления, чтобы Ликаония оказалась замирена. Перейдя границы Фригии, Антигон начал готовиться к сражению, но Лисимах вовсе не желал испытывать свое счастье в открытом бою.

Узнав о движении противника через Киликию и Каппадокию, фракийский царь собрал военный совет, на котором единогласно было решено не рисковать и не вступать в сражение, пока не подошли подкрепления от Селевка и Птолемея. Затягивание времени было возможно на сильной позиции, сполна обеспеченной провиантом.

Первоначально такую нашли где-то неподалеку от Синнады. Здесь был сооружен укрепленный лагерь, в который свезли провиант со всей округи. Антигон, подойдя к позициям Лисимаха, несколько дней подряд выстраивал на прилегающей к ней равнине свою армию, предлагая честный бой. Однако зрелище многочисленной фаланги, отборной македонской и фригийской конницы, слонов только убеждало обороняющихся в необходимости держаться за лагерьным валом.

Антигон не решился на штурм неприятельских укреплений. Он правильно рассчитал, что в здешней достаточно пустынной местности его противник не мог накопить достаточных запасов, чтобы продержаться без фуражировок. Поэтому он разорил окружающие селения и расположил свои отряды на всех выходах из равнины, на которой находился лагерь Лисимаха.

Вскоре положение фракийского царя стало опасным: он явно не ожидал, что противник перекроет пути снабжения. Поскольку на скорое прибытие Селевка ничто не указывало, Лисимах решил вырваться из окружения и найти более выгодную позицию.

Таковую обнаружили в нескольких переходах к северу от Синнады, близ города Дорилей⁶. Здесь протекала река Тимбрис (ныне Порсук?), которая могла прикрыть расположение фракийцев с юга. От удара с севера будущий лагерь Лисимаха обеспечивала горная гряда — отрог малоазиатского Олимпа. Местность была богата водой, а окружающие деревни в изобилии дали бы продовольствие тому, кто первым достигнет долины Тимбриса.

Обратим внимание: Лисимах отступал не к своим базам на Геллеспонте, а на север. Объяснить это можно не только стремлением найти место для длительной обороны, но и попыткой сохранить положение, удобное для соединения с Селевком. Тот, собрав 20 000 пехоты, 12 000 конницы и настоящую «танковую» дивизию — 480 слонов, должен был выступить в Каппадокию через Верхнюю Месопотамию. Из Каппадокии же существовала дорога, которая шла вдоль реки Галис, затем на Анкиру, откуда уже можно было добраться до долины Тимбриса. Если бы Селевк начал поход раньше и двигался быстрее, он мог обойти войска Антигона, пока что занимавшие центральное положение между главными силами своих противников, и присоединиться к фракийцам. Однако во время маневра армии Лисимаха он еще только переходил Тигр...

В одну из ночей войска царя Фракии в полном молчании покинули свой лагерь. Отряды Антигона, перекрывавшие дороги, идущие в северном направлении, не рискнули вступать в бой, и противник фригийского царя вырвался из ловушки. Рассредоточенное положение армии Антигона не позволило тому собрать достаточные силы для атаки неприятеля на марше. Более того, Лисимаху удалось намного опередить врага.

Холмистые берега Тимбриса делали позиции фракийского царя неприступными. Однако Лисимах приказал об-

⁶ Этот город будет известен в военной истории как место, где 1 июля 1097 г. рыцарское ополчение во время Первого крестового похода разгромит армию турок-сельджуков.

нести свое расположение тройным валом, усиленным частоколом.

Антигон, достигнув Тимбриса, переправился на его правый (?) берег и вновь построил свое войско, предлагая Лисимаху помериться силой в открытом поле. Когда же стало ясно, что ничего, кроме насмешек, от воинов противника он не дожидается, царь Фригии вновь перекрыл возможные направления действий фуражиров, а главные силы бросил на активную осаду лагеря.

Его солдаты активно начали земляные работы. Антигон торопился: его подгоняло не только возможное прибытие царя Вавилона со своими слонами, но и приближающийся период скверной погоды: в залитых водой окопах солдаты быстро теряли дисциплину.

Механики соорудили осадные устройства — переносные щиты и крытые галереи на полозьях, которые позволяли землекопам беспрепятственно насыпать бруствер, все более приближающийся к стенам лагеря. Подвезли также метательные орудия, которые отгоняли неприятельских стрелков, пытавшихся помешать земляным работам.

Армия Антигона трудилась быстро и слаженно. Вскоре стало ясно, что Лисимаху не удержать и эту позицию. Зажатый между горами, рекой и фронтом «инженерной атаки» лагерь фракийского царя стал ловушкой. Вновь начинал сказываться недостаток продовольствия. Среди солдат — особенно в отрядах, сформированных из жителей Малой Азии, — зрело недовольство. Дальновидый Лисимах задерживал выплату жалованья, полагая, возможно, что, получив деньги, часть его армии тут же переметнется к врагу.

Самое же важное заключалось в известии, что Селевк слишком далеко: «вес» его армии пока не отразился на ситуации близ Дорилея. Рассчитывать на действия Препелая в тылу Антигона также не стоило — слишком мал был корпус македонского стратега.

Лисимах решил попытаться еще раз ускользнуть из-под удара. Удивительно, но Антигон, как никогда близкий к по-

беде в войне, вновь наступил на те же грабли. Фактически окружённая армия дождалась дождливой ночи и... попросту ушла⁷. Лисимах направился в сторону гор; возможно, Антигон не ожидал, что его противник рискнет прорываться по осенним горным тропам. Удивительно, но посты осаждавших, охватывавшие лагерь со стороны хребта, не оказали никакого сопротивления врагу.

Заметив, что враг уходит, Антигон поднял по тревоге свои главные силы и устремился за Лисимахом. Однако дождь перешел в ливень. Дороги раскисли, лошади вязли в них, а пехота не поспевала за врагом. Не менее тяжело было и фракийскому царю, однако он имел небольшую фору, которой и воспользовался.

Поняв, что соревнование в скорости проиграно, Антигон прекратил преследование и расположил свою армию на зимние квартиры. Они находились в треугольнике Дорилея, Пессинунта и Синнады. Таким образом, фригийский царь по-прежнему стремился сохранить центральное положение между Лисимахом и медленно приближавшимся Селевком.

Несмотря на явную стратегическую неудачу этой кампании, Антигон должен был встречать зиму, исполненный надежд на лучшее. Во-первых, Лисимах постоянно бежал от него, а отступление всегда удручающе действует на войско. Во-вторых, как раз во время событий под Дорилеей в Проливы прибыл из Греции Деметрий с главными силами флота и значительным сухопутным корпусом. Он запер Лисимаха в Малой Азии, прервав его сообщения со столицей и с Византием. В-третьих, Птолемей так и не вышел за пределы Келесирии.

Однако давайте еще раз вернемся в начало лета 302 г., чтобы посмотреть, чем завершился широко разрекламированный поход Деметрия против «узурпатора» Кассандра.

⁷ Одно, достаточно смутное, свидетельство Фронтина в его книге о военных хитростях («Стратегемы») можно понять так, что Лисимах для этого засыпал свои тройные рвы: с северной стороны в его лагере не было ворот, вот почему подобного маневра Антигон не ожидал.

Кассандр весной 302 г. собрал около 30 000 пехоты и 2000 конных воинов. Можно быть уверенным, что выставить подобную армию (памятуя о неудачах прошлого года и о выделении экспедиционного корпуса Препелая) он мог лишь благодаря крайнему напряжению сил и финансов своего государства.

Македонский царь явно не желал дробить силы, однако на какой позиции он мог бы прикрыть всю оборонительную линию? Следуя старинному шаблону, Кассандр занял Фермопилы, перекрыв таким образом самую удобную дорогу в Фессалию из Средней Греции. Однако четырнадцать лет назад он сам же опроверг стратегию Полисперхонта, основанную на Фермопильской позиции, обойдя того по морю.

Точно так же поступил и Деметрий, обладавший мощным флотом. Пунктом стратегического сосредоточения он избрал город Халкиду в средней части острова Эвбея. Отсюда, через узкий пролив, войска легко могли быть переброшены обратно в Беотию. Так как Фермопилы занимал враг, Деметрий просто прошел по Эвбее мимо лагеря македонян. Если, готовясь к походу, он не торопился, считая, что враг уже находится в его руках, то теперь действовал быстро. Войска сосредоточились на северной оконечности Эвбеи, где погрузились на суда и совершили высадку на материке. В очередной раз армия, занявшая Фермопилы, стала жертвой стратегического обхода.

Первым на пути войска Деметрия попала Лариса Кремаста. Городские ворота были открыты без всякого сопротивления, лишь запершийся на акрополе македонский гарнизон отказался капитулировать. Деметрий, не желая терять времени, приказал взять цитадель штурмом. Остатки гарнизона были захвачены в плен и, закованными в кандалы, переправлены на Эвбею.

Оставив в Ларисе Кремасте значительный отряд, Деметрий выступил на север. Его путь шел по Фтиотиде на север, к Фивам Фтиотидским. Там, от Пагасийского зали-

ва, начиналась удобная дорога, ведущая в глубь Фессалии. Марш Деметрия ненадолго задержали несколько укрепленных пунктов, которые также были взяты с ходу.

А что Кассандр? Македонский царь, узнав о маневре противника, тут же оставил Фермопилы. Расположение его бывшей позиции, место высадки Деметрия и Фивы Фтиотийские можно представить в виде вершин прямоугольного треугольника. Если Деметрий шел по катету, то Кассандру приходилось спешить по гипотенузе, причем через Офрисские проходы. Однако его войско оказалось лучше подготовлено к этому маршу в отличие от более многочисленной армии противника.

В итоге македоняне успели «заступить дорогу» врагу на границе внутренней Фессалии. Кассандр отправил около 1000 человек на усиление гарнизона Фер, одного из крупнейших городов этой области, а с остальными 31 000 воинов построил лагерь, преграждающий врагу путь на север.

Деметрий расположил свою армию напротив армии Кассандра. Сообщения античных историков не позволяют дать точный расчет времени кампании 302 г. Мы знаем лишь, что к моменту столкновения с Кассандром сын Антигона уже знал о высадке Лисишаха и Препелая в Малой Азии и отправил эскадру с десантом для поддержки Абидоса. В данный момент у Деметрия под рукой находилось около 50 000 человек.

В начале похода численность его армии была еще большей: в ее составе были 1500 всадников, 8000 македонян, являвшихся ядром фаланги, 15 000 наемников, 25 000 греков, мобилизованных по постановлению Коринфского конгресса, а также 8000 иррегулярной пехоты, собранной главным образом из экипажей пиратских кораблей (пираты всегда с удовольствием служили Деметрию), всего 57500 солдат.

Таким образом, даже после выделения необходимых гарнизонов и отряда, отправленного в Геллеспонт, у сопративителя Антигона все равно оставалось преимущество почти 5:3.

Современные историки удивляются, почему Деметрий

так и не сумел воспользоваться несомненным превосходством. Противники несколько раз выводили свои армии из лагерей, но не начинали боя. Войска были похожи на тетеревов, распускающих перья и издающих воинственный клекот во время брачного сезона, однако не бросающихся друг на друга. «На испуг» взять Кассандра не удалось. Но почему Деметрий все-таки не начинал сражения?

Диодор сообщает, что и Кассандр, и Деметрий с тревогой ждали сообщений о решающем столкновении в Малой Азии между Антигоном и Лисишахом, которое, по их предположениям, должно было произойти со дня на день. По общему мнению, это оправдание несерьезно. Победа над Кассандром внесла бы решительный перелом в ход войны, а возможно, привела бы к началу мирных переговоров. Деметрий же вел себя так, словно утратил присущую ему отвагу и тягу к риску.

Но прежде чем выносить вердикт этому царю и полководцу, давайте спросим себя: а столь ли часто сражение являлось основной целью войн диадохов? Лишь первые годы междоусобиц, то время, когда македонская армия еще была «горячей», дают нам примеры многочисленных схваток, даже во время одной кампании. Особенно много их было на востоке, в том регионе, где вел борьбу неутомимый Эвмен.

Постепенно генеральное сражение превращается в крайнюю меру, к которой прибегают лишь в особенных случаях. Войска становятся все менее надежными, дня восстановления армии или флота после поражений требуется значительное время и огромные финансовые ресурсы. Деметрий мог помнить плачевные результаты битвы при Газе (312), когда Антигон потерял Вавилон и весь восток своего государства.

Поэтому противники стремились в первую очередь к захвату укрепленных пунктов, контролирующих стратегические дороги или побережье, занятию городов, переманиванию на свою сторону армий противника. Вспомним кампанию 316 г., когда Кассандр завоевал Фессалию и Македо-

нию благодаря удачному маневру и недовольству правлением Олимпиады.

Да и Деметрий больше славен своими осадами городов (за что он получил прозвище «Полиоркет», «Градоосажда-тель»), чем битвами (за исключением, пожалуй, морской победы при Саламине).

Вот и на этот раз он выжидал. Мы можем не сомневаться: дело было не только в известиях из Азии. Во-первых, армия, в которой 50% составляло наспех собранное ополчение, не имевшее высокой боевой ценности, едва ли была готова к бою. Это видно уже по скорости ее передвижений во Фтиотиде. Во-вторых, агенты Деметрия работали в фессалийских городах, в тылу у Кассандра. Работали успешно, так как мы знаем, что Феры восстали против македонского царя и призвали Деметрия. Последний отправил туда значительный отряд, который вначале запер македонский гарнизон на акрополе Фер, а затем взял этот очаг сопротивления штурмом.

Еще несколько подобных успехов, и Кассандр оказался бы посреди враждебной страны. Занятие Фер и так угрожало его коммуникациям с Македонией. Таким образом, он был бы принужден к отступлению или же к сражению во все более ухудшающейся обстановке. И то и другое могло привести к потере армии.

Однако в события вмешался Антигон. Деметрий получил от него письмо с приказанием заключить перемирие с Кассандром и срочно возвращаться в Азию. Он сравнивал напавших на него царей со стервятниками, слетевшимися во Фригию со всех сторон света.

Вот уже 23 столетия Антигона осуждают за это решение. Осуждают, с одной стороны, справедливо. Действительно, Деметрий был близок к победе, которую одержал бы, что называется, не мытьем, так катаньем. Разгромив Кассандра и заняв Македонию, он не только лишил Препелая и Лисимаха подкреплений, но и мог заставить последнего прекратить военные действия, непосредственно угрожая его владениям.

С другой стороны, мы не можем оценить состояния Антигона во второй половине лета 302 г., а также не знаем его мнения по поводу кризиса в азиатских владениях. Антигон, например, мог полагать, что любой мало-мальски неудачный сценарий развития конфликта в Европе свяжет армию его сына, оставив старого царя один на один с многочисленными врагами.

Деметрий отправил к Кассандру парламентариев. Царь Македонии после недолгого раздумья пошел на заключенные перемирия. Видимо, основным условием был принцип status quo: сторонники Деметрия сохраняли свое положение в занятых этим летом городах, вся же остальная часть Фессалии оставалась под властью македонского царя. Вероятно также, что Кассандр обязался лично не принимать участия в малоазийской войне⁸.

Деметрий распустил греческое ополчение и, снабдив города в Средней Греции дополнительными гарнизонами, отплыл на восток. Он мог взять с собой не более 25 000 человек, но тогда казалось, что этих сил будет достаточно.

Едва соперник Кассандра удалился из Европы, македонский царь тут же нарушил перемирие. Он занял отпавшие от него Феры и Ларису Кремасту, после чего вторгся через Фермопилы в Среднюю Грецию. Результатом этого наступления стал захват Фив. Правда, далее Кассандр не пошел, опасаясь ввязаться в затяжную борьбу с многочисленными сторонниками Деметрия в Элладе.

В это же время он организовал переворот в Эпире (по одному из источников, даже лично явившись туда), в результате которого Пирр должен был бежать к Деметрию. После завершения кампании Кассандр смог отправить часть освободившихся сил на помощь Лисимаху.

В это время Деметрий плыл к Эфесу. Эфес давно уже занял место самого главного и богатого города Ионии, «отодвинув» на второй план Милет. Оставить в руках Препе-

⁸ Правда, Деметрий оговорил, что договор будет считаться имеющим силу лишь после его утверждения Антигоном.

лая этот пункт Деметрий не мог. Высадившись у его стен, он быстро заставил капитулировать гарнизон. Видимо, короткое правление македонян вызвало у горожан недовольство, что неудивительно, так как Антигон строил свои отношения с ионийскими полисами на принципах автономии последних (по крайней мере внутренней). Поддерживая в Элладе лозунг свободы греков, Антигон и Деметрий вынуждены были сохранять хотя бы видимость этой свободы в Малой Азии. В отличие от фригийских царей, Кассандр везде насаждал власть своих прямых ставленников или же просто назначал наместников.

После взятия Эфеса у Деметрия появилась возможность направиться к Антигону через Лидию, по пути оббивая занятые Препелаем города и укрепления. Однако он нашел куда более эффективное решение (если не сам Антигон приказал ему это в письме). Оставив в Эфесе сильный гарнизон, с остальными войсками Деметрий отплыл к Пропонтиде — не тратя время на бои под Колофоном и Адрамитием. Оказавшись в Пропонтиде, Деметрий перерезал все коммуникации Лисимаха, фактически окружая его армию.

Деметрий не стал тратить силы своих отрядов на штурм стен Сигея и Лампсака, зато близ последнего города ему удалось захватить лагерь Лисимаха, а также обоз, оставленный фракийским царем в момент выступления в Великую Фригию.

В обозе было имущество, а вероятно, и семьи автариатов, иллирийских наемников Лисимаха. Деметрий получил прекрасную возможность для шантажа своего врага. Один из поздних источников (Полиен) донес предание о том, что Лисимах, узнав о событиях близ Лампсака, тут же решил избавиться от возможной «пятой колонны» в своей армии и приказал перебить всех автариатов поголовно (5000 человек). Из других источников мы знаем, что 2000 автариатов все-таки спаслись и зимой 302/01 г. перешли на сторону Антигона.

После Лампсака Деметрий прошел через Пропонтиду, восстанавливая пошатнувшийся престиж власти своего от-

ца. Достигнув Боспора, он построил близ Халкедона укрепленный лагерь, в котором поместил 3000 человек «морской пехоты». Им было придано 30 кораблей, на которых этот отряд должен был осуществлять блокаду европейского берега.

Остальная армия и флотский экипаж расположились на зимних квартирах в городах азиатской стороны Пропонтиды. Видимо, в это время к Деметрию и прибыл Пирр со своими спутниками.

Казалось, что мышеловка, приготовленная для армии Лисимаха, захлопнулась. Хотя Селевк все-таки добрался до Каппадокии, дальше идти из-за погодных условий он не мог и остался зимовать где-то в районе верхнего Галиса, на несколько месяцев предоставив Лисимаха самому себе. Царь Вавилона настолько боялся неожиданного нападения Антигона, что расположение его армии напоминало не зимние квартиры, а скорее большой лагерь. Солдаты построили хижины, и отдельные «селения», каждое из которых соответствовало какому-нибудь из подразделений, располагались так, чтобы быть в состоянии поддержать друг друга при быстром наступлении неприятеля. Селевк избрал на время зимы явно оборонительную тактику.

Птолемей застрял в Келесирии. Присоединение этой провинции, а также Кипра стало условиями, на которых он вступил в войну. Осторожный царь Египта и не планировал выходить с армией за пределы своих будущих владений. Осенью 302 г. мы видим его под стенами финикийского города Сидон: означает ли это, что он к тому моменту занял все побережье от Газы до Тира, не говоря уже о внутренних областях — Палестине, Дамаске и его округе? Мы имеем ясные указания на то, что по крайней мере Тир был в руках Деметрия даже после катастрофы при Ипсе. Следовательно, завоевания Птолемея шли медленно и не были планомерными.

Той же осенью, когда Лисимах спасался из своего лагеря в окрестностях Дорилея, а Селевк входил в Каппадокию, Птолемей неожиданно заключил четырехмесячное

перемирие с правительством Сидона и, оставив гарнизоны в самых важных из занятых пунктов, вернул свою армию в Египет. По официальной египетской трактовке этой ретирады, ее причиной стало сообщение о якобы имевшем место в Малой Азии сражении, в котором Антигон разгромил соединенные войска Лисимаха и Селевка.

Ни трусостью, ни предательством отступление египтян не было. Они решали свои частные задачи и не собирались ради общего блага приносить слишком большие жертвы. Не надо забывать к тому же, что если Селевк мог обойти район Антигонии по долине Евфрата, то Птолемей, двигаясь на север, обязательно столкнулся бы с гарнизоном вражеской столицы, который за лето наверняка был пополнен и мог изрядно потрепать египтян.

* * *

Отойдя через отроги Олимпа в Вифинию, Лисимах нашел еще не затронутую войной местность (Салонийская равнина), однако ее запасов не хватило бы на всю зиму. Фракийский царь по-прежнему крайне экономно тратил деньги, что вызывало недовольство наемников. После попытки истребления автариатов от Лисимаха бежало также 800 добровольцев из Ликии и Памфилии, еще летом с воодушевлением вставших под знамена союзников.

С запада армию Лисимаха блокировал Деметрий, с юга — Антигон: силы соправителей превышали его армию вдвое. На севере было море, а на востоке находился город Гераклея Понтийская, контролировавший значительный участок побережья Понта. В этом городе существовала устойчивая традиция монархической власти. Даже Александр Великий не тронул местного тирана Дионисия, хотя неоднократно угрожал тому войной. В 321 г. Дионисий женился на племяннице последнего персидского царя Амастриде, которая принесла ему огромное состояние, а родство с царем придало подлинный авторитет его правлению. Избрав сторону Антигона, Дионисий постепенно стал на-

столько могущественным, что в 306 г., в этот «год царей», также принял царский титул. Однако он сумел сделать это так, что не обидел владыку Фригии и не разорвал с ним союзных отношений.

После смерти Дионисия в 304 г. ему наследовала Амастрида (интересно, что это было лишь регентство при несовершеннолетних детях, опекуном наследства которых по завещанию Дионисия являлся Антигон). Ее армия и флот, казалось, должны были окончательно прервать сношения Лисимаха с внешним миром.

Однако персидская царица приготовила неприятный для опекуна своих детей сюрприз. То ли потому, что зимние квартиры армии царя Фракии обложили Гераклею и вызвали в городе панику, то ли рассчитав, что покровитель ее покойного мужа скоро потеряет господство над Азией, она приняла приглашение Лисимаха посетить его ставку. Акт осторожной вежливости неожиданно обернулся дружбой и даже показной страстью: той же зимой Лисимах и Амастрида сыграли свадьбу. О том, что это была «страсть по расчету», свидетельствует история брака: уже спустя два года Лисимах развелся с персиянкой, чтобы взять в жены дочь Птолемея Арсиною. Тем не менее он сохранял добрые отношения с Амастридой, и та долгое время правила Гераклеей, а когда ее сыновья подросли, сделала своей резиденцией построенный ею же и носивший ее имя город⁹.

Так или иначе, стратегическая блокада была прорвана. Лисимах усилился не столько за счет контингента гераклеотов (скорее всего из наемников, выставленных за счет города), сколько благодаря возможности питать свою армию, не прибегая к экстренным мерам, а также наличию порта и флота, который мог связать его с Фракией.

Действительно, известие о переходе Гераклеи на сторо-

⁹ Город Амастрида, располагавшийся примерно в 100 км к востоку от Гераклеи Понтийской. Жизнь самой Амастриды закончилась трагически: в 288 г. она была по непонятной причине убита своими сыновьями от Дионисия, Клеархом и Оксафром. Лисимах отомстил за свою бывшую жену, взяв Гераклею штурмом и казнив матерубийц.

ну царя Фракии побудило Кассандра, его европейского союзника, послать в Малую Азию помощь. Македонский царь находился в городе Пелла, однако он отправил своего брата Плейстарха завоевывать для себя удел. Под команду Плейстарха было отдано 12 000 пехотинцев и 500 всадников.

Так как Пропонтиду держал под своим контролем Деметрий, пунктом посадки на суда выбрали Одесс на западном побережье Понта Эвксинского. Кораблей было мало: Одесс — небольшой порт, да и лежащие к северу Томи и Каллатис уступали Византию или Лисимахии. Подсчитав «посадочные места», решили переправлять армию Плейстарха в три приема.

Первый караван прошел безо всяких помех со стороны противника и без каверз строптивного северного моря. Безопасен был и обратный путь. Однако Деметрию донесли о маршруте, по которому двигались македонские подкрепления. В море вышли 30 кораблей, базировавшиеся близ Византия, и захватили второй караван со всеми экспедиционными частями.

Отправки третьего пришлось ждать некоторое время. Корабли перебрасывали из всех понтийских портов, находившихся под властью Лисимаха. Откуда-то прибыл даже корабль-гигант с шестью рядами весел, на который посадили Плейстарха и отборных солдат. Остальные были погружены на разномастные суда, в том числе старой постройки. Так или иначе, посреди зимы третий караван вышел в Понт Эвксинский.

Расчеты на то, что Деметрий не будет высылать блокадные дозоры в бурное открытое море, оправдались полностью. Греческие корабли, строившиеся главным образом для каботажного плавания, а потому не удалявшиеся от берега, проскользнули мимо устья Босфора. Но уже неподалеку от Гераклеи налетел шторм. Караван разбросало по морю, а затем большую часть судов выкинуло на прибрежные скалы. Из экипажа корабля Плейстарха выжило лишь 33 человека. Правда, брат македонского царя уцелел: его, чуть живого, доставили к Лисимаху.

Число солдат, приведенное Плейстархом фракийскому царю, едва ли достигало половины численности армии, выступившей из Пеллы. Тем не менее войска царя Фракии после так неудачно начавшейся зимовки оказались даже сильнее, чем во время прошлой кампании. Среди них не было ненадежных элементов, в тылу находилась мощная база — Гераклея, да и открытие горных дорог весной превращало армию Селевка из пассивного зрителя в активного участника борьбы.

Кампанию 302 г. фригийские цари проиграли. Хотя не произошло ни одного генерального сражения, хотя противник при приближении их армии постоянно отступал, хотя под Лампсаком, а затем в Понте Эвксинском Деметрий нанес значительный урон фракийцам и македонянам, Лисимах удержался. Да, планируемого соединения с армиями Вавилона и Египта в 302 г. не произошло, зато миновал критический момент. Теперь все зависело от того, попытается ли Антигон воспользоваться разобщенностью армий противников. С одной стороны, расстояние между Селевком и Лисимахом весной должно будет сокращаться куда быстрее, чем в прошлом году, из стратегического фактора разделение их армий будет превращаться в оперативный. Однако, с другой стороны, это могло произойти только в случае, если тот и другой покинут свое оборонительное положение. В какой-то момент один из них должен был «подставиться» фригийской рати.

* * *

История на этом, самом интересном, месте умолкает. Продолжение рассказа Диодора Сицилийского, главного нашего источника, о войне Селевка и Лисимаха против Антигона не сохранилось. Хотя в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха имеется яркая биография Деметрия, ни в ней, ни в биографии Пирра подробностей кампании 301 г. просто нет. Иными словами, в наших руках лишь несколько ненадежных свидетельств да краткое, беллетри-

стическое описание Плутархом битвы при Ипсе, на основании которых приходится восстанавливать картину произошедшего.

Итак, летом 301 г. уже соединенные армии сошлись на равнине близ города Ипс. Где находилось это место, можно только гадать. Большинство современных историков помещают его несколько к югу от Синнады, т. е. во Фригии. Нам не известны фронты расположения армий, и остается без ответа вопрос, сражались ли противники лицом на север и юг или на восток и запад. Поскольку после поражения Деметрий и Пирр бежали в Эфес, собрав вокруг себя остатки войск, представляется вероятным, что их лагерь лежал на западе. Однако мы увидим во время битвы эти увлекающиеся натуры в тылу врага, отрезанными от главных сил. Следовательно, они могли не возвращаться в свой лагерь.

Но начать придется с вопроса о том, как союзники сумели объединить свои войска (а под Ипсом сражался, судя по всему, даже Препелай).

Антигон и Деметрий явно не пытались «навалиться» на Лисимаха, засевшего в Гераклее. Борьба с ним опять приобрела бы характер затяжной «окопной войны», тем более что ресурсов у фракийского царя в этом году было значительно больше. А в это время Селевк и Препелай овладели бы большей частью Малой Азии, полностью лишив Антигона тылов.

В преддверии решающего столкновения фригийские цари должны были стремиться к соединению своих армий. Отказавшись от наступления на Гераклею, они могли избрать для этого два способа. Один явно проигрышный: переброску войск Антигона к Пропонтиде. Хотя здесь объединенную рать поддерживал бы флот, сопроводители автоматически теряли большую часть Азии. Через освободившиеся проходы Лисимах легко достигал Фригии, куда столь же беспрепятственно добирался и Селевк.

Второй способ наверняка и был избран Антигоном: он оставался в районе зимних квартир, Деметрий же, оттянув войска от Боспора в западную часть Пропонтиды, затем

направлялся к отцу по все той же персидской военной дороге. Позиция во Фригии еще сохраняла форму центрального положения, правда, эта форма была скорее географической иллюзией, нежели реальным стратегическим фактором. Лисимах в таком случае должен был избрать дороги, ведущие на восток и юго-восток от Гераклеи. Как доказывают события галатского нашествия, а также походы римских легионов (например, во время Митридатовых войн), местность эта вполне проходима для крупных армий. Через Пафлагонию Лисимах выходил в долину Галиса, следуя которой легко достигал лагеря Селевка.

Из Каппадокии соединенная армия могла направиться прямо во Фригию, навстречу врагу, одновременно позволяя Препелая присоединиться к главным силам, например, пройдя южнее расположения Антигона, по горным дорогам в районе Киботоса.

Несмотря на то, что направление движения армий позволяло им держаться на дистанции друг от друга, есть два обстоятельства, позволяющие предположить, что первая половина 301 г. состояла не из одних только маршей и контрмаршей.

Прежде всего, в сражение при Ипсе армия союзников вступала, имея уже не 480 слонов, а 400. Да и конницы у нее поубавилось: всего 10 500 коней против 12 000 только у одного Селевка в прошлую кампанию. Конечно, можно сослаться на падеж слонов, вызванный долгой и суровой зимой¹⁰, но что касается конницы, то уменьшение ее числа должно было вызываться потерями в боевых столкновениях: едва ли союзники использовали этот ценный род войск в качестве оккупационных сил.

К тому же мы имеем косвенные свидетельства, что в этом году войска Антигона (из числа остававшихся в Сирии?) совершили рейд на Вавилон, чтобы заставить Селевка покинуть Малую Азию. Рейд был безрезультатным, од-

¹⁰ Хотя Селевк в Каппадокии находился в куда более комфортных условиях, чем Ганнибал, переходивший через Альпы.

нако он показывает стремление Антигона найти стратегическое решение стоящей перед ним задачи. Возможно, этот рейд объясняет и то, что со сражением тянули до середины или даже до второй половины года.

Плутарх, правда, подчеркивает нерешительность Антигона во время кампании, предшествовавшей битве при Ипсе. Нарушая свое обыкновение знакомить подчиненных и даже сына с планами лишь накануне выступления из лагеря, он советовался с Деметрием и выглядел нерешительным. Вполне вероятно, Плутарх, следуя обычаю многих историков, хочет обнаружить в поведении Антигона драматическое предчувствие гибели. Однако вспомним, что о фригийском царе писал Полиен: «Антигон Первый, если имел мощное войско, то воевал более медлительно. С другой стороны, если он имел несильное войско, то совершал дерзкие нападения, считая, что благородная смерть предпочтительнее бесславной жизни».

Приметы, правда, для Антигона были неблагоприятны. Античный человек был убежден в том, что боги оказывают прямое воздействие на ход сражения, что человеческая воля, хитроумие, мужество — не единственные и исключительные причины победы. Все определяет воля богов, о которой, как о стихийном бедствии, можно судить по знакам, своего рода подсказкам, посылаемым Небесами.

Перед самой битвой Деметрию во сне явился Александр в парадных доспехах, словно покойный царь готовился к смотру или сражению, и спросил, какой клич они с Антигоном избрали для решительной битвы. Деметрий ответил: «Зевс и Победа». Тогда Александр сказал, что он уходит к Селевку и Лисимаху, которые использовали в своем боевом кличе его имя.

Наутро, уже после построения пехоты, Антигон при выходе из палатки споткнулся, упал ничком и сильно ушибся. Хуже этой приметы просто не могло быть. К счастью, видеть происшествие могли немногие, как немногие видели и патетический жест старого царя, воздевшего руки к небу и попросившего либо быстрой смерти, либо победы.

Итак, войска были готовы к сражению. Антигон сосредоточил 70 000 пехоты, 10 000 всадников и 75 слонов. Количество тяжеловооруженных воинов (пеших и конных) нам неизвестно, но едва ли оно превышало 50% от этой цифры. Слоновье стадо досталось Антигону от Эвдима, сатрапа Индии, перешедшего на его сторону еще во время войны с Эвменом.

На противоположной стороне находилось 64000 пехотинцев, 10 500 всадников, 400 слонов и 120 боевых колесниц (мы не знаем, применялись ли они в сражении). 500 всадников были небольшой компенсацией за 6000 пехотинцев, тем более что конница, сражавшаяся на стороне союзников, в подавляющем своем большинстве была легкой, набранной Селевком среди жителей Верхних Сатрапий.

Описание сражения ставит перед нами множество вопросов. Во-первых, из противников Антигона упоминаются исключительно Селевк и Антиох. Такое впечатление, что Плутарх (а вероятно, и Диодор) пользовался источниками, апологетически настроенными по отношению к селевкидским монархам¹¹. Далее, основное внимание рассказчика сосредоточено на правом крыле фригийской армии, а потом смещается в центр ради живописания коллапса пешех частей Антигона и смерти старого царя. В результате некоторые из современных историков говорят о «пешем центре и конном фланге», делая обе армии «однорукими». Античное построение войск между тем требовало прикрытия обоих флангов фаланги конницей; если же с одной из сторон армии противников опирались на какую-то естественную преграду, то наверняка это было бы отражено в источниках.

Не меньше удивляет рассказ о слонах Селевка. Возникает ощущение, что они располагались уступом слева от его пехотных сил, — иначе, чтобы прикрыть животными с фланга и тыла свою фалангу, Селевк был бы вы-

¹¹ Хотя Плутарх и говорит: «В большой битве при Ипсе, где сражались все цари...»

нужден приложить титанические усилия. И куда-то делись колесницы...

Впрочем, не станем слишком запутывать читателя проблемами. Следующее ниже описание битвы — реконструкция, однако, кажущаяся достаточно убедительной (см. карту №4).

Следуя старинному обычаю, лучшие свои конные части Антигон поставил на правом фланге. Их возглавляли Деметрий и Пирр. Здесь были ударные отряды, а также «средняя» конница, напоминающая фессалийскую.

Ближе к центру стояли слоны Антигона, окруженные легковооруженными солдатами. В середине находились пехотные части, и прежде всего фаланга и гипасписты, возглавляемые лично Антигоном. На левом крыле также была конница, хотя, быть может, и в меньшем количестве, чем справа.

Строй союзников являлся зеркальным отражением строя фригийского царя. Слева были сосредоточены лучшие всадники во главе с Антиохом, сыном Селевка. Далее стояли слоны; как мы уже говорили, их расположение было глубоким, а не линейным, так что в первом столкновении участвовали лишь передние их ряды. Случайно ли это было или союзники спланировали развитие событий во время сражения, мы можем только гадать. Левым флангом в целом командовал Селевк.

В центре находилась пехота и колесницы (?). И здесь середину составляли фаланги и гипасписты, справа и слева от них стояли отряды наемников (по большей части — пельтасты). Вероятно, командовал здесь Лисимах. Он, выдержавший в прошлом году борьбу с Антигоном в одиночку, имел право на эту честь. Правый фланг, естественно, конный, мог возглавлять Плейстарх.

Сражения эпохи диадохов немного напоминали битвы времен Гражданской войны в Англии: дворянская конница принца Руперта опрокидывает «свой» фланг парламентской армии, «железобокое» Кромвеля — «свое» крыло роялистов; многое зависело от того, какой из победивших

флангов быстрее добьет противника и вернется на поле боя.

Военачальники не томили выведенные на поле боя армии. Перед атакой войска издали воинственные кличи, не столько пугая противника, сколько раззадоривая себя. Затем конные фланги начали наступление.

Первым бросился в бой Деметрий, и вместе с ним Пирр. Антиох, чтобы его кавалерийские отряды не были сметены движущейся массой противника, направил их навстречу сыну Антигона. Столкновение конных групп привело к их перемешиванию: бой мгновенно распался на индивидуальные поединки, а также схватки один против двух, двое против двух, двое против трех... Поскольку вооружением всадники напоминали друг друга, в этой суматохе было сложно отличить своих от чужих. Некоторое подобие строя сохраняли лишь отборные отряды, группировавшиеся вокруг Деметрия и Антиоха. Как часто бывало, победа одного из них означала победу всего конного фланга.

Деметрий и Пирр сражались просто образцово. Найдя центр тяжести вражеской конницы, фригийцы обрушились на него и вскоре опрокинули дружину Антиоха. Следом за ней — вначале медленно, потом все быстрее и быстрее — обратились в бегство и остальные конные отряды левого крыла союзников.

Как обычно и бывает, основные потери проигравший несет во время отступления. Деметрий азартно бросил все свои силы за всадниками вавилонского царя, надеясь совершенно уничтожить или по крайней мере рассеять их. Сам он скакал за Антиохом, желая догнать наследника вавилонского престола и захватить в плен. Скакал, даже не глядя на то, что происходит за его спиной.

Параллельно происходила схватка между отрядами слонов. Противоборство этих могучих животных представляло собой величественное зрелище. Разгоряченные своими погонщиками, уколами дротиков, бросаемых полуголыми легковооруженными воинами, ловко снующими между их ногами, боевые слоны стремились поразить бок или брюхо противника. Они сцеплялись бивнями, стараясь отвести

голову противника в сторону, а затем нанести удар в незащищенную шею. Раненые животные с ужасным ревом метались посреди сражающихся, топчя своих и чужих.

Слоны Антигона, хотя их и было во много раз меньше, сражались прекрасно. Если бы фригийскому царю удалось «разменять» слоновий корпус Селевка, пусть ценой гибели всего своего стада, это могло решить исход сражения.

Однако численный перевес противника все-таки сыграл свою роль. Пока Деметрий гнал конницу Антиоха, слоны вавилонского царя опрокинули отряд Антигона.

При отступлении животные фригийского царя не могли не привести в беспорядок правую оконечность его пехотного строя. Казалось, последуй вся слоновья лавина Селевка вслед за ними, фронт Антигона будет потрясен.

Однако вавилонский царь решил по-иному. Во-первых, атаки слонов против готового к бою и, что самое главное, знающего, как поступать в таком случае, пехотного строя были чреваты неудачей. Да и функции слонов во времена войн диадохов были иными. Основной их задачей являлось отбрасывание фланговых групп противника, охраняющих уязвимые оконечности расположения пехоты.

Поэтому Селевк приостановил продвижение слонов. Более того, он отодвинул их (или их задние ряды?) еще глубже в тыл и развернул так, чтобы прикрыть спины своих фалангитов.

На противоположном фланге также развернулся конный бой. Здесь союзных всадников было больше, да и качеством они превосходили противника. Если на правом крыле Антигона сражалась главным образом тяжелая и средняя конница, то слева преимущество отдали легковооруженным стрелкам¹². Скифо-иранская конница союзников имела явное преимущество. Она отбросила фригийцев и распростра-

¹² А иначе откуда взялась бы та легкая конница, которая начала нападать со всех сторон на фалангу Антигона? Называть ее «остатками» фланга Антиоха, как это иногда делается, странно, так как «остатки конницы Антиоха» в это время во всю прыть ударили с поля боя.

нилась по тылам Антигона вплоть до правого крыла — это же сделает много лет спустя Гасдрубал во время битвы при Каннах.

Наступал решающий момент битвы. Главные силы пехоты все еще не вступали в бой: педзетеры оставались на месте, лишь легковооруженные и пельтасты вели «перестрелку». Сейчас, когда, казалось бы, противники должны были попытаться развить успех: Антигон — своего сына, а Селевк и Лисимах — правого крыла и слонов, пехотные центры замерли на месте. Победа Деметрия лишила его отца кавалерийской поддержки, и он не решился начинать атаку без конного прикрытия. Союзники же не хотели рисковать, бросая все свои силы в рукопашную схватку. В армии Антигона было большое количество македонян, в том числе ветеранов, которые сражались еще против Эвмена.

Фригийский царь ждал, когда победоносная конница Деметрия вернется на поле боя. Союзники же, охватив противника с разных сторон, ограничились тем, что отогнали легкую пехоту противника и тревожили его главные силы метательным оружием. Они неоднократно издавали воинственные кличи, угрожая атакой, но всякий раз в последний момент останавливались — словно показывая, что не хотят доводить дело до крайности.

Через некоторое время воины Антигона заволновались. Видимо, старому государю стоило сразу решиться на отчаянное наступление: как выяснилось, он ничего не терял от такой попытки, более того, она приближала его к Деметрию. Оставшись же в пассивном положении, фригийские солдаты растеряли боевой пыл. В их рядах начала распространяться паника.

Видя это, союзники приготовили им «золотой мост», всячески показывая, что предлагают солдатам противника оставить строй и переходить на их сторону.

Хуже того: младшие командиры педзетеров Антигона посчитали битву проигранной. Иначе никак не могло бы случиться того, о чем пишет Плутарх: «Значительная часть

фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать». В одно мгновение армия фригийского царя рухнула; вместе с ней рушилось и его государство.

Антигон прекрасно понимал это, отказываясь покидать поле боя, когда все вокруг бежали, бросая оружие, когда целые подразделения переходили на сторону врага. Правда, оставался еще маленький шанс, что возвращение победоносного Деметрия резко изменит ситуацию: преследующие врагов солдаты союзников сами уже не сохраняли строй.

Даже когда солдаты Селевка и Лисимаха подбирались к царской ставке, защищаемой телохранителями Антигона, а их стрелы и дротики достигали места, где стоял фригийский государь, тот отказывался покидать поле боя. На слова: «Царь, они метят в тебя!» он отвечал: «В кого же им еще метить? .. Ничего, Деметрий придет на помощь».

В это время в тылу союзной армии разворачивалась драматическая схватка между всадниками Деметрия и Пирра и слоновым корпусом Селевка. Слоны явно были усилены пехотой и даже какими-то конными отрядами, иначе даже 400 животных не смогли бы перекрыть всю равнину в тылу союзников.

Ударная конница Деметрия пыталась отпугнуть слонов, метая в них дротики, прорываясь в промежутки между животными и гоня перед собой находившихся там легковооруженных. Однако слоны шли в несколько шеренг, и фригийские всадники повсюду натывались на их огромные бивни. Всадники окончательно утратили порядок, каждый сражался на свой страх и риск. Команды царя слышали только воины, находившиеся рядом с ним.

В результате превосходная фригийская конница растратила свои силы в лобовых атаках на линию слонов. Деметрий даже не сумел собрать ее, чтобы попытаться обойти фронт Селевка.

Почему Деметрий повел себя настолько безрассудно, удалившись с поля боя в самый решающий его момент и нарушив взаимодействие между ударным правым флангом и центром? Причина прежде всего лежала в особенностях

характера сына Антигона. Он хотел лично схватиться с Антионом, возможно, пленить его; успех вскружил Деметрию голову, бегство вражеской конницы означало для него не прелюдию к победе, а саму победу. Во-вторых, чтобы повернуть конницу, преследующую противника, нужно было время. Вероятно, Деметрий решил сделать это лишь тогда, когда он будет полностью уверен в разгроме противостоящих ему сил. В-третьих, ему мешало правильно ориентироваться в происходящем простое облако пыли.

Если стояла сухая погода, передвижения античных войск по полю боя поднимали настоящую «пылезавесу». Иногда она покрывала все расположение армий, вводя в заблуждение «штабы». Пыль стала одной из причин поражения Эвмена в Габие. Теперь, подняв своей атакой плотное облако над правым флангом, Деметрий мог не заметить происходящего в центре и слишком поздно сообразить, что нужно возвращаться.

Урок, который получил Пирр, участвуя в бое при Ипсе, был жесток, но сыграл значительную роль в формировании тактических навыков будущего эпирского царя: он никогда не будет нарушать взаимодействие между различными подразделениями своей армии.

Несмотря на все усилия Деметрия, ему не удалось добраться до отца. Антигон, всматривавшийся в двигавшиеся вокруг него отряды и все еще надевавшийся на появление сына, держался до последнего момента. В конце концов, почти все приближенные бросили царя, однако нападавшие так и не рискнули подойти к нему вплотную. Антигона убили метательным оружием: сразу несколько дротиков проббили роскошные царские доспехи.

Битва заканчивалась. Союзники взяли лагерь Антигона, разоружали пленных. Где-то на краю поля боя еще метался Деметрий, собирая вокруг себя последние сопротивлявшиеся отряды фригийской армии. Однако единственное, что он мог сделать сейчас, — это бежать со своими сторонниками в города, где еще стояли гарнизоны антигоновцев.

Г л а в а V

Из заложников в цари

Бегство Деметрия и Пирра. — Раздел державы Антигона между победителями. — Пирр как наместник Деметрия в Греции. — Пирр — заложник в Египте. — Брак с Антигоной. — Возвращение в Эпир, убийство Неоптолема III.

4000 всадников и 5000 пехотинцев — вот и все, что смог спасти Деметрий после битвы при Ипсе. Да еще рядом был верный Пирр, отличившийся в сражении, которое, казалось, похоронило мечту эпирского царевича о возвращении отцовского престола.

С такой армией Деметрий не мог предпринять ничего против соединенных войск союзников. К счастью, те, удовлетворенные результатами битвы, а особенно гибелью их главного врага, не стали организовывать преследование бегжавших с поля боя. Но Деметрий должен был торопиться, пока известие о поражении не привело к возмущению в городах, контролировавшихся верными ему войсками.

Ближайшей военной и морской базой, где можно было перевести дух, был Эфес. Отряд Деметрия прибыл туда почти одновременно с вестью о битве. К счастью, гарнизон не нарушил клятву и открыл беглецам ворота.

Зато граждан города охватило волнение: верность в те времена стоила дорого, и Деметрий мог попытаться расплатиться со своими спутниками сокровищами храма Артемиды Эфесской.

К радости горожан, царь не хотел прибавлять к поражению славу святотатца: у него в руках еще оставался мощный флот, несколько городов на побережье Малой Азии, Кипр, финикийские мегаполисы Тир и Сидон, наконец — почти вся Греция. Он мог вести себя как равный на неизбежных переговорах с победителями — если не допустит новых ошибок и не превратит себя в изгоя, проклятого богами и людьми.

Поэтому он оставил в Эфесе несколько тысяч человек и посадил остальной корпус на стоявшие в тамошней гавани корабли. Первой целью плавания была Киликия, куда Деметрий успел раньше союзников и потому спас от плена свою мать, Стратонику, лишив противника важного козыря в переговорах. Он перевез ее на Кипр, после чего отправился в Афины, надеясь личным присутствием предотвратить возможные эксцессы, а также создать новую армию на основе Коринфского союза.

Как выяснилось, даже молниеносное плавание в Киликию заняло слишком много времени: расчетливые афиняне успели принять решение, и оно было не в пользу побежденных.

Близ Кикладских островов флотилия Деметрия была встречена посыльными триерами афинян. Представители Афин уважительно, но твердо сообщили, что народ постановил «не принимать и не впускать в город никого из царей». Опасаясь быть втянутыми в мясорубку новых войн, афиняне постарались не рассориться с Деметрием, с показным почетом выпроводив в Мегару, где стоял гарнизон антигоновцев, его супругу Деидамию, и даже согласились вернуть царские корабли, стоящие в Пирее. Среди прочих там было огромное судно с 13 рядами весел, своего рода укрепленный замок, передвигавшийся благодаря огромному количеству гребцов, — правда, не имевшее настоящего военного значения, зато производившее сильное впечатление на современников.

Деметрий был крайне уязвлен неблагодарностью афинян. Он, освободивший Афины, фактически сделавший

этот город второй столицей «свободной» Эллады (после Коринфа), теперь оказался перед закрытыми дверями да еще должен был унижаться просьбами о выдаче флота.

Между тем в Греции дела Деметрия шли совсем скверно. Пелопоннесские города один за другим объявляли о своей независимости, изгоняли сторонников Антигонидов и начинали переговоры с Кассандром и Птолемеем: лишь там, где стояли царские гарнизоны, власть Деметрия была сохранена.

Центром его владений теперь стали Мегара и Коринф: эти города контролировали Истм, т. е. связи между Южной и Северной Грецией, поэтому терять их Деметрий не мог ни в коем случае.

Видя, что в Элладе ему придется ограничиться стратегической обороной, Деметрий решил поручить ее Пирру, назначив его представителем в Коринфском союзе, а фактически — наместником контролируемых войсками Антигонидов территорий. Сам Деметрий вместе с флотом и наемной армией отправился на север Эгейского моря, а затем к проливам. Он предпринял трехлетнюю маневренную кампанию: нападая с моря на владения своих противников, царь держал их в напряжении и в конце концов заставил признать себя равноправным участником переговоров.

Однако пока все это было впереди. Юный эпирский царь стал исполнять функции наместника Деметрия как раз в то время, когда союзники только начали дележ бывших владений Антигонидов.

Смерть Антигона не привела к всеобщему миру. При всей грандиозности полученной добычи, никто из победителей не был доволен своей долей. Все это грозило новыми войнами — вот почему Афины приняли решение не принимать у себя никого из царей.

Меньше всего досталось Птолемею, именно поэтому у него имелось более всего поводов для недовольства. Пока главные силы Лисимаха, Плейстарха и Селевка бились при Ипсе, он ограничивался удержанием Палестины и тех пунк-

тов, которые ему удалось занять в Келесирии. Ни главных городов Финикии, ни Кипра он не получил.

С другой стороны, крайне эгоистическое поведение Птолемея во время военных действий вызывало раздражение остальных союзников, особенно Селевка, который сам претендовал на Келесирию.

Кассандр развязал себе руки в Греции, где, правда, ему еще нужно было сломить сопротивление антигоновцев. Его брату Плейстарху «подарили» Киликию. Несмотря на богатство этой провинции, ее расположение между могучими царствами Селевка и Лисимаха делало самостоятельность Плейстарха призрачной. Он полностью зависел от настроения могущественных соседей.

В конечном итоге был недоволен и Селевк. Хотя царю Вавилона досталась вся Сирия, значительные территории в Малой Азии, на которые он мог претендовать, фактически ускользнули из его рук. Так, Каппадокию, базу Селевка зимой 302/01 г., взял под свой контроль Митридат Ктист, основатель Понтийского царства (тогда — Каппадокии Понтийской). Лежащие к западу от нее территории Фригии (Селевк получил ровно ее половину) поначалу также лишь номинально входили в державу вавилонского царя.

Более всего результатам раздела должен был радоваться Лисимах. Победа при Ипсе мгновенно сделала его царство, до этого слабейшее из всех государств диадохов, одним из самых мощных. Под его власть перешел весь запад Малой Азии с богатейшими греческими городами и густозаселенными землями. Для того чтобы сцементировать эти территории, необходимо было только отобрать у Деметрия Эфес.

Все те годы, которые Деметрий провел на востоке, бросаясь от Геллеспонта в Киликию¹, из Киликии в Финикию и Палестину, Пирр терпеливо охранял остатки его владений в Элладе. Кассандр в 300 г. попытался овладеть хотя

¹ Которую он уже в 299 г. благополучно отнял у Плейстарха, брошенного на произвол судьбы Селевком.

бы Средней Грецией, но потерпел в этом неудачу. Кроме Фив и еще двух-трех городов, остальные греческие территории сохранили свой суверенитет. Причем главным противником македонского царя, судя по всему, был не Пирр, а этолийцы.

Таким образом, между владениями Деметрия и землями Кассандра возник буфер из независимых государств Средней Греции, освободившихся от власти Антигонидов, но не капитулировавших перед македонской армией.

Еще большая неудача подстерегала Кассандра на западе. Пользуясь территорией вассального Эпира как базой, этот царь попытался овладеть Керкирой. Ему удалось сосредоточить мощный десантный флот, который перебросил на остров осадную армию и необходимые машины. Город Керкира был осажден и уже находился на грани капитуляции, когда на помощь островитянам прибыл сиракузский тиран Агафокл. Флот сицилийских греков разгромил македонские корабли: последние были либо захвачены, либо сожжены. Кассандр и его армия оказались заперты в ловушке.

Однако Агафокл не ставил себе задачу уничтожения македонского царя. Он ограничился заключением договора, по которому Керкира (а значит, и контроль над эпирской торговлей!) переходила в его руки, армия Кассандра же на сиракузских кораблях была переправлена на материк.

Неудачи 300-299 гг. явно пошатнули влияние Македонии в Эпире. Хотя Неоптолем III все еще находился у власти, эпироты наверняка обращали свои взоры к Пирру, уже прославившему свое имя во время великой войны и теперь, несмотря на юность, исполнявшему важнейшие административные функции в Греции.

Пирр сумел, несмотря на неблагоприятную военно-политическую конъюнктуру, сохранить для Деметрия костяк его западных владений. Во время военных действий в Греции, происходивших в 298-295 гг., Деметрий явно обладал не только землями на Истме, но и какими-то стратегически важными территориями в Северном Пелопоннесе: по

крайней мере, во время похода на Спарту в 295 г. первое сопротивление Деметрию было оказано лишь на юге Аркадии — области в центре этого полуострова. Отсюда можно сделать вывод, что ряд городов в Аркадии и, возможно, в Арголиде держали сторону сына Антигона. Хотя нам неизвестны подробности событий 300-299 гг., Пирр отстоял стратегический плацдарм своего патрона в Европе.

* * *

События, произошедшие после этого в жизни Пирра, обычно истолковывают как результат некоторых естественных политических комбинаций. В 299 г., уже помирившись с Селевком, признавшим власть Деметрия в Киликии и на Кипре, а также его «особые интересы» в Греции и Палестине, Деметрий провел успешную кампанию против египетского царя. Есть основания полагать, что на короткий срок под его власть перешла значительная часть Келесирии.

За этим последовали переговоры, на которых посредничал Селевк. Они завершились мирным соглашением: Птолемей, испугавшийся войны не только с неистовым сыном Антигона, но и с могущественным Селевком, пошел на какие-то территориальные уступки в Палестине и отдал за Деметрия свою дочь Птолемиаду. Подобного рода политические браки были обычным способом скрепить достигнутое соглашение (которое, правда, все равно чаще всего не соблюдалось). Невеста фактически становилась заложницей, которую потом приходилось выкупать, обменивая на города или солидную контрибуцию.

«В обмен» на Птолемиаду Деметрий отправил в Египет Пирра. Почему? Возможно, все знали, что царь без царства является его лучшим другом, братские чувства к которому будут порукой верности Деметрия заключенному договору. А быть может, это была своеобразная ссылка? Эпирский царь, успешно боровшийся за греческие владения своего покровителя, мог показаться Деметрию потенциальным со-

перником, и потому был отправлен в Египет, прежде чем авторитет этого юнца станет угрозой его власти.

Вне зависимости от того, дружба или ревность были причинами египетской «ссылки» Пирра, он явно обиделся на Деметрия. Наш герой не обладал даром смирения. Наоборот, пребывание в Египте для него было еще более тяжелым, потому что теперь он был совершенно оторван от Эпира. Будучи в Коринфе, он еще мог лелеять надежду на возвращение отцовского престола, ныне же Пирр очутился за тридевять земель от родины, да еще в крайне двусмысленной ситуации. Нужно было что-то предпринимать.

Плутарх говорит буквально следующее: «Там (в Египте. — Р. С.) на охотах и в гимнасиях Пирр сумел показать Птолемею свою силу и выносливость...»

Положение заложника при дворе египетского царя позволило Пирру наладить добрые отношения с семейством Птолемея. Несмотря на то, что его голова была ценой, которую Деметрий заплатил за мир, пока договор соблюдался, к Пирру (как и ко всем подобным знатым заложникам) относились не просто снисходительно, но и с должным вниманием. Он участвовал в царских развлечениях, бывал на приемах; вероятно, имел и свободу передвижения (по крайней мере в разумных пределах).

Пирр быстро почувствовал, кто способен ему помочь. В первую очередь он старался произвести благоприятное впечатление на Беренику, любимую жену Птолемея. Юноша правильно угадал, что она может оказать нужное ему влияние на царя.

Для этого Пирр показывал не только свою «силу и выносливость», но и любезное обхождение, быстро войдя в доверие к супруге Птолемея. С одной стороны, он не поддавался соблазну потопить свою тревогу и недовольство в распутстве и кутежах: наоборот, молосс вел жизнь «целомудренную и умеренную». С другой — Пирр не стеснялся показывать свою царственность и властность, не заискивая перед администраторами египетского царя и высокомерно относясь к простому люду.

Такая линия поведения быстро выделила его среди молодых людей, живших при дворе Птолемея. Как раз в это время искали жениха для Антигоны, дочери Береники от первого брака. Конечно, Антигона, будучи всего лишь приемной дочерью Птолемея, не могла стать настоящей «козырной картой» в политическом торге с другими царями, однако брак с ней делал мужа Антигоны человеком близким египетскому двору. Поэтому, как можно заключить из Плутарха, ее руки искали многие.

Тем не менее Береника выбрала именно Пирра. Когда же свадьба была сыграна и Пирр оказался хорошим мужем, всерьез начали думать над приданым.

Птолемей не собирался делиться своими владениями, лежащими за пределами Египта, тем более что они изрядно уменьшились в последние годы. Оставался единственный способ вознаградить зятя: восстановить его на эфирском престоле.

Однако для этого была необходима благоприятная политическая ситуация: пока что Птолемей не хотел ссориться ни с Деметрием, ни с Кассандром.

Поэтому Пирр наслаждался радостями супружеской жизни и учился, благо что в Египте было чему учиться.

Здесь Пирр увидел пример идеальной монархии — да таковой и было государство Птолемеев в течение как минимум столетия. Царям удалось добиться равновесия основных элементов государственной системы. Египтяне составляли основную массу крестьян, но из египтян же вышли многие администраторы, быстро усвоившие греческую культуру, а также большинство жрецов, хранителей древнейшей религиозной культуры, к которой греки всегда относились с почтением.

Эллины, в значительном количестве жившие в Египте, особенно в дельте Нила, еще до персидского завоевания, после основания Александрии распространились по всей долине Нила. Они стали управляющими в царских хозяйствах, но они же составили и мобильное сословие «буржуазии», благодаря которому Египет стал самой экономически

развитой страной в средиземноморском регионе. Постепенно их будут теснить иудеи, в большом количестве переселявшиеся из Палестины — этого аванпоста Египта, места постоянных войн с Селевкидами, — но в те времена иудейский народ только начинал свою удивительную карьеру в государстве Птолемеев.

Помимо своей административной и «капиталистической» деятельности эллины служили в армии: до конца III столетия Греция поставляла царям основную массу наемников. В Элладе имелись особые места, где собирались наемные отряды и где цари или действовавшие на свой страх и риск авантюристы заключали с ними соглашения. Самое крупное находилось на мысе Тенар, расположенном в Лакедемонне. Любопытно, что из всех греческих государств Птолемеи всегда имели особо теплые отношения именно со Спартой, снабжая ее деньгами, оружием, вспомогательными отрядами. Вызвано это было и принципиальным «девиантным» поведением Спарты, которая всегда противопоставляла себя большинству греческих государств, не склоняясь даже перед македонскими царями, и стремлением контролировать через Лакедемон рынок наемников.

Птолемеи пытались привязать наемничьи отряды к Египту, давали им значительные земельные наделы, однако так и не создали настоящие «поселенные войска». Семейства наемников-поселенцев либо вымирали спустя два-три поколения, либо покидали Египет.

Зато здесь всегда было много македонян. Они также служили в администрации, однако более всего их было в армии. Именно переселенцы из Македонии придали устойчивость войскам, с которыми Птолемеи отражали нашествия Пердикки, Антигона, Деметрия, Селевкидов. Македонские отряды сыграли важнейшую роль в сражениях при Газе (312) и Рафии (217) — величайших сухопутных победах Птолемеев. После битвы при Газе Птолемей попросту зачислил в свою армию 8000 пленников, сделав «популяцию» своих соотечественников в Египте еще большей.

Предметом особой заботы Птолемеев был флот. В Алек-

сандрии и других базах находились сотни кораблей, в том числе и суда с многими палубами. Хотя Деметрий вытеснил египтян из Восточного Средиземноморья, Птолемей I готовил контрнаступление с целью восстановления своего морского господства.

Хотел ли позже Пирр воплотить в своем государстве египетский образец? Если да, то в этом нет ничего удивительного. Основав столицу в Амбракии, т. е. за пределами этнического Эпира, стремясь поставить под свой контроль торговые города Италии и Греции, он шел по пути Птолемеев. Другое дело, что в его распоряжении никогда не было столь значительных территорий, которые могли бы поставлять и солдат в армию, и продукцию для международного сбыта. Потолок обычных мобилизационных возможностей Эпира едва ли превышал 20 000 человек, лишь в экстраординарных случаях он мог выставить больше, но Пирр никогда и не шел на призыв «стара и млада». Напомним, он был в первую очередь царем молоссов, власть его над другими эфирскими племенами не была абсолютной, как, например, власть македонских царей над македонянами. Структуру его государства можно изобразить следующим образом: Пирр был царем молоссов и гегемоном всего союза эфирских племен. Даже в Молоссии существовала должность протата (греч. «заступник», «наблюдатель»), который ограничивал власть монарха по отношению к соплеменникам.

Племенные различия Пирр так и не сумел ликвидировать; мы увидим, что через несколько десятилетий после его смерти Эфир превратится в конфедерацию полунезависимых народностей. Поэтому Пирру, чтобы войти в число ведущих государей Средиземноморья, приходилось искать новые земли: то в Македонии, то в Италии и на Сицилии, во время своего последнего похода — в Пелопоннесе.

В Египте Пирр увидел и бурное развитие наук: в Александрии по совету Деметрия Фалерского, последователя Аристотеля, был создан Мусейон, своего рода научный центр, где трудились лучшие ученые греческого мира. При

Музейоне существовала Библиотека — самая знаменитая в истории античности. В александрийской Библиотеке Пирр мог прочесть всевозможную литературу по военному делу — от упоминавшихся уже нами сочинений Энея и Ксенофонта до дневника, который велся в ставке Александра Великого.

Возможно, именно по примеру последнего Пирр в будущем решит увековечить свою жизнь, ведя (естественно, при помощи секретарей) дневник и сделав историка Проксена своим придворным анналистом².

Сколько пробыл Пирр в Египте, точно сказать трудно. У разных современных историков встречаются различные предположения — от одного года до четырех лет.

Наиболее вероятной датой возвращения его в Эпир представляется лето 296 г. К этому моменту произошло несколько событий, которые могли подтолкнуть Птолемея к созданию в Эпире плацдарма своего политического влияния. Во-первых, умер Кассандр. Эта, скажем прямо, не самая светлая личность времен диадохов (хотя кто из новоиспеченных царей мог быть назван «светлой личностью»?) тем не менее сумела на два десятилетия сплотить вокруг себя македонян. Кассандр был полководцем, способным, как мы видели, на смелые стратегические решения, вместе с тем он обладал трезвым умом и проводил последовательную политику раздела наследства Александра, прекрасно понимая, что идея восстановления единого государства Темидов является утопией.

После его смерти на краткое время к власти пришел Филипп, старший сын Кассандра. Вскоре этот болезненный молодой человек также скончался, и македонское царство оказалось в руках младших сыновей Кассандра — Антипатра и Александра. Первый из них был женат на дочери Лисишама Евридике, а второй — на дочери Птолемея Лисандре. Все это позволяло фракийскому и египетскому

²На сочинениях Проксена (к настоящему моменту утерянных) базировались многие античные историки, писавшие об эпохе Пирра, в частности — Плутарх.

царям надеяться на успешное вмешательство во внутримакедонские дела. Присутствие в Эпире благодарного Пирра было бы очень кстати для Птолемея.

Во-вторых, отношения между Птолемеем и Деметрием испортились. В 296 г., как раз когда сын Антигона осаждал Афины, близ берегов Аттики появилась значительная египетская эскадра. Хотя египтяне так и не попытались прорваться к Пирею, уstraшенные флотом Деметрия (против 150 кораблей Птолемея у него было около 300 судов), этот рейд был симптомом того, что Птолемей шел на открытый конфликт.

В-третьих, Птолемею, видимо, удалось сколотить антидеметриевскую коалицию: мы знаем, что в 295 г. некоторые азиатские владения Антигониды (Эфес, Кипр) оказываются совместно завоеваны царями Египта и Фракии.

За год до этого Пирр и был возвращен в Эпир (И. Дройзен даже высказывал предположение, что флот, появившийся близ осажденных Афин, был десантной эскадрой, перебрасывавшей в Эпир Пирра и сопровождавшие его наемные отряды).

В это время в Эпире по-прежнему правил Неоптолем III, сын Александра Эпирского. Мы знаем, что семейство Пирридов было довольно многочисленным. Так, например, после смерти Александра Македонского сатрапия Армения была отдана одному из командиров царских гипаспистов, которого также звали Неоптолемом и который утверждал, что происходит из рода эпирских царей. Вскоре он, правда, погиб от руки Эвмена, однако нет никакой гарантии, что в Греции или на эллинистическом Востоке в это время не имелись еще какие-то возможные претенденты на престол.

Так или иначе, если эпироты и имели альтернативные кандидатуры, выбрав Пирра, они приняли наилучшее решение. Удаленность Птолемея была гарантией автономии царства, а заинтересованность Египта в наличии противовеса македонским царям позволяла надеяться на всевозможную помощь.

Пирр вернулся на родину как соправитель Неоптоле-

ма. Вначале между его армией и отрядами, сохранившими верность Неоптолему, велись боевые действия (ход их нам не известен), однако Пирр, которому, похоже, не удалось «блицкриг», опасался вмешательства в эпирские дела внешних сил и предложил сопернику попросту разделить власть. Сыну Александра пришлось согласиться на это, так как после смерти Кассандра он потерял главную свою внешнеполитическую опору. К тому же одновременная власть двух царей была традиционна для многих греческих государств и не противоречила обычаям эпирских племен.

Неоптолем III едва ли был в восторге от произошедших перемен, да и Пирр прекрасно понимал, что наличие соправителя делает его власть условной. Хотя в Эпире не выработалось органов олигархического контроля над царской особой, подобных спартанским герусии или эфорату, двоецарствие могло спровоцировать жителей Эпира на создание системы, подобной лакедемонской.

Столкновение было неизбежно. Вопрос заключался только в том, кто первым нанесет удар и насколько серьезно он сможет обеспечить свое «алиби».

Празднества, которыми сопровождалось достижение соглашения между царями, послужили причиной для открытой конфронтации.

Вот как рассказывает об этом Плутарх: «По старинному обычаю, цари, совершая в молосском городе Пассароне жертвоприношение Аресу и Зевсу, присягают эпиrotам, что будут править согласно законам, и в свою очередь принимают от подданных присягу, что те будут согласно законам охранять царскую власть. Пока длился этот обряд, оба царя с многочисленными приближенными проводили время вместе, обмениваясь щедрыми дарами. Гелон, которому Неоптолем особенно доверял, дружелюбно приветствовал Пирра и подарил ему две упряжки подъяремных быков. Их попросил у Пирра Миртил, один из виночерпиев, а когда царь отказал ему и отдал быков другому, Миртил был жестоко оскорблен. Его обида не укрылась от

Гелона, который, как говорят, пригласил этого цветущего юношу на пир и, за вином овладев им, принялся уговаривать перейти на сторону Неоптолема и извести Пирра ядом. Миртил сделал вид, будто одобряет замыслы Гелона и поддается на уговоры, а сам сообщил обо всем Пирру. По его приказу он представил Гелону и начальника виночерпиев Алексикрата, готового якобы примкнуть к их заговору. Пирр хотел иметь как можно больше улик готовящегося злодеяния. Так был обманут Гелон, а вместе с ним и Неоптолем, который, полагая, что идет прямой дорогой к осуществлению своего умысла, не сдержался и на радостях открыл его приближенным. Кроме того, на пиру у своей сестры Кадмеи он все выболтал ей, думая, что ни один человек их не слышит, ибо рядом с ними не было никого, кроме Фенареты, жены Самана, ведавшего стадами и пастбищами Неоптолема, которая, казалось, спала на своем ложе, отвернувшись к стене. Но она все слышала и, тайком придя на следующий день к Антигоне, жене Пирра, пересказала ей все, что Неоптолем говорил сестре. Узнав об этом, Пирр поначалу не подал виду, но во время празднества пригласил Неоптолема на пир и убил его, зная, что это одобряют самые могущественные эпиrotы, которые еще раньше призывали его устранить Неоптолема и не довольствоваться долее принадлежащей ему частицей власти, не пренебрегать своими природными способностями, но обратиться к великим делам, а Неоптолема уничтожить при первом же подозрении, не дав ему времени что-либо предпринять».

Повествование Плутарха явно основывается на про-Пирровой версии произошедшего, составленной Проксеном. Не надо излишне идеализировать Пирра: он и сам был способен подготовить убийство соправителя. Все остальные подробности, в том числе и мнение «самых могущественных эпиrotов», могли появиться лишь потом, так сказать, в официальных коммюнике.

Однако и для Неоптолема возможность ликвидировать соперника — если предположить, что рассказанное Плутархом правда, — должна была казаться отличным выходом

из положения. Молосская аристократия — а именно она и определяла настроения в Эпире — избрала Пирра своим лидером: в ситуации безвременья, которая началась после смерти Кассандра, страна нуждалась в сильном монархе. Не избавившись от соправителя, Неоптолем не мог рассчитывать на сохранение власти. Большинство подданных было недовольно им: несколько лет, во время которых он занимал престол, не вывели Эпир из положения придатка Македонии.

Так что празднества, связанные с фактической коронацией соправителей, действительно были удобным поводом для покушения на Пирра: вспомним, как часто в Древней Греции убийства совершались именно в момент скопления народа. Многолюдье позволяло скрыться непосредственным исполнителям, а «заказчику» — воспользоваться замешательством народа и настроить его на нужный убийцам лад.

Как бы то ни было, Пирр нанес удар раньше Неоптолема и сумел добиться одобрения жителями Эпира своего поступка. Объединение Эпира в одних руках оказалось своевременным делом.

Кризис власти в Македонии развивался так стремительно, что уже в 295 г. Пирр получил возможность вмешаться в ее внутренние дела.

Г л а в а VI

Владыка Эпира и Македонии

Семейные дела Пирра. — Первое вмешательство в македонские дела. — Деметрий — царь Македонии. — Первая война Деметрия и Пирра. Поединок Пирра и Пантавха. — Новое вторжение Пирра в Македонию. — Пирр — царь Эпира и Македонии. Визит в Афины. — Керкира и Фессалия. — Война с Лисимахом. Македонская армия переходит на сторону последнего. — Пирр возвращается в Эпир.

Первый год единоличного правления Пирра оказался очень насыщенным. Едва расправившись с Неоптолемом, он заключил выгодный брак. Второй его женой стала Ланасса, дочь Агафокла Сиракузского, правившая Керкирой. Альянс с государем западных греков, чей флот успешно оспаривал господство у карфагенян в водах, омывающих Сицилию и Ливию, был почетным и выгодным делом. А так как по условиям брачного контракта на все время замужества Керкира переходила в совместное владение царственной пары, Пирр поспешил сладить дело. Мечта эпирских властителей оказалась достигнута: торговый остров теперь обеспечивал прямые контакты с городами Италии и Сицилии.

Словно в качестве компенсации своей первой жене, Антигоне, которая уже в Эпире родила ему сына (названного,

по понятным причинам, Птолемею), Пирр построил на побережье Ионийского моря город Береникиду. Новые города в это время образовывали путем соединения нескольких близлежащих деревень, жителям которых при их переселении в новый город давали на несколько лет налоговые льготы. Вполне вероятным будет предположение, что застройка Береникиды имела целью развитие городской жизни в Эпире, а также создание для его государства современной торговой и военно-морской базы. Впрочем, вполне возможно, что Пирр, пребывавший под впечатлением Александрии, попытался и у себя на родине создать нечто подобное египетскому чуду.

Ланасса была весьма ревнивой дамой. Она еще терпела рядом с собой приемную дочь Птолемея, однако Пирр, окруживший себя по принятому его современниками-царями обычаю наложницами, быстро настроил против себя новую жену. Ланассу бесило, что Керкира не стала решающим аргументом в пользу выбора ее покоев: Пирр предпочитал ей варварских «девок» — некую княжну из северного племени пеонов и Биркенну, внучку царя тавлантиев.

Ланасса в конце концов сочла Пирра варваром, недостойным ее объятий (и ее приданого), однако ей пришлось несколько лет терпеть, прежде чем она получила удобную возможность для разрыва.

А пока что Пирр нашел прекрасный повод стать одной из важнейших фигур на Балканах. В начале 295 г. Александр и Антипатр окончательно рассорились друг с другом. Античная традиция даже приписывает последнему убийство матери, которая якобы во всем поддерживала Александра.

Вместе с Антипатром в Македонии стремились к вла-

1 Мы уверены, что именно с наследством Биркенны были связаны военные действия, которые Пирр вел в южной Иллирии, в частности, в районе Аполлонии, в период между своим воцарением в 296 г. и отплытием в Италию. Невозможно установить ни точной даты этих операций, ни их характера, но несомненно, что юг Иллирии при Пирре находился под контролем молосского царя.

сти сторонники Лисимаха. Нет ничего удивительного, что Александр почувствовал угрозу собственной жизни и бежал из страны.

Ему нужен был сильный союзник. Таким мог стать Деметрий, очевидный противник Лисимаха, обладавший значительными вооруженными силами. Правда, существовала опасность, что этот человек потребует за помощь чрезмерную плату, а придя в Македонию, по своей воле уже не захочет ее покидать. Однако Александр решил рискнуть, отправившись в лагерь сына Антигона.

В это время Деметрий, добившись капитуляции Афин, спешил использовать моральное впечатление, которое оказал на Грецию этот успех, и вел активные военные действия в Пелопоннесе. Главным его противником на полуострове была Спарта, точнее — ее царь Архидам, получивший круглую сумму из Египта и попытавшийся объединить под своим началом всех недовольных агрессией Деметрия.

Военные действия развивались удачно для сына Антигона. Он беспрепятственно проник в Аркадию и близ Мантинеи нанес поражение армии Архидама. При этом Полиоркет использовал сильный северный ветер, приказав поджечь леса, скрывавшие позиции его противника. Огонь заставил спартанцев в беспорядке ретироваться, так что следующая схватка произошла только под стенами самой Спарты.

И вновь армия Архидама была разбита. Лакедемоняне вынужденно отступили за укрепления своего города. Да, это так: спартанцы, многие века гордившиеся тем, что их столица была единственным греческим городом, не нуждавшимся в стенах, еще в 317-316 гг., опасаясь нападения Кассандра, построили вокруг Спарты укрепления. Македония была лакомым куском, однако Деметрий, оказавшийся на пороге громкого успеха, предпочел синицу в руках. Он пообещал Александру помощь, но в реальности не дал ему ни одного солдата.

Тогда македонский царевич отправился в Эпир. Здесь он застал Пирра, уже начавшего создавать при помощи еги-

петских советников сильную национальную армию. Эпир 295 г. разительно отличался от Эпира тех десятилетий, когда над ним явно или скрыто властвовал Кассандр.

Пирр пошел навстречу царственному просителю. Однако в качестве платы за свою помощь он потребовал значительные территории. Прежде всего он имел виды на Паравею и Тимфею — горные области на границе Эпира и Македонии, которые со времен правления Филиппа II, отца Александра Великого, фактически находились под властью македонских царей. Эти небогатые, немногочисленные земли имели важнейшее стратегическое значение. Получая их, Пирр обретал контроль над перевалами, ведущими в Фессалию и в долину Галиакмона.

К Паравее и Тимфее эпирский царь желал прибавить греческие области вокруг Амбракийского залива: Акарнанию, Амфилохию и Амбракию. Амбракия при этом становилась его столицей.

Земли вокруг Амбракийского залива привлекали Пирра и многочисленным экономически активным греческим населением, и богатыми городами, и, опять же, своим стратегическим положением — подобное приращение эпирской территории позволяло Пирру не беспокоиться за связи со своими всегдашними союзниками этолийцами: теперь общая граница с Этолийским союзом стала в несколько раз длиннее.

Александр не задумываясь согласился с условиями Пирра. Сговорчивость этого легкомысленного молодого человека в один день сделала Эпир одним из крупнейших государств Балкан, уже готовым к борьбе за гегемонию в греческом мире.

Получив от Александра необходимые гарантии, Пирр поднял эпирское ополчение и, перемешав его с отрядами, привезенными из Египта, выступил в Македонию (см. карту № 5). Характерно, что в Македонию двинулись далеко не все наличные эпирские войска. Значительные отряды были выделены для немедленного занятия областей, великодушно пожертвованных Александром.

Нам не известен маршрут похода Пирра в 295 г. Мы знаем лишь, что наступление эпирских войск было для Антипатра неожиданным. Он бежал во Фракию к Лисимаху, а Пирр, овладев равнинной Македонией без единой крупной стычки, начал осаду городов, защищаемых отрядами Антипатра.

Неожиданность похода, ставшая залогом его успеха, подсказывает, что Пирр ворвался в Македонию, используя самую короткую дорогу. Такой дорогой был путь из Тимфеи, в центральной части которой находится стратегически важная система долин, образованных верховьями Аоя, Аратфа, Пеней, к проходам в Перребии и Элимии (именно их в 317 г. защищал Полисперхонт). Тот, кто контролировал Тимфею, оказывался хозяином горного массива на границе Перребии и Элимии (Линконские горы), т.е. Македонии и Фессалии. Отсюда он мог идти либо на север, в долину Галиакмона, либо на юг, в долину Пеней.

Стратегическая важность этого массива может быть подтверждена примером из более поздней истории. Во время II Македонской войны римляне несколько лет (201—199) пытались организовать наступление на Македонию с северо-запада, из района Аполлонии и Эпидамна, уже оккупированных ими. Именно сюда перебрасывались войска из Италии и Сицилии. Однако эта война превратилась в серию грабительских набегов (самым значительным из которых был набег консула Публия Сульпиция, достигшего в 200 г. через Орестиду горных районов Элимии), а также небольших, главным образом кавалерийских, стычек.

Чтобы нанести удар в самое сердце державы Филиппа V (кстати, потомка Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета), знаменитый римский полководец Тит Квинкций, избранный в 199 г. консулом и получивший в качестве провинции Македонию, принимает иной стратегический план. Он делает своей базой Керкиру и привлекает на свою сторону значительное число эпирских кланов. Прежде всего он старается овладеть долиной реки Аой, чтобы получить доступ к указанному нами стратегическому району.

Филипп V, прекрасно понимавший важность этого пути в свое царство, попытался удержать римлян близ Антигонии — города, расположенного перед теснинами в среднем течении Аоя. После длительной позиционной борьбы Титу Квинкцию (не без помощи местных жителей) удалось найти тропы, ведущие в тыл македонян, и те были вынуждены ретироваться.

В результате римляне проникли в Тимфею, а оттуда попали на горный хребт, разделяющий Перребию и Элимию. Вскоре в их руках оказалась Фессалия, и Филипп в 197 г. при Киноскефалах был вынужден принять генеральное сражение, проигрыш которого означал поражение Македонии в этой войне.

Тит Ливий в своей «Истории Рима от основания города» при описании похода Тита Квинкция упоминает местность под названием «Пирров лагерь», находившуюся как раз там, где течение Аоя образует границу Молоссии и Тимфеи. Это место было очень удобно для создания военной базы, из которой эфирский царь легко достигал Линконского массива, а также мог отправиться в сторону Аполлонии и своих друзей тавлантиев, через землю которых, напомним, шло северное стратегическое направление военных действий с Македонией. Из данной местности, судя по всему, Пирр и организовывал большинство своих походов в соседнюю страну.

В 295 г. ему, однако, так и не удалось овладеть Македонией полностью. Лисимах в это время был занят длительной войной с северными варварами (гетами), которая шла в долине Истра (Дуная), и не мог оперативно перебросить войска на помощь Антипатру. Тогда он попытался остановить наступление Пирра при помощи хитрости. В лагерь эфирского царя было отправлено подложное письмо, якобы написанное Птолемеем. В нем от имени египетского царя Лисимах советовал Пирру прекратить войну, взяв у Антипатра в качестве отступного 30 талантов.

Пирр сразу понял, что письмо подложное. Оно начиналось словами: «Царь Птолемей приветствует царя Пирра»

вместо «Отец приветствует сына» (именно так Птолемей I обращался к эфирскому царю). Однако Пирр остановил военные действия. Плутарх рассказывает об этом так, будто эфирский царь сделал это скрепя сердце. Действительно, еще несколько недель, и вся Македония была бы в его руках.

Но вот вопрос: смог бы он ее удержать? Рано или поздно Лисимах вернулся бы из похода против гетов и Пирр оказывался вовлечен в войну с одним из самых могущественных правителей того времени. А ведь на юге оставался Деметрий, как раз в это время быстрым маршем двигавшийся через Истм.

Таким образом, подложное письмо стало удобным поводом для вывода из щекотливой ситуации. Пирр «отработал» свои обязательства перед Александром. Тот овладел значительными землями в центральной Македонии и мог вести переговоры со своим братом о разделе царства.

Вскоре состоялся конгресс, на котором Александр и Антипатр легко договорились о границах своих уделов. Пирр должен был выступить гарантом этого договора.

Едва ли ему нравилась эта роль: во-первых, она лишала его права претендовать на приращение принадлежащих ему земель за счет Македонии, а во-вторых, вынуждала вступить в борьбу с Деметрием и Лисимахом, так как ни тот, ни другой в конечном итоге не были довольны произошедшим и могли попытаться изменить ситуацию в Македонии в свою пользу.

И вновь нашелся повод для уклонения от излишних обязательств. В самом начале ритуала жертвоприношения, которое должно было скрепить достигнутое соглашение, одно из трех жертвенных животных неожиданно издохло. Хотя большинство присутствующих рассмеялись и призвали привести нового барана, Пирр воспользовался этим, чтобы отказаться от немедленной ратификации договора. Он надел маску крайнего ревнителя обрядовых правил: смерть животного означает нежелание богов признавать нынешнее соглашение. Плутарх говорит, будто его личный прорица-

тель, Теодот, успел шепнуть Пирру на ухо, что произошедшее указывает на скорую гибель одного из царей.

В конце лета 295 г. Пирр вывел свои войска из Македонии. Он сделал это вовремя, так как в то же самое время отряды Деметрия появились на юге Фессалии.

Сын Антигона был разъярен. В момент его наивысших успехов в Пелопоннесе он узнал о катастрофе в своих восточных владениях. Отряды Лисимаха взяли Эфес, а Птолемей разбил эскадру, оборонявшую побережье Кипра, высадил на этом острове десантный корпус и занял все кипрские города, кроме Саламина. Да и последний уже находился на грани капитуляции.

Изменения в Македонии были еще одной причиной для беспокойства. Кризис власти развивался там настолько быстро, что на севере Балкан могла сложиться крайне неприятная для Деметрия ситуация: либо Лисимах, либо Пирр, воспользовавшись слабостью Македонии, могли оккупировать ее и полностью заблокировать Деметрия в Греции.

Сын Антигона не мог допустить этого. Пока Лисимах находился далеко от театра военных действий, Деметрий хотел ворваться в Северную Грецию, чтобы получить хоть что-то от македонского наследства.

Едва проводив Пирра, Александр был вынужден разбираться с очередным своим «другом». Неизвестно, какие обещания македонский царь давал Деметрию во время пребывания в Пелопоннесе, но формально теперь он не был должен ничего: Александр обошелся без его помощи.

Деметрий уже достиг города Дий на юге Македонии. Здесь его встретил Александр и любезно поблагодарил за желание оказать дружескую услугу. Притворно поздравив сыновей Антипатра с достижением согласия, Деметрий повернул назад. Александр согласился сопровождать его в Фессалию, не догадываясь о замысле своего «покровителя».

Между тем Деметрий стремился подалее выманить македонского царя из его столицы. Достигнув Лариссы, ар-

мии расположились на отдых. По мнению Плутарха, Александр задумал избавиться от Деметрия и сам готовил покушение на него. Однако и в этом случае жертва нанесла удар первой. После одного из пиров охранники Деметрия убили Александра и всех его приближенных. Плутарх говорит: «Как сообщают, один из македонян, умирая, сказал, что Деметрий опередил их всего лишь на один день».

Убийство Александра было воспринято его армией равнодушно. Главное, чего боялись македоняне, это не обрушит ли на них Деметрий репрессии. Узнав, что он всего лишь стремился спасти свою жизнь (очередная официальная информация, о степени истинности которой мы судить не можем, но которая с облегчением была встречена обеими сторонами), те провозгласили Деметрия своим царем и предложили ему выступить против Антипатра.

Деметрий не ломался и в несколько переходов достиг македонской столицы. Его пропаганда работала на полных оборотах: македонянам напоминали, что Антипатр — матереубийца, что Кассандр совершил тяжкие преступления против семейства Александра Великого, что правление этого семейства превратило страну в вассала — кто бы мог подумать! — Фракии и Эпира, что Деметрий — как раз тот царь, который вновь сделает Македонию великой...

И македоняне с восторгом встречали сына Антигона. Никто не оказывал ему сопротивления, Антипатр опять бежал к Лисимаху, так что осенью 295 г. Пирр получил в соседях своего бывшего друга и покровителя. Правда, теперь они были врагами.

Впрочем, произошли события, которые вынудили Деметрия отложить выяснение отношений с Эпиром. Капитулировал Саламин на Кипре, и в руки Птолемея попала Филадельфия, супруга новоиспеченного македонского царя, а также их дети. Поскольку Деметрий имел в качестве заложницы вдову убитого им Александра, дочь египетского государя, Птолемей с почетом отправил Филу и все

ее семейство в Пидну. В свою очередь Деметрий отпустил вдову Александра и не начал немедленных военных действий против Пирра — очевидного ставленника Птолемея.

Кроме того, вскоре в Средней Греции началось освободительное движение: воспользовавшись появлением отряда спартанского кондотьера Клеонида, против Деметрия восстали Фивы. Опасаясь утратить контроль над путями, ведущими в сторону Истма, Деметрий быстро направил свою армию к Фермопилам и, обнаружив проход незанятым, вторгся в Беотию. Вскоре Фивы были окружены и подвергнуты правильной осаде. На Деметрия всегда работали лучшие инженеры и механики. Вот и сейчас они возвели огромные осадные башни, установили тараны, камнеметы — и город капитулировал.

Одновременно Деметрий подавил попытку восстания в Афинах. Победа позволила ему поставить в главных городах Средней Греции свои гарнизоны и администраторов, надзиравших не только за внешним курсом его вассалов, но и за внутривластной деятельностью партий. Как говорит Дройзен, «в сущности, Афины стали теперь провинциальным македонским городом».

* * *

Первое открытое столкновение Деметрия и Пирра произошло только в 291 г. Мы не знаем, чем был занят Пирр до этого времени. Поскольку его правление зависело от благорасположения эпиротов, он должен был чередовать меры по укреплению власти с популистскими действиями. Присоединение греческих земель вокруг Амбракийского залива и старинных эпирских провинций принесло ему славу. Однако народная память коротка, так что Пирру наверняка приходилось непросто. Упрочить его положение могла победа, желательна не бескровная, как это произошло в случае с восстановлением на престоле Александра. Чтобы стать не просто авторитетным, но обожаемым государем,

Пирр должен был победить кого-то из царей, а еще лучше — одолеть его в поединке.

И вот в 291 г. на Балканах началась новая серия столкновений. Первым выступил Деметрий: на этот раз объектом его вождения стала Фракия. Лисимах в очередной раз воевал в долине Дуная с Дромихетом, царем гетов, причем воевал крайне неудачно. Северные варвары избрали тактику, которая некогда принесла скифам победу над армией персидского царя Дария: они заманили войско фракийского царя на равнину, а затем окружили его многочисленными отрядами конных лучников. Постоянно обстреливаемая варварами, лишенная возможности добывать воду и продукты питания, армия Лисимаха начала разлагаться и в конце концов была вынуждена капитулировать.

Деметрий решил воспользоваться ситуацией во фракийском царстве и весной-летом 291 г. сосредоточил свою армию в окрестностях Амфиополя. Целью его похода был Фракийский Херсонес и в первую очередь Лисимахия. Если бы Лисимах задержался в плену у гетов, он вполне мог потерять царство.

Но Дромихет полагал, что побежденный им царь Фракии будет куда более покладистым южным соседом его государства, чем энергичный и непредсказуемый Деметрий. Он заключил с Лисимахом мирный договор и отпустил его вместе со штабом и ближайшими друзьями.

Фракийский царь поспешил в столицу, надеясь успеть организовать ее защиту до прибытия македонян. Но его опасения были напрасны: Деметрий, едва перейдя границу, повернул назад. В Греции вновь начиналось восстание.

В очередной раз его центром стали Фивы. Но на этот раз беотийцы сумели заручиться заморской поддержкой: Египет наверняка не хотел сосредоточения в руках Деметрия и Македонии, и Греции, и Фракии.

Фивы должны были стать стратегической ловушкой для македонян. Едва Деметрий прошел со своими войсками в Среднюю Грецию, Пирр неожиданно вторгся в Фессалию и

с севера перекрыл Фермопильский проход. Сколько войск ему удалось сосредоточить для этого броска, сказать трудно: наверняка какие-то силы были отправлены и в Этолию — на тот случай, если Деметрий решит в ответ нанести удар по Молоссии прямо через Беотию и Этолию².

Главный расчет наверняка делался на брожение среди македонян: высокомерие Деметрия уже успело настроить против него новых подданных. Достигнув успеха, этот человек быстро уверял себя, что уж теперь-то обеспечил славное будущее, и легкомысленно отмахивался от всяческих проблем. Деметрий был убежден в своей богоизбранности, в способности при любой неудаче упасть, словно кошка, на четыре лапы...

И восстание произойдет — но лишь два года спустя. Пока что Деметрия терпели — или боялись. Нужен был какой-то большой провал, чтобы македоняне покинули его.

Узнав о выступлении Пирра, македонский царь оставил под стенами Фив своего сына, Антигона Гоната, с блокадным корпусом и бросил большую часть своей армии на Фермопилы.

Поскольку расчет на восстание не оправдался, Пирр решил не вступать в сражение со страшным противником. Он быстро отвел свою армию за эпирскую границу. Деметрий не последовал за ним, считая, что в первую очередь необходимо довести до конца осаду Фив. Он оставил в Фессалии 11 000 пехотинцев и всадников, которые должны были охранять дороги, ведущие в Македонию, с остальными же войсками вернулся в Беотию.

Осада Фив, продолжавшаяся с осени 291 по весну 290 г., стала одним из самых известных военных событий в истории войн диадохов. Как и пятнадцать лет назад, при оса-

² Греческое восстание, правда, оказалось локальным и затронуло только Беотию, поскольку Антигон Гонат, сын Деметрия, командовавший македонскими оккупационными войсками в Греции, разбил фиванцев в полевом сражении и запер их в городе еще до подхода отца. Этолийцы ограничились занятием Фокиды, так и не спустившись с гор на помощь фиванцам.

де Родоса, Деметрий не жалел сил и средств для создания осадных сооружений. Им была воздвигнута огромная передвижная башня, начиненная метательными орудиями, снабженная таранами и перекидными мостиками, благодаря которым можно было доставлять на стены штурмовые группы. Верхние ее этажи возвышались над укреплениями Фив, что давало возможность простреливать прилегающие к стенам улицы.

Сама по себе башня была настолько укреплена, что была своеобразным фортом, который невозможно было взять или разрушить неожиданной вылазкой. Однако для ее передвижения требовались огромные усилия: тысячи людей под прикрытием переносных щитов расчищали и разравнивали местность, другие тысячи дюйм за дюймом придвигали ее к городу. На расстояние в 600 шагов понадобилось два месяца.

Параллельно Деметрий оказывал постоянное давление на линию укреплений фиванцев. Его отряды то в одном, то в другом месте подступали к стенам. Преимущество македонского царя в живой силе было настолько велико, что он мог не жалеть крови своих воинов. Говорят, Антигон Гонат попытался вразумить отца, говоря, что тот только напрасно губит храбрых воинов. В ответ на это Деметрий с царственным цинизмом заявил, что павшие не требуют довольствия.

Следует отметить, что и сам македонский царь ходил на приступ, даже был ранен. Казалось, он шантажировал свою судьбу, требуя от нее либо совершенного успеха, либо смерти в бою.

Боги в очередной раз поддались на его шантаж. Когда осадная башня оказалась близ линии укреплений, Фивы капитулировали. На этот раз победа выглядела впечатляющей и окончательной. Хотя Деметрий не разрушил Фивы, как это когда-то сделал Александр Великий, отныне они оказались под абсолютным его контролем.

Следующим шагом была расправа с Пирром. Деметрий болезненно воспринял его прошлогоднее вторжение

в Фессалию. Деидамия к тому моменту была уже мертва, и никакие родственные узы не связывали бывших друзей.

Зиму 290/89 г. Деметрий провел в Македонии, готовя кампанию против Пирра и этолийцев. Ему вновь сопутствовало везение: Ланасса окончательно рассорилась с Пирром и вернулась на Керкиру. Поскольку Агафокл, этот старый сиракузский монарх, был еще жив, Пирр не решился предпринять против нее что-либо. Между тем Ланасса предложила Деметрию стать его женой, чтобы, во-первых, защитить свои владения, а во-вторых, отомстить брошенному ею мужу.

Агафокл также оказался настроен против Пирра. В 289 г. он и Деметрий обменялись посольствами — македонский царь, похоже, всерьез подумывал о том, не сможет ли он претендовать на наследство Агафокла в случае смерти последнего.

Так или иначе, но Пирр и его союзники этолийцы оказались предоставлены сами себе.

Весной 289 г. вспыхнула давно ожидавшаяся война. Начал ее Деметрий вторжением в Этолию: с одной стороны, чтобы лишить Пирра союзника, с другой же — чтобы выманить его из оборонительных позиций в Тимфее.

Мы не знаем, по каким дорогам Деметрий вошел в Этолию. Существовало два возможных направления удара. Первый — из южной Фессалии и Фтиотиды через опасные горные дороги (впрочем, проходимые для армии, особенно при отсутствии упорного сопротивления). Второй — из Беотии через Фокиду и Дориду: здешние пути были значительно лучше.

Плутарх сообщает, что зимой 290/89 г. в Македонии зрело недовольство из-за постоев армии Деметрия, которую он, следовательно, вернул сюда из-под Фив. Можно думать, что весной 289 г. он, стараясь не терять времени, вторгся в Этолию через Фессалию. Но не менее вероятно, что наступление на союзную Эпирскую землю началось с подготовленных баз в Средней Греции.

Так или иначе, этолийцы не сумели остановить Деметрия. Они оставили свои селения, укрывшись в горах, и начали партизанскую войну. Македонский царь решил на этот раз не ограничиваться опустошением края, оставив в Этолии большой корпус под командованием своего испытанного стратега Пантавха. Остальная часть армии во главе с Деметрием вторглась в Эпир.

К этому моменту Пирр уже перебросил армию на юг своего царства. Он не мог оставить этолийцев в беде и потому, переправившись через Аой, вошел в их земли. С ним явно были все войска, которые Пирр только мог собрать в Эпире. В борьбе с Деметрием им могла помочь только предельная мобилизация всех сил и отчаянная отвага.

Македонский царь знал о прибытии Пирра и сам шел ему навстречу. Однако то ли проводники запутались в этолийских долинах, то ли разведка у армий — по печальной греческой традиции — отсутствовала, то ли противники в последний момент решили избежать прямого столкновения, но армии разминулись. Пока Пирр углублялся в Этолию, Деметрий перешел эпирскую границу и начал опустошение ее прибрежных областей. Он предполагал, что Пантавх задержит противника, сам же хотел преподнести Пирру урок, который навсегда отбил бы у него охоту тягаться силой с царем Македонии. Вскоре к эпирскому побережью подошел флот, высланный Ланассой. Деметрий переправился на Керкиру и пышно отпраздновал свадьбу с дочерью Агафокла.

Пытаясь совместить полезное с приятным, Деметрий совершенно не заботился о том, что происходит у него в тылу. А там Пирр столкнулся с Пантавхом: не одолев его, эпирский царь не мог преследовать армию Деметрия. Едва ли битва с македонским корпусом произошла сразу после перехода Пирра через Ахелой: мы видели, что Деметрий имел достаточно времени для опустошения Эпира и даже для переправы на Керкиру. Следовательно, войска какое-то время маневрировали: Пирр старался при-

соединить к себе разрозненные отряды этолийцев. Наконец где-то в центральной Этолии произошло решающее сражение.

К величайшему сожалению, сведения об этой битве еще более отрывочны, чем о сражении при Ипсе. Основу войск составляла пехота: прекрасные македонские фалангиты и гипасписты, греческие пельтасты на стороне Пантавха, эфирские педзетеры, обученные и вооруженные по македонскому образцу у Пирра. Конница не упоминается — в этолийских долинах ей трудно было развернуться.

Армии быстро сошлись врукопашную. Долгое время на поле боя царило полное равновесие: если эфироты и превосходили корпус Пантавха численностью, то македоняне, гордые славой своих отцов, не могли допустить и мысли о том, что их недавние вассалы смогут одолеть лучшие в мире войска. На место павших вставляли новые воины: фаланги сходились грудь с грудью — но лишь для того, чтобы быть отброшенными назад встречным ударом и, собравшись с силами, снова атаковать врага.

Как и во многих других случаях, перелом в сражение мог внести какой-нибудь неожиданный фактор. И Пирр, и Пантавх понимали это. Македонский стратег решил прибегнуть к традиционному способу: он начал громко вызывать на бой эфирского царя. Окруженный своими друзьями и телохранителями Пантавх двигался вдоль рядов сражающихся, разыскивая Пирра.

Тот понял, что наступил «момент истины». Хотя Пантавх был известен как энергичный военачальник и прекрасный воин — лучший «поединщик» из всех стратегов Деметрия, — Пирр знал, что не имеет права отказываться от схватки. Иначе эфирские воины будут сомневаться в его отваге и праве быть их царем.

Призывая на помощь Ахилла, своего легендарного предка, Пирр приказал воинам первых рядов расступиться и появился перед Пантавхом. Оба военачальника были об-

лачены в прочные, но удобные доспехи, приспособленные именно для пешей схватки.

Вначале поединщики метнули легкие копья, но оба отразили их щитами. После этого, обнажив мечи, бросились друг на друга. Как фехтовальщики полководцы оказались на высоте. Они не боялись ран, но вместе с тем не только отважно нападали, но и умело защищались, уклоняясь от ударов.

В полном согласии с искусством фехтования того времени, они стремились поразить незащищенные части тела противника. Первым это удалось сделать Пирру: он ранил Пантавха в бедро. Правда, почти в тот же момент меч македонянина оставил глубокую отметину на его правой руке. Из ран хлестала кровь, но военачальники словно не замечали ее, не обращали внимания на боль.

Пирр теперь едва ли мог наносить мощные удары, зато рана на бедре лишила Пантавха подвижности. Это и сыграло главную роль в исходе поединка. Пирр в конце концов сумел достать мечом полоску кожи на шее между шлемом и доспехом — это был искуснейший выпад! Пантавх рухнул на землю, но когда Пирр уже готовился добить его, телохранители македонского стратега, до этого не вмешивавшиеся в поединок, устремились на эфирского царя и буквально вырвали из его рук тяжелораненого военачальника. Моральное впечатление от поражения Пантавха оказалось очень сильным. Македоняне заколебались, а эфироты, увлекаемые друзьями царя, утроили свои усилия. В результате строй противника был прорван, и воины Пантавха начали разбегаться, бросая свое тяжелое оружие. Однако горная местность позволила привычным к ней эфиротам догнать их, многих уложить на месте и взять в плен 5000 человек.

Пирр стал по-настоящему знаменит. Победа была добыта не каким-то тактическим ухищрением, но в буквальном смысле слова руками эфирского царя. Вера в Пирра его армии и народа стала отныне безграничной; даже опустошение Эпира войсками Деметрия не ставили ему в вину.

Солдаты дали своему вождю прозвище Орел (греч. Аэт)³, которое Пирр носил с гордостью.

После победы эпироты предоставили этолийцам окончательно очистить свою страну от македонян, а сами вернулись на родину.

Деметрий оказался в сложном положении. Лучшая часть его войска была разбита, остальные отряды разбросаны. Он спешно покинул Керкиру и приказал своим подразделениям уходить в Македонию. Подробности этой части кампании 289 г. нам также неизвестны. В конце лета мы застаем Пирра восстановившим контроль над всей территорией своего царства, а разболевшегося Деметрия — в Пидне. Болезнь его была вызвана излишествами, сопровождавшими бракосочетание с Ланассой, и расстройством из-за неудачи, действительно ставшей началом заката счастливой звезды этого великого человека.

Узнав о болезни своего врага, Пирр решил отплатить за разорение Эпира. Его армия быстро перешла границу и по проторенному маршруту вторглась в Македонию. Поначалу Пирр ограничивался грабежом селений, поджогом имений, принадлежавших Деметрию, взиманием контрибуций с небольших городов. Однако, к его великому удивлению, многие македонские гарнизоны и отдельные отряды стали переходить на сторону эпиротов. Когда Пирр разбил свой

³ Говорят, что, услышав, как его называют Орлом, Пирр ответил своим солдатам: «Как же иначе? Не ваши ли мечи служат мне маховыми перьями?»

Возможно, прозвище Аэт было вызвано не только доблестью Пирра, но и орлиными перьями, украшавшими его шлем. Вообще, согласно античным историкам, шлем Пирра, помимо султана из орлиных перьев, был увенчан козлиными рогами (символ Диониса). Иногда царь надевал на него венок из дубовых листьев — напоминание о Додонском святилище Зевса. Правда, на самом известном из имеющихся изображений Пирр (мраморная голова с виллы Пизонов, раскопанной в Геркулануме) запечатлен в шлеме, являющемся разновидностью фессалийской кавалерийской каски, снабженной защитным козырьком и нащечниками, напоминающими о фракийском шлеме. Единственное украшение этой весьма скромной каски — венец из дубовых листьев.

лагерь на границе Эмафии, т. е. внутренней Македонии, местные воины стали толпами приходить к нему и наниматься на службу. Эпирский царь понял, что победа над Пантавхом взбудоражила македонян и он может рассчитывать на нечто большее, чем просто добыча. Выступив из лагеря, он вскоре был уже под Эгами, древней столицей македонских царей.

Только теперь Деметрий очнулся. Его полководцы сумели сосредоточить сохранившие верность части и перекрыть дорогу в прибрежные земли царства. Едва почувствовав облегчение, к армии присоединился Деметрий. Он открыл свои сокровищницы и набрал новых солдат взамен перешедших на сторону врага. После этого все еще страшный царь Македонии выступил на Эги.

Пирр не стал вступать в сражение: можно думать, что в его походе участвовали лишь подвижные отряды эпиротов. Македонян, перешедших к Пирру на службу, было недостаточно для того, чтобы создать фалангу, равную Деметриевой.

Эпироты начали отступать к горам. Деметрий устремился за ними со всей своей армией. Поскольку эпироты тащили за собой обоз с награбленным имуществом, македонскому царю удалось догнать их. В предгорьях Элимии его конница отрезала замыкающие отряды Пирра, отеснила от горных проходов, а затем подоспевший Деметрий уничтожил их. Благоразумный Пирр предпочел увести большую часть своего войска на родину. Хотя в конце похода он потерпел чувствительную неудачу, поведение македонян осенью 289 г. стало для него хорошим признаком.

Во всяком случае, Деметрий не решился продолжать войну с Эпиром. Зимой 288 г. между ним и Пирром был заключен мирный договор — эпирский царь был вынужден признать брак Деметрия и Ланассы, т. е. потерю Керкиры, однако за ним сохранялось все остальное царство, в том числе и горные проходы, ведущие в Фессалию и Македонию.

* * *

Деметрий, столкнувшись с упорным сопротивлением эпиротов, решил кардинально поменять свою политику. Мир с Пирром можно расценивать как признание им поражения, а можно — и как желание обеспечить свой тыл перед началом грандиозного предприятия, которое македонский монарх задумывал уже давно, вероятно, сразу после известия о капитуляции Саламина на Кипре.

Он хотел вернуть владения своего отца, утраченные после Ипса, а при возможности — повторить поход Александра. Десятилетняя борьба, которая сделала его хозяином Греции и Македонии, позволила ему собрать в своих руках фантастические финансовые и людские ресурсы. Он по-прежнему щедро расплачивался с наемниками и слыл удачливым предводителем, потому к нему на службу шли пираты, бандиты, кондотьеры, просто неудачники, надеявшиеся под стягом царя Македонии сколотить себе состояние. Помимо этого он мог заставить Коринфский союз и Македонию провести настоящую мобилизацию, поставив в его армию тысячи гоплитов и, что было не менее необходимо, гребцов для флота.

Приготовления к походу начались сразу после заключения мира с Пирром. Вырубались древние леса, и на главных верфях государства Деметрия — Коринфе, Пирее, Халкиде и Пидне — строилось просто-таки космическое число кораблей. Согласно античным историкам, одних военных судов Деметрий заложил 500, в том числе и огромные корабли-«дредноуты» с 15 и 16 рядами весел. По настоящему подготовить древесину для такого числа судов, равно как и проконтролировать их качество, времени не было. Но царь Македонии полагал, что уже одним своим количеством они подавят любое сопротивление на море. (Плутарх превозносит большие суда македонского царя, утверждая, что, в отличие от гигантских кораблей тех же Птолемеев, их можно было не только показывать на параде, но и использовать в бою.)

Армию, готовую к отплытию на восток, в древности оценивали в 110 000 человек, в том числе 12 000 всадников. И здесь упор делался не на качество, а на количество. Впрочем, Деметрий полагал, что ни один из его противников не сможет выставить полевую армию, подобную этой. После первого же успеха он мог призвать солдат противника перейти на его сторону, компенсируя свои потери за счет врага.

Если цифры, приводимые древними историками, реальны, то вместе с экипажем судов и армейскими «тыловыми службами» Деметрий должен был собрать более 300 000 человек. Для Балкан, уже истощенных оттоком населения в основанные Александром Великим колонии, уходом энергичных молодых мужчин в наемные армии новоиспеченных восточных государей, это была чрезмерная нагрузка. В армию и флот Деметрия должен был идти каждый третий взрослый мужчина с подконтрольных ему территорий: процент, сопоставимый со временами Великой Отечественной войны...

Естественно, подобная мобилизация вызывала недовольство. Однако до поры до времени оно ограничивалось разговорами да попытками саботажа, которые пресекались властью.

Поскольку быстро подготовить такую экспедицию было невозможно, цари, правившие эллинистическим востоком, вновь, как и в 303 г., получили стратегическую фору. Опять внешний враг вызвал их объединение, создание последней настоящей коалиции в истории эллинистических государств. Лисимах Фракийский, Птолемей Египетский и Селевк Сирийский находились в сложном положении, так как не могли заранее знать, чья территория станет первым объектом нападения Деметрия. Более или менее очевидным казалось, что он попытается отбить Кипр и уже с этой великолепной стратегической базы предпримет дальнейшие действия. Птолемей укреплял дельту Нила и подступы к Александрии, Селевк — города на сирийском побережье; Лисимах вообще снес Эфес и построил несколько в

стороне от него город Арсиною, который постарался обнести неприступными стенами.

Однако этого было мало. Лучший способ обороны — нападение, а союзники имели к тому достаточные ресурсы.

Было решено вновь перенести войну на территорию противника. Лисимах концентрировал войска в европейской части своих владений. Египетский флот, уже почти восстановивший свою гегемонию на востоке Средиземного моря и, что важно, в Эгейском бассейне, появился близ греческих берегов. Появление египтян для греков означало призыв к восстанию. Лишь дипломатическое искусство Антигона Гоната удерживало Элладу под властью Деметрия. И наконец союзники обратились к Пирру с предложением нанести в решающий момент удар в спину их врага. В случае успеха ему была обещана Македония (или большая ее часть), а значит, молосский царь становился главой одной из сильнейших держав Европы.

Искушение было слишком велико. Подогреваемый прежней благодарностью к Птолемею, памятью о недавнем успехе в войне против Деметрия, а главное — неожиданным поведением македонян во время его похода 289 г., Пирр согласился.

Македонский государь чувствовал, что вокруг него начинает затягиваться петля. Дабы не подвергать свои балканские владения угрозе, он решил нанести превентивный удар. Ближайшим врагом Деметрий счел Лисимаха. В начале 287 г. будущая Восточная армия стала концентрироваться на границе с Фракией. В случае разгрома Лисимаха царь Македонии мог бы предпринять комбинированное наступление на владения противников: флот направился бы к Кипру, а сухопутная армия, следуя примеру Александра Великого, переправилась бы через Геллеспонт.

Но до боевых действий с Фракийским царством дело вновь не дошло. В события вмешался Пирр. В очередной раз он беспрепятственно прошел через Линконский массив и вторгся в Элимию. Официальная эпирская пропаганда освятила это событие вещим сном, приснившимся царю:

Пирру явился сам великий Александр, который приветствовал его, хотя лежал на ложе совершенно больной и, казалось, не мог даже подняться. Он обещал помочь Пирру своим именем, после чего неожиданно сел на боевого коня и отправился в путь впереди эпирского войска.

На этот раз с Пирром были не только подвижные части, но и линейные войска. Первое сопротивление эпиротам оказал город Бероя. Пирр был вынужден штурмовать его, зато, захватив крепость, разбил под ее стенами лагерь, получив прекрасную позицию прямо в центре Македонии. Отдельные его подразделения доходили до моря, опустошая окрестности Пидны. Другие легкие эпирские части угрожали Эгам и Пелле — древнейшим македонским городам.

Призывая проклятья богов на голову Пирра, нарушившего договор, Деметрий оставил в Амфиполе часть сил, остальные же направил к Берое. Он знал уже о том, что разношерстная армия волнуется, и опасался, как бы она не перешла на сторону фракийского царя, чья мать была македонянкой и кого солдаты могли счесть своим. С этой точки зрения Пирр казался ему менее опасным.

Однако это оказалось роковой ошибкой. Едва Деметрий разбил лагерь близ позиций Пирра, множество македонян, уже перешедших на сторону эпирского царя, явились в его расположение и стали расхваливать молосского монарха. По их словам, он единственный сочетал в себе доблесть Александра с царственным великодушием, милостью и простотой в отношении тех, кто был ему верен.

Большинство македонян, входивших в армию Деметрия, стали сами восхвалять Пирра. Им надоело деспотичное, претенциозное правление сына Антигона, вечно обуреваемого безумными проектами. Для того чтобы сторонники Пирра могли узнавать друг друга, они, по примеру эпирского царя, нацепили дубовые ветви себе на головы.

Некоторые осмелились пробраться в царскую палатку и объявить Деметрию, что тот должен сложить с себя царские регалии, передав их молоссу. За какие-то сутки армия настолько прониклась отвращением к Антигонидам,

что даже Деметрий, вечно витавший в облаках, понял серьезность положения. Ему пришлось переодеться македонским пастухом (темный широкий плащ, широкополая шляпа) и бежать из лагеря. За любовь к помпезным нарядам и манерному поведению Деметрия за глаза называли «трагическим актером», но теперь именно способность к перевоплощению спасла ему жизнь.

Едва солдаты Деметрия узнали, что их вождь бежал, они тут же бросились к его шатру и разграбили его. Чтобы царское имущество не было потеряно, Пирр был вынужден ввести в лагерь македонян свои части. Вскоре порядок был восстановлен, и сходка македонских солдат, взявшая на себя функции войскового собрания, объявила Пирра своим царем.

Деметрий надеялся, что другие отряды, находившиеся в Македонии, сохранят ему верность. Однако корпус, стоявший близ Амфиполя, капитулировал перед Лисимахом, а все другие гарнизоны с радостью приветствовали избрание Пирра.

Тогда Деметрий был вынужден бежать в Деметриаду — город на юго-востоке Фессалии, где стояли части, не замешанные в движении сторонников Пирра. Как рассказывают греческие историки, узнав о несчастье своего мужа, Фила, находившаяся в Деметриаде, приняла яд.

Положение в Фессалии также было тревожным. Свергнутый с престола монарх не решился оставаться в Деметриаде. Вновь переодетый в простолюдина, он направился на юг, в свои греческие владения. Здесь Антигон Гонат в очередной раз проявил свои задатки государственного мужа: лишь Афины, узнав о событиях близ Берои, поднялись против Деметрия и изгнали его сторонников из города, правда, так и не сумев освободить свои гавани, Пирей и Муний. Антигон как раз собрал армию, с которой собирался выступить в Фессалию, когда в его лагере появился отец.

Стремясь сохранить в своих руках хотя бы Элладу, Антигоны направились к Афинам. Они имели всего 10 000 солдат, но этого корпуса оказалось достаточно, чтобы веко-

ре поставить афинян в сложное положение. Во время восстания в городе не было достаточных запасов продовольствия, и, хотя многие государства пообещали афинянам помощь — даже Спарток, царь далекого Боспора Киммерийского, направил им 15 000 медимнов хлеба, — не совсем ясно, как эти караваны могли добраться до Афин, если отряды Деметрия прочно удерживали гавани.

Необходимо было срочное вторжение извне. Птолемей, Лисимах, Селевк, хотя и обещали поддержку, были слишком далеко. Оставался Пирр.

Именно к нему направилось афинское посольство. Новый царь Македонии ответил согласием, поскольку получал в свои руки прекрасный повод для вмешательства во внутригреческие дела. Его армия — в массе своей составленная из оставивших Деметрия македонян — направилась в Аттику. У нас нет никаких свидетельств о сопротивлении, оказанном Пирру отрядами Антигонидов. Даже Фермопилы не были заблокированы. Могло показаться, что в Грецию вступал новый ее гегемон.

Но Пирру не суждено было сполна использовать свой триумф при Берое. Первое разочарование ожидало его еще до начала похода. Лисимах занял Амфиполь и потребовал своей доли македонского пирога. Едва ли это предусматривалось предварительными соглашениями, так что можно понять раздражение эпирского царя. Тем не менее он проявил осторожность, и в руки фракийского царя перешла Мигдония — область, лежащая между Амфиполем и рекой Аксий. Аппетиты Лисимаха не просто раздражали Пирра, они должны были его насторожить. Царь Фракии явно ждал лишь удобного случая, чтобы попытаться овладеть всем бывшим государством Кассандра. Поэтому во время похода в Грецию Пирр не имел права на риск.

Новая разочаровывающая весть ожидала государя молоссов уже в Средней Греции. Афиняне, пользуясь приближением его армии, вынудили Деметрия пойти на переговоры и в конце концов снять осаду. Антигоны отвели войска в афинские гавани и на Истм: они также за-

няли выжидательную позицию, готовые и к упорной обороне, и к контрнаступлению, если Пирр совершит какую-то ошибку.

Новый царь Македонии должен был почувствовать эфемерность своей власти и ее зависимость от настроения полученной в наследство от Деметрия армии. Да и со стратегической точки зрения его положение было не самым блестящим: Антигониды сохраняли контроль над Фивами, их отряды еще занимали прибрежные города Фессалии, в том числе Деметриаду с ее мощной морской базой. В любой момент Деметрий мог высадиться здесь и перерезать коммуникации Пирра. Хотя Пирр и совершил поход впустую, требовать чего-то от афинян, призвавших его в Аттику, он не мог. Это мгновенно снизило бы эпирские акции в глазах восточных царей, столь пекшихся о свободе Греции, а особенно—Афин. Оставалось превратить военную операцию в красивый дипломатический жест.

Именно это и сделал Пирр. Он привел армию в Аттику, всячески выказывая свои дружеские, союзнические намерения. В город вошел лишь небольшой отряд, составленный из лучших солдат и друзей царя. Их встречали с восторгом: Афины в очередной раз оказались под обаянием идеи восстановления греческой свободы. Уважительное, осторожное поведение Пирра казалось им признаком наступления золотых времен. Молосскому царю даже разрешили взойти на Акрополь и принести там жертву Афине, что превращало его в своеобразного почетного гражданина города.

Любопытна фраза, которую произнес Пирр, когда прощался с гостеприимными афинянами. Он поблагодарил их за доверие и добавил: «А лучше было бы, если бы вы не пускали в город вообще никого из царей».

Помимо проявления политкорректности по отношению к Афинам — этому символу свободы Эллады — Пирр провел переговоры с представителями Антигонидов. Обе стороны были вполне удовлетворены условиями. Пирр закреплял за собой Македонию и, видимо, часть Фессалии, при-

мыкавшую к его границам. Все остальные греческие земли возвращались под контроль Деметрия, за исключением Афин, которым была гарантирована свобода⁴.

Соглашения с Афинами, Лисимахом и Антигонидами даровали Пирру несколько лет спокойного правления (сообщения о том, что Пирр правил в Македонии лишь семь месяцев, — очевидная ошибка). Он наверняка чувствовал себя счастливым человеком: Пирр добился славы, которой не обладал ни один из молосских правителей, а вместе со славой пришла власть над самым знаменитым народом своего времени. Именно тогда при его дворе появляются многие яркие личности, в том числе фессалиец Киней, которого античные авторы называют одним из самых даровитых дипломатов той эпохи. «Киней своими речами взял для меня больше городов, чем я сам сделал это с мечом в руках», — говорил Пирр. Помимо дипломатических способностей этот человек обладал даром ученого, а также военного теоретика. Специально для Пирра, а точнее для офицеров его армии, Кинеем было составлено краткое изложение военной энциклопедии Энея Тактика.

Приближая к себе ярких людей, Пирр старался прослыть человеколюбивым правителем. Он не только не отказывал просителям, как это некогда делал высокомерный Деметрий, но наоборот, стремился показать себя царем в самом что ни на есть старинном смысле этого слова: быть первым среди равных.

Умел он и прощать. Плутарх рассказывает следующие анекдоты, характеризующие личность Пирра: «Однажды некто из Амбракии ругал и позорил Пирра. Все приближенные полагали, что следует отправить этого человека в изгнание, однако Пирр воспротивился. Он сказал: "Пусть

⁴ Впрочем, остров Саламин, а также афинские гавани остались во власти Антигонидов, державших таким образом афинян под постоянной угрозой.

лучше останется на месте и бранит нас перед малым числом людей, чем, странствуя, позорит повсюду"». «Как-то раз уличили юношей, которые поносили царя во время некой попойки. Пирр, вызвав их к себе, спросил, действительно ли они вели подобные разговоры. На это один из провинившихся отвечал: "Правда, царь. Но мы бы наговорили и еще больше, имей больше вина". Пирр рассмеялся и приказал отпустить всех».

Главной его заботой были македоняне, а точнее — армия, провозгласившая его царем. Эти люди уже привыкли к воинской жизни, которая казалась им лучшим делом, чем возвращение к крестьянскому быту. Армию нужно было занять делом, дать ей возможность захватить добычу. Да и кормить армию, выплачивать ей жалованье легче на неприятельской территории.

Мы знаем о двух военных предприятиях Пирра, которые относятся ко времени его правления в Македонии. Прежде всего он вернул под свою власть Керкиру. Поскольку военный флот как таковой у Эпира отсутствовал, приходилось искать союзников. Здесь очень кстати оказалась помощь жителей Тарента, того самого города, который приглашал когда-то Александра I Эпирского и который в скором будущем предложит Пирру переправиться на Апеннинский полуостров. Хотя сообщение о помощи тарентинцев содержится только у Павсания («Описание Эллады»), который часто приводит недостоверные факты, интерес италийских греков к «керкирской проблеме» был вполне объясним. Теперь, когда Пирр присоединил к своей державе Македонию, в его руках находились гавани на Эгейском море, а следовательно, и торговые пути через Балканы. Враждебная Эпиру Керкира во главе с Ланассой мешала торговым связям, поэтому тарентинцы предпочли видеть этот остров в руках своего стратегического партнера.

Затем Пирр начал военные действия в Фессалии против Антигонидов. Этому способствовало решение Деметрия все-таки отправиться в свой восточный поход. Собрал

около 11 000 человек и погрузив их на оставшиеся у него суда, он направился в Малую Азию (286). В создавшихся условиях это было не более чем авантюрой. Хотя в течение целого года сыну Лисимаха Агафоклу и Селевку не удавалось блокировать небольшую армию Деметрия, прошедшего с боями всю Малую Азию — от Эфеса до Аманских проходов на границе Сирии, в конце концов Селевк захватил его в плен. В почетном плену у сирийского царя Деметрий и умер в 283 г.

В этих условиях его сыну Антигону, оставленному Деметрием в Греции в качестве наместника и наследника, было крайне непросто. Хотя военные действия с Пирром сводились по сути к грабительским набегам, власть Гоната в Фессалии пошатнулась. Интересно, что нарушить мирный договор с Антигонидами Пирра побудил Лисимах, которого очень встревожило развитие событий в Малой Азии после высадки там Деметрия. Опять владыка Фракии хотел загребать жар чужими руками — и вновь у него это получилось.

Мы не знаем, почему это произошло, но действия Пирра все-таки настроили против него македонян. Возможно, они ждали от него совсем другой внешней политики — более агрессивной, удачливой, приносящей им славу и добычу. Вместо этого молосс занялся решением локальных задач.

А может быть, они так и не признали его своим. Фактор чужеземной крови в жилах Пирра, большое количество эпиротов, окружавших его, могли настораживать македонян, испугавшихся, что их страна превратится в придаток государства молоссов.

В 284 г. Лисимах неожиданно начал военные действия против Пирра. Нам известна только развязка этой кампании. Перейдя через Аксий, Лисимах угрожал северным областям Македонии. Пирр перебросил сюда армию и расположил ее лагерем близ города Эдесса (Эги). То ли место для лагеря было выбрано неудачно, то ли Лисимах после пленения Деметрия сосредоточил в европейской части сво-

его царства огромные силы, но ему удалось окружить армию Пирра.

Это окружение было не тактическим, а скорее оперативным. Источники не сообщают нам о позиционных сражениях вокруг лагеря, однако Лисимах смог перехватить шедшие к Пирру продовольственные обозы и вызвать в расположении противника голод.

Поначалу македонские отряды хранили верность присяге, которую они принесли Пирру. Тогда самым знатным из его сторонников были направлены из лагеря Лисимаха письма с предложениями оставить эфирского выскочку, чьи предки были подвластны македонянам, и перейти на сторону Лисимаха. Царь Фракии особенно упирал на то, что он и по крови своей матери был их сородичем, и к тому же принадлежал к ближайшим друзьям великого Александра.

В какой уже раз македонская армия предпочла избрать простейшее решение. В один прекрасный день Пирр понял, что не может опираться на свои войска. Чтобы не стать жертвой неожиданного нападения, он собрал отряды эпитрогов, а также служивших у него тавлантиев и этолийцев и внезапно покинул лагерь.

Лисимах не преследовал противника, прекрасно понимая, что македонские города теперь автоматически перейдут под его власть.

Неожиданно вознесенный на вершину успеха, столь же неожиданно Пирр был сброшен вниз. Мы не знаем, что творилось в его душе и где он искал союзников для совершения мести. Антигон Гонат был слишком слаб, чтобы можно было на него рассчитывать, да и недавняя вражда не располагала к этому. Оставался старый покровитель и друг Птолемей. Но тот болел, а в следующем, 383 г. скончался. Смена правления всегда вызывает период бездействия во внешней политике — и в Египте Птолемею II было нужно время, чтобы заново отстроить внешнеполитические связи.

Так что Пирру оставалось затаиться за перевалами эфирских гор и ждать...

Глава VII

Гесперия

Последний всплеск войн диадохов. — Смерть Лисимаха, Селевка, воцарение в Македонии Птолемея Керавна. — Греки в Италии. — Передвижения народов на Апеннингах в VI-IV вв. — Греческие предводители на службе у Тарента. Итальяское царство Александра Эфирского. Клеоним. — Экономическая мощь Тарента. — Политическая ситуация и расстановка сил к 282 г. — Римско-тарентинская война и начало похода Пирра.

Хотя и лишившийся Македонии, Пирр имел в руках достаточно мощную боевую машину, чтобы с ним считались. Перестройка армии завершалась, в любой момент она могла быть пущена в действие. Как и любой действительно великий человек, Пирр после неудачи стал только сильнее, и эту силу вскоре должны были ощутить его соседи. Правда, едва ли сам Пирр предполагал, куда через несколько лет забросит его судьба.

Пока эфирский царь пребывал в видимом бездействии, на территории бывшей державы Александра произошли события, вновь перетасовавшие военно-политическую колоду.

Поводом для этих событий стал вопрос о престолонаследии в египетском царстве. Старший сын Птолемея I (от Евридики, дочери Антипатра) Птолемей Керавн был лишен права первородства. Наследником престола, а с 285 г. и соправителем, стал сын Береники Птолемей Филадельф.

Керавн (т. е. «громовая молния» — то же самое, что «Перун»), известный своим пылким нравом, покинул Александрию и направился во Фракию, к Агафоклу, сыну Лисимаха. Фракийский царевич доводился ему свояком, так как был женат на родной сестре Керавна. (Ее звали Лисандра, и интересно, что женой Агафокла она стала после смерти своего первого мужа, Александра, сына Кассандра, убитого Деметрием.) Эта поездка стала началом столь многих коллизий, что оценить ее результаты мы можем только сейчас.

При дворе фракийского монарха царил совсем не идиллическая атмосфера. Лисимах не отличался особой любовью к своим детям. Несколько лет назад, когда его дочь Евридика попыталась уговорить отца отдать занятую им после первого договора с Пирром западную Македонию своему мужу Антипатру, казалось бы имеющему все права на нее, Лисимах приказал убить своего зятя, а надоедливую дочь отправил в темницу. Вот и теперь возникли напряженные отношения между Арсиноей, молодой супругой Лисимаха (кстати, дочерью Береники), и Агафоклом, сыном последнего от второй жены, Никеи. Здесь явно прослеживается классический мотив борьбы за престолонаследие. Агафокл был официально объявлен наследником престола; во время операций против Деметрия в 285 г. он показал себя талантливым полководцем, умевшим найти общий язык с армией. Подобный наследник показался Арсиное опасным для ее будущего и будущего ее детей.

Арсиною не остановило даже то, что женой Агафокла была ее сводная сестра. Она сумела привлечь на свою сторону Керавна, который выступил против собственной сестры и вместе с Арсиноей оклеветал Агафокла в глазах его отца. Лисимаха убеждали, что наследник давно уже хочет занять престол и лишь ищет способ убить царя.

Павсаний в «Описании Эллады» добавляет драматическую историю греховной и безнадежной любви Арсиной к Агафоклу. Получив отказ, она испугалась, что Агафокл откроет все Лисимаху, и постаралась избавиться от царского сына.

К этому моменту многие люди в окружении государя Фракии были на ее стороне. Так что Лисимах, удрученный к тому же мощным землетрясением 283 г., превратившим в груды руин его столицу Лисимахию, приказал заключить Агафокла в тюрьму, а затем — тайно умертвить его. Поручалось это Птолемею Керавну, который явно рассчитывал на получение каких-то бонусов от успешной интриги.

Вдова Агафокла бежала вместе с детьми к Селевку и приложила все возможные усилия к тому, чтобы побудить того начать войну с Лисимахом.

Смерть Агафокла, «зоной ответственности» которого были малоазийские владения фракийского царя, вызвала недовольство значительной части офицеров и чиновников. По приказу Арсиной многие из них были казнены. Часть недовольного офицерства, чтобы избежать гибели, бежала в сирийское царство. Лишь один из друзей Агафокла решился на открытое восстание — зато он принадлежал к важнейшим лицам в иерархии государственного управления.

Речь идет о Филетере из Тианы, который был хранителем казны Лисимаха, находившейся в Пергаме. Он взбунтовал отряды, охранявшие хранилище, а также гарнизоны близлежащих пунктов. Понимая, что в одиночку он не сможет бороться со все еще могучей государственной машиной Лисимаха, Филетер послал верных людей к Селевку с предложением передаться под его власть.

Лисимах оказался на пороге гражданской войны, которая могла сопровождаться внешней интервенцией: не только Селевк теперь имел достаточный повод вмешаться во внутренние дела фракийского царства, но и Птолеми едва ли потерпели бы опасное усиление роли Керавна при дворе Лисимаха.

Выяснив в самый разгар репрессий против сторонников Агафокла, что последний был совершенно невиновен, Лисимах попытался как-то исправить положение. Арсиноя была отстранена от государственных дел. Их дочь, также названную Арсиной, срочно отправили в Александрию. Ее

брак с Птолемеем II должен был обезопасить фракийского царя хотя бы со стороны моря.

Керавн был удален от двора. Может быть, Лисимах и не преследовал его открыто, но явно принизил его статус до уровня одного из изгнанников, которых немало жило при правящих дворах того времени.

Честолюбивый отпрыск египетских царей не смирился с этим. Вместе с преданными людьми он бежал на восток, к Селевку. Трудно сказать, какие замыслы витали в его голове в тот момент, но перед сирийским царем он предстал в роли просителя о помощи. Ему легко удалось убедить Селевка, что Птолемей I нарушил право первородства.

Царь почти всей Азии понял, что может вмешаться не только во фракийские, но и в египетские дела. При его дворе царило возбуждение: сирийская армия имела возможность последовательно покончить с двумя оставшимися соперниками, в худшем случае низведя их до положения вассалов, в лучшем же — восстановив державу Александра в прежних границах. Селевк не учитывал лишь, что Керавну нельзя было доверять — ни в коем случае.

Объектом первого удара избрали царство Лисимаха. Птолемей I был еще жив; пользуясь этим, Селевк заявил Керавну, что поможет тому получить трон, но лишь после смерти его отца. Пока что сирийская армия выступила на запад, вторгшись в пределы царства Лисимаха.

История этой войны нам почти не известна. Фракийский государь собрал в Македонии армию, с которой переправился в Азию, и в первую очередь попытался восстановить власть над отложившимися территориями. Но он даже не добрался до восточных границ своей державы. Отряды Селевка наступали быстро и решительно, сирийского царя еще более воодушевляло пришедшее как раз в начале кампании известие о смерти старого Птолемея. Птолемей II едва ли рискнул бы в самом начале своего правления ввязаться в широкомасштабную войну.

Через год Лисимах потерял почти всю Азию, отступив перед противником к Геллеспонту. Возможно, он отходил

на свои резервы или на переправлявшиеся из Фракии и Македонии подкрепления, чтобы увеличить свою армию. Единственным затруднением для Селевка стало взятие цитадели Сард, защищавшейся неким Теодотом. Поскольку это место издревле считалось неприступным и начиная с осады Сард Киrom Древним взять ее удавалось лишь в результате неожиданного маневра или обмана, Селевк не спешил со штурмом. Он предложил 100 талантов за голову коменданта города. О нравах того времени свидетельствует тот факт, что Теодот предпочел сам открыть городские ворота перед Селевком, а не ждать, когда его убьет кто-то из собственных воинов.

Решающее сражение произошло в конце зимы 282/81 г. близ Курупедии (в Геллеспонтской Фригии). Наверняка не обошлось без измены отдельных военачальников — таков уж был обычай, печальный для побежденных, приятный для победителей. Лисимах, несмотря на старость, погиб с оружием в руках. Его убил ударом копья некий Малакон из Гераклеи. В пылу схватки место гибели фракийского царя было потеряно. Лишь ночью Лисимаха опознали благодаря его собаке, отгонявшей от погибшего мародеров и падальщиков. По просьбе Александра, побочного сына Лисимаха, также бежавшего в свое время в Сирию, ему было выдано тело отца, которого затем с подобающими почестями похоронили в Лисимахии.

Битва при Курупедии поставила вопрос о судьбе Фракии. Селевк наверняка не собирался полностью уничтожить Фракийское царство, однако большая часть азиатских владений Лисимаха переходила под его власть. Точно так же Селевк собирался прибрать к своим рукам Македонию. Он утверждал, что им движет тоска по родине, на которой он не был более полустолетия. Но всем были ясны подлинные мотивы этого похода.

Весной 281 г. Селевк привел в порядок дела в Малой Азии (правда, он так и не смог установить свой протекторат над черноморским побережьем малоазийского полуострова — в Вифинии, Гераклее, Понте). Летом несмет-

ные полчища сирийского царя начали стягиваться к Геллеспонту. В конце августа 281 г. Селевк ступил на землю Европы.

Создание мирового государства, причем куда более спаянного, централизованного, чем держава Александра, казалось неизбежным делом. Города Фракийского Херсонеса открыли ворота перед Селевком. В Македонии также никто не собирался оказывать ему сопротивление.

Если бы не Птолемей Керавн за спиной...

Ткань античной истории составляют не только великие события, сражения, полководцы, народные движения. Особая страница в ней — это оракулы, предвещавшие судьбу великих людей. Оракулы, которые никогда не ошибались, даже если люди понимали их смысл только в последний момент своей жизни.

Селевку оракул предрекал смерть в Аргосе. Поскольку этот город лежал в Пелопоннесе, где Селевк никогда не бывал и не собирался побывать — по крайней мере в ближайшее время, — он был абсолютно спокоен за свою жизнь, когда направлялся к Лисимахии.

Неподалеку от столицы Фракийского царства находился алтарь, который якобы когда-то поставили аргонавты, проплывавшие через Геллеспонт по пути в Колхиду. Селевк захотел осмотреть это место. Как раз в то время, когда царь был занят расспросами местных жителей и услышал, что они называют это место «Аргос» (в честь аргонатов), к нему подобрался Керавн и ударом меча в спину поразил его.

Селевк умер тут же, на месте. Мировая империя погибла, когда до ее основания оставался один шаг. История свято сохраняла место, которое потом займет Рим.

Сейчас нельзя уже сказать, чего было больше в поступке Птолемея — отчаяния или же расчетливого коварства. Нет сомнений, что резко возросшее могущество Селевка могло вызвать недовольство у многих его подданных — особенно новых, из малоазийских владений Лисимаха, которые не рассчитывали на полное поглощение бывшего Фра-

кийского царства восточным монстром. Птолемей наверняка имел сношения и со своей сестрой, Арсиной, в этот момент находившейся в Кассандрии и всю интриговавшей в пользу своего восемнадцатилетнего сына от Лисимаха (как будто с целью окончательно запутать читателей тоже названного Птолемея).

Однако Арсиноя была далеко, а малоазийские контингенты составляли меньшинство в армии Селевка. Так что произошедшее сразу же после убийства возможно понять, лишь предположив факт абсолютного равнодушия к судьбе своего предводителя, которое вдруг охватило сирийскую армию. Мы видели уже, как македоняне раз за разом меняли царей, исходя из соображений сиюминутной выгоды. То же самое произошло и сейчас. Армия Селевка была слишком велика, да и Селевк уже являлся в первую очередь государем, а не полководцем, так что между сирийским царем и его войском не существовало настоящей спайки. Безропотное подчинение новому вождю могло показаться солдатам Селевка более предпочтительным, чем месть убийце и неминуемые распри за верховенство в войске и в государстве.

Итак, Птолемей сумел скрыться с места преступления. Он направился в Лисимахию, где его спутники возложили на чело Керавна царскую диадему. Именно в таком виде — в царской порфире, с диадемой на голове, в окружении вооруженных до зубов всадников — Птолемей выехал навстречу армии, которая приближалась к городу в совершенном беспорядке и растерянности. Непонятно, что делали в этот момент высшие офицеры сирийцев. Видимо, они так и не выработали единой позиции по отношению к случившемуся, и армия вела себя как совершенно безвольный организм.

Птолемей тут же воспользовался этим. Он объявил себя царем, пообещал прибавку жалованья солдатам, придворные должности командирам и в один день стал могущественным государем.

Правда, ему еще нужно было завоевать свое царство.

Сын и наследник Селевка, Антиох, направил войска в Малую Азию, сразу же заявив свои права хотя бы на часть «Лисимахова наследства». Переправлять обратно через пролив армию, которая при первой же возможности совершит бегство в обратном направлении, Керавн не собирался. Ему была только одна дорога — вперед, в Македонию, захватывая по пути все, что еще оставалось от великой Фракии Лисимаха.

Хотя Македония в течение одного-двух месяцев была беззащитна, Пирр, сосредоточив свои войска на перевалах, не переходил границы. Часть его войск уже была в Таренте, так что эпирский царь предпочитал со стороны наблюдать за развитием геополитической ситуации, сложившейся после смерти последнего великого соратника Александра.

Армия Керавна вскоре оккупировала Македонию. Хотя местные гарнизоны перешли на сторону Птолемея, ему почти сразу пришлось вести военные действия с Антигоном Гонатом, который также попытался занять европейскую часть бывших владений Лисимаха. Однако усиленный кораблями, стоявшими в Лисимахии, а также эскадрой, присланной Гераклеей, Птолемей разгромил флот Антигона. Морское сражение решило исход осенней кампании 281 г.

Сразу после занятия Пеллы Птолемей Керавн отправил послов в Египет, где объявил Птолемею II, что отказывается от египетской короны и предлагает заключить союз двух держав: Египта и Македонии. Практически в то же самое время сторонники Египта в Греции (Спарта) и Малой Азии (Филетер, уже ставший династом в Пергаме¹) начали борьбу против Антигона и Антиоха соответственно. Затем Птолемеям удалось столкнуть интересы сына Деметрия и сына Селевка на северо-востоке Малой Азии (280-279). Одновременно египетские отряды вторглись в южную Сирию и спровоцировали бунт в Селевкии-на-Оронте (бывшей Ан-

¹ Именно Филетер стал основателем в будущем знаменитого и могущественного Пергамского царства.

тигонии). В итоге внимание потенциальных врагов было отвлечено от Македонии.

Все произошедшее после отъезда Керавна из Александрии выглядит как дьявольская проделка Птолемея. Однако события, произошедшие в следующем, 279 г., позволяют усомниться в их хитроумии. Поскольку Арсиноя по-прежнему владела Кассандрией, где находились ее дети от Лисимаха, которые в любой момент могли стать соперниками Керавна, он предложил своей сестре выйти за него замуж — по египетскому обычаю.

Античные историки, крайне пристрастно (согласимся, не без причины) относившиеся к личности Керавна, рассказывают о том, что он обещал сестре, что ее сыновья станут наследниками престола, и, сумев убедить ловкую интриганку в искренности своих намерений, провел в Кассандрию под видом свадебного кортежа своих сторонников. Они захватили город и убили в царском дворце младших детей Арсинои — Филиппа и Лисимаха. Судьба ее старшего сына, Птолемея, нам не известна.

Сама вдова Лисимаха бежала на Самофракию, оставив город в руках своего вечно вероломного брата.

Впрочем, Олимп, видимо, устал от обилия подлости, связанной с именем Керавна, и уже в 279 г. кара в виде галатских племен обрушилась на северные границы Македонии. Однако в эти годы судьба царства Александра Великого будет интересовать Пирра значительно меньше, чем ранее. Он попытается найти славу за² Ионическим морем, в манящей своим богатством Гесперии².

* * *

Начиная с 281 г. внимание Пирра почти целиком сосредоточивается на западе. Вызывалось это массой обстоятельств, но в первую очередь называют честолюбие

² Гесперия, т.е. западная земля, — одно из литературных наименований Италии.

эпирского царя. При этом обычно приводится история, рассказанная Плутархом и уже в античности вошедшая в «джентльменский» набор моральных побасенок: «Видя, что Пирр готов выступить в поход на Италию, Киней выбрал момент, когда царь не был занят, и обратился к нему с такими словами: "Говорят, что римляне народ доблестный, и к тому же им подвластно много воинственных племен. Если бог пошлет нам победу над ними, что она даст нам?" Пирр отвечал: "Ты, Киней, спрашиваешь о вещах, которые само собой понятны. Если мы победим римлян, то ни один варварский или греческий город в Италии не сможет нам сопротивляться, и мы быстро овладеем всей страной, а уж кому, как не тебе, знать, сколь она обширна, богата и сильна!" Выждав немного, Киней продолжал: "А что мы будем делать, царь, когда завладеем Италией?" Не разгадав еще, куда он клонит, Пирр отвечал: "Совсем рядом лежит Сицилия, цветущий и многолюдный остров, она простирает к нам руки, и взять ее ничего не стоит: ведь теперь, после смерти Агафокла, там все охвачено восстанием и в городах безначалие и буйство вожаков толпы". "Что же, это справедливо, — продолжал Киней. — Значит, взяв Сицилию, мы закончим поход?" Но Пирр возразил: "Если бог пошлет нам успех и победу, это будет только подступом к великим делам. Как же нам не пойти в Африку, на Карфаген, если до них оттуда рукой подать? Ведь Агафокл, тайком ускользнув из Сиракуз и переправившись с ничтожным флотом через море, чуть было их не захватил!³ А если мы ими овладеем, никакой враг, ныне оскорбляющий нас, не в силах будет нам сопротивляться, — не так ли?" "Так, — отвечал Ки-

³ Пирр имеет в виду поход Агафокла в 310 г. К этому моменту почти вся Сицилия оказалась в руках карфагенян, и они уже осаждали Сиракузы. Однако Агафокл сумел вырваться из города и, высадившись в Африке, захватил большинство городов, подчиненных Карфагену, одержал несколько сухопутных побед и даже собирался штурмовать столицу пунов (так римляне и италийцы называли карфагенян). Хотя в итоге африканская кампания Агафокла закончилась неудачей, ему удалось отвлечь внимание карфагенян от греческих городов Сицилии и установить там свою власть.

ней. — Ясно, что с такими силами можно будет и вернуть Македонию, и упрочить власть над Грецией. Но когда все это сбудется, что мы тогда станем делать?" И Пирр сказал с улыбкой: "Будет у нас, почтеннейший, полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы". Тут Киней прервал его, спросив: "Что же мешает нам теперь, если захотим, пировать и на досуге беседовать друг с другом? Ведь у нас и так уже есть то, чего мы стремимся достичь ценой многих лишений, опасностей и обильного кровопролития и ради чего нам самим придется испытать и причинить другим множество бедствий"».

В этом отрывке изложена здравая программа завоеваний: именно таким путем и пойдут в будущем римляне. Объединив Италию, они подчинят Сицилию, после чего одержат победу над Карфагеном и почти автоматически станут сильнейшей державой в Средиземноморье. Если подобная программа не была выдвинута пост фактум и не является выдумкой какого-то историка уже римской эпохи, от которого ее заимствовал Плутарх, то она показывает, что стратегическое мышление Пирра было на высоте. Кстати, именно невыполнение данной программы (экспедиция Пирра в Сицилию, предпринятая еще до завершения борьбы с Римом) и приведет к общему краху западной политики Эпира.

Однако увещевания Киней, красивая философская проповедь, с точки зрения реалий политики того времени бессмысленны. Оставаясь в Эпире, Пирр «подставлялся». Почти наверняка его государство в ближайшем будущем могло стать объектом интервенции какого-либо из могущественных соседей, например того же Керавна, с огромной азиатской армией которого Пирр не надеялся справиться. Таким образом, чтобы удержать свое царство, Пирр должен был проводить политику экспансии.

Нужно отметить, что Пирр отправлялся в Италию не как завоеватель, а как предводитель нанятой тарентинцами армии, имевшей целью остановить римскую агрессию — не более того. При этом наш герой был далеко не

первым полководцем, призванным на помощь италийским грекам.

Когда греки поселялись в Южной Италии и Сицилии, там была совершенно иная этническая ситуация, чем в III в. до н.э.: в VIII-VII вв. это были земли, заселенные мирными племенами, еще не созревшими до создания государств. Греческое проникновение шло быстро и успешно, не вызывая особого сопротивления у аборигенов, слишком слабых, чтобы бороться с пришельцами. Природное богатство Южной Италии, многолюдие и промышленный потенциал южноиталийских городов привели к тому, что эту территорию называли Великой Грецией.

Ситуация меняется в VI в., когда эллинам впервые пришлось столкнуться с настоящими врагами. В середине этого столетия карфагеняне высаживаются в Западной Сицилии, что приводит к серии войн между сицилийскими греками и пунами. Еще раньше в Северной и Средней Италии разрастается союз этрусских городов, который оказывает давление на греческие города Кампании и даже подчиняет их. Хотя этруски были разбиты в 474 г. под Кумами сиракузским тираном Гиероном I, наступление италийцев на греков не прекратилось. Под давлением тех же этрусков, а также активно переселявшихся в долину По кельтских племен (сеннонов, бойев и т.д.; римляне называли эти племена галлами) все население Апеннинского полуострова оказалось приведено в движение. В третьей четверти V в. необычайно усиливается союз самнитских племен, проникших вдоль Апеннинского хребта до Кампании и вновь завоевавших ее. Тогда же сабелльские племена — потомки италийских аборигенов, родственные сабинам, известным нам из истории раннего Рима, — оказываются прижаты к южной оконечности италийского «кабука». Это «переселение народов», занявшее несколько столетий, в IV в. поставило под угрозу само существование Великой Греции. Подобно самнитам, сабелльские племена объединяются в протогосударства, самыми известными из которых становятся союзы бруттиев, живших на гористом «носке» апеннинского «са-

пога», апулийцев-мессапиев, живших на относительно равнинном «кабуке» и севернее, а также луканов-осков, чьей областью расселения была местность между Ионическим («подошва») и Тирренским морями.

Именно луканы стали главными противниками греков. Поддерживаемые с севера самнитами, они к середине IV в. настолько стеснили эллинские города, что те были вынуждены обратиться за помощью на Балканы.

Первым прибыл спартанский царь Архидам, возглавлявший наемное войско, составленное из святотатцев-фокидян⁴. Однако его миссия оказалась неудачной: в 338 г., как раз когда Филипп и Александр одолели при Херонее афинско-фиванскую армию, он был разгромлен мессапиями и сам погиб в сражении.

Спустя семь лет на италийской земле появился уже упомянутый нами Александр Эпирский, дядя Пирра. Он привел с собой значительную дружину молоссов, которую быстро усилил ополчениями тарентинцев и жителями Метапонта, находившегося под контролем Тарента. Более того, к нему примкнуло небольшое местное племя педикулов, опасавшееся полного уничтожения апулийцами.

⁴ Фокида — область, на территории которой находилось Дельфийское святилище. В 356 г. во время обострения отношений с Фивами фокидяне разграбили храм и, используя полученную добычу, создали первоклассную армию, значительную часть которой составляли наемники, в том числе из Спарты. Общегреческим постановлением Фокиде была объявлена Священная война. В ней приняли участие Фивы, некоторые города Средней и Северной Греции и, что важно, Филипп Македонский, впервые открыто вмешавшийся в греческие дела. Ономарх, знаменитый полководец фокидян, разгромил фиванцев, а затем — дважды — Филиппа. Однако в 353 г. на Крокусовом поле в приморской Фессалии Филипп разгромил фокидян. Труп погибшего в битве Ономарха Филипп приказал распять, а 3000 пленных — утопить.

Подобное отношение к фокидянам сохранялось в течение всей войны. Однако даже воюя против половины Греции, те держались до 346 г., а по условиям капитуляции их армия во главе с сыном Ономарха Фалеком получила право свободно уйти из Фокиды. Фокидские наемники направились в Спарту. Именно они составили ядро войска Архидама.

Александр Эпирский оказался очень энергичным военным деятелем. Со своей разношерстной армией он не только оттеснил отряды луканов, уже почти обложившие греческие города, но и разбил под Пестумом армию самнитов, пришедших на помощь сабеллам. Вслед за этим он отвоевал Гераклею — город, некогда принадлежавший тарентинцам, после чего начал наступление на внутренние области своих врагов. Его войско оказалось усилено большим числом перебежчиков со стороны луканов: это свидетельствует, что союз с самнитами и война против греков в этом племенном союзе приветствовалась далеко не всеми. Самыми большими удачами эпирского царя стали взятие Козенцы — крупнейшего города в землях бруттиев, контролировавшего пути между Тирренским и Ионическим морями, и взятие Потенцы — племенного центра луканов.

Через несколько лет почти вся территория Великой Греции оказалась в руках Александра. Триста представителей лучших луканских семейств были отправлены в качестве заложников в Эпир. Спротивление оказывалось лишь на севере земель луканов и апулийцев: здесь сабеллы находили поддержку у самнитов. Понимая, что без уничтожения могущества самнитов невозможно добиться спокойствия Великой Греции, Александр хотел заключить военный союз с Римом, чтобы одновременным ударом с двух сторон покончить с самнитами.

Однако к этому моменту тарентинцы убедились, что эпирский государь не собирается ограничиться ролью вождя наемной армии. В завоеванных землях он устанавливал власть преданных ему людей и почти не скрывал, что собирается создать на юге Италии собственное царство.

В какой-то момент Тарент выпроводил из города эпирский гарнизон и предложил Александру покинуть Великую Грецию. Его примеру последовали другие эллинские города.

Началась междоусобная война, которая первоначально протекала неудачно для тарентинцев. Во всяком случае, Александру удалось взять Гераклею и занять Фурии —

важнейшее греческое поселение на севере Бруттия. Остальным грекам он обещал полную автономию и посредничество в переговорах с луканами — при условии, что они откажутся от поддержки Тарента.

Если бы Александру удалось закрепиться на Апеннингах, история Италии была бы другой. Но в самый ответственный момент борьбы против Тарента ему пришлось начать войну на два фронта.

Луканы вновь заволновались. Чтобы отбить у них охоту тревожить его владения, в 326 г. Александр выбрал стратегически важное расположение близ города Пандосии, откуда он мог совершать набеги на земли луканов и бруттиев. Его позиция представляла собой три лагеря на вершинах трех холмов, расположенных неподалеку друг от друга. Различные корпуса могли оказывать друг другу поддержку в случае неожиданного нападения; с другой стороны, столь обширное расположение армии Александра делало почти невозможной блокаду, даже превосходящими силами.

Однако выбор позиции был произведен без учета, как сказали бы сейчас, гидрологической разведки местности. Как рассказывает Тит Ливий, по осени проливные дожди вызвали разлив окрестных речушек. Они затопили окружающие поля, сделав сообщение между лагерями почти невозможным.

Воспользовавшись этим, неприятель разгромил два лагеря эпиротов. Остался самый большой, где находился Александр. Здесь же было и 200 луканских перебежчиков, несколько лет назад перешедших на его сторону. Решив, что дело Александра Эпирского проиграно, они направили верного человека к своим и предложили выдать им царя живым или мертвым, в обмен на что требовали амнистии.

Останься Александр в лагере, он наверняка был бы захвачен предателями. Однако вождь эпиротов приказал своему корпусу с боем пробиваться сквозь расположение противника. Нападение было неожиданным, и многие из его подразделений прорвались в тыл врага. Наибольший

успех выпал на долю самого царя, отряд которого разбил личную дружину предводителя луканов и убил того в поединке.

В тылу лагеря италийцев находился речной поток. Александр продвигался вдоль него, собирая вокруг себя спасшихся воинов. Наконец он добрался до места, где когда-то находился мост, ныне снесенный паводком. Луканы и бруттии, которые уже пришли в себя после гибели вождя, преследовали беглецов.

Эпироты некоторое время мешкали, опасаясь бурных речных вод. Наконец один из солдат попытался перебраться на другой берег, но едва не утонул и, возвращаясь к Александру Эпирскому, в сердцах крикнул реке: «Недаром зовут тебя Ахеронтом!»

Если верить античным историкам, а о смерти Александра говорят и Ливий, и Страбон, и Юстин, еще в Элладе оракул велел эпирскому царю бояться «трехглавой Пандосии» и реки Ахеронт. Поскольку Пандосией называлось одно из мест в Эпире, а река Ахеронт, чьи истоки, по поверью, лежали в Аиде, текла по Молоссии, царь со спокойным сердцем отправился в Италию. Однако оракул настиг его и здесь. Видя, что другого пути нет, Александр бросился в реку. Его конь уже вынес царя на другой берег, но в этот момент один из луканских перебежчиков метнул дротик, который поразил Александра насмерть.

Италийцы долго издевались над трупом эпирского царя, пока наконец не вернули его эпиротам. Александра сожгли на погребальном костре в Козенце, а прах отправили в Эпир. На Балканы вернулись и остатки войска Александра.

Несмотря на то что предприятие брата Олимпиады завершилось печально, на некоторое время южноиталийские греки получили передышку от нападений сабелльских племен. Тарент установил свой протекторат над освобожденными эпиротами городами и ощущал себя настолько уверенно, что после знаменитой катастрофы римской армии в Кавдинском ущелье потребовал от римского и самнитского

союзов прекратить войну (320). В случае отказа тарентинцы угрожали вмешательством в военные действия.

Любопытно, что именно самниты согласились на посредничество греков, — а это означало мир последних с сабеллами, находившимися с самнитами в тесном союзе. Римляне же гордо отказались подчиниться тарентинцам.

Все это, казалось, вело к вооруженному конфликту, где римлянам пришлось бы столкнуться с полномасштабным наступлением со стороны моря за полстолетия до первой Пунической войны. Но тарентинцы ограничились бряцанием оружием. Мы неожиданно узнаем, что их значительно больше волновали события в Сиракузах, где рвался к власти Агафокл, бывший командир наемного отряда на службе Тарента. Поддерживая при помощи своего флота и спартанских наемников его противников, Тарент упустил момент, когда мог своей мощью положить предел росту римской республики.

Тем не менее самниты все в большей степени стали склоняться к союзу с греческими городами южной Италии. Луканы же, напротив, переориентировались на союз с Римом, и в последнем десятилетии IV в. вновь началась малая война сабелльских племен с Тарентом.

Тарентинцы решили еще раз прибегнуть к помощи наемных войск из Греции. На этот раз они пригласили Клеонима, спартанского царевича, который имел не самые лучшие шансы на получение трона, пробавлялся кондотьерством и привел в Италию 5000 наемников, набранных на Тенаре (304).

Здесь он увеличил свою армию в несколько раз и одержал победу над луканами. В результате у последних сменилась власть: ее взяли в руки сторонники сближения с самнитами. Чтобы закрепить перемены и гарантировать греческие города от нападений южноиталийцев, Клеоним своей волей передал луканам Метапонт.

Следующим шагом должно было бы стать объединение с самнитскими армиями и поход на Рим. Однако отношения между Клеонимом и Тарентом накалились. Спартанец

занял Метапонт, который по своей воле не собирался переходить под власть луканов. Казалось, это означало открытый вызов Таренту и отказ от обременительной кампании. Но вместо этого Клеоним совершил вылазку на Керкиру, которую и сделал своей базой.

В 303 г. он попытался отсюда разграбить союзные римлянам земли в северной Апулии, но был с большим уроном отбит, причем в отражении его нападения принимали участие регулярные римские подразделения. В том же году флот Клеонима произвел нападение на северное побережье Адриатики, близ устья Brentы, но и там спартанец потерпел полную неудачу. Вскоре Деметрий, высадившись на Керкире, ликвидировал разбойничье государство спартанского царевича, после чего тот на некоторое время исчезает со страниц истории.

Между тем самниты пошли на мирное соглашение с Римом⁵, а затем и Тарент заключил с Римом мирный договор, самым знаменитым пунктом которого был запрет римским судам заходить далее Лацинского мыса, расположенного на юге Италии возле Кротона. Этот пункт означал, что тарентинцы уже не имели сил контролировать «носок» италийского сапога, однако его «каблук», а также выходы к греческим берегам и в Адриатику они однозначно хотели оставить за собой.

Слабость Тарента выразилась и в том, что в 300–299 гг. он даже не пытался помешать Агафоклу Сиракузскому овладеть Кротонем и другими городами на побережье Бруттия, а после этого вступил в фактически вассальные отношения с владыкой Сицилии, которые, по крайней мере де-юре, продолжались вплоть до смерти последнего.

В отличие от второстепенной политической роли, к которой все более склонялся Тарент, в экономическом отношении это был один из важнейших центров средиземноморской экономики. Если первоначально греков привлека-

⁵ Рим, судя по всему, мог «добить» самнитов уже во время этой войны, но орды Клеонима внушили опасения его политикам, поэтому они предложили самнитам относительно мягкие условия.

ли в Италии земельные угодья, то постепенно произошло настоящее «разделение труда». Тарентинцы примерно с начала V в. ориентируются на ткачество и, соответственно, на разведение овец. Подвластные этому городу территории во времена Пирра были похожи на Англию эпохи «огораживаний»: тарентинские олигархи держали неисчислимые овечьи стада и стремились вытеснить не только аборигенов, но и греков-земледельцев с земель, пригодных для овцеводства.

Город наполняли мастерские, поставлявшие шерстяные ткани во все концы греческого мира. Именно шерстяные изделия составляли основу тарентинской торговли, причем, местные купцы контролировали значительную часть торговых операций в Ионическом и Адриатическом морях. Тарент был главным италийским рынком и для Греции.

В длившихся с V столетия войнах с местными племенами тарентинцы выработали особый вид конницы, который так и назывался: «тарентинцы». Судя по всему, это были подвижные конные стрелки, сражавшиеся дротиками и передвигавшиеся двуконь. Тарентинский способ боя стал настолько известен в Элладе, что во времена Александра Великого и диадохов многие армии имели в своем составе подразделения тарентинцев, причем, как мы уже отмечали, этих всадников называли тарентинцами именно из-за вооружения и тактической роли, а не из-за того, что они происходили с Апеннин.

С IV в. богатеющий Тарент избирает иную военную политику. Его граждане служат во флоте и в гарнизонах. Полевые армии оказывается проще покупать, чем воспитывать из горожан.

Связано это было еще и с тем, что класс свободных крестьян — основа греческого полисного ополчения — в Таренте в то время был исчезающе мал, если вообще существовал. Ремесленники же, купцы, владельцы овечьих отар, а также значительная прослойка люмпен-пролетариев — необходимый атрибут любого процветающего античного го-

рода — предпочитали морскую службу сухопутной, что известно уже на примере Афин V в.

Политическая воля города, таким образом, определялась двумя силами: аристократически-олигархической верхушкой, достаточно мощной, обладавшей значительными финансовыми ресурсами и внешнеполитическими связями, а также демократическими низами, которые благодаря своему удельному весу, а также местному законодательству оказывали серьезное влияние на политику, а следовательно, могли контролировать богатую городскую казну.

Общим местом стало утверждение, что войну с Римом вызвали тарентинские низы. Богатым людям для ведения торговли нужен был мир и открытые границы.

Справедливость этого суждения весьма относительна: любой из тарентинских богачей должен был понимать, что в случае отказа от сопротивления в зависимость от Рима попадет не только внешняя политика Тарента, но и торговая деятельность его горожан. А это означало явное снижение прибылей, появление прямых и косвенных налогов и т. д. История того же Родоса показывает, насколько важно торговому государству до конца сохранять свой суверенитет.

Да и противопоставление олигархов демосу далеко не всегда верно. Демократические взрывы часто провоцировались каким-то из кланов финансовой верхушки греческих государств. Почти наверняка так и было во время первого открытого столкновения Тарента с Римом в 282 г., вызвавшего призвание в Италию Пирра.

С точки зрения италийских греков, политическая ситуация в 80-е годы III в. стремительно ухудшалась. Если еще каких-то тридцать лет назад Рим контролировал лишь западное побережье Средней Италии от Южной Этрурии до Кампании, а также прилегающие склоны Апеннин, то уже в 90-х годах, после победы в III Самнитской войне, а так-

же разгрома галлов и этрусков, присоединившихся было к антиримской коалиции, под контролем потомков Ромула оказалась огромная территория — от Тирренского моря до Адриатики и от южных пределов заселенной галлами долины По до Лукании. Римское оружие не знало поражений, а после победы над галльско-самнитской армией в грандиозной битве при Сентине в 295 г. многим италийцам показалось, что уже никто не сможет оказать сопротивления новым владыкам Апеннин.

В завоеванных местностях строились крепости и прокладывались стратегические дороги. Важность дорог для ведения военных действий римляне понимали лучше всех своих современников. Эти пути, созданные за государственный счет и постоянно подновляемые государством, служили в первую очередь для передвижения легионов и лишь во вторую — для торговцев. Одну такую дорогу в начале 80-х годов римляне как раз тянули из Кампании к новому городу-крепости Венузий, расположенному на границе владений апулийцев и луканов всего в нескольких переходах от Тарента. Греки прекрасно понимали, что Венузий становится важнейшей римской базой для неминуемого броска к Ионическому морю.

Одним из важнейших успехов римлян стало то, что они сумели полностью разорвать луканско-самнитский союз, и в самые напряженные моменты войны с самнитами сабелльские племена держали южные границы последних в постоянном напряжении. Одним из условий римско-луканского альянса стало «понимание», с которым римляне отнеслись к стремлению южных италиков подчинить себе греческие города. В первую очередь под ударом оказались колонии на побережье Бруттия. Возглавляемые стратегом Стением Статилием, луканы и бруттийцы начали наступление на Фурии, Кротон, Локры, Регий — важнейшие греческие города в этом регионе.

Тарент пока держался в стороне — да и мог ли он рискнуть в одиночку начать войну против сабелльских племен, за которыми стоял Рим?

Впрочем, вскоре стало ясно, что римляне не желают усиления своих южноиталийских союзников. Около 286 г. Фурии, доведенные до отчаяния, обратились в Рим за помощью. Они просили о присылке гарнизона и отдавали себя под покровительство римского народа.

Рим не мог упустить такую возможность — несмотря на все осложнения, которые автоматически возникали после принятия предложения греков⁶. В Фурии перебросили (морем?) вспомогательный отряд, а луканам было заявлено о нежелательности новых нападений на этот город.

Возмущение южноиталийцев оказалось настолько сильным, что они тут же начали переговоры со всеми, кто был недоволен Римом. Тайные посланники направились к этрускам, галлам-сеннонам и самнитам. Узнав о враждебной деятельности луканов, римляне отправили к ним посольство, задачей которого было запугать сабелльские племена.

Однако римляне недооценили решимость своих недавних союзников. Не дожидаясь окончательного оформления коалиции италиков, те задержали посланников и начали военные действия против римских отрядов.

В 285 г. восстал этрусский союз. Несмотря на решительный характер момента, этруски не выставили полевой армии, зато они наняли большое число сеннонов. Последние при Арреции отомстили за своих отцов, истребленных римлянами во время сражения при Сентине: они разгромили карательную армию Люция Цецилия, перебив более 13 000 врагов.

Наверное, 285 г. был самым перспективным для вмешательства в италийские дела извне. Если бы по воле судьбы

⁶ Как раз к этому моменту в Риме были ликвидированы последствия очередного социального взрыва. В 287 г. плебейское ополчение, мечами которого были одержаны все недавние победы, «вышло» из Рима и, переправившись на другой берег Тибра, заняло холм Яникул. Плебей посчитали, что их права народных собраний и выборов были нарушены сенаторами. Срочно назначенному диктатору Квинту Гортензию удалось найти решение, удовлетворившее обе стороны.

Пирр в этот момент появился в Италии, он мог встать во главе значительных вооруженных сил и к тому же заставить римлян бороться на несколько фронтов.

Но Тарент по-прежнему держался в стороне, а Пирр все еще носил македонскую корону и не намеревался покидать Балканы. В итоге основной проблемой коалиции стало полное отсутствие координации в действиях. Пока на севере галлы стремились перенести фронт как можно ближе к Риму, на юге луканы по-прежнему ограничивались давлением на греческие города и блокадой Фурий. Воспользовавшись этим, римляне сумели перехватить инициативу. Сосредоточив практически все свои вооруженные силы на северном фронте, они разгромили галлов при Вадимонском озере и совершили самую настоящую этническую чистку в долины Метавры, где обитали сенноны. С 283 г. это племя исчезает со страниц истории, а на месте главного поселения галлов римляне основывают колонию Сена Галльская, которая становится одной из важнейших баз на побережье Адриатики.

После поражения галлов сопротивление этрусков приобрело пассивный характер, сведясь к защите городов и укрепленных позиций. Освободившиеся войска римляне направили на юг, по пути подавив разрозненные очаги восстания в Самниуме. В 282 г. римский консул Гай Фабриций Лусцин победил луканов неподалеку от Фурий. Римские историки в очередной раз описывают полуфантастическую картину сражения: луканское войско якобы превосходило числом римлян, но выстроилось для сражения под защитой укрепленных позиций (что, скорее всего, указывает на обратное соотношение сил: превосходство было-таки на стороне римлян). Римляне долго не решались пойти на штурм, пока некий юноша, в образе которого на помощь потомкам Ромула явился сам бог Марс, не схватил штурмовую лестницу и, прорвавшись сквозь вражеские ряды, не взошел первым на стену луканского лагеря.

Южноиталийцы спасовали перед вмешательством небес

и бежали, а их знаменитый предводитель Стений Статилий попал в плен. Сразу после этого ряд греческих городов Бруттия — в частности, Регий и Локры — приняли римские гарнизоны. Вне пределов влияния Рима оставался только «каблук» италийского сапога.

Решив не затягивать с «тарентским вопросом», римляне совершили провокацию, ставшую прелюдией к походу Пирра.

* * *

В начале 281 г., когда в Таренте праздновали Великие Дионисии⁷, римская эскадра, состоявшая из десяти боевых кораблей, во главе с Клавдием Корнелием, зашла в гавань Тарента. Уже древние источники не были единодушны при описании этого визита: одни (например, Аппиан), утверждают, что это была своего рода дипломатическая миссия, другие (например, Орозий) — что корабли оказались в Таренте случайно, возможно спасаясь от непогоды. Знаменитый немецкий ученый Т. Моммзен предположил, что эскадра направлялась в Адриатику, в Сену Галльскую, новую римскую колонию.

В любом случае, даже не имея агрессивных намерений против тарентинцев (да и что могли десять кораблей сделать с одним из крупнейших городов Италии?), римляне продемонстрировали свою силу и нежелание придерживаться соглашения о Лацинском мысе. Акция имела вполне определенный смысл: Таренту указывали его место — среди государств второго, если не третьего плана. Договор расторгался де-факто, без всяких предварительных переговоров и предупреждений.

Не следует ссылаться при этом на якобы устаревший к тому времени характер соглашения о Лацинском мысе.

⁷ Великие Дионисии праздновались в конце февраля (по современному исчислению месяцев), а новый год начинался у греков 1 марта. Таким образом, захват римской эскадры следует датировать не 282, а началом 281 г.

Римляне, подчеркнуто следившие за соблюдением договоров и открыто гордившиеся этим, здесь предлагали тарентинцам простую альтернативу: либо проглотить оскорбление и согласиться на статус неполноправного государства, либо же высказать недовольство и оказаться лицом к лицу с сильнейшей военной машиной Италии.

Реакция тарентинцев на появление римской флотилии была очень бурной. Большая часть тарентинцев собралась в этот момент в том из городских театров, с которого открывался вид на гавань. Они были возбуждены религиозными церемониями и обильными возлияниями в честь Диониса. Увидев римские корабли, толпа бросилась в гавань. Ее возглавил демагог Филохар, один из самых ярких сторонников тарентинского великодержавия. У пришельцев, судя по всему, даже не было времени, чтобы объясниться с жокаками тарентинцев: столь внезапным и яростным оказался штурм.

Впрочем, военные корабли не удалось бы взять простым наскоком невооруженных горожан. Не позволяя волнам нападавших захлестнуть его флотилию с пристани, Клавдий Корнелий отдал приказ выходить в открытое море — но это успели сделать только пять римских судов. Остальные были окружены — и лодками, в которые попрыгали тарентинцы, и кораблями портовой стражи, которые имелись в любом прибрежном городе. Возможно, часть горожан бросилась к боевым триерам и сумела вывести несколько судов из военной гавани. Во всяком случае, развернулось импровизированное морское сражение, во время которого четыре из пяти окруженных римских трирем были потоплены⁸, а одна — захвачена. На дно пошла большая часть экипажей, в том числе и римский адмирал. Пленных римлян перебили, оставшихся в живых гребцов обратили в рабство.

Произошедшее было равносильно объявлению войны. Тарентинцы даже превзошли ожидания римлян.

⁸ Следовательно, тарентинцы наносили удары таранами, т.е. все признаки морского боя налицо. Этого не произошло бы в случае, если бы греки просто взяли штурмом пришвартованные к пристани суда.

Греки не стали ждать римского ответа. Ни о каких извинениях в городском собрании не шло и речи. Напротив, были предприняты два действия, показывающие серьезность воинственных намерений тарентинцев. В Фурии направилось спешно созданное ополчение. Тамошний римский гарнизон не ждал подобной прыти от тарентинских овцеводов и торговцев. Вместо сопротивления до последнего солдата его командиры сдали цитадель в обмен на право свободного выхода.

Оказавшись в Фуриях, тарентинцы жестоко упрекали местных жителей за то, что они, греки, отдались под власть варварского племени. Римские историки сообщают о казни и изгнании знатных фурийцев и о разграблении города, однако последнее известие наверняка является преувеличением. Тарентинцы не могли позволить себе этого, ибо в борьбу против Рима вступили под лозунгом возрождения Великой Греции и не желали оттолкнуть от себя итальянских эллинов.

Вторым демонстративным действием тарентинцев стало снаряжение посольства в Эпир к царю Пирру, которому не так давно была оказана важная услуга (отвоевание Керкиры) и который в связи с потерей Македонии пребывал без дела.

Послы перечисляли Пирру племена, порабощенные Римом и теперь готовившиеся сбросить тяготившее их иго: галлов, этрусков, самнитов, луканов, апулийцев... Этрусски и луканы еще сопротивлялись, не желая растворяться в Римской державе. За год эпирский царь мог бы призвать под свои знамена 350 000 пеших и 20 000 конных воинов: такой армией в те времена не мог похвастаться никто.

Посольство было предварительным, и Пирр не дал немедленного согласия, однако потеря Фурий, которые Гай Фабриций, все еще командовавший южной армией римлян, откровенно проспал, а также возможность появления на Апеннинах одного из самых знаменитых преемников Александра заставили римский сенат быть осторожным.

В Тарент направили послов во главе с Люцием Посту-

мием. Этот человек имел задачу решить дело миром. Однако присмотримся внимательнее к тем «великодушным» условиям, которые предлагались возмущившимся грекам. От них требовались возвращение пленных (гребцов с римских трирем), вывод войск из Фурий, возвращение туда изгнанников и компенсация их имущественных потерь, а также выдача виновников нападения на римскую эскадру.

Иными словами, тарентинцам давали понять, что в инциденте виновны не римляне, но греки. Если бы последние пошли на примирение с Римом на его условиях, они уже де-юре признали бы недействительным договор о Лацинском мысе. Вместе с этим Тарент смирился бы с гегемонией Рима и фактической утерей своего суверенитета.

Римские послы, желавшие обратиться к тарентинскому народу, долго не имели такой возможности. Лишь когда начались очередные празднества и граждане Тарента собрались в театре, посланники были допущены к горожанам. Все это время сторонники мира, которые, конечно, имелись в городе, пытались настроить тарентинцев на серьезное отношение к послам. Однако их попытки оказались тщетны.

Чванливый вид римлян, преисполненных сознания своей значимости, театральные наряды (белые тоги с широкой красной каймой) вызвали насмешки, а скверный греческий Постумия, не соизволившего как следует выучить язык народа, от воли которого зависело начало новой всеиталийской войны, стал причиной общего раздражения. Римлянам начали кричать, что они варвары и недостойны находиться в собрании тарентинцев.

По сообщению Дионисия Галикарнасского, некий Филонид нагадил на край тоги Постумия, когда тот шел к выходу из театра. В ответ на это римлянин мрачно пообещал смыть оскорбление кровью и сохранил свою тогу как вещественное доказательство, дабы предъявить ее в сенате.

Впрочем, другой историк, Валерий Максим, изображает посольство Постумия в гораздо более мягких тонах. Однако и он согласен с тем, что отказ тарентинцев удовлетворить требования римлян был категорическим.

В конце весны 281 г. римская армия, возглавляемая новым консулом Люцием Эмилием, двинулась от Венузия на тарентинскую территорию (второй консул, Квинт Марций Барбула, действовал против этрусков). Мы имеем невнятное сообщение о победе римлян над городским ополчением, что может быть мифом: римская традиция неоднократно живописует нам триумфы, которые существовали только в воображении полководцев, отправлявших реляции в Вечный Город. Не менее часто возникали предания о том, как через день, месяц или год после поражения на том же месте та же римская армия побеждала противника. Вот и в этот раз неудача в тарентинском порту и в Фуриях должна была иметь компенсацию в виде безусловного успеха — пусть выдуманного.

Люций Эмилий действовал очень осторожно, не столько приближаясь к стенам Тарента, сколько стремясь прервать возможные связи с луканами. В мелких стычках римляне действительно одерживали верх, причем всех знатных пленных консул отпускал без выкупа, надеясь таким образом переменить настроения тарентинцев.

В течение всей кампании Эмилий демонстрировал «бой с тенью», не решившись предпринять ничего серьезного ни против Тарента, ни против Фурий. Захватывая овечьи отары и разоряя загородные виллы тарентинцев, он одновременно пытался возобновить с ними мирные переговоры на условиях посольства Постумия.

Иными словами, римляне теряли время. Хотя в 281 г. Пирр уже готов был отправиться в Италию, до начала операции он должен был получить гарантии неприкосновенности своих эфирских владений, и потому едва ли вся его полевая армия могла быть перебросена в Тарент в этом году. Решительное наступление Эмилия могло бы заставить молосского царя вступить в войну, будучи еще не готовым к ней, или вообще отказаться от заморской экспедиции.

Но римляне медлили. Всю весну и лето продолжались переговоры Тарента и Эпира, в которых активное участие принимал Киней. Последние попытки «партии мира» оста-

новить начинавшуюся войну приходится на это же время. Самую эффектную попытку предпринял некий Метон. Он постарался сыграть на страсти греков к театральным эффектам: нарядившись пирующим вакхантом, в окружении друзей он явился в театр, где вновь собрались его сограждане, и попытался втолковать им, что, оказавшись в железной руке Пирра, им придется забыть о столь милых тонким душам увеселениях⁹.

Однако и это представление не дало результата. Когда в начале осени в Тарент вновь прибыл Киней, с ним приплыл эфирский военачальник Милон, а также 3000 солдат, составивших авангард армии Пирра. Первый корпус эпиротов был принят с восторгом, и тарентинцы отрезали себе все возможные пути к отступлению.

* * *

Лето 281 г. стало определяющим и для Пирра. Переговоры между Птолемеями — египетским и македонским¹⁰ — дали ему понять, что Египет будет недоволен любыми его попытками вмешаться в македонские дела. Путь на запад для эфирского царя был полностью закрыт.

Керавн, правда, понимал, что постоянное соседство с энергичным эфирским Орлом, к тому же связанным дружескими узами с Александрией, может выйти ему боком. В Пелле, Александрии и Амбракии началась напряженная работа над улаживанием конфликта интересов.

Взамен Македонии Пирру, до этого верно следовавшему политике Птолемея, нужно было дать другое царство. События на Апеннинах, казалось, сами подсказывали решение. Военная кампания в поддержку тарентинцев выглядела очень привлекательно прежде всего в идеологическом смысле: некогда Филипп и Александр также готовили поход на Восток в целях освобождения поработанных персами греков Малой Азии. Параллельно с избавлением от

⁹ По сути Метон повторял аргументы Киней.

варваров Великой Греции Пирр мог бы сколотить державу, удовлетворявшую его амбициям.

Птолеми даже постарались придать экспедиции характер некоего общегреческого дела. Керавн пообещал выделить в распоряжение эфирского царя на два года 4000 всадников, 5000 пехотинцев и 50 слонов. Едва ли он выполнил свои обещания полностью: в армии Пирра, отправившейся в Италию, было всего 3000 всадников (из которых часть — молосских) и лишь 20 слонов¹⁰. Однако одно присутствие боевых слонов уже давало Пирру преимущество над итальянскими армиями, никогда не видевшими этих животных.

Египет мог оказать финансовую поддержку, а также обещать беспрепятственную переправу через Адриатику. Но самое главное — он гарантировал, что Эфир не станет предметом вождений Керавна и Пирр сможет воевать в Италии, не беспокоясь за свой балканский удел.

Получив необходимые заверения, эфирский царь не стал медлить. Он оставил наместником в Эфире своего старшего сына Птолемея. С остальными двумя сыновьями, Геленом и Александром, а также 20 000 педзетеров, гипаспистов и пельтастов, 2500 легковооруженными застрельщиками, 3000 всадников (фессалийских и молосских), а также 20 слонами он вышел в море уже весной 280 г.

Пирр принял рискованное решение, так как весной Ионийское море очень бурно, и неповоротливые транспортные суда легко могли стать добычей шквала. Но задержаться до лета значило бы отдать инициативу в руки римлян, которые уже весной сосредоточили в Венузии очередную консульскую армию и готовились блокировать Тарент.

Сбылись худшие предположения: посреди перехода с севера налетела буря и разбросала транспортную флотилию. Как всегда драматизирующие происходящее древние историки сообщают, что едва ли не весь эфирский флот погиб.

¹⁰ Вероятно, в течение 280-279 гг., т.е. до начала галатского нашествия, в Италию переправлялись новые отряды, выделенные Керавном. По крайней мере, слоны у Пирра имелись даже в 275 г., хотя именно этот род войск обычно выбывал в первую очередь.

При этом непонятно, правда, кто сражался в эфирской армии летом того же года при Геракле...

Скорее всего, ситуация были иной. Потеряв из виду остальные свои корабли, Пирр направил флагманское судно к итальянскому берегу в совершенно диком месте. Ему чудом удалось миновать прибрежные камни и мели, однако вечером начался отлив и кораблю не удавалось пристать к берегу. Остаться на ночь в этих водах было опасно: царь приказал вплавь добираться до берега.

Пирр первым бросился в волны прибоя. Следом за ним покинули корабль друзья и телохранители. Многие из них утонули в эту ночь, а сам Пирр лишь под утро выбрался на берег¹¹. Однако он был полон бодрости. После того как его с подобающим почтением встретили апулийцы-мессапии, обитающие в этом месте, Пирр сумел собрать 2000 пехотинцев, несколько десятков всадников и двух слонов с кораблей, выбросившихся на сушу неподалеку от него.

С этим отрядом он выступил к Таренту. Близ этого города его встретил Милон, который вывел за пределы городской стены весь свой небольшой корпус, чтобы при необходимости прикрыть движение царских войск.

В течение ближайших дней в гавань Тарента прибывали отбившиеся от главных сил корабли, и вскоре Пирр имел под рукой если не всю армию, с которой он отплыл с Балкан, то по крайней мере ее большую часть...

¹¹ Еще одна фантастическая деталь, заставляющая сомневаться в достоверности истории драматической переправы Пирра в Италию.

Глава VIII

Луканские коровы

Эпирская армия. Пирр как полководец. — Римская армия времен республики. — События в Регию. — Начало кампании 280 г. — Сражение при Гераклее и его последствия. — Посольство Кинея. — Поход Пирра в Кампанию и на Пренесте. — Завершение кампании 280 г.

У нас нет подробного описания эфирской армии, особенностей ее тактики и даже внутренней структуры. Мы можем лишь предполагать, что в целом она напоминала армии диадохов, отличаясь от них большей внутренней спайкой и организацией, которые придавал ей Пирр.

Основу ее составляли национальные эфирские (преимущественно молосские) формирования: фалангиты-педзетеры, гипасписты, а также конная дружина царя.

Едва ли в их вооружении произошли значительные изменения в сравнении с эпохой Александра Великого, однако использует их на поле боя Пирр уже несколько иначе: конная гетайрия слишком мала, чтобы совершать на поле боя рейды, подобные тем, что прославили тяжелую кавалерию Александра, поэтому она почти всегда взаимодействует с фессалийской конницей, составлявшей основу кавалерии эфирского царя. Педзетеры и гипасписты еще более свободно, чем в войске великого Македонца, строятся по отдельным подразделениям (таксисам, лохам), которые приучены к тактической самостоятельности. Эволюция в сторону де-

ления армии на более мелкие тактические единицы (подобные римским манипулам) налицо, однако Пирр не прошел его до конца (что было связано с тенденциями тогдашней военной «моды», особенностями вооружения, принципами формирования армии и т.п.), однако и римские легионы, как мы увидим, еще не напоминали те классические боевые машины, которые нам известны со времен Сципиона Африканского. Они сами были на очередном этапе эволюции, и здесь опыт войны с Пирром сыграл значительную роль.

Благодаря тому, что армия Пирра имела достаточно дробную внутреннюю структуру, эфирский царь порой строил ее вперемешку с манипулами его италийских союзников (например, в битве при Аускуле). Таким образом, не только центр, но и вся боевая линия получала устойчивость, что было важно во время сражений с римлянами, имевшими однородный состав войск.

Античные историки особо выделяют искусство Пирра при организации маршей и стоянок своей армии. Ни разу врагам эфирского царя не удавалось заставить его войско врасплох и разгромить. Даже после несчастливой переправы из Сицилии в 275 г. мамертинцам не удалось рассеять потрясенную эфирскую армию.

По мнению многих авторов, именно опыт войны с Пирром заставил римлян уделять особое внимание устройству своих лагерей (хотя перед Гераклеей Пирр похвалил именно римский лагерь), которые в будущем станут одним из символов римского военного дела. Едва ли уже эфирский царь превращал лагерь в подобие геометрически распланированного города, однако Пирр строго соблюдал несколько принципов, заимствованных позже римлянами.

Во-первых, его армия после каждого дневного перехода на территории противника обносила свое расположение на ночь частоколом и, вероятно, рвом, высылая вокруг боевое охранение. На эти временные лагеря Пирр перенес основные элементы стационарных лагерей, уже знакомых нам из истории войн диадохов.

Во-вторых, каждое из подразделений занимало в лагере определенное место и получало четкие указания, что делать в случае неожиданного нападения.

В-третьих, внутри лагеря оставляли широкие проходы (будущие «улицы» римских лагерей), благодаря которым войска могли передвигаться не перемешиваясь и не создавая давку.

Среди «изобретений», принадлежащих, видимо, именно Пирру, нужно назвать превращение слонов в своеобразные подвижные крепости. На спине слона, помимо погонщика-вожатого, теперь находилась небольшая башня, в которой помещалось до четырех воинов, вооруженных луками и сариссами. Тело животного защищали панцирем, а иногда ему на шею вешали колокол. Использовалась и налобная броня, украшенная султаном или плюмажем.

Подобное нововведение сделало слонов еще более грозным оружием — особенно против римлян, впервые столкнувшихся с ними. И если армия Александра Македонского на реке Гидасп справилась с непростой задачей, то римляне лишь в третьем сражении против Пирра сумели одолеть этих животных.

Пирр как полководец был настоящим наследником Александра. Это касается и его стратегического чутья, и тактического искусства. Он обладал необходимым для стратега чувством пространства и способностью выбирать необходимый опорный пункт для развития кампании. Нам уже довелось говорить о Линконском массиве и его роли в македонских кампаниях Пирра. Но и в Италии он постоянно нащупывает правильные пространственные решения и совершает продуманные операции. Особенно показательны будут поход на Пренесте, идея кампании 279 г., а также события, предшествовавшие битве при Беневенте в 275 г. Да и последний поход Пирра — в Пелопоннес в 272 г., — несмотря на свой печальный финал, по замыслу может быть причислен к выдающимся примерам античной военной режиссуры.

Пирр, правда, был нетерпелив. Чем старше он стано-

вился, тем более ясно проявлялась эта черта. Многолетнее приложение усилий в одной и той же точке, на одном и том же театре военных действий было ему не по душе.

Впрочем, мы не знаем, не страдал ли той же чертой Александр, который волею судеб каждый новый год во время своего великого Восточного похода встречал в новой стране.

С точки зрения тактики Пирр, помимо расчленения тяжелой пехоты по фронту, был склонен к образованию резерва и постепенному введению в бой своих частей. Несмотря на очевидность подобного поведения полководца для современного военного человека, древность долгое время не знала такого понятия, как тактический резерв. Войско разворачивалось на поле боя в полном составе и в одну линию — так, чтобы разом использовать все силы для удара по противнику. Это касается даже Александра Македонского, который, как мы помним, при Иссе для поддержки левого фланга использовал фессалийцев и другие отряды, переброшенные за ненужностью с правой оконечности фронта.

Пирр начинает по-другому использовать и фактор времени. Обычно этого не замечают, но все три его генеральных сражения в Италии характеризует прежде всего стремление предварительно вымотать противника, после чего нанести удар наиболее свежими и боеспособными отрядами: слонами и фессалийской конницей. Перед нами первые примеры так называемого «обхода во времени», который гениальный Ганнибал спустя каких-то шестьдесят лет превратит в прямой двусторонний охват врага на поле боя¹.

Говоря о характере отношений Пирра с солдатами, нужно отметить, что эфирский государь соединил в себе до-

¹ «Обход во времени» в случае Канн будет заключаться в сознательном удерживании от участия в бое на первом его этапе двух колонн тяжелооруженных африканских солдат, которые дождались, пока масса римских легионеров «промяла» строй галлов и иберов, а затем нависли над ее флангами.

стоинства эллинистического владыки и царя — военного вождя национальной армии. Он стремился к созданию обширной территориальной державы и потому хотел быть для каждого из оказавшихся в его подчинении народов его законным государем. Эта наднациональная тенденция только подчеркивалась историями о божественных свойствах Пирра, усердно муссируемыми его окружением (точно так же поступали все эллинистические цари).

Но вместе с тем Пирр помнил о своих соотечественниках, которые составляли основу его войск. Как в армии Александра македоняне всегда находились на привилегированном положении, так и в войске Пирра первыми были эпироты, а среди эпиротов — молоссы.

В отличие от Деметрия, для которого солдаты были пушечным мясом и не более того (вспомним его разговор с сыном во время осады Фив), Пирр старался беречь костяк своих офицеров и солдат. Именно этим были вызваны его слова после победы при Аускуле, доставшейся слишком дорогой ценой: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то будем окончательно перебиты». Солдаты чувствовали отношение к себе царя и платили ему преданностью. Лишь однажды ему изменили македонские части, перешедшие на сторону Лисиаха. Однако мы уже видели, что македоняне в эпоху от смерти Александра до воцарения Птолемея Керавна проявляли совершенную беспринципность.

Римская армия представляет собой совершенно уникальный случай в истории древности. Общеизвестно, что римляне создали самую совершенную военную организацию среди всех народов античного Средиземноморья, а возможно — и во всем мире. Однако римские легионы, прошедшие полмира, а затем несколько столетий поддерживавшие существование мировой державы, возникли не из головы Зевса. Прежде чем стать армией Гая Мария и Юлия Це-

заря, они прошли длительную историю. Войны с Пирром застают их еще где-то на полпути к состоянию идеальной боевой машины. Это ставит ряд вопросов, разбор которых превратил бы нашу книгу в исследование истории римского легиона. Поэтому мы ограничимся только общими замечаниями, позволяющими судить о том, с каким противником довелось столкнуться Пирру.

Как и все античные армии, римская прошла через ряд последовательных реформ. Некогда (во времена Ромула) основу ее составляли отряды колесниц. Затем их сменили — как и в Греции — всадники. Отсюда происходила римская традиция начинать любую военную кампанию в марте (март — месяц, посвященный Марсу) с ристаний колесниц и конских скачек, считавшихся сакральными (кони-победители приносились в жертву), только после которых армии выступали в поход.

При царе Сервии Туллии в Риме сформировалась армия, напоминающая классические греческие: все свободно-рожденные римляне были распределены на имущественные классы, каждый из которых имел особое вооружение. Армия строилась в виде фаланги, основу которой составляли гоплиты, вооруженные на этрусский (схожий с греческим) лад. Остальные имели более дешевое и легкое снаряжение, по типу напоминающее вооружение греческих гипаспистов и пельтастов.

Более привычный нам манипулярный строй возник значительно позже. Причины для его появления лежали и в развитии римского общества (переход от монархии к республиканскому правлению, постепенное усиление значения плебеев), и во внешних событиях. В 390 г. римляне потерпели сокрушительное поражение от галлов при Аллии, после чего по инициативе знаменитого полководца Марка Фурия Камилла была проведена реформа, по вполне правдоподобному предположению современных историков имевшая целью создание армии, которая была бы в состоянии противостоять именно безудержному натиску ополчений галлов.

К этому времени слово «легион» из названия ополчения римских граждан превратилось в обозначение высшего тактического соединения; спустя некоторое время легионами будут называть и корпуса, выставленные союзниками. Согласно Ливию, после реформ Камилла легион стал состоять из 45 манипулов (лат. «манипул», букв. — пучок сена, привязанный к шести: древний воинский знак, вокруг которого собирались воины). Каждый из манипулов представлял собой подразделение, подобное греческому лоху и подготовленное как для самостоятельных действий, так и для сражения в общем строю.

Не менее важным, чем дробление на манипулы, было распределение сил легиона на три линии. Первую линию боевого строя составляли 15 манипулов гастатов, молодых тяжеловооруженных воинов. Численность манипула составляла 60 человек, к которым следует прибавить 20 застрельщиков (левисы), вооруженных дротиками. Вторую линию образовывали 15 манипулов принципсов — солдат в возрасте от 30 до 40 лет, обладавших и боевым опытом, и зрелой воинской силой. Здесь каждый из манипулов имел численность также в 60 человек. Третья линия была самой громоздкой, хотя, вероятно, и не имела серьезного значения, будучи всего лишь тыловой опорой для первых двух. Эта линия сама делилась на три части. Впереди, сразу за принципами, стояли триарии — ветераны, прошедшие множество кампаний, но уже утратившие мощь принципсов. За ними шли рорарии — воины, имевшие облегченное вооружение, то ли набранные из бедных сословий граждан, то ли просто молодые люди, еще не успевшие себя зарекомендовать на ратном поприще. Завершали эту линию акцензы — легковооруженные из неимущих римлян, которые вполне могли исполнять функции обозных служащих, вроде спартанских илотов, шедших за армией гоплитов. Каждый из этих разрядов имел по 60 человек, таким образом, манипул третьей линии составлял 180 солдат.

Итого в легионе насчитывается (вместе с офицерами,

сигнальщиками, знаменосцами и всадниками, числом в 300 человек²) 5000 воинов.

В более позднее время рорарии и акцензы попросту исчезнут из римского легиона, а численность триариев станет вдвое меньше численности первых линий. Во II столетии структура легиона (согласно Полибию) будет такой: 10 манипулов гастатов (по 120 тяжеловооруженных легионеров и 40 легковооруженных велитов), 10 манипулов принципсов (также 120 + 40) и 10 манипулов триариев (60 ветеранов + 40 велитов), всего 4200 велитов. Подобная организация более уравновешена и практична. Однако прежде чем перейти к ней, римляне должны были пройти через «легион Камилла», в который было включено как можно большее число граждан, даже не имеющих боевого опыта и достойного гоплитского вооружения.

Такое распределение сил показывает, что легион был рассчитан прежде всего на фронтальное сражение. Маневрирование на поле боя еще не стало козырной картой римлян, а выход противника в тыл ставил перед ними почти неразрешимые проблемы. Однако вольски, этруски, галлы и самниты, с которыми имели дело наследники Ромула, и не ставили перед ними таких задач — за исключением эпизода в Кавдинском ущелье.

Зато при фронтальном сражении римляне имели явное преимущество над всеми италийскими врагами, даже над вызывавшими еще в IV в. ужас галлами. Однако чтобы разобраться с манипулярной тактикой времен Пирра, нужно поговорить об особенностях вооружения римлян.

Главным наступательным оружием было копье. Внедрение длинного этрусского копья, называвшегося «гаста» (отсюда — гастаты), приписывается царю Сервию Туллию. Оно представляло собой типичное гоплитское копье, которое нам известно уже по классической греческой фаланге. Именно этими копьями были вооружены римляне при Ал-

²Всадники, приданные каждому легиону, делились на 10 «взводов»-турм по 30 кавалеристов в каждой.

лии и именно подобное вооружение было сочтено недостаточным для борьбы с галлами.

Камилл оставил гасту лишь для триариев, а гастатам и принципам взамен дал на вооружение по два более легких копья — пилума. В древнейшие времена пилум использовался для защиты крепостных стен, правда, при этом он представлял собой очень тяжелое и длинное копье. Нам не известно, когда от оборонительного оружия, напоминающего сариссу, название перешло к метательному оружию, по сути — очень длинному дротику, однако уже ко времени Самнитских войн именно пилум составляет особенность римских легионеров.

«Антигалльская» нацеленность этого оружия видна очень хорошо. Дабы задержать грозный вал полуголых или полностью обнаженных варваров, вооруженных длинными мечами и щитами, гастаты метали пилумы, которые вонзались в щиты, тянули их вниз или поражали незащищенные части тела. При необходимости легионеры могли оставить один пилум при себе и даже действовать как фаланга — если не педзетеров, то гипаспистов или пельтастов.

Но обычно после разрушения строя и ослабления напора противника дротиками левисов и пилумами легионеров последние стремились перейти к рукопашной схватке, где главным оружием становился меч.

Знаменитый короткий римский меч (гладиус), происшедший от иберийского широкого кинжала, был принят в массовое производство лишь во время II Пунической войны. Так что легионеры, сражавшиеся против Пирра, действовали иным оружием.

Гладиусы привлекли римлян тем, что были предназначены именно для ближнего боя, где основным приемом являлся колющий удар снизу вверх, однако благодаря достаточно широкому тулову могли являться и рубящим оружием — по крайней мере, ими можно было отмахиваться даже от длинных галльских мечей и от иберийских же ятаганов-фалькат. Оружие, которое археологи обнаруживают в слоях, относящихся к эпохам, предшествующим Пуническим

войнам, не имеет такого универсального характера. Это либо кинжалы, основная функция которых заключается в колющем ударе (до 40 см длиной), либо же мечи, типологически схожие с оружием еще конца II тыс. до н. э. Последние представляют собой клинки от 25 до 55 см в длину со спиральным навершием рукояти (так называемый «антенный» тип; некоторые кинжалы также украшены «антеннами»). Хотя к III в. все клинки стали железными, качество их изготовления оставляло желать лучшего: по одному из древних рассказов, галлы, сражавшиеся обычно именно длинными мечами, иногда были вынуждены останавливаться и, встав ногой на клинок, выпрямлять его.

Во времена войны с Пирром легионеры, видимо, уже были снабжены короткими вариантами мечей, однако едва ли от этого времени можно ждать единообразия рубяще-колющего оружия.

Главным элементом оборонительного снаряжения являлся skutum, большой овальный щит с умбоном, сменивший круглый аргивский еще до нашествия галлов. Несмотря на величину, он был достаточно легок, так как имел деревянную основу и покрытие из бычьей кожи в несколько слоев. Такой щит незаменим в рукопашной схватке, которая происходит не поодиночке, а в строю. Прикрывая значительную часть туловища, он позволяет достаточно свободно двигаться руке с коротким мечом. Все дальнейшие модификации щита, приведшие к появлению прямоугольного, загнутого наподобие фрагмента цилиндра, skutuma, имели своей целью именно защиту воина в коллективном ближнем бою.

Помимо щита римский легионер был защищен шлемом (кассис), доспехом, поножами и, вероятно, наручами³. Римский шлем того времени происходит от сочетания нескольких типов, в которых главным был кельтский. Чаще всего это — шлемы-шишаки с нашечниками, защищавшими ску-

³ По крайней мере, наручи, особенно прикрывающие правое предплечье, в архаическое время были популярны в Этрурии и Лациуме.

лы воина. На их навершии устанавливалось особое крепление для гребня из конского волоса, делавшее древние рати похожими на табуны лошадей, а также держатели для длинных перьев черного и красного цвета — для того, чтобы солдаты казались выше, чем они есть.

Несмотря на разнообразие типов доспеха, найденных археологами в различных частях Италии, а также изображаемых историками, можно предположить, что он был довольно прост. Здесь имелось два типа. Один — простая нагрудная пластина (или комбинация из трех пластин, прикрывающих, соответственно, грудь и живот), которая скреплялась с такой же пластиной на спине широкими кожаными ремнями, одновременно предохраняющими плечи. Другой якобы предложил Камилл, и был он железным, но не сплошным, а состоявшим из скрепленных полос. Грудь при этом защищалась секцией из 5-7 кожаных ремней шириной в три пальца, обшитых железом и образующих грудной панцирь. Подобные же ремни покрывали плечи и скреплялись с грудными. Аналогичные полосы кожи вертикально крепились на поясе для защиты бедер. Простые солдаты часто носили поверх туник кожаные безрукавки, спускавшиеся ниже бедер и заменявшие панцирь. Впрочем, железный панцирь иногда надевали и на эти кожаные «доспехи». Льняной панцирь, столь популярный на Балканах, также использовался в Италии, но всеупотребимым в римских легионах он еще не стал.

Что касается офицеров, то они имели более дорогие доспехи — в том числе «анатомические», стоявшие тогда в Италии большие деньги.

Поножи легионеры носили на правой ноге, которую не прикрывал щит. В Италии имелись различные типы поножей, в том числе и такие, которые прикрывали большую часть ноги — включая колено и даже выше.

Как мы видим, вооружение римлян (по крайней мере, первых двух линий — гастатов и принципов) было достаточно специфическим. Столь же специфическим был и их строй.

Манипул состоял из двух центурий, которые перед боем располагались одна за другой. Легионеры строились по 10 человек в шеренге при глубине строя в каждой центурии в 3 ряда⁴. Расстояние между воинами в шеренге достигало 90 см, между рядами — до 1 м. По правому флангу выстраивались центурионы, их помощники, а также один знаменосец. Ширина одного манипула по фронту при построении двумя центуриями в глубину должна была составлять около 20 м.

Манипулы располагались на некотором расстоянии друг от друга — как по фронту, так и в глубину (между линиями). Это расстояние равнялось примерно 8 м.

Здесь начинается самая сложная для реконструкции часть римской тактики. Хотя манипулы второй линии располагались так, чтобы закрыть разрывы первой, а третьей — чтобы прикрыть промежутки во второй, однако подобный шахматный порядок еще можно принять для европейских армий времен войны за Испанское наследство, но никак для античной военной системы. Промежутки между манипулами представляли собой отличную возможность для вклинивания в них вражеских войск; получалось, что в римском легионе было целых 15 правых флангов, как мы помним — самых уязвимых элементов пехотного строя.

Таким образом, красивый шахматный строй римлян (при движении по пересеченной местности его, кстати, сохранять еще более трудно, чем строй гоплитской фаланги), который мы видим в исторических фильмах, — либо миф, либо же временное построение перед сражением, которое при сближении с противником изменялось.

Действительно, мы имеем свидетельства, что римляне все-таки сражались в сомкнутом строю. Когда враг был уже на расстоянии броска пилума, застрельщики прекращали «огневую дуэль» с ним и отходили за строй гаста-

⁴ 10 человек в шеренге — это данные по легиону времен Полибия, т. е. II в., когда манипулы гастатов и принципов были вдвое больше. Возможно, во времена Пирра во фронте манипула стояло 5 человек — дабы имелась достаточная глубина построения.

тов через имеющиеся проходы. Сразу после этого вторые центурии каждого манипула сдвигались влево и выходили вперед, заполняя промежутки.

Противник (предположим, это были галлы), уже расстроенный дротиками левисов, получал два «залпа» пилумами, после чего римляне бросались вперед, гася наступательный порыв врага, толкая его щитами, сближаясь до максимально близкого расстояния, когда сенноны или бойи не могли действовать своими длинными, громоздкими мечами. Легионеры первой линии, которые благодаря своему вооружению были и достаточно защищены, и подвижны, раз в несколько минут сменялись товарищами, стоящими во второй шеренге и получали время для отдыха. Это принципиально отличало римский ближний бой от действий той же македонской фаланги, где из-за особенностей вооружения подобная ротация внутри одного сплоченного строя была невозможна⁵.

Если этот удар не приносил нужного результата, гастаты по приказу центурионов быстро отступали назад, проскальзывая в тыл принципам через промежутки между их манипулами, и повторялась та же картина. Принципы метали пилумы в наступавшего врага, и бой как бы начинался заново. Правда, этот момент являлся одним из кризисов сражения: гастаты могли отрываться от противника отдельными группами или же отступать, преследуемые теми по пятам. В таком случае построение правильного фронта для второй линии было делом непростым. Именно потому ее и составляли принципы, что в этой ситуации необходимы были опыт и сноровка. При необходимости принципам помогали рорарии, проходившие через промежутки манипулов триариев. По крайней мере Ливий однозначно ука-

⁵ И не в этом ли одни из главных причин побед римлян над эллинистическими армиями Македонии и Сирии во II в. до н. э.? Даже если фаланга сминала строй римских легионов, те оказывались достаточно выносливы, чтобы «дотерпеть» до того момента, когда сариссофоры первых рядов потеряют силы, а само построение фаланги — стройность и осмысленность.

зывает этот маневр во время описания битвы при Везувии (340).

Триарии составляли последний резерв, оставляемый на крайний случай. Отсюда происходит известная римская поговорка: «дело дошло до триариев», т. е. «дела плохи». Впрочем, за спинами ветеранов, бившихся, как традиционная фаланга, расстроенные гастаты и принципы могли собраться с силами и попытаться восстановить положение.

Следовательно, шахматное расположение манипулов было связано со стремлением римлян сделать армию более мобильной именно при фронтальном сражении, а также как можно дольше иметь под рукой свежие подразделения. Битва дробилась на эпизоды, и первоначальный успех наступавших еще не был гарантией их победы. Те же галлы теперь натывались не на жесткий, а потому ломкий строй фаланги, а на более гибкое построение, смягчающее их натиск, выматывающее врага, а затем отбрасывающее его, как разжимающаяся пружина.

Конница при такой манере ведения боя имела вспомогательный характер. Она строилась на флангах и имела задачей не допустить случайного тактического обхода. Вооружение ее практически не отличалось от вооружения балканских всадников. Впрочем, римляне обучали своих наездников не только метанию дротиков, но и рукопашному бою. Ливий сообщает, что во время Македонских войн конница македонян, отвыкшая от тактики времен Александра и предпочитавшая регулярному сражению легковесные наскоки, была поражена способом действий римлян, всегда доводивших дело до сечи на мечах.

Римскую конницу главным образом составляли контингенты союзников. В эпоху Пирра особенно много было всадников из Кампании. В этой области, расположенной на юге от Лациума, где смешались древние италийцы, греки, этруски и самниты, было очень воинственное, своенравное население, традиционно поставлявшее конных и пеших наемников различным городам или тиранам (особенно на Сицилию). Кампанская конница отличилась в сражении при

Сентине, когда сумела обойти и привести в смятение галлов, а затем ударила с тыла на самнитов. Это стало одним из новшеств в военном деле Италии, а римские всадники почувствовали свою значимость и уже при Гераклее ни в чем не хотели уступать пришельцам из Эпира и Фессалии.

Уже ко времени войны с Пирром римляне выработали навык создания военных лагерей. Однако единого лагеря для армии не было: каждое из подразделений строило собственное укрытие от неожиданных нападений. Лишь зрелище эфирских лагерей, со всех сторон обнесенных частоколом и имевших правильный внутренний порядок, подтолкнуло их к созданию того лагеря-города, которым римская военная история имеет полное право гордиться.

С точки зрения стратегического развертывания вооруженных сил римляне уже со второй половины IV в. обычно придерживались следующего образа действий. Они выставляли две армии по два легиона в каждой. Численность этих армий превышала 40 000 человек, так как помимо собственно римских легионов союзники выставляли по крайней мере равные им контингенты. Согласно традиционным представлениям, союзные войска подразделялись на когорты (букв. «отряд», «строй») численностью до 500 человек, тактика которых могла напоминать римскую. Однако ниже мы узнаем о бунте расположенного в Регии легиона, составленного из кампанцев, следовательно, во времена Пирра могли совмещаться оба типа организации союзных римлянам сил.

Армии действовали на разных стратегических направлениях (например, одна в Этрурии, другая — в Самниуме) под командованием консулов, каждый из которых обладал в отведенной ему зоне боевых действий абсолютной военной и гражданской властью (империумом). Иногда армии объединялись, и тогда консулы осуществляли свою власть по очереди, меняясь на посту главы армии через день. Иногда, наоборот, помимо действующих армий набирались дополнительные контингенты, которые возглавляли должностные лица рангом ниже.

Римляне использовали систему своих военных дорог, которую расширяли при первой же возможности. Их командующие всегда стремились к захвату стратегической инициативы и ведению боевых действий на территории врага, т. е. за его счет.

К войне в Риме относились как к естественному делу. Большую часть года значительная часть взрослого мужского населения покидала пределы города и отправлялась мстить соседям за совершенные ими несправедливости, чаще всего — мифические. Продолжался «сезон войны» с марта, месяца, когда, как мы уже говорили, созывалось ополчение и проводились игрища, посвященные Марсу, по октябрь, когда уставшая, но почти всегда обремененная добычей армия возвращалась в город и совершался обряд очищения оружия.

Даже когда в эпоху просвещения в Риме (конец III—II вв.) туда будет проникать греческая идея вечного мира, война останется сакральным занятием, угодным богам, только оправдывать римляне ее будут не естественным ходом вещей, а необходимостью защищать своих друзей и вообще малых мира сего от хищных врагов.

Полководец, который вел армию в поход, получал почти абсолютную власть над жизнью своих подчиненных. Во время смотра на Марсовом поле перед выходом в поход войска давали клятву богам и посвящали себя Марсу. Затем, как говорит Ливий, разойдясь по центуриям, легионеры клялись друг перед другом, что «страх не заставит их ни уйти, ни бежать, что они не покинут строй, разве только чтобы взять или найти оружие, дабы поразить врага или спасти согражданина».

Выйдя за пределы Рима (а точнее — на расстояние примерно мили от городских стен), римляне полностью теряли свои гражданские права, переходя в распоряжение командующего. Тот был олицетворением воли покровительствующих Риму богов. Именно ему были вручены права на ритуальное обращение к богам с просьбой о помощи римскому народу, а также на совершение ауспий — гада-

ний о том, благоприятствуют ли сейчас Небеса сражению или нет.

Существовало два вида гаданий, принятых в Риме. Самые известные — наблюдения за полетом птиц: их количеством, направлением, характером поведения. Как известно, результаты именно подобного гадания дали священное право на основание Рима Ромулу, а не его брату Рему.

Однако в армии обычно пользовались другим видом предсказания. Армии возили с собой в деревянных клетках цыплят, которых полководец перед сражением приказывал накормить. Если цыплята жадно бросались на еду, при этом роняя часть пищи на землю (как бы делиась с богами земли, подобно тому, как на пирах древние совершали возлияния из кубка на землю нескольких капель вина), то это было благоприятным знаком. Во всех других случаях полководец должен был постараться избежать боевого столкновения.

Рассказывают, что однажды римскому адмиралу перед неминуемым столкновением с противником сообщили, что цыплята отказываются принимать пищу. Он приказал выбросить их за борт, добавив: «Не хотят есть? Тогда пусть они попьют!»... — и проиграл битву.

Хотя во времена Суллы и Цезаря образованные римляне будут смеяться над этим обычаем, утверждая, подобно Цицерону, что хитроумные полководцы попросту приказывают морить цыплят голодом, дабы они в нужный момент жаждали пищи и в то же время были слишком слабы, чтобы удержать ее, подобный обычай⁶ будет сохраняться даже в войсках императорского Рима.

⁶ Греки также стремились испрашивать совета высших сил перед началом сражения. Правда, эллины предпочитали более жестокий способ: используя практику этрусских гаруспиков, они гадали по печени жертвенных животных. Плутарх рассказывает, что во время битвы при Платеях (479) спартанцы продолжительное время терпели обстрел со стороны персов только потому, что печень животных, заколотых их предводителем Павсанием, не была чистой. Лишь когда к ставке командующего прорвалось несколько конных варваров и окружение полководца было вынуждено отбиваться от них палками (ведь

В наше время подобная практика выглядит странно (хотя, насколько мы знаем, услугами предсказателей пользовались многие из генералов, принимавших участие в войнах 90-х годов XX в.), однако для римлянина она свидетельствовала о священном статусе его полководца. Лишь этот человек мог получать знаки от богов и толковать их. Поэтому подчинение ему было делом, угодным не только общине, но и Небесам.

Именно этим, а не склонностью древних римлян к громким деяниям, следует объяснить примеры крайне жесткого подавления их военачальниками малейшего неповиновения в армии. Так, Аппий Клавдий, вводя практику «децимации», т.е. убийства каждого десятого из провинившегося подразделения, самолично дубиной крошил головы беглецов; Тит Манлий убил собственного сына, виновного в том, что тот одержал победу, вступив в бой без разрешения своего отца. У Фронтин в его «Стратегемах» есть раздел, где приведены 45 самых известных случаев наказаний за нарушение дисциплины, причем подавляющее большинство из них — римские.

Любое сопротивление собственной воле командующий расценивал как нарушение воли богов. Все победы римской армии, по мнению граждан Рима, происходили благодаря строгому подчинению Небесам, по отношению к которым консул выступал своего рода чиновником, передающим по инстанции высшую волю. Именно поэтому история Рима пестрит огромным количеством полководцев, вечно одерживавших победы над противником, но обычно командовавших войсками не более одной-двух, в крайнем случае трех кампаний. Такие фигуры, как Марк Фурий Камилл в истории ранней Республики, — скорее исключение, чем правило. Военачальник мог свободно передать руководство военными действиями своему преемнику, если тот

боги все еще запрещали брать в руки оружие!), Павсанию поналоось здоровое животное.

⁷ Так утверждает Фронтин. Тит Ливий и Дионисий Галикарнасский говорят о «цивилизованной» казни через усекновение головы.

был избран согласно всем требованиям традиции. И только во время затяжной, тяжелой войны с Ганнибалом, едва не поставившей Рим на колени, появятся полководцы иного типа: Клавдий Марцелл и Сципион Африканский. Эти люди олицетворяют успешные стратегии ведения войны и потому длительное время командуют армиями.

Итак, римский солдат — это опытный воин, прекрасно знающий свое место в строю, знак своего легиона⁸ и манипула, получающий во время срока ежегодной службы жалованье, не считая своей доли в добыче. В обычной жизни он — законопослушный и порядочный гражданин, но на армейской службе — исполнитель воли богов, не связанный никакими «общечеловеческими» ценностями, но лишь приказами своего военачальника. Здесь, на войне, все решают не законы, но топор и фаски — символы абсолютной власти командира.

Вот с такой странной армией, соединившей в своей организации и в своем характере массу архаических черт с абсолютно новыми, революционными идеями, и довелось сразиться Пирру.

Пока Пирр принимал изъявления благодарности со стороны тарентинцев, пока он собирал свои части, разбросанные по побережью Апулии, и делал первые осторожные попытки провести мобилизацию среди италийских греков, Рим готовился к большой войне. Всем было ясно, что военные действия скорее всего не ограничатся «каблуком» апеннинского сапога. Помимо южноиталийцев на борьбу с Римом готовы были подняться самниты, еще не до конца замиренные этруски и, возможно, галлы.

Чтобы обезопасить себя от «пятой колонны», римляне

⁸ Знаменитые «римские орлы» стали знаками легионов ко временам Гая Мария. До этого значками могли быть медведь, бык и даже Минотавр — наследие тотемных покровителей племен, из которых образовался римский народ.

заставили многие крупные города Средней Италии выдать им заложников из числа самых почитаемых семейств. Это оказалось крайне непопулярной мерой, вызвавшей брожение даже в местностях, уже давно контролируемых римлянами. Однако Сенат воспринял брожение как неизбежное зло, ценой которого он купил спокойствие на операционных линиях своих армий.

Был введен особый военный налог, который позволил вооружить значительные контингенты квиритов (т. е. римлян, потомков Ромула-Квирина) и их союзников. Последние были вынуждены мобилизовать такое количество солдат, которое они еще никогда не снаряжали.

Попробуем сосчитать римские вооруженные силы на конец весны 280 г. Одна армия (два легиона) под начальством консула Тиберия Корункания вступила в Этрурию, чтобы наконец подавить сопротивление Вольсиний, последнего большого этрусского города из числа поддержавших восстание 285 г. Так как союзники выставляли равное римлянам число ратников, численность этой армии можно определить в 20 000–22 000 человек.

Еще одна такая же армия осталась в Риме в качестве стратегического резерва, но, скорее всего, попросту еще не закончила формирование.

Третья армия направилась в Венузий под командованием второго консула Публия Левина. Так как там должны были находиться войска командующего прошлого года Люция Эмилия, численность «Венузийской» армии Левина после его прибытия можно определить в 40 000 солдат. Для Италии того времени это — большая цифра.

Хотя Пирр мог рассчитывать на помощь греков и южноиталийцев, для сбора ополчения ему нужно было время. Чтобы лишить его этого времени, Левин прошел скорым маршем мимо городов Самниума, играя мускулами перед готовыми уже к восстанию самнитами, и, соединившись с войсками Эмилия, направился в Луканию.

В этот момент Рим уже бесповоротно ступил на «тропу войны». Однако поскольку ранее все противники Веч-

ного Города располагались на Апеннинском полуострове, возникла проблема обрядового плана. Для того чтобы начать войну по всем правилам, жрец из коллегии фециалов должен был метнуть на территорию врага окровавленное копье.

Эпир лежал по другую сторону Адриатики, и «добросить» до Балкан копье возможности не было. Тогда в Риме срочно разыскали какого-то уроженца Эпира и заставили его купить неподалеку от города участок земли, который назвали «Эпир». Именно на эту землю фециал и бросил копье — и римские боги взяли войну под свое покровительство.

Последним мирные предложения сделал Пирр. Даже если этот шаг был продиктован единственно желанием выгадать время для увеличения своей армии, с пропагандистской точки зрения он был правильным. Пирр предложил римлянам выступить третейским судьей в их тяжбе с тарентинцами. Переправленная в Италию армия могла выступить гарантом любого решения.

Римляне, естественно, отказались от предложения Пирра. Слишком много соглашений они нарушили в последние годы — и с луканами, и с Тарентом. Куда проще было решить все проблемы оружием.

Левин вторгся в Луканию в районе верховьев Сири-са. Продвижение римлян едва ли было быстрым: легионеры предавали земли, по которым проходили, разграблению, словно это могло сломить волю луканов. Видимо, еще во время этого похода произошло событие, которое стало неприятным сюрпризом для римского командования.

Год назад греческий город Регий был занят вспомогательным легионом, набранным в Кампании. Поскольку владевший этим городом контролировал пролив между Бруттием и Сицилией, римляне выделили для него столь значительные силы. Командовал легионом некий Деций Юбелий, человек дикого нрава. Узнав о тайных переговорах, которые вели некоторые жители Регия с эмиссарами Пирра, кампанцы устроили самосуд. Достойные своего ко-

мандира солдаты разграбили город, перебили всех мужчин, взяли в рабство их жен и детей.

Преступление было чудовищным, впрочем, далеко не первым в истории кампанских солдат. Уже десятилетие на другом берегу пролива, в сицилийском городе Мессана, находились бывшие кампанские наемники Агафокла, так называемые мамертинцы, которые терроризировали своими набегами пол-острова (о них пойдет речь позже). Таким образом, препоручение Децию и его солдатам столь важного пункта, как Регий, было очевидной ошибкой римского командования.

От Деция отвернулись обе стороны: и Пирр, и римляне не хотели терять поддержки греков и пятнать свое имя связью с преступниками. В итоге кампанцы завязали отношения с сицилийскими мамертинцами и создали собственное эфемерное государство. Почти сразу после этого они разграбили формально находившийся под покровительством римлян город Кавлоний, а затем напали на Кротон и перебили находившийся там римский гарнизон.

Между тем Левин долиной Сири-са спускался к Ионическому морю (см. карту №6). Близ впадения этой реки в море, к юго-западу от него, находится Гераклея, один из городов, контролировавшихся тарентинцами. Вероятно, именно он был главной целью похода Левина: заняв Гераклею, консул отрезал тарентинский гарнизон в Фуриях от метрополии.

Пирр решил не допустить этого: он перебросил свою армию к Сири-су, перекрыв дорогу римлянам. При взгляде на карту, правда, можно заметить некоторую неувязку: в случае, если Левин добрался до моря, эпиротам пришлось сражаться с перевернутым фронтом: напомним, Сири-с впадает в Ионийское море восточнее Гераклеи, т. е. между ней и Тарентом. Отрезанный от своей базы, Пирр должен был бы искать боя, чтобы прорваться сквозь римское расположение. Однако мы увидим совершенно иное развитие ситуации: это Левин будет переходить Сири-с, навязывая противнику бой.

Можно сделать вывод, что битва произошла на некотором удалении от Гераклеи и выше по течению Сируса. В этом случае Пирру не обязательно было даже переходить реку. Он мог занять лагерь на ее левом (т. е. восточном) берегу, и Левин не имел бы возможности просто пройти мимо него, так как тогда эпироты легко перерезали коммуникации римской армии.

С другой стороны, Плутарх говорит, что лагерь Пирра располагался на равнине между Пандосией и Гераклеей, а это указывает на то место, где Сирус делает изгиб и некоторое время течет с запада на восток. Если это сообщение верно, то эпирский царь располагался все-таки на правом берегу реки, фронтом на север, имея Гераклею примерно в 30 км позади себя.

Так или иначе, в середине лета 280 г. противники впервые встретились друг с другом. Войска расположились на противоположных берегах реки, очевидно, на некотором расстоянии от берегов. В то время Сирус был судоходен — по крайней мере в нижнем своем течении. Таким образом, неожиданная переправа представляла собой непростое дело. Тем не менее удобные места были найдены, и вдоль реки расположилось усиленное боевое охранение.

Численность римской армии мы уже указывали — не менее 40000 человек, из которых порядка 2500 всадников. Едва ли Левин распылял ее, следуя по враждебной Лукании. А вот установить силы, находившиеся в тот момент под командованием Пирра, сложнее. Перед переправой в Тарент у него, вместе с отрядом Милона, было более 28 000 солдат. Сколько из них в реальности погибло во время пресловутой бури, сколько было оставлено в Таренте и сколько, в свою очередь, тарентинцев и апулийцев пошло за царем, мы не знаем.

Скорее всего численность войск Пирра не превышала 30000 человек (в том числе 3500 всадников), а также 20 слонов, однако она с каждым днем увеличивалась, так как к эпирскому царю подходили южноиталийские контингенты.

Ясно, что оттягивание начала активных боевых действий для Левина было невыгодно. Соотношение сил постепенно менялось не в его пользу. Да и моральное состояние армии едва ли улучшалось от бездействия.

Согласно Плутарху, незадолго до битвы Пирр сам осмотрел римский лагерь. Он был удивлен порядком, царившим у его врагов, и сказал Мегаклу, одному из своих приближенных: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский. Посмотрим, каковы они в деле».

Дела довелось ждать недолго. Левин сам хотел испытать счастья в бою и для этого разведка переправы через Сирус. Выяснилось, что конница может перейти реку во многих местах, для пехоты же имеется лишь один подходящий брод. Напротив этого брода стоял усиленный конный пост Пирра, отбросить который прямой атакой было невозможно.

Тогда римский консул решил обойти врага. Однажды утром он направил свою конницу сразу через несколько бродов. Отряды римлян обходили эпирский пост со всех сторон, и командир последнего не стал ожидать приближения римской пехоты. Опасаясь окружения, он начал отводить свой отряд к царскому лагерю (см. карту №7).

А в последнем уже царило тревожное оживление. Пирр отнюдь не сразу двинул все свои войска в бой, думая воспользоваться явным тактическим преимуществом, которое дал ему в руки Левин.

Переправа более чем 30000 пехотинцев, да еще через единственный брод — очень сложное дело. Войска должны стянуться в колонны, перейти — одна колонна за другой — через реку, подняться на ровное место и лишь после этого выстроиться для правильного сражения. В тот момент, когда переправа будет на середине, решительный удар противника может сбросить еще не успевшие развернуться подразделения в реку, что станет началом разгрома.

Примерно подобное и произошло в этот день, за тем исключением только, что сила сопротивления римлян оказалась более высокой, чем полагал Пирр.

В первый период сражения эпирский царь готовил атаку своей пехоты. Лохаги и таксиархи выводили ее из лагеря, в то время как Пирр решил отогнать римских всадников, прикрывавших переправу легионеров, которые уже заполонили множеством своих щитов реку и противоположный берег. Во главе фессалийцев и молоссов он бросился на италийскую кавалерию, встретившую его ровным строем, без всякой паники и беспорядка.

Начался конный бой, причем отряды встретились на широком фронте. Где-то дело ограничивалось метанием дротиков, в других местах кавалеристы сцепились в рукопашной схватке. Ни той, ни другой стороне не удалось опрокинуть строй соперника, поэтому обе конные лавы стали растягиваться, как бы выбрасывать щупальца вправо и влево, чтобы охватить противника. Линия противостояния выгибалась: где-то римляне теснили пришельцев, где-то, наоборот, фессалийцы и молоссы опрокидывали отдельные отряды врага. Пирр и сам участвовал в схватке и руководил сражением, оказываясь везде, где его присутствие было необходимо.

Поскольку доспех Пирра выделялся среди других, римляне устроили за ним охоту. Некий самнит по имени Оплак, из племени френтанов, сражавшийся в римской коннице, сумел поразить метательным копьем скакуна Пирра. Правда, тут же царский телохранитель македонянин Леонат ранил коня френтана. Приближенные помогли Пирру подняться и увели его в тыл, а на Оплака напало сразу несколько эпиротов, и тот был убит.

Падение ли Пирра или же упорство римлян стали тому причиной, но эпирская конница стала отступать⁹. Пирр, чтобы его отсутствие не привело всадников в совершен-

⁹ Как один из вариантов можно предположить ложное отступление в сторону от брода, чтобы до переправляющихся легионов могли добраться фалангиты. По крайней мере Плутарх всячески хвалит Пирра за его управление конницей, но чуть ниже говорит, что римляне заставили врага отступить. Возможно, притворное отступление врага римская историография предпочла расценить как свой успех.

ный беспорядок, обменялся доспехами и оружием с Мегаклом, а сам направился к пешим частям и, пользуясь тем, что римляне последовали за его конницей, повел их в бой.

Античные историки изображают этот этап сражения как самый напряженный. Семикратно фаланги поочередно то обращались в бегство, то отбрасывали противника. Подобные описания скорее напоминают рассказы о боях за безымянные высоты во время Второй мировой, чем классические битвы времен эллинизма, недаром Дельбрюк сомневался в истинности этой картины.

Однако за ней вполне могла стоять ожесточенная схватка на берегу Сируса, где эпироты пытались опрокинуть неприятеля в реку, а тот то подавался назад, то, буквально распираемый от постоянного притока подкреплений, в свою очередь принуждал противника отступить. Пехотный строй и тех и других наверняка был нарушен, так что ни о какой принципиальной разнице в манере ведения боя не могло идти и речи. Ломились стенка на стенку; бросая сломанные копья, секли друг друга мечами, топча раненых, спотыкаясь о тела убитых.

В это время на конном фланге битвы был убит Мегакл. Римляне по-прежнему охотились за человеком в царских доспехах, и одному из всадников по имени Дексий удалось поразить царского друга. Сорвав с того шлем и отстегнув багряный царский плащ, он поскакал к Левину мимо сражающихся отрядов, крича, что Пирр убит.

Весть о смерти полководца всегда действовала на армию удручающе. Эпироты, и так уступающие противнику численностью, начали колебаться. Тогда Пирр поднял забрал своего шлема и стал объезжать войска, громко обращаясь к солдатам, чтобы они могли узнать его если не по доспеху, то по голосу.

Восстановив порядок в войсках, Пирр поспешил вывести из лагеря слонов. В тот момент, когда вся римская армия оказалась связана боем, появление нового для италийцев рода войск предопределило исход сражения. Слоны

направились прежде всего против римской конницы (см. схему № 8). Не приученные к виду этих животных, лошади отказывались приближаться к ним, сбрасывали своих всадников или же мчались к реке.

Воспользовавшись замешательством среди противника, Пирр собрал фессалийцев и бросил их вслед за слонами. Эта атака окончательно опрокинула всадников Левина. Они скатывались обратно к реке, обнажая фланг пехоты. Часть сил фессалийцев преследовала римскую конницу, часть же направилась против легионеров.

Римляне, изнуренные длительной схваткой с эфирской фалангой, обескураженные зрелищем бегства конницы, были окончательно приведены в расстройство видом приближающихся гигантских животных, на спинах которых возвышались башни со стрелками и сариссофорами¹⁰. Это позже, после возвращения Пирра на Балканы, они пренебрежительно назовут слонов «луканские коровы» (от Лукании, в которой они впервые столкнулись с боевыми животными). Сейчас же ими овладела паника, и они бросились к броду, ища спасения на том берегу Сириса.

Античные историки, изображая сражения Пирра против римлян, каждый раз говорят о том, что в самом конце боя одно из животных получало рану и, разъяренное ею, поворачивало обратно, увлекая за собой других слонов. В случае битвы при Гераклее это якобы помешало эфирскому царю одержать окончательную победу.

Однако остановить животных в данном случае могла не рана, а Сирис. Для переправы их через реку требовалось время, поэтому преследовала противника только конница.

В любом случае эфироты добились полной победы. Ле-

¹⁰ Мы имеем достаточно примеров использования слонов против линейных пехотных частей, в том числе и со стороны вполне здравомыслящих полководцев, например Ганнибала при Заме. Пирр, направляя своих животных в атаку против легионеров, практически не рисковал: римляне уже потеряли строй, к тому же удар был направлен во фланг — уязвимое место всех древних пехотных порядков.

вин покинул лагерь на Сирисе, который тут же занял Пирр, и поспешно отступил к Венузию. Его армия на время распалась: помимо значительных потерь от нее откололось большинство союзных контингентов, особенно из числа южных италиков. Во всяком случае, в течение оставшейся части лета 280 г. Пирр будет действовать, не принимая во внимание «Венузийскую» армию.

Точное исчисление потерь соперников представляет непростую проблему. Иероним из Кардии, современник походов Пирра, утверждает, что римляне потеряли 7000 человек убитыми. Этой цифре противоречат сведения, сообщаемые другими источниками. Так, Орозий в своей «Истории против язычников» приводит следующие цифры: 14 880 пехотинцев и 246 всадников убито, 1310 пехотинцев и 82 всадника попали в плен.

В свою очередь Пирр, по Иерониму, потерял 4000 человек, по Дионисию же — около 13 000.

Очевидно, что большие цифры являются преувеличением. 13 000 — это почти половина эфирской армии. После столь значительных потерь Пирр был бы не в состоянии организовать поход в Кампанию. 7 и 4 тысячи — вполне реальное число безвозвратных потерь. В случае римлян к ним, повторяем, нужно прибавить пленных и дезертиров. Плутарх рассказывает, что сразу после битвы к Пирру начали сбегаться толпы луканов и самнитов, многие из которых покинули армию Левина.

Эфирский царь торжествовал. Однако среди 4000 погибших в его армии было большое количество испытанных солдат и офицеров. Убитые римские легионеры лежали в основном лицом к эфирскому лагерю, а выражение их лиц, по словам позднеимперского историка Евтропия, было настолько яростным, что Пирр пожалел, что не является их царем. В связи с этим выражение «Пиррова победа» часто относят уже к сражению при Гераклее. Тот же Орозий сообщает, что после битвы Пирр посвятил храму Зевса Тарентского один из захваченных римских щитов, на котором самим царем были начертаны следующие строки:

**О, славный отец Олимпа! Тех мужей некогда не мог одолеть
никто.
Я победил их в сражении, но и сам был побежден ими.**

Если Пирр действительно написал эти строки, то он явно хотел «отыграть» оракул, который ему дала дельфийская пифия перед отплытием царя в Италию. Этот оракул мы встречаем в «Анналах» Энния — эпической поэме на латинском языке, посвященной истории Рима и сочиненной в начале II в. Звучит он так: «Aito te, Aeacida, Romanos vincere posse». На русский язык эту грамматически двусмысленную фразу можно перевести и как «Говорю тебе, Эакид Рим победить способен», и как «Говорю тебе, Эакид, Рим способен победить». Все зависит от того, как поставить запятую (вроде знаменитой фразы «Казнить нельзя помиловать»). Очевидно, эфирский царь посчитал, что гибель его лучших воинов и была зашифрована в предсказании пифии¹¹.

Римляне давно не терпели подобных поражений. Пирр победил их честно, в открытом бою, без всяких обманных уловок, засад. Правда, Гай Фабриций Лусцин, тот самый консул, который в 282 г. победил луканов, а потом «проспал» Фурии, якобы произнес следующую фразу: «Это Пирр разбил Левина, а не эфироты римлян». Лучшего признания полководческого таланта эфирского царя быть не могло, ибо римляне не отняли у Левина командование армией, согласившись с неслучайностью своего поражения: в данный момент у них не было полководцев лучше побитого консула.

¹¹ Августин Блаженный сохранил оракул в ином варианте: «Disco te, Ruge, vincere posse Romanos», который, правда, по существу не отличается от первого. Другое дело, что вся эта история может быть мистификацией: Пифия давала оракулы только на греческом, а еще Цицерон утверждал, что ни в одном греческом сборнике оракулов такого предсказания нет.

На суевверных римлян между тем произвело сильное впечатление, что один из отрядов армии Левина, спешно увозивший из лагеря в Венузий войсковое имущество, был почти полностью уничтожен неожиданно налетевшей грозой. Боги гневались на Рим, и непонятно было, что могло унять их гнев.

Эфирский царь постарался извлечь максимум пользы из своей победы. Прежде всего он собрал пленных, предложив им перейти к нему на службу. Когда изображают эту сцену, всегда указывают, что царь поступил так, привыкнув к подобной практике во время войн на Балканах. Римские граждане, естественно, ответили гордым отказом и были отправлены под стражей в Тарент.

Но, думаем, в первую очередь это предложение было предназначено не римлянам, а их союзникам. А те не проявляли склонности к решительному отказу, в массе своей присоединившись к победителю.

Похоронив убитых, Пирр направился на север. Он двигался через Луканию и Самниум, обходя с запада базу римлян в Венузии. Царь мог бы сосредоточиться на вытеснении врага из этого важного стратегического пункта, но подобная операция грозила новыми потерями — и большими, а также могла затянуться на всю вторую половину 280 г.

Чтобы римляне не пришли в себя, Пирр двигался в Кампанию — богатейшую область из всех, подвластных его противнику. Заняв Кампанию, он лишил бы римлян источника для пополнения союзных воинских контингентов, к тому же он мог поднять здесь знамя борьбы за независимость италийских греков.

Пока что его армия пополнялась луканами и самнитами, вырастая если не в военном отношении, то по крайней мере в численности. Римские отряды не пытались противостоять ему, многие греческие и луканские города открывали ворота. Самым большим ударом для Вечного Города стала потеря Кротона и Локр, причем жители Локр выдали Пирру римский гарнизон (видимо, это произошло сразу после Гераклеи, до начала движения Пирра на север).

Вскоре эпирский государь контролировал почти весь Бруттий и Луканию. Когда его армия стояла уже на пороге Кампании, Пирр отправил в Рим посольство во главе с Кинеем. Он вполне резонно предполагал, что после летних успехов противника римляне будут готовы на внешнеполитические уступки¹².

Киней ехал в логово врага, нагруженный подарками и сопровождаемый роскошной свитой. Его задача была непростой. Пирр полагал, что нанес римлянам поражение, от которого им трудно будет оправиться. В связи с этим Киней должен был говорить в Сенате уже не о посредничестве, а о предоставлении свободы всем греческим городам, оказавшимся в зависимости от Рима, включая кампанские Кумы, Капую и Неаполь. Помимо этого римляне должны были вернуть независимость племенным союзам бруттиев, луканов, апулийцев и самнитов, а также отодвинуть свои гарнизоны к границам, предшествовавшим III Самнитской войне.

Взамен эпирский царь предлагал им оборонительно-наступательное соглашение, направленное, вероятно, против галлов или Карфагена. Он рассчитывал стать гегемоном общеталийского союза, подобно тому как Александр перед походом на Персию стал гегемоном Греции, и объединить многочисленные племена Апеннинского полуострова общим врагом — пунами. Чтобы показать бескорыстность своих намерений, Пирр обещал отпустить всех военнопленных-римлян без всякого выкупа.

Сейчас требования Пирра кажутся чрезмерными, некоторые расценивают их как блеф, но тогдашние сенаторы отнеслись к ним всерьез.

Перед выступлением в Сенате Киней провел в Риме не один день — таков уж был «дипломатический протокол» той эпохи. Ловкий фессалиец сполна использовал получен-

¹² Некоторые историки полагают, что этому предшествовало римское посольство, которое имело целью задержать Пирра на юге Италии, пока война с этрусками еще не завершилась и вторая консульская армия не освободилась.

ное время. Он добился частных встреч со знатными римлянами, вручив ценные дары и расположив к себе многих из людей, вершивших римскую политику. По сообщению Плутарха, сенаторы, правда, дары не приняли, мотивируя это тем, что пока они с Пирром враги, когда же между ними установится дружба...

В Сенате Киней, судя по всему, был очень мягок. До нас не дошла его речь, даже в тех вольных изложениях, которыми так пестрят античные исторические сочинения. Плутарх в соответственном месте своей биографии Пирра вообще ограничивает предложения Пирра гарантиями свободы Тарента, дружбы между Эпиром и Римом и помощи последнему в завоевании Италии (?! — как будто она уже не была завоевана!). Впрочем, все дошедшие до нас источники по войне Пирра с Римом составлены уже в римское время и подчинены одной цели: показать, сколь сильное уважение эпирский государь якобы испытывал к побитому им противнику.

Сенаторы внимали фессалийцу с равнодушными масками на лице, однако многие из них были готовы согласиться с ним. Поскольку южноиталийские племена переходили на его сторону, можно было опасаться новых поражений. Во время начавшегося обсуждения большинство сенаторов выступали если не за мир, то по крайней мере за перемирие.

Согласно римской традиции именно в этот драматический момент в Сенат явился Аппий Клавдий, по прозвищу Цек (Слепой). К 280 г. он был уже стар и действительно слеп, но немощь не подорвала его высочайшего авторитета.

Этот человек прославился в 315 г., исполняя должность цензора, одной из задач которого было попечение за нравственностью. Такое впечатление, что эту роль он принял до самой смерти, являясь одним из первых примеров знаменитого римского консервативного духа. Но куда важнее было то, что Аппий Клавдий был яростным сторонником римского великодержавия. Самый знаменитый пример этого — сооружение именно Аппием Клавдием военной дороги

от Рима в Кампанию и далее в Самниум (эта дорога была названа по его имени). Благодаря ей Рим смог поставить под свой контроль средние Апеннины.

Вот и теперь Аппий Клавдий решительно выступил против всяких переговоров. В более позднем изложении его речь полна обличающими фразами: «Вы боитесь молоссов и хаонов, которые всегда были добычей македонян, вы трепещете перед Пирром, который всегда, как слуга, следовал за каким-нибудь из телохранителей Александра, а теперь бродит по Италии не с тем, чтобы помочь здешним грекам, а чтобы убежать от своих тамошних врагов... Не думайте, что, вступив с ним в дружбу, вы от него избавитесь. Нет, вы только откроете дорогу тем, кто будет презирать вас в уверенности, что любому нетрудно нас покорить, раз уж Пирр ушел, не поплатившись за свою дерзость...»

Говорил ли старый поборник величия Рима именно эти фразы или какие-то иные, однако ему удалось пристыдить Сенат. Тот заколебался, а затем принял решение отказать Кинею. Эпирскому царю предлагалось удалиться из Италии и лишь после этого вести переговоры о дружбе.

В самом начале осени Киней вернулся к Пирру. Вновь в его уста античные историки вкладывают похвалу римскому сенату (похожему на «собрание царей») и римской предприимчивости (римская армия смахивает на Лернейскую гидру: в Риме уже вдвое больше войска, чем было у Левина перед Гераклеей, — что, кстати, является откровенным преувеличением).

Однако Пирр в очередной раз не послушал своего министра. Он вошел в Кампанию и начал медленно двигаться по ней, посылая в греческие города лазутчиков. В этот момент наконец перешел к действию Левин. Со своей изрядно «похудевшей» армией он по Аппиевой дороге ускоренными маршами добрался до Капуи и занял ее как раз перед приходом врага. Подкрепления были посланы и в Неаполь, причем из состава резервной армии, стоявшей в Риме.

В самом Риме был объявлен набор двух новых легионов, которые должны были усилить стоящие здесь войска.

Они передавались под командование спешно назначенного диктатора Гнея Домиция Калвина. Консулу Тиберию Корунканию, осаждавшему Вольсинии, было указано добиться мира с этрусками на самых мягких условиях и перебросить свою армию на Тибр.

Против Пирра сосредоточивались превосходящие силы. Однако пока он обладал стратегической инициативой и свободой передвижения. Поначалу эпирский царь надеялся, что одно его появление под стенами Капуи и Неаполя вызовет восстание в этих городах. Но здешние греки, скованные присутствием значительных римских сил, не решились на выступление. Безрезультатны были и попытки эпитотов взять городские ворота неожиданными налетами.

Тогда Пирр, не желая связывать себя осадой этих значительных крепостей, попытался выманить римские армии в открытое поле, а для этого — создать угрозу Риму¹³.

Перейдя реку Вольтурн, северную границу Кампании, он двинулся к Тибру не приморской дорогой, но вдоль предгорий Апеннин, через землю вольсков, а затем — герников. Опустошая по дороге поля, на которых как раз созрел урожай, царь Эпира неожиданным ударом захватил Фрегеллы. Сразу же после этого он атаковал римские укрепления, находящиеся близ этого города за рекой Лирис. И вновь ему сопутствовала удача: римский гарнизон бежал, и эпирская армия могла дальше шествовать по удобной Латинской дороге.

Здесь, вдоль Лириса, общины племени герников поднялись против римлян. Для многих из них это было героическое решение, так как в начале года римляне взяли у герников несколько сотен заложников. Небольшие римские гарнизоны либо уничтожались, либо изгонялись, а имущество сторонников союза с Римом конфисковывалось. Повсюду Пирра ожидали восторженные толпы, повсюду к нему обращались как к богу-освободителю.

¹³ Спустя 59 лет тот же маневр повторит Ганнибал, который попытается выманить римскую армию из ее укрепленного лагеря под Капуей.

Вскоре Пирр занял крепость Анагнию на западной границе обитания герников. До Рима было 50 с небольшим километров. В верховьях Лириса находился еще один древний город с мощными укреплениями, считавшимися неприступными, — Пренесте. Эпирская армия двинулась к нему и, как говорят римские историки, заняла крепость без боя.

Пренесте лежал примерно в 30 км от Рима. Отсюда, с предгорий Апеннин, в хорошую погоду были видны равнина, по которой течет Тибр, и даже дымы над римскими холмами. Еще один переход, и эпирская армия оказалась бы под стенами вражеской столицы.

Но Пирр так и не отдал приказ выступать на север.

Попробуем разобраться в том, что заставляло эпирского царя быть осторожным. Он получил известие о мирном договоре Вольсиний с Корунканием, следовательно, на поддержку этрусков Пирр уже рассчитывать не мог. Более того, консульская армия успела вернуться в Рим. В целом на берегах Тибра было сосредоточено около 6 легионов, не считая войск союзников. Два легиона находились в стадии формирования, однако все равно объединенная римская армия диктатора Домиция и консула Тиберия превышала 40 000 человек.

Рать Пирра, даже если вычесть из нее потери при Гераклее и какие-то эпирско-тарентские отряды, оставленные в Лукании и Бруттии, также должна была увеличиться в размерах до 30 000-35 000 человек. Однако профессиональные воины составляли немногим более половины этого числа, все остальные контингенты были ополчениями восставших против Рима племен, которые еще предстояло вооружить и обучить. Вести их в бой против превосходящих сил Пирр не рискнул. И так он забрался слишком далеко: на юге Левин перехватил его сообщения с Луканией.

Государь Эпира был вынужден признать, что даже восстания, бушевавшие на трети римской территории, не сделали его врага более сговорчивым. Поэтому он решил отвести войска на юг и готовить их к будущей кампании.

Уже в середине осени Пренесте был очищен. Эпирская

армия медленно двигалась по Латинской дороге на юг. За ней оставалась разоренная земля и разрушенные города: многие герники просто уходили вместе с Пирром, понимая, что римляне жестоко отомстят за бунт. Италики не скрывали возмущения решением Пирра: они рассчитывали на то, что тот останется в этой местности, которая будет центром всеобщего антиримского восстания. Эпирскому царю пришлось пристыдить их, доказывая, что римляне стоят куда выше герников и по военному делу, и даже по тому, как они возделывают землю. А потому не герникам судить о стратегии войны с квиритами.

Пирр, естественно, не желал идти на поводу у горцев и вести массовую герилью, — а именно такой облик приобрела бы война, останься эпирская армия в Пренесте. Да и молосские части уже ворчали, устав от марша на север и не видя возможностей для получения добычи: после переправы через Лирис вокруг них были исключительно союзные земли.

Следом за Пирром двинулся Тиберий Корунканий. Источники не сообщают нам ничего об арьергардных стычках, следовательно, римляне либо шли на почтительном удалении от страшного врага, либо же направились в Кампанию по Аппиевой дороге.

Последнее вероятнее всего. Мы знаем, что Пирр в первую очередь отправил на юг слонов и отряды, прикрывающие их. Но они не успели уйти в Луканию, так как в Кампании эпирскую армию уже поджидали соединенные войска обоих консулов. Ясно, что Корунканий мог обойти Пирра только по прибрежному пути.

Где-то в северной части Кампании римляне нашли удобную позицию на возвышенностях, мимо которых обязательно должен был пройти Пирр. К естественным выгодам своего расположения консулы добавили еще и сооружение укрепленных лагерей.

Именно здесь могло разыгаться сражение, которое — в случае победы той или другой стороны — стало бы решающим. Но противники проявили крайнее добродушие. Пирр

при виде римлян приказал изготовить свою армию для боя. Левин и Корунканий сделали то же самое. Затем эпироты и их италийские союзники издали боевой клич, который был поддержан ревом слонов. В ответ римляне — по приказу консулов — также ударили в щиты и ответили грозным криком¹⁴.

Крик этот был якобы настолько мощным, что Пирр не решился атаковать врага. Объявив войску о неблагоприятных жертвах, он приказал двигаться дальше. Хотя при этом эпироты подставляли свой фланг стоящим во всеоружии римлянам, те так и не воспользовались удобной ситуацией.

Отсюда можно сделать вывод, что нерешительность проявил не Пирр, а его противники. Эпирский царь видел невыгоду атаки занимавшего укрепленные возвышенности врага своей армией — меньшей по численности, обремененной добычей и уходившим вместе с ней населением. Однако он настолько низко ставил боевой дух римских командующих, что ограничился демонстрацией силы и провел войско прямо под носом у врага.

Эпироты встали на зимние квартиры в городах юга Кампании и севера Лукании, перешедших на сторону Пирра. Сам царь поспешил в Тарент, чтобы заняться организацией и обучением подкреплений.

Римляне сосредоточили свою армию в Капуе. Исключением составили разбитые при Гераклее части. Их, в наказание, продержали всю зиму в палатках близ городка Ферентин.

Во время зимнего затишья вновь начались переговоры. Но на этот раз их инициаторами стали римляне.

¹⁴ Известно, что знаменитый «баррит» — крик, подражающий реву слонов, легионеры стали использовать только во времена Пунических войн, так что остается гадать о том, каков был их боевой клич осенью 280 г.

Глава IX

Пиррова победа

*Римское посольство. — Военная организация ита-
ликов. — Противники готовят свои армии к кампа-
нии 279 г. — Открытие военных действий. Битва
при Аускуле. — Затишье осенью-зимой 279-278 гг. —
Кампания 278 г. Мирные переговоры. — Пирр отпра-
вляется на Сицилию.*

В Тарент прибыло большое посольство. В него вошли сразу три консуляра (т. е. бывших консула), прославившихся своими победами над италиками: уже знакомый нам Гай Фабриций, Публий Корнелий Долабелла, устроивший в 283 г. резню сеннонов, и Квинт Эмилий Пап, тогда же одолевший бойев. Все эти люди слыли опытными военачальниками и должны были вызвать уважение Пирра: перед царем предстали сразу три человека, одерживавшие не менее решительные победы, чем он в прошлом году.

Эпиротов это посольство заставило предположить, что Рим все-таки склоняется к заключению мирного договора, поэтому Пирр приказал встретить их с необходимыми почестями. Однако его ожидания были обмануты. Римляне имели задачей переговоры по поводу размена пленными — и не более того.

Пирр был удивлен. Конечно, любая дипломатическая миссия в то время исполняла функции военной разведки, но не слишком ли большим расточительством было направлять для этого сразу трех консуляров?

Пообещав хорошенько обдумать просьбу римлян о пленных, Пирр устроил совещание со своими приближенными. Мы знаем, что там столкнулись два мнения: Киней, который предлагал вернуть пленных безо всяких условий, чтобы этот красивый жест стал прологом к новым мирным инициативам, и Милона, считавшего, что обмен пленными будет делом невыгодным: в обмен на захваченных партизан из числа италиков Пирр будет вынужден вернуть врагу воинов-профессионалов. По мнению Милона, противник был уже почти побежден: оставалось лишь довести весной при помощи местных союзников войну до конца.

Киней был сторонником перенесения военной активности Пирра на Сицилию, которая после смерти Агафокла находилась в плачевном состоянии, с одной стороны разоряемая мамертинцами, с другой же постепенно завоевываемая карфагенянами. Возможно, именно на этот период падает визит карфагенского адмирала Магона со 120 кораблями в Рим, где карфагенянин предлагал возобновить старые соглашения о взаимной помощи, направив их против Пирра. Пуны явно опасались вторжения эпитротов на Сицилию в случае его замирения с римлянами. Однако римляне ответили отказом, и этот отказ можно было расценивать как стремление к миру.

В отличие от Киней Милон считал, что, лишь поставив Рим на колени, можно будет рассчитывать на надежный тыл во время сицилийской экспедиции.

Пирр выбрал промежуточный образ действий. Он отказался выдавать пленных, пока Рим не начнет переговоров о мире. Впрочем, он согласился отпустить захваченных при Гераклее, в Фрегеллах и Пренесте римлян на празднование Сатурналий — под честное слово консуляров. Сатурналии, во время которых на несколько дней в Рим возвращалась власть мифического «царя Сатурна», были излюбленным праздником римлян. Они происходили в декабре, следовательно, визит в Тарент консуляров нужно отнести ко второй половине ноября.

Фабриций и его коллеги дали такую клятву, и пленные римляне отправились в краткий отпуск на родину.

Между тем Пирр и его окружение стремились показать себя римлянам с лучшей стороны. Особенно античная традиция выделяет отношения эпитротов с Гаем Фабрицием. Дело дошло до того, что во время одного из частных приемов Пирр предложил римлянину перейти к нему на службу, став его правой рукой. Фабриций якобы ответил: «Тебе же это будет невыгодно: когда эпитроты узнают и тебя, и меня, они предпочтут, чтобы царствовал над ними не ты, а я». Во время другого частного разговора царь якобы предлагал консуляру большое количество золота, а на другой день приказал незаметно подвести к помещению, где находился Фабриций, самого своего большого слона, который неожиданным ревом приветствовал римлянина. Фабриций с улыбкой отвечал, что на него не произвели впечатление ни золото, ни животное.

При описании еще одной легендарной беседы, на этот раз с Кинеем, мы сталкиваемся с презрительным отношением римлян к излишнему умничанью греков. Однажды, когда Киней рассказывал римским консулярам об учении Эпикура, согласно которому мудрец должен стремиться прожить незаметно, уклоняясь от государственной и военной службы и посвящая себя разумным удовольствиям, Фабриций воскликнул: «Клянусь Геркулесом! Вот бы и Пирр, и самниты придерживались того же учения, пока они воюют с нами!»

Пирр терпеливо переносил заносчивые шутки римлян. Впрочем, те сдержали свое слово. Когда пленные вернулись в Рим, Сенат принял постановление, под страхом смертной

¹ Римляне относились к людям ученым настороженно даже во времена расцвета своей культуры. Философов, например, неоднократно изгоняли из Италии, причем вместе с астрологами. Для указа об изгнании было достаточно того факта, что и те и другие наблюдают за звездами. При этом не принимали в расчет, что астрологи смотрят на небеса, гадая о будущем императора, а философы — ради занятий астрономией.

казни запрещавшее им оставаться в городе после истечения установленного срока.

* * *

После прощания с римскими посланниками Пирр с удвоенной энергией начал готовиться к новой кампании. Опыт осеннего похода подсказывал ему: для победы над Римом нужна более значительная армия.

Ради этого он не побоялся испортить отношения с тарентинцами, т. е. теми, кто пригласил царя в Италию и сыграл важную роль в битве при Гераклее. Еще в прошлом году тарентинцы ворчали по поводу мобилизации, проводимой Пирром, говоря, что, спасаясь от несвободы и притеснений римлян, они попали в еще более жесткую узду. Многие из горожан полагали, что Пирр возьмет на себя все военные заботы, от них же будут требоваться только деньги да, возможно, добровольцы. Недаром так восторженно приняли два года назад Милона, который сменил стражу на городских стенах, поставив туда своих солдат и позволив горожанам заняться своими делами.

Теперь же Пирр задался целью поставить «под ружье» всех молодых мужчин Тарента. Это вызвало настоящее недовольство, которое, правда, не вылилось в открытый бунт. Мобилизация наверняка соответствовала соглашениям царя с верхушкой города. К тому же в городе находился предусмотрительно усиленный эфирский гарнизон, а Пирра сопровождала аура победителя, вынуждавшая соглашаться даже с самыми непопулярными его решениями.

Из тарентинцев был собран большой пехотный корпус, получивший название «белых щитов» (позже так будет называться одно из подразделений македонской армии Антигонидов).

Не меньшую роль в будущих военных действиях царь отводил отрядам италиков. Самое время сказать немного об их военной организации.

Римские историки, описывающие битвы республикан-

ских полководцев с самнитами или луканами, не уделяют внимания тактике своих противников. Очевидно, италики, как и многие народы Средиземноморья, сражались в строе фаланги, которая после печального знакомства с кельтскими ордами, быть может, напоминала манипулярную фалангу римлян. Однако не менее вероятно, что самниты и луканы в той же степени были готовы к маневренной и даже малой войне.

Отсюда ясно, что их вооружение по своему типу совмещает особенности вооружения греческого гоплита и пельтаста. Давно уже отмечено, что описание Титом Ливием самнитского снаряжения относится не к временам самнитских войн, но к так называемым гладиаторам-самнитам, которых он видел на аренах римских цирков в эпоху Августа. Сохранившиеся скульптурные и живописные изображения, а также находки вооружения жителей Средней и Южной Италии позволяют набросать приблизительный портрет самнитско-луканского воина.

Наступательным вооружением самнитов было копье, напоминающее римский пилум. И здесь соблюдалась общая для народов Средиземноморья традиция. Самниты и луканы несли в бой два копья, причем одно использовалось подобно дротику, второе же было предназначено для рукопашной схватки. На старинных изображениях мы не видим у самнитов рубящего оружия. Из этого не следует, что они не использовали копья, или колющие кинжалы, но подобное невнимание к ним художников говорит о каких-то уже известных нам предпочтениях самнитов и луканов в манере ведения боя.

Защитное вооружение самнитов прежде всего составляли шлемы аттического типа, явно заимствованные у греков Кампании, снабженные, как и у римлян, нащечниками и украшенные столь любимыми в Италии длинными перьями. На отдельных шлемах видны держатели для конских грив, иногда встречаются экземпляры с бронзовыми крыльшками над ушами — вероятно, признак особого положения владельца такого шлема.

Доспехи южноиталийских и самнитских воинов, естественно, не были однотипными. К особенностям можно отнести находки нескольких железных пластин, имитирующих грудно-брюшную мускулатуру, но не являющихся доспехами «анатомического типа». Эти пластины не имели «пары» на спине и попросту подвешивались на плечах.

Часто встречаются уже знакомые нам комбинации из трех круглых пластин, крепящихся на груди. У самнитов их дополняли также очень широкие пояса, имевшие основной задачей защиту брюшной полости.

На известных нам изображениях самниты и луканы держат в руках круглые, напоминающие аргивские, щиты. Однако есть основания думать, что у многих рядовых воинов они изготавливались по упрощенной технологии и основой были не особые породы дерева, а плетенки из лозы, обтянутые овечьими шкурами. К тому же Дионисий называет в одном месте самнитские щиты «продолговатыми», что показывает на их близость скутуму. Следовательно, единообразия в самнитских щитах обнаружить мы не сумеем. Общим для них была не форма, а облегченный характер производства и небольшой вес.

В целом армия самнитов и луканов имела менее мощное вооружение, чем римская, а тем более эфирская. При столкновении с римлянами эти племена некоторое время бились в строе фаланги, после чего, рассыпаясь, спасались среди холмов и утесов своей родины. Именно это позволило самнитам выдержать три кровопролитные войны и оправиться от многих поражений. Лишь в нескольких случаях их армии почти поголовно ложились на поле боя, подобно римлянам при Аллии или Каннах.

Пирр прекрасно понимал, что ему едва ли удастся вытравить национальные черты из ополчений своих союзников. Однако он приложил максимум усилий к тому, чтобы они были обучены и иной манере боя: отдельными отрядами (когортами, таксисами), расположенными так, чтобы нейтрализовать силу римского удара и при этом поддерживать друг друга. Армия стала более «дробной». Пирр

отучал италийцев от примитивного деления своего войска на правое и левое крыло. Благодаря этому поражение одного таксиса еще не означало потери сражения и могло быть нейтрализовано соседними подразделениями.

И хотя бы на этот раз он смог добиться своего: в битве при Аускуле его армия будет действовать как устойчивое целое.

Кто же в начале 279 г. вошел в антиримскую коалицию? Дионисий упоминает италийских греков и три местных племена: самниты, луканы, бруттии. Из этого следует только то, что эти народности составили отдельные подразделения в армии Пирра. Несомненно, что к ним нужно добавить некоторые племена, населявшие Апулию, по крайней мере ту ее часть, которая тяготела к Таренту, а также беглецов из Анагнии и Пренесте — герников в их странных шлемах с широкими полями.

Римляне также собрали под свои знамена многие племена: родственных латинов, а также вольсков, сабинов, умбров, марруцинов, пелигнов, френтанов, арпанов и кампанцев. Ясно, что далеко не все кампанцы взяли в свои руки оружие: здесь еще помнили греческие и самнитские корни. Что касается остальных народов, то нужно заметить, что лишь латины и умбры представляли собой значительные племенные объединения. Все остальные — небольшие народности, многие из которых почти не «отметились» в истории Италии.

Это означало определенный кризис Римского союза. Этрусков в римской армии нет. Наоборот, лишь наличие гарнизонов оккупантов и недавнего мирного договора сдерживало их от удара в спину поработителям. Союзнический контингент резко сократился, поэтому в Риме проводили экстраординарные наборы добровольцев. К счастью, молодых людей, которые в ответ на призыв глашатая приходили зимой 280/79 г. на «призывной пункт», было достаточно.

* * *

Ареной военных действий в 279 г. стала Апулия. Поскольку после прошлогодней битвы при Гераклее и осенней кампании активной стороной оставался Пирр, то именно ему принадлежит выбор этой арены для боя.

Почему Пирр не вторгся вновь в Кампанию, угрожая Латинской и Аппиевой дорогам? Видимо, он не хотел завязнуть в «окопной войне». В Кампании, насыщенной крепостями и горными отрогами, которые легко было превратить в укрепленные позиции, ему пришлось бы потратить слишком много времени и сил для продвижения вперед. Его войско 279 г. было как минимум вдвое больше прошлогоднего и куда более пестрым. Теперь Пирр не мог рискнуть на поход, подобный маршу 280 г., когда войска действовали, совершенно утратив связь с тылом и находясь посреди консульских армий.

Пирру требовался такой район военных действий, который отвечал бы нескольким параметрам. Во-первых, он не должен быть разорен военными действиями и достаточно плодороден, чтобы обеспечить армию продовольствием. Во-вторых, этот район должен был готовиться к восстанию против Рима. В-третьих, здесь не должно было иметься избытка римских укреплений. Наконец, в-четвертых, отсюда должна была исходить стратегическая угроза Риму.

Апулия отвечала всем этим условиям. Ее миновали войны последних десятилетий, однако из этого не следует, что апулийцы безропотно перешли под власть Рима. По крайней мере два племени — давнии и неветии — поддержали Пирра. В этом регионе у римлян имелась лишь одна первоклассная крепость — Люцерия, которая была расположена в северной части Апулии, следовательно, не могла оказать влияния на характер военных действий, по крайней мере в начале кампании. Под прямым ударом Пирра оказывалась Венузия — место сбора римских армий, действовавших против южноиталийских племен. Наконец, заняв Апулию, Пирр создавал себе плацдарм, с которого мог развивать

наступление и на запад — в Самниум, в обход Кампании, и на север — в земли пиценов, откуда было рукой подать до галлов и этрусков.

Весной 279 г. Пирр походил на шахматиста, который пытается достичь решающего преимущества не продолжением прямой атаки, а неожиданной угрозой на противоположном фланге. Чтобы ликвидировать эту угрозу, его противнику пришлось сосредоточить здесь главные свои силы.

В Апулии мы застаем обе консульские армии. В 279 г. консулами были избраны Публий Сульпиций Саверрион и Публий Деций Мус. Первый был, видимо, сыном консула Сульпиция, в 304 г. успешно подводившего под «римскую руку» самнитов. Второй происходил из фамилии, прославившейся при деде и отце Публия. Оба они, с промежутком в 45 лет, совершили один и тот же поступок, посвятив себя в жертву богам ради победы в сражении. Старший Деций пошел на это во время битвы близ Везувия, завершившей борьбу римлян с латинами за гегемонию в Средней Италии. До нас дошла формула, которую использовал этот консул: «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квириин, Беллона, Лары, божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому народу квиринов одоление и победу, а врагов римского народа квиринов поразите ужасом, страхом и смертью. Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиринов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, приспешников их и себя вместе с ними».

В разгар битвы фланг, находившийся под командой Деция, пришел в беспорядок, но бесстрашие, с которым консул бросился на врагов, подняло боевой дух римлян, и даже смерть полководца не помешала им одержать победу.

В 295 г. его сын, также Публий Деций Мус, командовал при Сентине левым флангом римской армии. Когда находившаяся под его началом конница побежала, не выдержав столкновения с галльскими колесницами, он приказал жрецу-понтифику Марку Ливию совершить над ним

посвятительный обряд. Деций-сын произнес формулу отца, к которой прибавил проклятия знаменам, доспехам и оружию врагов, после чего бросился на галльские копья. Понтифик стал кричать, что победа теперь за римлянами, а галлы и самниты смертью консула обречены на гибель. Это оказало воодушевляющее воздействие на римлян, в конечном итоге одержавших победу.

Назначение потомка этих Дециев должно было повлиять на настроения суеверных квиритов. Когда слухи о командующем-«камикадзе» стали доходить до эпирской армии, Пирр приказал объяснить своим солдатам, что их пытаются напугать, словно несмышленных детей. Узнав у италик об одеяниях человека, посвящающего себя в жертву богам, он велел захватить Деция Муса в плен живым, чтобы прилюдно казнить его после победы.

Насколько мы знаем, до жертвоприношения дело так и не дошло.

Источники не рассказывают нам о движении или маневрировании армий, предшествующих сражению. Мы знаем лишь, что летом 279 г. они располагались друг напротив друга близ города Аускул в западной части Апулии, на краю Апеннинских гор. Отсюда следует, что равнинная Апулия была уже в руках Пирра. Позади остались долина Ауфиды и городок Канны, который прославил Ганнибал. Такое ощущение, что римляне в этот момент не столько защищали север Апулии, сколько пытались прикрыть дорогу во внутренние области Самниума — примерно там, где пройдет Ганнибал осенью 217 г. (правда, он прорывался в обратном направлении — из Кампании и Самниума в Апулию).

Как обычно, армии некоторое время стояли на некотором расстоянии друг от друга и вели психологическую войну. Пирр угрожал поймать и наказать Деция-внука, консулы высокомерно отвечали, что они побьют царя, не прибегая ни к какой чертовщине. Как всегда, сталкивались отряды легковооруженных, а офицеры штабов изучали местность. На этот раз эпироты проявляли большую активность, чем

их противник; в конце концов именно Пирр предложил бой.

Обе армии насчитывали примерно 70000 человек, из которых опять же около 8000 составляла конница, остальные же были пехотой, преимущественно тяжелой (у Пирра имелось также 19 слонов). Как сообщает Дионисий, римлян в консульских армиях было только 20 000 человек, т. е. их численность соответствовала четырем легионам. Это — явное преуменьшение, вызванное желанием показать, что под Аускулом сражались и потерпели поражение главным образом союзники. Мы помним, что в прошлую кампанию римляне выставили 8 легионов. Проигравшие битву под Гераклеей подразделения были пополнены, а зимой набраны еще два легиона. Таким образом, к открытию военных действий в 279 г. их должно было насчитываться уже десять². Если консулы сосредоточили под Аускулом только четыре, то это было вопиющей стратегической ошибкой.

Думаем, в реальности под Аускулом сражалось не менее 7 легионов, т. е. одна вторая от 70 000 сосредоточенных здесь солдат.

В отличие от них эпироты в армии Пирра действительно были меньшинством. Обычно мы можем встретить цифру в 16 000 эпиротов и наемников, привезенных с Балкан, хотя она, вероятно, также приуменьшена, но в значительно меньшей степени, чем в случае римлян.

Наши сведения о поле боя совсем туманны. Рядом с лагерями (а скорее между ними) протекала некая река (верховья Ауфиды?), чьи лесистые берега были серьез-

²Эта цифра не должна нас удивлять: Рим «расплодился» к тому времени в достаточной степени, чтобы выставить значительную полевую армию. Помимо самого Вечного Города по всей Италии было разбросано большое количество римских колоний, где также происходил набор новобранцев. В 276 г. во время очередной переписи было установлено, что число римских граждан (т. е. совершеннолетних свободнорожденных мужчин) насчитывает 271 000 человек. Через 50 лет, перед битвой при Каннами, уже после нескольких поражений, в том числе гибели одной из консульских армий близ Тразименского озера, Рим был в состоянии выставить 16 легионов.

ным препятствием для сражающихся. Имелось и ровное широкое пространство, но у какого из лагерей — непонятно. Исходя из общей активности Пирра, мы предполагаем, что необходимое для разворачивания эфирской армии поле боя находилось близ римского расположения (на другом берегу реки?) и что именно эфирский царь переправлялся через реку, стремясь навязать противнику свою волю.

Сражение растянулось на два дня. О первом мы знаем лишь то, что в этот день Пирру не удалось ввести в сражение все свои силы. Римляне не стали дожидаться разворачивания армии врага и, нарушая правила классического ведения боя, атаковали частью сил его авангард прямо на марше. В это же время их основные силы нанесли с фланга удар по дороге, где двигался главный корпус Пирра. Не ожидавшие этого эфирские войска были вынуждены принять бой на берегах реки.

В чем-то первый день сражения напоминал битву при Геракле, только с обратным распределением ролей. Можно представить фессалийскую конницу, застревающую по пути к «передовой» из-за пересеченной местности. Здесь она оказывается под обстрелом римских легковооруженных, занявших один из береговых обрывов, расположенных на ее фланге, и откатывается назад, чтобы повторить попытку в другом месте. Тяжеловооруженные отряды теряют строй, проходя через лесистые лощины. Кое-где пешие колонны устремляются в реку, чтобы «срезать» очередную изгиб извилистой реки и в свою очередь зайти противнику во фланг. Головы колонн уже ведут бой на противоположном берегу, а главные их силы стоят по грудь в воде, высоко поднимая щиты, чтобы прикрыть себя от метательного оружия врага. Вдалеке, еще у выхода из лагеря, тревожно трубят слоны, на спинах которых крепят башенки...

В этом импровизированном сражении Пирр понес немалые потери и был вынужден остановиться на ночь прямо на поле боя, будучи прижатым к берегу реки. Но плацдарм

был завоеван, и противнику не удалось сбросить в воду его главные силы. Армия показала свою устойчивость и высокий боевой дух. Далеко не все эфирские подразделения участвовали в схватке, да и царь совсем не считал свое положение проигрышным. Вечером римские отряды отошли к своему лагерю. Консулы не были удовлетворены результатом, но не рискнули оставаться на ночь под носом у вражеских отрядов.

Это было только на руку Пирру. Еще до рассвета его подвижные части заняли высоты, господствующие над выходами к равнине близ римского лагеря. Тут же за ними были двинуты главные силы, и утром на равнине перед римским лагерем находилась уже вся союзная армия. Консулы были вынуждены спешно выводить войска для сражения.

Если легионы римлян и их сторонников строились по национальному признаку, то Пирр расположил свои войска так, чтобы отдельные отряды различных племен стояли вперемешку, подобно когортам римских союзников. Кое-где между ними находились таксисы эфирских и греческих гипаспистов, придавая этому строю опору.

Лишь ближе к правому крылу плотной массой стояла небольшая молосская фаланга сариссофоров, являющаяся ядром пехотного строя.

Фланги составляли конные отряды, причем мы не знаем достоверно, где находился сам Пирр с гетайрией и на каком крыле должны были вступить в бой слоны. По античной традиции это, вероятно, было правое крыло.

Римляне попытались нейтрализовать атаку боевых животных. Для этого они использовали галльские колесницы, на которых были установлены железные шесты, заканчивающиеся жаровнями. Римляне полагали, что смогут отпугнуть слонов открытым огнем. Одновременно на колесницы прикрепили нечто вроде «воронов» — подвижных мачт, завершающихся крюком, который можно было опускать вниз. Эти мачты предназначались против башенок на слоновьих спинах: крюк должен был цеплять-

ся за них и стягивать вниз³. Помимо этого римляне заготовили факелы, которыми собирались забросать животных.

Начался бой схваткой легковооруженных воинов, которая была недолгой, так как римляне тут же атаковали пехотный строй противника. Они хотели одержать победу в центре до того, как Пирр успеет ввести в дело конницу и слонов.

Сражение сразу приобрело ожесточенный характер. Израсходовав пилумы, легионеры мечами сражались против сарисс, раз за разом накатываясь на царскую армию. Щетина эпирских копий наносила множество ран смельчакам, пытавшимся приблизиться к противнику вплотную, однако римляне не обращали на них внимания, словно все хотели уподобиться Дециям.

Пехотные фланги армии Пирра сражались не менее упорно, причем ни луканы, ни самниты, неоднократно битые римлянами в регулярных сражениях, долгое время не подавались назад. Правда, постепенно выявилось преимущество римлян на их правом фланге и в центре, но Пирр постарался парировать его переброской отрядов с более устойчивых участков фронта.

Равновесие, поддерживаемое с обеих сторон потоками крови, было нарушено появлением слонов. Пирр не сразу пустил их в бой. Прежде всего он придал им большое количество метателей дротиков и стрелков из лука; рядом со слонами находились также значительные конные отряды. Когда римляне стали выдвигать свои колесницы, эти от-

³ Часто подвергают сомнению использование римлянами при Аускуле подобных колесниц. Поскольку устройство мачты с крюком напоминает будущие абордажные мостики на римских кораблях, все это описание считают более поздней фантазией, где смешались старинные легенды и вошедшие в обиход во время I Пунической войны «вороны». Однако III столетие было временем инженерной выдумки, и римляне, знакомые с большими кельтскими колесницами, вполне могли придумать что-нибудь подобное. А уже потом флот Гнея Корнелия Сципиона (морская кампания 260 г.) был снабжен абордажными мостиками, схожими с изобретением Деция и Сульпиция.

ряды, вместе с легковооруженными, бросились вперед. По приказу Пирра они перерубали построения у колесниц, делая те непригодными для боя. После короткой схватки колесницы, даже не успев подобраться к слонам, были либо захвачены, либо обращены в бегство.

Дорога слонам оказалась расчищена. Они, как и при Гераклее, опрокинули попытавшуюся оказать сопротивление конницу, после чего повернули на пехотный строй римлян.

Сражение вступило в решающую фазу. Сам Пирр встал в ряды пехотинцев, и именно на том участке, где он сражался, эпироты наконец начали теснить врага. Теснили противника и слоны. Римлянам боевые животные казались стихийным бедствием: они были неуязвимы для обычного оружия, а многие смельчаки, пытавшиеся подобраться к ним, гибли либо под чудовищного размера ногами, либо от оружия наездников.

Правда, уже при Аускуле нашелся человек, который вошел в историю как первый римлянин, нанесший слону увечье. Это был Гай Нумиций, гастат четвертого легиона, отрубивший мечом хобот у одного из животных. Однако этот подвиг не помог римлянам. Поскольку конница Пирра на флангах также одолела противостоящие ей конные отряды, вся армия Деция и Сульпиция обратилась в бегство.

Безусловная победа Пирра не стала тем не менее разгромом римлян. Их лагерь находился рядом с полем боя и к тому же был расположен на высотах. Эпирский царь не рискнул направить свои войска, утомленные двухдневным сражением, на их штурм. Возможно, сказалась и рана Пирра, в руку которого уже на исходе схватки вонзился дротик (ранен, кстати, был и Гай Фабриций, командовавший в битве при Аускуле одним из легионов).

Ближе к вечеру эпирскую армию взволновало сообщение о неприятеле, оказавшемся у нее в тылу. Это была одна из иррегулярных банд племени арпанов, которая еще в начале второго дня сражения обошла фронт Пирра и теперь грабила его лагерь.

Пирр отправил несколько подвижных отрядов против

арпанов, а сам приказал собрать доспехи врагов и похоронить убитых. После этого его войска покинули поле боя и вернулись в лагерь, уже очищенный от грабителей.

Победа вновь обошлась царю недешево. Иероним Кардийский сообщает, что в записках Пирра была отмечена гибель его 3505 солдат и 6000 римлян. Не мало ли для двухдневного сражения? Но ведь наверняка здесь отмечены потери только среди эпиротов и легионеров. Потери союзников в обеих армиях были, по крайней мере, не меньшими.

А самое главное, Пирр вновь потерял лучших солдат и офицеров. Победы над римлянами давались ему слишком дорогой ценой. Отсюда и фраза, вырвавшаяся у царя: «Еще одна такая победа — и я погиб».

Плутарх, еще более усугубляя ситуацию, говорит: «Погибла большая часть войска, которое он привез с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было... » Все это является поэтическим преувеличением. У Пирра было еще около 15 000 солдат, представлявших собой вполне боеспособный корпус. Во всяком случае, они в течение четырех лет будут успешно действовать в Италии и на Сицилии. Пока что за ним шли отряды южноиталийцев, причем следующие ниже слова Плутарха «пыл его местных союзников остыл» также едва ли соответствуют положению дел. На следующий год они прямо-таки умоляли его остаться и продолжить борьбу.

Тем не менее активные военные действия после Аускула прекратились, по крайней мере наши источники о них ничего не говорят. В значительно большей степени, чем военные действия, их начинает интересовать соревнование Пирра и Фабриция в благородстве, а также рассказ об отплытии Пирра на Сицилию.

Вялое течение операций после Аускула могло вызываться целым комплексом причин. Римляне проиграли очередную битву и со своей стороны были только рады затянувшейся паузе. Вновь набирались и обучались добровольцы, опять по союзным общинам отправились римские делега-

ции, требующие выставить новые контингенты. Но пытаться противостоять царю в открытом бою было страшно. Поэтому они сохраняли контроль над северной и западной Апулией, но южнее Ауфида пока не заходили.

Ранение Пирра вполне могло быть только предлогом для прекращения военных действий. Еще прошлой осенью царь получил известия о вторжении в Македонию галатских племен, гибели Птолемея Керавна и начавшейся чехарде на македонском престоле. После Аускула он узнал о новых галатских ордах, появившихся к западу от Пидна, и о полном развале центральной власти в Македонии. Хотя варвары стремились на юг вдоль Эгейского моря, не поворачивая к перевалам через Пинд, занятым отрядами Птолемея, сына Пирра⁴, эпирский государь не мог не тревожиться за свою вотчину. Политический вакуум в Македонии также должен был занимать его. За короткий срок пресеклись правившие здесь ветви Кассандра, Лисимаха, Птолемея. Египетские цари были слишком далеко, чтобы осуществить полномасштабное вмешательство в македонские дела. Антиох Сирийский боролся в Малой Азии с образовавшимся там Вифинским царством. Оставался сын Деметрия Антигон, который в конечном итоге и занял македонский престол. Однако появившись вовремя на Балканах Пирр со своими италийскими ветеранами, все могло бы пойти по другому сценарию.

С другой стороны, к эпирскому царю начали прибывать делегации сицилийских греков. В Сиракузах сменяли друг друга тиранические правления, шла кровавая гражданская распря, в которую продолжали вмешиваться мамертинцы и карфагеняне. В Италии Пирр был только гегемоном, осво-

⁴ Известно, что, в отличие от Македонии, Фессалии, Этолии и других областей Северной и Средней Греции, Эпир не пострадал от галатского нашествия. Возникает подозрение, что между кельтами-галлами Северной Италии и балканскими кельтами-галатами существовала какая-то координация действий. Последние специально не тревожили владения Пирра, поскольку тот воевал с Римом, смертельным врагом галлов.

бодителем греков и местных племен, скованный в своих действиях договорами с Тарентом. Но на Сицилии, привыкшей к монархическому правлению, он мог бы стать царем.

Однако еще почти в течение года эпирский царь оставался в Италии, а весной будущего года армии опять стояли в Апулии друг напротив друга. На этот раз римлянами командовали новые консулы — Гай Фабриций Лусцин и Квинт Эмилий Пап. Страх перед эпирским царем был достаточно высок, так как зимой 279/78 г. римляне пошли-таки на заключение оборонительного договора с Карфагеном.

Мирное соглашение с пунами Рим заключил уже давно, неоднократно возобновляя его. Но лишь теперь союз с Карфагеном имел вполне определенную военную задачу: борьбу против Пирра. Договаривающиеся стороны приняли на себя обязательство не вступать в сепаратные переговоры с молосским царем и заключить мир с ним только совместно. Предполагалась также координация ведения военных действий. Карфагеняне должны были блокировать южноиталийские порты, в то время как римляне оперировали на суше. Высадка карфагенских сил на Апеннинском полуострове договором предусмотрена не была.

Правда, 500 римских солдат погрузились на карфагенские суда, дабы неожиданным ударом занять Регий. Однако эта операция не удалась: единственное, чего сумели добиться союзники, — сожжение строевого леса, заготовленного кампанцами для сооружения кораблей. Где позже были высажены римляне, мы не знаем.

Судя по всему, этот союз не сильно беспокоил Пирра. Наоборот, он все более склонялся к необходимости сменить образ своих действий. Ему не хватало терпения: перед отплытием из Эпира Пирр рассчитывал закончить войну в Италии за одну-две кампании. Сложившаяся же ситуация могла показаться ему стратегическим тупиком. Римский союз был, конечно, куда более организованным и централизованным государством, чем Персия, с которой воевал Александр. Каждый успех приходилось оплачивать большой ценой.

Нашествие галатов имело еще и тот отрицательный момент, что на поддержку восточных царей Пирру теперь уж точно рассчитывать не приходилось. Для продолжения борьбы в Италии ему был нужен надежный тыл, источник денег и вооруженных сил.

Понимая, что на Балканах ему придется вести изнуряющую борьбу с Антигоном Гонатом, в которую при первой же возможности вмешаются цари Египта и Сирии, Пирр решил, что Сицилия будет более легкой добычей и лучшим украшением его венца.

Строго говоря, Пирр не выходил из противоборства с Римом: после того, как последний заключил союз с Карфагеном, поход в Сицилию, где эпиротам почти наверняка пришлось бы столкнуться с армией пунов, можно было рассматривать как косвенный удар по римлянам.

Однако просто так бросить свои завоевания в Италии царь не мог. Именно поэтому весной 278 г. он вновь вступил в переговоры с Римом. Дройзен в своей «Истории эллинизма» предполагает, что в Сенат вновь был направлен Киней с подарками и что в ответ Пирр опять получил горделивое предложение удалиться из Италии.

Вероятнее, однако, что переговоры велись исключительно между лагерями противоборствующих армий. Плутарх перед описанием битвы при Аускуле рассказывает об отношениях между Пирром и Фабрицием в то время, когда римской армией командовал Фабриций. Поскольку этот человек стал консулом именно в 278 г., логично предположить, что указанные эпизоды относятся именно к последним месяцам перед отплытием Пирра на Сицилию, а не к 279 г.

В лагерь к Фабрицию якобы явился некий человек с письмом от царского лекаря Тимохара из Амбракии. Он предлагал за соответственное вознаграждение отравить Пирра, избавив римлян таким образом от войны. Квинт Эмилий, похоже, был не прочь воспользоваться этим предложением. Однако Фабриций воспринял его с негодованием и убедил товарища отказаться от бесчестного дела. Вместо этого Пирру было направлено письмо с предупреждением

против лекаря. Содержание письма, естественно, настолько назидательно, что заставляет задуматься: а не прибавлена ли вновь толика выдумки более поздних летописцев? «Консулы Гай Фабриций и Квинт Эмилий приветствуют царя Пирра. Кажется нам, что ты не умеешь отличать врагов от друзей. Прочти написанное нами письмо и узнай, что с людьми честными и справедливыми ты ведешь войну, а бесчестным и негодным доверяешь. Мы же предупреждаем тебя не из расположения к тебе, но чтобы твоя гибель не навлекла на нас клевету, чтобы не пошли толки, будто мы победили в войне хитростью, не сумев победить доблестью...»

Пирр казнил лекаря и через Кинея стал сноситься с консулами о возможном мире. Стремясь показать пример не меньшего благородства, он безо всякого выкупа вернул всех пленных. Однако римляне и на этот раз постарались быть выше своего оппонента. В ответ они передали царю такое же число захваченных в плен тарентинцев и самнитов.

И все-таки какое-то соглашение было достигнуто. Иначе Пирр не смог бы безболезненно оторваться от консульских армий, подготовить транспортный флот и еще успеть распределить контролируемые им в Италии территории между наместниками. В Таренте во главе многочисленного гарнизона находился опытный, хорошо изучивший местные настроения Милон. Он должен был прикрывать от неприятеля Луканию. Мы увидим, что со своей задачей он в меру своих сил справлялся. В Локрах же был оставлен младший сын Пирра Александр. Под его контролем находился «носок» Апеннинского полуострова и операции против регийских кампанцев.

Оставшиеся в Италии отряды были достаточно сильны. Об этом свидетельствует то, что в Сицилию Пирр взял лишь 8000 пехотинцев и слонов.

Перемирие имело временный характер. Уже осенью 278 г. римляне будут вести наступление в Самниуме и Лукании. Возвращение пленных не могло компенсировать отплытия царя с лучшими солдатами, так что можно понять

упреки италийских союзников, обращенные к Пирру: он предоставлял их самим себе.

Тем не менее Пирр мог уверять союзников, что наступление римлян не будет всеобщим. Отправляясь в Сицилию, он как бы переносил туда основной фронт борьбы. По крайней мере одна из консульских армий могла направиться за ним, ставя себя под удар соединенных сил сицилийских греков.

Расчет оказался ошибочным — прежде всего не учитывалась степень подозрительности карфагенян и римлян по отношению друг к другу. Ни те, ни другие не желали пускать «партнера» в земли, которые рассчитывали прибрать к рукам. Это дало Пирру настоящую фору для операций в Сицилии, зато уже через пару лет поставило в Италии дело свободы на край гибели.

и Карфагена, с которым царю привелось столкнуться на Сицилии, — одна из диковинных исторических химер, рожденных фигурой эфирского завоевателя.

* * *

Пирр отплыл на Сицилию в разгар лета 278 г. К этому моменту богатейший остров Средиземноморья находился в крайне тяжелом положении. Греки и здесь не могли без посторонней помощи сохранить свою свободу от иноземной экспансии.

Как и в Италии, на Сицилии эллины впервые появились в VIII в. Первое время пришельцы активно осваивали не только сицилийские берега, но и внутренние земли, населенные племенами сикулов и сиканов. Аборигены никогда не представляли большой угрозы для эллинов, постепенно сливаясь с ними.

Зато карфагеняне, появившиеся на западе острова в середине VI в., сразу поставили под угрозу всю складывающуюся здесь политическую систему. Первыми с ними столкнулись жители Гимеры и Акраганта (около 560). В конце концов прославившемуся своей жестокостью Фаларису, тирану Акраганта, удалось нанести несколько поражений карфагенянину Малху, командовавшему экспедиционной армией. На некоторое время пуны выбрали в качестве объекта агрессии Сардинию.

Но уже скоро они закрепились на западной оконечности Сицилии, где возникло два крупнейших опорных пункта карфагенян — Лилибей и Дрепанум. Через некоторое время под их контроль перешел и порт Панорм на северо-западе острова.

С конца VI в. ожесточенные войны с карфагенянами сменялись периодами кажущегося незыблемым мира. И хотя последние могли длиться многие десятилетия, после них все равно начиналось новое ужасающее нашествие пунов.

Первые шаги к объединению греческой части острова предприняли тираны из южносицилийского города Гела —

Глава X

Союз атлантистов и евразийцев

Сицилия перед высадкой Пирра. — «Наследники» Агафокла. Мамертинцы. — Вооруженные силы Карфагена. — Появление Пирра и его первые операции. — Штурм Эриксы. Пирр — владыка Сицилии. — Античное осадное искусство. Осада Лилибея. — Планы Африканской экспедиции. — Недовольство Пирром и его возвращение в Италию.

Согласно возникшей более столетия назад и все еще популярной теории «геополитики» римляне — родоначальники «евразийской», т. е. континентальной, формы организации государства и стратегии отношений с внешним миром. Примером «евразийских» держав являются германские рейхи, а также Россия — с начала царствования Романовых до наших дней. С этой же точки зрения карфагеняне — первые «атлантисты» (подобно средневековым итальянским торговым республикам или «владычице морей» Британии). Первые консервативны, вторые — подвижны. Первые — традиционалисты-земледельцы, вторые — верящие в силу чистогана и демократии торговцы. Для первых родной стихией является суша, весь континент — от Гибралтара до мыса Беринга. Для вторых — изменчивая стихия морей и океанов, шумные и пестрые рынки прибрежных городов.

По определению атлантисты и евразийцы находятся в состоянии вражды. Однако Пирр умудрился одновременно соперничать и с теми и с другими, так что союз Рима

Гиппократ, Гелон, Гиерон. Именно Гелону принадлежит слава победителя карфагенян в грандиозной битве при Гимере (греческом городе на северном побережье острова). Произошло это сражение в 480 г., и армия, выставленная греками, превышала 60 000 человек, т. е. численностью не уступала ополчению материковых греков, которое сражалось в следующем году при Платеях¹.

Со времени правления Гиерона политическим центром Сицилии становятся Сиракузы — богатейший город острова. После его смерти (466) сицилийские города долгое время оставались свободными. Во время Пелопоннесской войны они старательно держатся в стороне от военных действий, охвативших большую часть Эллады. Однако печально знаменитая Сицилийская экспедиция афинян (415) резко изменила соотношение сил на острове. Хотя Сиракузы отстаивали свою независимость от афинян, островитяне оказались истощены военными действиями, чем в очередной раз воспользовались карфагеняне. Начиная с 408 г. пуны ведут серию наступательных операций, заняв в конце концов весь запад Сицилии. В этой ситуации антикарфагенское движение возглавил Дионисий Старший, установивший единоличную власть над Сиракузами.

Длительная борьба с пунами, возглавлявшимися талантливым полководцем Гимильконом (в 397 г. даже блокировавшим Сиракузы), окончилась благополучно для Дионисия только благодаря чуме, свирепствовавшей во вражеском войске, и помощи из Спарты и Италии. Во время своего долгого правления (до 367) он не один раз воевал с карфагенянами, однако по крайней мере треть острова они продолжали сохранять в своих руках, в том числе им

¹ Вторжение карфагенской армии на Сицилию однозначно было скоординировано с походом персидского Ксеркса в 480 г. на Элладу. «Атлантисцы» карфагеняне были стратегическими союзниками «евразийцев» персов со времен Кира Древнего, освободившего иудеев и финикийцев из вавилонского пленения. Персидские государи поддерживали прекрасные отношения с финикийскими городами, в том числе Тиром, метрополией Карфагена.

принадлежали такие греческие города, как Селинунт и Гимера.

Новое вторжение пунов произошло около 345 г., после падения власти Дионисия Младшего, сына предшествовавшего тирана. Справиться с ним грекам удалось только с помощью коринфского полководца Тимолеонта, ставшего для греческих историков образцом любви к свободе.

К 337 г. Тимолеонт, хотя его армия была невелика, не только победил пунов, но и сверг многочисленных тиранов, захвативших отдельные города в греческой части острова. Несмотря на свой авторитет и силу, Тимолеонт не пытался узурпировать власть; вплоть до своей смерти (336) он служил гарантом независимости эллинских полисов, объединенных им в особую федерацию.

Установленный Тимолеонтом порядок был, увы, не вечен. Уже через полтора десятилетия карфагеняне начали вмешиваться во внутренние дела Сиракуз, поддерживая олигархическую партию. Результатом стал новый переворот, который сделал господином Сицилии уже знакомого нам Агафокла.

Из многочисленных экспедиций, которые в разное время отправлялись балканскими эллинами на помощь своим сицилийским соплеменникам, мы упомянули только самую успешную, возглавленную Тимолеонтом. Обычно на Сицилию приплывали спартанские офицеры, но иногда это были представители правящих домов Спарты. Доризэй, Фаракид, Акротат — вот далеко не все из имен лакедемонян, которые в разные периоды времени воевали с пунами.

Такова вкратце история противостояния сицилийских греков карфагенянам. Как мы видим, она была теснейшим образом связана с внутренней историей греческих полисов. Наступление пунов было почти всегда вызвано безвластием и междоусобицами на острове и приводило к возвышению тиранической власти.

Смерть Агафокла в 289 г. привела к почти мгновенному распаду его державы. Когда престарелый монарх объявил о стремлении передать всю полноту своей власти сыну от

второго брака, также Агафоклу, последнего убил Аркагаф, внук тирана, происходивший от кого-то из сыновей, прижитых тем в первом браке. Узнав об этом на смертном одре, Агафокл проклял внука и заявил, что возвращает сиракузцам демократическое правление.

Интересно, что подобающую человеку подобного ранга похоронную процессию организовал Оксифемий, посланник Деметрия Полиоркета. Деметрий был супругом Ланассы, сестры Агафокла-младшего, и потому рассчитывал на свою долю в возможном наследстве. По крайней мере при возникновении неурядиц сиракузцы могли бы обратиться к нему...

К счастью для бывших подданных Агафокла, они обладали достаточным здравым смыслом и не сделали этого, а сам Деметрий вскоре оказался слишком занят проблемами с Македонией и восточным походом, чтобы вспоминать о Сицилии.

Между тем Пирр, первый супруг Ланассы, также мог рассматриваться в качестве преемника Агафокла — если не юридического, то фактического.

Мы не будем отвлекать читателя перипетиями гражданской войны на Сицилии в 289-279 гг. Ознакомимся сразу со сложившейся ситуацией, которая вынудила островитян искать помощи у эпирского царя.

Наибольших успехов добился сиракузец по имени Сосистрат, происходивший из семьи, некогда враждовавшей с Агафоклом. Он занял Акрагант и еще порядка 30 поселений на юге острова. В самих Сиракузах после девятилетнего правления некоего Гикета, избранного на должность стратега-автократора своими же земляками, к власти пришел один из командиров итальянских наемных отрядов Фоинон. Недовольные переворотом сиракузяне впустили в город Сосистрата, и на долгое время улицы столицы греческой Сицилии стали ареной боев между отрядами претендентов на власть. В конечном итоге Сосистрат занял всю сухопутную часть Сиракуз, Фоинон же укрепился на острове Ортигия, лежавшем в городской бухте и бывшем

своего рода цитаделью Сиракуз. Контроль над Большой и Малой гаванями также находился в его руках.

Власть в ближайшем к северу от Сиракуз городе, Леонтинах, была в руках Гераклида. Еще далее к северу находился город Катана, где правил Ономакрит, который по обычаю египетских царей завел у себя ручного льва. Еще севернее находился город Тавромений, где царствовал Тиндарион. Все эти правители знакомы нам мало, и, как мы увидим, их власть во многом зависела от настроения горожан.

Наконец, на самом побережье пролива с Италией, в городе Мессана, свили разбойничье гнездо мамертинцы — кампанские наемники Агафокла, получившие из рук тирана права сиракузского гражданства, но после его смерти лишенные возможности участвовать в выборах. Возникший конфликт Гикету удалось погасить ценой финансовых уступок. Мамертинцы согласились покинуть остров в случае, если государство выкупит их имущество, вероятно, по завышенным ценам. Получив деньги, кампанцы отправились к Мессанскому проливу. Будучи дружески приняты в Мессане, они — то ли по спонтанному решению, то ли сговорившись заранее — перебили городскую стражу, заняли все ключевые здания и уничтожили всех горожан, попытавшихся взять в руки оружие.

Часть жителей Мессаны была изгнана, часть обращена в рабство. Жен и детей убитых кампанцы взяли себе; имущество и земли поделили поровну. В результате в северо-восточном углу Сицилии возникла колония воинственных людей, прекрасно понимавших, что содеянное автоматически превращает все греческое население острова в их врагов.

Назвавшись мамертинцами, т.е. «детьми Мамерка»², эти люди начали разбойничьи набеги на окружающие земли. Пользуясь безвластием на Сицилии, они подчинили некоторые близлежащие местечки (Навлох, Милы), другие

²Так в Самниуме и Кампании называли Марса.

обложили данью. Во время своих набегов они доходили до южного берега острова и даже подвергали разграблению такие крупные города, как Гела и Камарина.

Подобное поведение кампанцев не было исключением из правил. Мы уже видели мятеж кампанского легиона в Регии. В середине IV столетия один из вождей наемников из Кампании, этруск по имени Мамерк (!), захватил Катану и долгое время держался там, опираясь на своих солдат.

Хотя наемников действительно набирали в основном в Кампании, стекались они туда со всей Италии. «Мамертинец» поэтому — не национальное название, но обозначение человека, посвятившего себя Марсу, представителя особого военного сообщества, которые существовали на территории Италии издревле³.

Всю остальную часть Сицилии к этому моменту контролировали карфагеняне. Они заняли город Энна, лежащий в самом центре острова, и отсюда развивали наступление на восток и юг. Пока Сосистрат находился в Сиракузах, его владения вокруг Акраганта были блокированы пунами. Другая пуническая армия подошла еще в 279 г. к стенам самих Сиракуз и начала их осаду.

Карфагенская угроза заставила Фоинона и Сосистрата вначале заключить перемирие, затем начать совместную оборону города, а затем — обратиться к Пирру за помощью.

Попробуем представить вооруженные силы Карфагена, нового соперника Пирра. Основной силой пунов, безусловно, был флот. Это племя основывало свое могущество на безусловной талассократии в водах Западного Средиземноморья. Карфагеняне, уже давно выходившие в Атлантику,

³Быть может, вожди таких отрядов стали основателями многих этрусских династий, в том числе правивших в Кампании после ее завоевания. Во всяком случае, многие филологи убеждены, что слово «тиран», обозначающее человека, получившего власть незаконным путем, пришло в греческий язык именно из этрусского.

достигшие и Британии, и устья Сенегала, и неких таинственных островов — то ли Нового Света, то ли остатков Атлантиды, не выпускали в океан ни одну из средиземноморских наций, держа Гибралтарский пролив «на замке».

Как в Афинах времен Перикла и в Александрии первых Птолемеев, карфагеняне постоянно заботились о боеготовности флотилий, достигавших даже в мирное время 100 и более судов.

Подобно остальным родам вооруженных сил, военный флот прошел определенный путь развития. Первым «линейным» судном, базовым как для греческих, так и для финикийско-карфагенских эскадр, была триера, т. е. корабль с тремя рядами весел, располагавшихся один над другим.

Ее максимальные размеры составляли 37 м в длину и 3-6 м в ширину (3 м в подводной части и 6 — в палубной). Длина весла равнялась 4-4,5 м, каждым работал один гребец. Всего гребцов было 170, причем обычно они происходили из беднейших слоев полиса, но не являлись рабами, так как от слаженности и мощи работы гребцов во время сражения зависела судьба корабля. Иногда команды гребцов нанимались, но и в этом случае они не были рабами.

Весла нижнего ряда пропускались через отверстия в бортах — порты, располагавшиеся над самой поверхностью воды. Весла среднего и верхнего рядов крепились в выносных уключинах. Само весло изготовлялось таким образом, что его внешняя часть уравнивалась внутренней, более короткой, которая специально делалась толще или утяжелялась кусками свинца.

Экипаж, включая гребцов, состоял из 200 человек. Помимо гребцов, командира, лоцмана и минимальной obsługi на корабле находились также матросы, занимавшиеся в основном парусом (убирался во время сражения). В битве при Саламине на каждой триере находилось еще по 10 гоплитов (на случай абордажа) и по 4 лучника, составлявших своеобразную морскую пехоту. В дальнейшем число солдат на кораблях все время увеличивалось.

Греческая триера могла развивать скорость до 14 км/ч.

Основным ее вооружением являлся выступ в подводной носовой части — таран («бивень»): заостренное бревно, окованное бронзой, удлинявшее в подводном положении нос триеры примерно на два с половиной метра. Гребцы верхнего ряда долгое время были практически беззащитны перед воздействием метательного оружия из-за открытых бортов. Укрытия для них стали сооружать лишь в эллинистическое время.

Палуба поначалу настилалась не по всей длине корабля, первым ввел ее, как сообщает Фукидид, коринфский кораблестроитель Аминокл. Вероятно, именно в Коринфе, а также на Ионических островах (Керкира, Закинф) были построены первые «тройные» суда (т.е. триеры), пришедшие на смену открытым пентоконтерам (кораблям с пятьюдесятью веслами, поровну распределявшимися вдоль каждого из бортов) и диерам (кораблям с двумя рядами весел). Впрочем, мы знаем, что и при Саламине греческие триеры еще не имели сплошной верхней палубы.

Главная мачта, обеспечивавшая ход во время движения при попутном ветре, устанавливалась в центре судна. К ней крепились реи, которые несли два больших паруса. Выше находился малый квадратный парус, а над ним еще два треугольных. Кроме главной имелись две малые мачты, несшие по два паруса каждая, для обеспечения поворотов. В отличие от торговых судов триеры пользовались парусами лишь при благоприятных обстоятельствах и не могли лавировать против ветра.

Рулевое устройство состояло из двух больших весел и крепилось на корме. Рулевые весла, соединенные через систему канатов, работали строго параллельно.

Материалом для постройки судов служили в основном хвойные породы деревьев: сосна, лиственница, пихта, кипарис, кедр, режа — дуб. Перед тем как пустить их на постройку судов, древесина тщательно высушивалась и обрабатывалась. Несмотря на хрупкость античного судна, срок его жизни исчислялся порой десятилетиями. В Греции помимо афинских кораблей ценились самосские и родосские,

в более раннее время — коринфские. Однако ко временам Пирра «качественный» состав кораблей был в известной степени нивелирован необходимостью их «поточного производства». Впрочем, некоторые из триер выделялись: так, античные источники очень хорошо оценивали суда Деметрия, а затем — карфагенские в сравнении с первыми римскими боевыми флотилиями.

В IV в. флот пополнился новыми типами судов: тетрерами (четыре ряда весел) и пентерами (пять рядов). Численность гребцов на пентерах достигала 310 человек, не считая 18 гоплитов и 24 матросов. Позднеантичный писатель Афиней рассказывает о создании Птолемеем Филопатором тессероконтеры — сорокарядного судна, что предполагает совершенно невероятную длину весла верхнего ряда: «длина весел верхнего ряда — самых больших — была 38 локтей». Чтобы справиться с этими веслами, рукояти их наполняли свинцом. Собственно, уже на триерах весла имели разные размеры: от нижних, самых коротких, до верхних, наиболее длинных. Гребцы должны были проходить специальную тренировку, чтобы сохранять равномерность движения весел. Каково же им было в случае сорокарядного корабля!

По одной из гипотез решить это противоречие можно лишь принципиальным отказом от убеждения, что число в названии линейного судна означает количество рядов. Согласно этой точке зрения, все гребцы триеры располагались на одном уровне, но весла же располагались звеньями — по три в каждом. Аналогичным было распределение гребцов на тетрерах, но здесь звено состояло из четырех весел. Что касается пентер и более крупных судов, то там звено включало уже одно весло, но оно управлялось пятью гребцами, затем шестью, семью и т. д.

Тем не менее на скульптурных изображениях и римских фресках явно прослеживаются корабли с несколькими ярусами весел, правда не более трех. Тогда получается, что дальнейший числовой прирост в названиях кораблей основан не на количестве ярусов, а на количестве гребцов

на одном весле. Так, шестирядное судно — та же триера, но на каждом весле по два человека, шестнадцатирядный корабль имел два яруса, но по восемь гребцов на одно весло. Реконструкции последних десятилетий, в том числе попытки восстановить античные суда для съемок в исторических фильмах, показывают, что по принятии этих уточнений упомянутая гипотеза близка к истине. Впрочем, и в данном случае «сорокарядный корабль» вообразить очень просто.

Тактика морского боя диктовалась возможностями кораблей. Они были невелики и в плане маневренности, и с точки зрения боевой живучести. Множество раз сражения откладывались из-за сильного ветра или волнения. С другой стороны, часто победы одерживались путем неожиданного нападения на стоянку противника: когда большая часть экипажей находилась на берегу. Именно этот прием с успехом применил Лисандр при Эгоспотамах в 405 г., в результате чего судьба Пелопоннесской войны была решена. Однако если неприятель успевал посадить гребцов на суда, преимущества внезапной атаки быстро исчезали.

Основным способом борьбы с вражеской триерой являлся удар тараном в ее борт. Благодаря ему ниже или на уровне ватерлинии образовывалась значительная пробоина, после этого неприятельский корабль чаще всего был обречен. Если даже удар не становился смертельным, сотрясение было настолько сильным, что ломались внутренние крепежные балки, а гоплиты и лучники, находившиеся на верхней палубе, оказывались сброшены в воду. С другой стороны, в случае плохого крепления тарана он застревал в борту неприятельского корабля, и тогда уже нападавшая триера теряла возможность вести бой, а ее живучесть из-за образовавшейся пробоины была под угрозой.

Еще одним методом борьбы с вражеским судном был так называемый «проплыв»: набрав максимальную скорость, триера проходила настолько близко к борту неприятельского корабля, что ломала его весла (свои весла в последний момент втягивались внутрь судна). Возможно,

на некоторых кораблях имелись дополнительные тараны-балки, приспособленные именно для этой цели.

Лишенное возможности передвижения, неприятельское судно добивалось ударом «бивня» или же бралось на абордаж. Абордаж упоминается в описаниях морских сражений очень часто: при этом корабли сцеплялись абордажными крючьями, и воины, находившиеся на триерах, стремились захватить контроль над вражеским кораблем. В такой схватке использовалось не только традиционное гоплитское вооружение, но и топоры, булавы и т. д. Впрочем, главными методами были все-таки таран и «проплыв», лишь римляне делают абордаж своим излюбленным приемом морской войны. Они будут использовать уже упоминавшийся «ворон», намертво скрепляя свое судно с кораблем противника и превращая морской бой в подобие сухопутного. Именно благодаря этому изобретению они смогут побеждать карфагенян во время I Пунической войны, компенсируя свою неопытность в мореходстве и дурное качество первых судов.

Тактическое построение флота перед сражением чаще всего было линейным: корабли вытягивались в линию, носами к противнику. Как и в случае сухопутных армий, флотоводец командовал правым крылом. Если линия была достаточно продолжительна и охватывала один из флангов неприятеля, это давало дополнительное преимущество, обычно решавшее исход битвы: при линейном построении труднее всего было защитить от ударов таранов фланговые триеры. И вновь по традиции охват стремились совершить именно на правом крыле.

При линейном столкновении преимущество имел также тот противник, чьи корабли оказывались маневреннее, а это зависело от опытности экипажей. В случае прорыва фронта те суда, что еще удерживали строй, оказывались под ударом с тыла. Поэтому сзади старались по возможности оставлять резервы: небольшие группы триер, призванные «заштопывать» образующиеся прорехи.

Иногда тактическое построение было сложнее: так, в на-

чале Пелопоннесской войны коринфяне при Патрасе расположили 42 корабля в круг, посередине которого находились транспорты с десантным корпусом и пять самых быстроходных судов, являвшихся резервом. Афинский флотоводец Формион, у которого имелось лишь двадцать триер, сумел блестяще использовать пассивность врага: дождавшись ветра, который поднял волнение, вызвавшее беспорядок в расположении коринфян, он напал на наветренные суда, потопил одно из них и обратил остальные в бегство.

Со времен сражений эллинистического периода, в частности битвы при Саламине 306 г., флот перед началом боя стали разделять на крылья и центр с обязательным выделением резервной флотилии, которая использовалась для маневра. Ярче всего эта тактика будет видна, во время I Пунической войны.

При преследовании врага, а также во время движения к месту боевых действий корабли выстраивались в кильватерную колонну (одинарную, двойную, тройную). Однако для того, чтобы вступить в бой, было необходимо развернуть их в линию. В противоположном случае какой-либо ловкий маневр противника был способен смять кильватерный строй. Так, близ Навпакта тот же Формион победил в 429 г. флот пелопоннесцев благодаря тому, что командир замыкающей триеры (афинская флотилия стремилась укрыться на рейде Навпакта от численно превосходящих сил врага) воспользовался беспорядком среди преследователей, обогнул стоящее на якоре перед рейдом большое торговое судно и ударил в бок плывущий за ним спартанский корабль. Гибель передового судна привела остальных в замешательство, которое афинский наварх и использовал удачно.

Как бы то ни было, строй имел значение только на первом этапе сражения. После охвата или прорыва одной из линий начиналась «рукопашная» схватка, когда многое зависело даже не от мастерства, а от удачи и моральных качеств противников.

Если флот карфагенян мы можем достаточно адекват-

но описать исходя из состояния военно-морского дела того времени, то специфику их сухопутных сил реконструировать значительно сложнее. Полибий в своей «Всеобщей истории» утверждает, что навыкам правильного сухопутного сражения пуны научились от спартанца Ксантиппа лишь в разгар I Пунической войны, когда римская армия высадилась в Африке и поначалу легко побеждала карфагенян.

Это, конечно, преувеличение, однако за ним стоит по крайней мере один реальный факт. На Сицилии карфагеняне воевали руками наемников. Почти наверняка в их войске не было гоплитов и вооруженных длинными копьями «щитоносцев», которые нанесут римлянам главный удар при Каннах.

В таком случае в войсках пунов служили те же кампанцы, жители Сицилии, греки, набранные на Тенаре. Из одного замечания Полибия мы знаем, что карфагеняне всю набирали иберов и кельтов на испанском и галльском побережьях.

О них можно сказать несколько слов — по крайней мере исходя из имеющихся данных об иберийцах и кельтах в армии Ганнибала.

Обычно иберийцы выставляли метателей дротиков — типичную легкую пехоту, а также отряды мечников. Последние, конечно, пользовались и копьями (скорее всего метательными), однако в рукопашной схватке главным их оружием был меч. Именно иберийцы изобрели короткий прямой остроконечный меч, ставший позже излюбленным римским оружием. Кроме гладиуса у них на вооружении имелась фальката — вариант рубящего меча (кописа), однако дополненный острием-жалом. Таким образом, и этот, более длинный (до 45 см) меч был приспособлен для ближнего рукопашного боя.

Судя по некоторым изображениям и описаниям, испанцы носили колпаки, изготовленные из бычьих жил, украшенные цветными гребнями. Мечники, как и конница, были одеты в кожаные доспехи с нашитыми на них металличе-

скими пластинами. Защитное вооружение дополнял большой овальный щит (очередной вариант скутума), укрепленный в центральной части умбоном и металлической полосой.

Вооружение кельтов, напротив, тяготело к североευропейским образцам. Особенно это подтверждает наличие длинных — до 65 см — прямых мечей, являвшихся прапредками оружия викингов. Обычно кельты размахивали им над головой, после чего начинали рубить неприятельский строй так, будто перед ними были заросли деревьев. Это заимствованное нами из античных источников сравнение показывает, насколько для древних греков и римлян было непривычно такое фехтование холодным оружием, где главным являлся не колющий, а рубящий удар.

Хотя на изображениях мы видим и кельтских копейщиков, причем в захоронениях обнаруживают копья с наконечниками, достигающими 50 см длиной, колющее оружие для галлов было вспомогательным. Меч чаще дополнялся не пилумами или гастами, а топорами.

Защитное вооружение кельтов составляли главным образом щиты и шлемы. Латы или кольчуги имелись в то время у немногих воинов, преимущественно у вождей. Остальные шли в бой обнаженными по пояс и одетыми в штаны различной (чаще красной) окраски. Щиты были овальными и высокими — в рост мечника. Шлемы в V-IV вв. имели коническую форму, их украшали фигурки с изображениями различных тотемных существ, и они были снабжены обязательными нащечниками.

Самым знаменитым подразделением карфагенской конницы во время войн с Римом станут нумидийцы — легкие всадники, набранные на территории современного Алжира, где находилось вассальное Карфагену Нумидийское царство. Возможно, уже Пирру довелось столкнуться с ними.

Эти кавалеристы, природные кочевники, на своих небольших быстрых конях могли покрывать огромные расстояния, пробираться по пересеченной местности. Они были лучшей иррегулярной конницей античности. Вооруже-

ние их составлял стандартный круглый кавалерийский щит и дротики, которыми они владели в совершенстве.

Испанская (иберийская) и кельтская конница была экипирована подобно пешим воинам этих племен. Единственным отличием иберийцев были использовавшиеся кавалеристами маленькие круглые щиты, подобные щитам горских народностей Кавказа. Всадник держал такой щит не на предплечье, а зажав рукоятку в ладони. Чтобы пользоваться подобным щитом, требовалась немалая ловкость и навыки фехтовальщика.

Что касается слонов, которых пуны в массовом порядке включали в армии во время своих знаменитых войн с Римом, то мысль одомашнить североафриканский подвид этого животного пришла им только после встречи с Пирром.

* * *

Пирру в первую очередь нужно было решить проблему с переправой на Сицилию. Когда его флотилия перешла от Тарента к Локрам, стало известно, что между Регием и Мессаной ее ждет карфагенская эскадра. Возможно, это были корабли все того же Магона, патрулировавшего италийское побережье еще два года назад. Другая эскадра сторожила Сиракузы.

Хотя тарентинские суда считались хорошими, флотилия Пирра, в которой было лишь двадцать боевых кораблей, не могла соперничать с карфагенянами. Нужно было выбирать другой пункт назначения, желательно такой, где пуны не успели бы перехватить транспорты.

Пирр приказал плыть на Тавромений. Этот город находился примерно в 50 км южнее Мессаны, и, приближаясь к нему, можно было надеяться, что пуны не подспеют сюда из пролива со своей армией (см. карту № 9). Правда, Тиндарион не присылал к Пирру послов с предложениями явиться на остров, однако ни мамертинцев, ни пунов к его друзьям причислить было нельзя. Да и Тимолеонт когда-

то, обходя карфагенскую засаду у Регия, высадился именно здесь.

В эпоху, когда блокада могла осуществляться только на расстоянии прямой видимости берега да еще при наличии удобной бухты, в которой можно было укрыться в случае непогоды, карфагеняне, сосредоточив флот в двух пунктах побережья восточной Сицилии, могли рассчитывать только на везение или на глупость противника.

Им не повезло. Пирр без всяких приключений добрался до Тавромения. Местный правитель принял его как друга и заключил с царем союзный договор. Во время всего пребывания Пирра на острове обе стороны соблюдали его: Тиндарион помогал эпирскому царю вооруженными силами, а тот не пытался присоединить город к намечавшемуся всесицилийскому государству.

Из Тавромения Пирр двинулся на юг. Он вновь посадил свои войска на суда и перебросил их в Катану. Поход был скорее похож на праздничное шествие, чем на военную операцию. Катана и Леонтины открыли перед ним ворота. Гераклид Леонтинский по решению граждан передал город в распоряжение царя и поступил к нему на службу с 4500 своих наемников. От Катаны царь шел уже по суше, флот же двигался вдоль побережья, находясь в состоянии боевой готовности. Однако известие о приближении эпирского царя побудило карфагенян снять осаду Сиракуз. Их сухопутные войска отошли вначале к Энне, а затем еще далее, на запад острова, в старинные владения пунов. Флот также ушел в Лилибей.

Войдя с увеличившейся по дороге армией в Сиракузы, царь был в высшей степени дружественно встречен Фоиноном и Сосистратом. Оба не только впустили его в город, но и передали в распоряжение Пирра все укрепленные форты на его территории, а также военную технику и боевые корабли (120 «линейных» и 20 легких). Судя по всему, Пирр старался поддерживать мирные отношения между тиранами, одновременно дав им должности, которые должны были бы удовлетворить этих людей — по крайней мере на время

борьбы с Карфагеном. Фоинон стал «губернатором» Сиракуз и близлежащего района. В свою очередь Сосистрат отныне отвечал за юг острова. Оба бывших тирана приняли деятельное участие в дальнейших операциях Пирра.

Следующим объектом нападения для Пирра должна была стать Энна. Карфагеняне без боя очистили ее, и греки получили идеальную центральную позицию на острове. После этого Пирр двинулся на юг, к Акраганту. Сосистрат «даровал» здесь ему не только укрепленные города, но и полевую армию в 8000 пехотинцев и 800 всадников.

Поскольку мы знаем также о военном предприятии Пирра против мамертинцев, логично предположить, что оно относится к тому же 278 г. Хотя наступление эпиротов происходило без всякого сопротивления со стороны врага, для захвата карфагенских крепостей на западе острова требовалось время, большее, чем оставалось до наступления зимы. Поэтому нанесение короткого удара по мамертинцам, по-прежнему бесновавшимся на северо-востоке, в данный момент было делом более предпочтительным.

Мамертинцы оказались разбиты в нескольких стычках, их укрепления срыты, захваченные живыми сборщики податей казнены.

За зиму царь собрал в греческих городах дополнительные силы, и к весне 277 г. у него уже имелась полевая армия в 30 000 пехотинцев, 2500 всадников, не считая корпуса, оставленного под Мессаной. Новую кампанию Пирр опять вел в наступательном духе, пользуясь тем, что карфагеняне держались совершенно пассивно. Сосредоточив свои войска в Акраганте, он начал движение на запад, освобождая один греческий город за другим. В его руки попали Гераклея (Сицилийская), Селинунт, Эгеста. Далее лежал Лилибей, столица карфагенских владений на острове. Но под ним пуны сосредоточили значительные силы, и Пирр решил, что потратит слишком много времени на позиционные бои. Вместо этого он покинул побережье, направившись к горе Эрикс, господствовавшей над берегом моря от Лилибея до Дрепанума. Здесь находилась крепость, которую когда-то

не сумели взять Дионисий и Агафокл. Условия местности были таковы, что атакующие не могли подтянуть к стенам осадную технику, поэтому приходилось рассчитывать на неожиданность и мощь натиска.

Эрикс стал первым настоящим боевым испытанием для армии Пирра. Понимая, сколь важна победа для подъема ее духа, царь сам встал во главе штурмовой колонны. Перед началом боя он обратился к Гераклу с молитвой. По легенде, в этой местности некогда правил сын Афродиты Эрикс, от которого гора и получила свое имя. Он был настолько могуч, что не побоялся однажды вызвать на кулачный бой самого Геракла. Великий предок Пирра принял вызов и в завязавшейся схватке убил Эрикса.

Обращаясь к Гераклу, Пирр не только напоминал солдатам о своем происхождении, но и заставлял легендарное событие и реальность соединиться в их сознании. Вновь гераклид стоял перед Эриksom, осмелившимся вызвать его на бой.

Пообещав Гераклу устроить в его честь пышные празднества, Пирр отдал приказ начать штурм. Его войска обстреляли избранный для атаки участок стены из луков и гастрфетов, принудив защитников искать укрытия.

Тотчас к укреплениям были приставлены лестницы, и первым на стену Эрикса взобрался Пирр. В этот момент осаждающие вынужденно прекратили обстрел, поэтому на стены вернулись защитники Эрикса, обрушившие на солдат отставших от царя штурмовых групп дротики и камни. Пока те карабкались по лестницам, Пирр в одиночку сражался с варварами. Нескольких нападавших он столкнул со стены, других поразил мечом и, как говорит Плутарх, «нагромоздив вокруг себя груды мертвых тел, сам остался невредим». Когда к нему присоединились другие эпироты, защитники Эрикса оказались обречены.

Заняв город, царь устроил в честь Геракла жертвоприношения и праздничные игрища. Торжества стали для армии не менее важным стимулом, чем победа.

Оставив на горе достаточный гарнизон, Пирр устремил-

ся на северное побережье острова. Прежде всего он хотел захватить Панорм. Местные жители отказались подчиниться карфагенскому губернатору и открыли крепостные ворота. Точно так же без боя под контроль эпирского царя перешла Гимера и, видимо, Дрепанум, лежавшие, соответственно, на востоке и западе от Панорма. Только некоторые горные укрепления (например, Геиркту) приходилось брать штурмом.

Пирр добился ошеломляющего успеха. Понеся минимальные потери, он освободил огромный остров. Лишь два пункта — Мессана и Лилибей — оказывали сопротивление. Сицилийские греки с восторгом ждали новых сообщений об удачных операциях царя. Именно к этому времени относится печать в Сиракузах характерных монет с надписями «сикелы» (что символизировало возрождение сицилийской федерации) и «царь Пирр». На последних с одной стороны изображался Зевс Додонский, бог эпиротов, а с другой — Кора (греч. «Дева»), дочь богини земли Деметры и супруга Аида, особенно почитаемая на Сицилии.

Ученые спорят, какого типа государство в этот момент создавалось на острове. Пирр явно желал рождения двуединой державы, в которой для одних подданных он являлся царем (для жителей Эпира и каких-то территорий на Сицилии?), для других же — гегемоном (как Александр или Деметрий для эллинов). Во всяком случае, в Сиракузах он был провозглашен «гегемоном и царем».

В будущем Пирр намеревался превратить это государство в три- и даже четвероединное образование. Пока Птолемей исполнял функции наместника в Эпире, Гелен должен был стать главой всех подвластных и союзных территорий в Южной Италии со столицей в Локрах, Александр — править Сицилией из Сиракуз, сам же Пирр подумывал о Карфагене.

Однако пока что ему был нужен еще один успех, чтобы закрепить успехи лета 277 г. Либо Мессана, либо Лилибей должны были пасть к ногам победителя. Иначе контроль над островом требовал слишком большого распыления сил:

в любой момент пуны и римляне могли, по мнению сицилийцев, высадить экспедиционную армию как раз там, где Пирр их не ждет.

Эпирский царь избрал Лилибей. Его армия уже находилась в окрестностях этого города, так что дело было только за созданием осадного парка.

Лилибей находился на крайней западной оконечности Сицилии. С трех сторон он был окружен морем и лишь с одной, на протяжении примерно 400 м, был открыт для сухопутной атаки. Зато здесь возвышались высокие стены, укрепленные башнями, а подходы к ним были перекрыты заполненными водой рвами. Все возможные укрытия перед городом были уничтожены на расстоянии действительно выстрела крепостных камнеметов. После успехов первой половины года пуны перебросили в Лилибей подкрепления, в изобилии снабдили его припасами, а также сосредоточили здесь флот, достаточный для того, чтобы пресечь любые попытки атаковать город с моря. У нас есть сведения, что именно под стенами Лилибея карфагеняне предложили Пирру пойти на заключение мира. Они просили оставить за собой на Сицилии только этот город с ближайшей округой, выплатить царю приличную контрибуцию и предоставить «для нужд» свой флот.

Цель этих мирных предложений совершенно очевидна: вернуть Пирра на Апеннины. Можно рассуждать о злокозненности пунов, которые после ухода эпирского царя снова начали бы наступление на греческие города Сицилии, но если принять, что предложения все-таки были серьезны, — а мгновенный развал колониальной державы на Сицилии не мог не встревожить карфагенское правительство, — то приходится признать, что Пирр упустил отличный момент для создания мощной антиримской коалиции — как раз такой, которая могла бы еще справиться с будущим владыкой мира.

Но нужно учитывать настроения, господствовавшие тогда на Сицилии. От Пирра ждали не мира, но решительной победы, такой, которая навсегда избавила бы сицилийских

греков от присутствия пунов. Это вполне соответствовало стремлениям самого царя. За Лилибеем он уже видел Карфаген. Пирр соглашался вести переговоры только в том случае, если варвары оставят Лилибей и «границей между ними и греками станет Ливийское море». Это стало завуалированной формой отказа. Война продолжилась.

К сожалению, в очередной раз мы вынуждены говорить, что перипетии осады Лилибея известны нам не лучшим образом. Однако даже имеющиеся сведения позволяют утверждать, что Пирр использовал практически все изобретения градоосадительного искусства своего времени. В конце концов, у него был великий учитель и предшественник — Деметрий Полиоркет, осада которым Родоса в 305 г. стала целой страницей в истории военного искусства.

Инженерная мысль эпохи диадохов стремительно двигалась вперед, и если мы внимательно присмотримся к искусству градоосаждения рубежа IV—III вв., то будем удивлены появлением настоящей осадной артиллерии и особых подразделений, ведущих траншеи к крепостной стене почти по рецептам Вобана. А «гелепопы» («берущие города»), эти фантастические осадные башни, производят просто потрясающее впечатление: сколько же усилий нужно было в то время, чтобы возводить подобные машины!

Однако по порядку. Со второй половины IV в. до н. э. существовали по крайней мере два вида метательных орудий, испытавшие бурное развитие. Хотя они так и не стали аналогом полевой артиллерии XVII—XX столетий, но в осадном деле и во время морских операций использовались постоянно и часто успешно.

1. Так называемые торсионные орудия, или катапульты, — метательные приспособления, основанные на принципе скручивания пучка жил или волос. Трудно сказать, когда они были изобретены на самом деле. Античный писатель Элиан утверждал, что впервые их создал в начале

IV в. до н.э. Дионисий Сиракузский (Старший), использовавший подобные приспособления при обороне морских баз против карфагенского флота.

Торсионные орудия подразделялись на несколько видов: об этом свидетельствует множество названий, имевшихся для них в греческом языке. Однако наиболее верным будет классифицировать их по количеству «плеч», т. е. пучков жил и связанных с ними рычагов, дававших торсионный эффект. Одноплечные катапульти (греч. «монанкон», лат. «онагр») представляли собой устройства, где пучок располагался горизонтально и находился между двух скрепленных друг с другом станин. Рычаг устанавливался почти вертикально (точнее — под углом 60 градусов по отношению к горизонтальным балкам), оттягивался вниз и назад при помощи специального ворота и при поступательном движении ударялся об особую станину. На его конце была укреплена праща, в которую вкладывался камень до 2 кг весом. Дальнобойность такого орудия достигала 360 м.

Усовершенствованным вариантом катапульти (а не лука!) были так называемые стрелометы и камнеметы (греч. «евтитонон»), являвшиеся двуплечевыми орудиями. Внешне они немного напоминали будущие станковые арбалеты, хотя по принципу действия отличались от них. Здесь пучки, дающие торсионный момент, располагались вертикально, закрепленные в вертикальной же раме. Между внутренними стойками этой рамы горизонтально располагался направляющий желоб, в который вкладывался метательный снаряд. К пучкам были симметрично прикреплены два рычага, соединенных тетивой. Эта тетива зацепляла снаряд, который отводился назад также при помощи особого ворота: чтобы изготовить к выстрелу подобную катапульти, требовались немалые усилия. Из описаний Филона Византийского мы знаем, что уже в III в. до н.э. существовали спусковые механизмы, напоминающие аналогичные у средневековых арбалетов. Все это устройство находилось на лафете, который в случае малого калибра орудия передвигался на колесах.

Тяжелые камнеметы, являясь более мощным орудием, чем онагры, могли посылать на расстояние до 250 м камни весом более 20 кг. Эти камни специально обрабатывались, для получения лучших баллистических свойств им придавалась округлая форма. Толстые короткие стрелы, используемые при стрельбе из аналогичных стрелометов, с легкостью пробивали деревянные щиты, за которыми находились орудия и живая сила неприятеля. При этом именно второй род катапульти мог обеспечить наиболее прицельный огонь — как по отдельным людям, так и по групповым целям.

Все катапульти, кроме самых легких, укреплялись на земле так, как это происходит с современными орудиями. Удар при запуске был настолько силен, что мог опрокинуть все устройство и покалечить обслуживающий их расчет.

2. Тяжелые луки, которые в свою очередь делились на ручные (гастрафеты) и станковые. В сущности, это — первые образцы арбалетов, так как их держали горизонтально и для натягивания порой использовали ворота. Поскольку сам лук в этом случае изготавливался из металла, его энергия была большой, поэтому и из гастрафетов, и из станковых луков били тяжелыми стрелами на расстояние около 250 м, правда, прицельная дальность оказывалась не слишком высока.

В зависимости от калибров метательные орудия использовались для различных целей. Александр дважды — во время похода против иллирийцев (335) и при форсировании Яксарта (329) успешно использовал их для прикрытия переправы от варварских отрядов. Однако, как уже говорилось, основное применение все эти приспособления нашли во время борьбы за города и в морских сражениях. Малые и средние калибры имели целью живую силу и легкие укрытия противника, большие же — неприятельские «батареи», а также каменные или кирпичные укрепления. Во время одной из атак Деметрием внутренней стены Родоса, прикрывавшей город со стороны гавани, тяжелые камнеметы, установленные на судах (!), пробивали в укреплениях

широкую брешь. Крепость не была взята лишь потому, что штурмовые отряды вовремя не получили подкреплений.

При необходимости катапульты метали в неприятельские сооружения зажигательные снаряды: стрелы с горячей паклей, горшки с углями или зажигательной смесью и т. д. Естественно, что такие же орудия находились и в крепостях, где для них устраивались особые, защищенные от внешнего обстрела позиции. Стрелометы вели огонь через амбразуры крепостных башен, закрывавшиеся в случае необходимости щитами или тяжелыми завесами. Более легкие гастрареты устанавливали в промежутках между зубцами.

Обязательным атрибутом осадных работ был таран. Хотя античный Афиной в своем сочинении «О машинах» и приписывал его изобретение карфагенянам, первые изображения таранов (как и осадных башен) мы встречаем еще на ассиро-вавилонских изображениях. Таран представлял собой балку, зачастую окованную на «рабочей» стороне металлом и подвешенную либо на треноге (тогда таран назывался «журавль», греч. «геранос»), либо на цепях, прикрепленных к несущей балке защитного сооружения («черепахи»). Более совершенными были тараны на катках, которые позволяли точно фиксировать точку удара.

Тараны были страшным оружием, против которого не могла устоять даже имеющая сложную, многослойную структуру стена. В связи с этим обороняющиеся стремились позади находящейся под ударом стены возвести вторую, а при необходимости и третью. Даже если они были возведены на скорую руку, эти сооружения препятствовали штурму, так как дорогу таранам преграждали руины первой линии укреплений.

Поскольку люди, приводящие в движение таран, были беззащитны против осажденных, метавших со стен крепости стрелы, дротики, камни, ливших горячую смолу, то для их защиты были созданы подвижные укрытия, «черепахи» (греч. «хелона»), постепенно превратившиеся в сложные, многофункциональные сооружения. Черепаха могла нести

несколько таранов, быть достаточно вместительной, чтобы прикрывать отряд воинов на случай вылазки осажденных, иногда в ней находились камнеметы и стрелометы малых калибров. Длина таранов достигала 35 м, соответственно размеры так называемых «остроносых» черепах превышали 50 м в длину и 20 в ширину. Черепахи использовались также при сооружении прикрытых путей к стенам крепости, а также при подкопах, совершаемых для разрушения стен.

Для защиты черепах от оружия осажденных они обшивались бычьими шкурами, их формы делали максимально покатыми: в результате даже тяжелые ядра рикошетировали от скатов их крыши.

Дабы штурмовым отрядам максимально безопасно приблизиться к крепостным стенам, помимо черепах использовались различные щиты — от переносных до настоящих галерей на полозьях. При штурме самым распространенным средством были, конечно, лестницы. Однако в эпоху Александра получают распространение «самбуки» — перекидные мостики с противовесами, благодаря которым осаждающие могли попадать на стены с сооружений, напоминающих вышки, установленные на повозках. После приближения к стене на необходимое расстояние мостик опускался на нее, и штурмовая группа бросалась в атаку.

Из комбинации черепахи и самбуки родились подвижные осадные башни, так называемые гелеполы. До этого греки, как и их современники карфагеняне, этруски, персы, либо насыпали земляной вал вровень со стеной, либо же сооружали — опять же вплотную к защитным сооружениям осажденных — свою башню. Все это было сопряжено с большим риском из-за вылазок неприятеля и постоянного воздействия метательного оружия. Переворот совершил тот же тиран Сиракуз Дионисий. В 397 г. он во время осады Леонтин, расположенных на острове, проложил под прикрытием черепах почти километровую насыпь от берега Сицилии до стен города и провел по ней движущиеся шестиэтажные башни.

В дальнейшем успешнее всего использовал гелеполы Александр Македонский во время осады Тира и Деметрий — под Саламином Кипрским, Родосом и Фивами. Обычно такие осадные башни были многоэтажными деревянными сооружениями, напоминающими то ли ступенчатые зиккураты, то ли пирамиды с усеченной вершиной, поставленные на колеса. Перед штурмом Тира Александр построил гелеполы, имевшие высоту более 50 м. Башня, сооруженная по приказу Деметрия во время второго этапа осады Родоса, возвышалась на 30 м, превосходя таким образом городские стены. Она не просто являлась средством подвести к укреплениям Родоса живую силу, но и была вооружена до зубов. Сквозь многочисленные бойницы в ее стенах городу угрожали катапульты различных калибров — от камнеметов на нижних этажах до легких монанконов на верхних.

На случай попыток поджечь гелеполу в ней имелись значительные запасы воды, так что в целом обслуживало сооружение Деметрия порядка трех сотен человек. Еще более трех тысяч человек приводили его в движение. Естественно, что для приближения таких сооружений к стенам была необходима практически идеальная поверхность, которую перед началом штурма расчищали под прикрытием черепаш и щитов.

Изобретательность инженеров того времени оказалась настолько велика, что под Родосом использовались осадные башни, установленные на плотках. Последнее изобретение очень пригодилось бы Пирру, но в условиях господства пунов на море ему оставалось только «упираться» в сухопутный фронт крепости.

Поскольку почва была каменистая, инженеры Пирра не имели возможности под Лилибеем использовать еще один из способов более или менее безопасно приблизиться к стенам — совмещая подвижные укрытия с траншеями.

* * *

Борьба под Лилибеем продолжалась в течение двух месяцев. Первоначально отдельные отряды царской армии пытались с налета ворваться на стены карфагенской твердыни: ведя, так сказать, разведку боем. Все атаки легко отбивались осажденными.

Тогда Пирр, уяснив, как ему казалось, систему обороны противника, предпринял несколько настоящих приступов. Под прикрытием передвижных щитов завалили рвы (в таких случаях осажденные, как правило, делали вылазки, стремясь помешать работам противника; наверняка так было и под Лилибеем). Эпирско-сицилийское войско с воинственными криками бросалось к стенам, откуда на них летела туча стрел, дротиков, камней.

Несмотря на то что передвижные щиты «съедали» часть расстояния, все-таки оно оставалось слишком велико для действенного приступа. Если и удавалось приставить одну-две лестницы к стене, этого было недостаточно, чтобы взять город. По лестницам спускали специальные балки, подвешенные на цепи, которые сметали взбирающихся вверх солдат осаждающей армии, а достигнув середины, переламывали и сами лестницы. Со стороны морских флангов штурмующих обстреливали с карфагенских триер.

Убедившись в бесперспективности «суворовского» штурма, Пирр (который, возможно, и сам пытался возглавить одну из колонн) приказал сиракузским механикам соорудить как можно больше стрело- и камнеметов. «Огню» со стен Пирр намеревался противопоставить еще более мощный поток стрел и камней, который — как во время штурма Эрикса — позволил бы всем штурмовым колоннам подойти к стенам. Свободные от боевого дежурства солдаты участвовали в этой работе, однако к тому моменту, когда батареи монанконов и евитононов были готовы, выяснилась обескураживающая вещь. Арсеналы близлежащих городов оказались пусты. Стрелы и дроты приходилось везти из Сиракуз, да и там количество метательного оружия, накоп-

ленное впрок Агафоклом, значительно уменьшилось из-за междоусобной борьбы и последовавшей позже осады города пунами.

Пока посланники Пирра обыскивали островные арсеналы, пока в оружейнях торопливо перековывали все железные предметы на стрелы для стрелометов, царские инженеры начали вести под город подкоп. Обычно в таком случае работы велись по ночам, и грунт выносили за пределы видимости с крепостных стен.

В детских и юношеских романах на историческую тематику неоднократно живописуется, как осаждающие достигают через подземный ход внутренней части города и врываются на незащищенные улицы, сея вокруг ужас и панику.

Тит Ливий рассказывает, что во время осады римлянами этрусского города Вейи (406-396) решающим стал именно подкоп, прорытый по приказу Марка Фурия Камилла, причем вывел он римлян прямо в центр города, в храм Юноны⁴.

Однако такие подкопы могли привести к цели только в случае, если силы и осаждающих, и осажденных были невелики. Во-первых, выход из подземного туннеля легко было заблокировать. Во-вторых, ко времени Пирра уже было выработано деятельное средство против подобных работ: с внутренней части стены рыли ямы или глубокую канаву, в которой сидели люди, старающиеся уловить направление вражеских работ. Когда точно устанавливали, где ведется подкоп, навстречу вели «контргалерею», а затем либо нападали из нее на рабочих противника, либо выкуривали их из-под земли дымом.

Основной задачей подкопов в изображаемое нами время стало разрушение стен вражеской крепости. Если галерею удавалось незаметно подвести к фундаменту крепостных сооружений, ее начинали расширять вправо и влево, укреп-

⁴ Скорее всего, римляне просто воспользовались дренажными канавами, проходившими в Вейях под землей, увеличив одну из них так, чтобы по ней мог пробраться вооруженный человек.

ляя потолок от падения массивными бревнами. Пройдя таким образом несколько десятков метров, осаждающие подводили собственный «фундамент» под стены. Затем бревна поджигались и в какой-то момент внутренняя полость обрушивалась, увлекая за собой стены.

Но и здесь Пирру фатально не везло. Грунт был настолько каменистым, что его инженерам не удалось «зарыться» в землю так, чтобы пройти ниже уровня рвов. Все усилия были напрасны.

Эпирский царь еще не раз пытался послать свои отряды на штурм стен Лилибея, но потери росли, а вместе с ними падал энтузиазм войск. Пирру пришлось смириться с неудачей — столь досадной после многих месяцев успехов — и отказаться от осады. Войска были отведены от стен Лилибея в глубь острова и расположены там на зимних квартирах. Сам же царь устремился в Сиракузы: он был обуреваем новой идеей.

* * *

Пирр еще не знал, что уже перевалил высшую точку небесного списка своих удач — и в Сицилийской войне, и в политической карьере. Отступление от Лилибея совсем не рассматривалось им как катастрофа, да и не стало бы ею — если бы на месте Пирра находился другой правитель.

Пирру казалось, будто борьба, под знаменами которой он объединил Сицилию, увлекает местных жителей не в меньшей степени, чем его самого, что они, как и он, готовы приложить для победы все свои силы.

Однако после ретирады от Лилибея сицилийские греки решили, что устали от войн, длившихся на их земле все время после смерти Агафокла. Новое, экстраординарное усилие, которое готовился предложить им Пирр, было расценено как чрезмерное. Все, кто недавно противился заключению мира с карфагенянами, теперь считали летние переговоры упущенным шансом.

Между тем Пирр хотел повторить подвиг Агафокла, пе-

реправившись в Африку и перенеся войну под стены столицы пунов. Он не принимал в расчет их сухопутную армию, небезосновательно считая ее слабой и неорганизованной.

В отличие от Агафокла, показавшего слабость власти пунов в Африке, хотя он отправился туда с ничтожными силами, Пирр предполагал предпринять всесицилийский поход. Чем большую армию он переправит на другой берег Ливийского моря, тем скорее капитулирует Карфаген. Вынужденные воевать на родной земле пуны почти наверняка ослабят гарнизон Лилибея, который, лишенный внешней поддержки, автоматически попадет в руки греков.

Чтобы переправиться в Африку, нужен был флот, не уступающий пуническому. Две сотни кораблей, имевшихся у него в Сиракузах, Пирр счел недостаточными силами. Действительно, греческие адмиралы настолько уважали врага, что за весь 277 г. мы не знаем ни об одном их боевом столкновении с карфагенянами — даже во время осады Лилибея, когда давление сиракузян на коммуникации пунов могло решить исход всего предприятия.

Если нельзя было взять врага качеством, Пирр решил подавить его числом. По всем городам были введены налоги на постройку военного и транспортного флота. Набирали новых солдат, кое-где уже силой, а ведь среди свободного населения предстояло набрать и многотысячную армию гребцов!

Осень 277 г. стала для Пирра началом тяжелого испытания. Его амбициозный план требовал совершенно иного гражданского сознания жителей Сицилии или же абсолютной власти, подобной власти ассирийских или персидских правителей. К сожалению для нашего героя, нужное гражданское сознание имелось в Риме, а не в Сиракузах, что же касается власти, то из Пирра так никогда и не получился тиран вроде Дионисия или Агафокла, для которых внешняя политика была продолжением внутренней.

В случае Пирра же — по крайней мере в последнее десятилетие его царствования — все было с точностью до наоборот: внутренние дела воспринимались лишь как необхо-

димое зло, которое нужно было терпеть ради достижения великих внешних целей. Если этот принцип работал в Эпире, то ни в Италии, ни на Сицилии государь молоссов не нашел поддержки, и это стало причиной падения его диковинной двойственной монархии.

Быстро почувствовав недовольство, Пирр решил подстраховаться и ввел в некоторые стратегически важные города верные себе части, оправдывая это необходимостью защищаться от неминуемых набегов карфагенян и мамертинцев. Его уполномоченные начали исполнять роль наместников, ограничив права внутреннего самоуправления большинства полисов. Если это и успокоило ситуацию, то только внешне. Постепенно в заговоры против эпиротов оказались втянуты широкие круги как олигархов, так и рядовых сицилийцев. Хуже того, Фоинон и Сосистрат, люди, которые настояли на его прибытии на остров, стали проявлять независимость.

Сохранилась фраза Пирра, сказанная им одному из своих приближенных: «Фоинона и Сосистрата опасно будет брать в Африку, но еще опаснее оставлять на Сицилии». И тот и другой, видимо, рассчитывали стать хотя бы удельными правителями в Акраганте и Сиракузах, Пирр же превратил их в полностью подотчетных себе губернаторов. Во время кампаний 278-277 гг. отряды тиранов отлично проявили себя под началом эпирского царя, и ныне все успехи стали приписывать именно этим войскам, а неудачу под Лилибеем сваливать на Пирра.

Царь решил нанести удар первым. Вскоре Сосистрат узнал, что против него готовится обвинение в измене, развившейся в переговорах с карфагенянами (возможно, реальных). Не ожидая царского суда, Сосистрат уже открыто вступил в сношения с пунами и спровоцировал появление их отряда где-то на юге Сицилии. После этого момента судьба тирана Акраганта нам неизвестна. Пирр быстро победил пунов и восстановил свою гегемонию на юге. Сосистрат же либо бежал в Африку и умер там, либо был убит во время этой операции.

Подозревая отныне всех и вся, Пирр приказал арестовать Фоинона. Хотя сиракузяне открыто выступали против этого решения, царь обвинил недавнего союзника в измене и казнил. Эта казнь, даже если она и была актом самосохранения, окончательно испортила отношения Пирра с сицилийцами.

Весной 276 г. карфагеняне и мамертинцы перешли в наступление. Пирр, еще надеявшийся на поход в Африку, держал основные свои силы близ Сиракуз, поэтому вначале не обращал внимания на утерю окраинных позиций. Однако постепенно этот процесс стал лавинообразным. Как два года назад без боя сицилийские греки открывали свои ворота перед эпиротами, точно так же в 276 г. они без сопротивления отдавались под власть карфагенян и даже призывали на помощь мамертинцев, этих грабителей с большой дороги.

Спасти ситуацию можно было повальным террором против недовольных и успешной военной кампанией. Но Пирр просто не был способен на массовые репрессии. Он стремился к власти, любил ее, но никогда не добивался своих целей любыми средствами. Видя всеобщее отчуждение, он сам разочаровался в новых подданных. Ему легче было уйти, чем воспитывать сицилийцев, привыкших либо к совершенной вольности, либо же к всецелому подчинению тоталитарным режимам.

А уйти было куда. Уже третий год италики пытались остановить наступление Рима, и в начале 276 г. на юге Апеннин сложилась почти безвыходная ситуация: римляне заняли Гераклею, Кротон, Локры. Тарентинцы и луканы умоляли о помощи: лишь присутствие Пирра могло остановить врага.

Все лето 276 г. Пирр готовился к возвращению в Италию. Он, правда, надеялся удержать для своей семьи Сиракузы, как, вероятно, и ближайšie к ним укрепления. Этот район смог бы в будущем стать плацдармом для возрождения эпирско-сицилийской державы — но лишь после того, как островитяне раскаются, ощутив на себе тяжелую ру-

ку пунов, мамертинцев и новых тиранов. В Сиракузах был оставлен царевич Гелен с достаточным гарнизоном и широкими полномочиями. Совершив, по некоторым сведениям, перед отплытием короткую и, как всегда, успешную вылазку против карфагенян, появившихся уже в районе Этны, Пирр приказал армии грузиться на суда.

Последними словами эпирского царя, брошенными на сицилийской земле, стали: «Какое поле для ристаний мы оставляем римлянам и карфагенянам, друзья!»

Г л а в а X I

Арузийские поля

Римское наступление в 278-276 гг. — Возвращение Пирра. Битва в Мессанском проливе. — Пирр побеждает мамертинцев и захватывает Локры. — Кампания 275 г. Замысел Пирра. — Битва на Арузийских полях. — Пирр просит поддержки у восточных царей. — Пирр покидает Италию.

Мы оставили Италию в тот момент, когда Пирр, добившись временного «прекращения огня», погружал экспедиционный корпус на суда в Таренте. Перемирие, если оно имело место где-то кроме Апулии, быстро перестало соблюдаться.

Во всяком случае в том же году мы обнаруживаем Фабриция близ побережья Ионийского моря. Он ведет успешные переговоры и заключает мирное соглашение с Гераклеей — той самой колонией, неподалеку от которой Левин два года назад потерпел поражение от Пирра. Владения антиримской коалиции оказались разорваны надвое, что, как мы увидим, сразу поставило под угрозу «губернаторство» Александра, имевшее центр в Локрах.

Фабриций и Эмилий одержали победы над луканами и самнитами, впрочем, в этих областях на следующий год все пришлось начинать сначала.

В 277 г. консулами были избраны Публий Корнелий Руфин и Квинт Юний Брут. Консульские армии, который год

Аргос
Памятник Пирру на предполагаемом месте
его гибели

объединенные, собрались близ Венузия, откуда начали медленное прочесывание Самниума. Поля и селения «немирных» горцев разорялись, у городов разрушались стены и храмы. Самниты успели эвакуироваться в горные укрытия и засели там: не спускаясь для правильного сражения, но тревожа римлян мелкими уколами.

По предложению Юния Брута консульские армии попытались «выкурить» противника с высот. Однако в очередной раз стало ясно, что для тяжеловооруженной пехоты, пусть даже в мобильном римском варианте, это — трудное предприятие. Отпор был яростным, на узких горных тропах не помогало ни оружие, ни численное преимущество. Самниты сваливали на противника валуны, заманивали его в ловушки, окружали отдельные подразделения.

Когда войска потеряли управление, консулы приказали отступать. Потери были велики, причем не только убитыми, но и пленными. К несчастью для италикков, у самнитов не было сил для развития своего успеха.

Консулы обвинили в неудаче друг друга и рассорились столь серьезно, что разделили войско. Половина осталась в Самниуме, где, не покидая равнинных местностей, продолжала тактику тотального уничтожения самнитских деревень. Вторая половина во главе с Корнелием спустилась вдоль Сируса к Гераклею, а затем выступила против бруттиев. Поскольку Пирр был далеко, Корнелий действовал совершенно свободно. Вынудив бруттиев на открытое сражение, он победил их, после чего стал готовить нападение на греческие города.

Ближе всего к консулу был Кротон. Успех Корнелия произвел такое впечатление, что ряд знатных горожан решили сдать ему город, чтобы раз и навсегда избавиться от бремени свободы и ее заморского защитника.

Противники примирения с Римом, узнав о заговоре, направили в Тарент просьбу о помощи. В ответ Милон выделил часть эпирского гарнизона, присоединив к нему отряд городского ополчения и назначил командовать над этим корпусом тарентинца Никомаха. Источники сообщают, что

этот офицер сумел опередить Корнелия Руфина, что невозможно, если Никомах двигался по суше: простой взгляд на карту подсказывает это. Очевидно, корпус был переброшен морем, и когда консул появился под стенами Кротона, заговор римских сторонников был уже подавлен, а на стенах выставлена дополнительная стража.

Не веря, что добыча ускользнула от него, Корнелий попытался штурмовать укрепления Кротона, но был отбит с большими потерями.

Тем не менее консулу удалось добиться своего. Простояв некоторое время под стенами Кротона, он распустил слух, что направляется в Локры. Никомах, понимая, какой угрозе подвергается этот город, чей гарнизон и так ведет постоянную борьбу с кампанцами из Регия, решил выступить ему на помощь. Если Корнелий двигался дальней, горной дорогой, то Никомах пошел вдоль берега моря, по кратчайшему пути (почему он не плыл на кораблях? может быть, под Кротонем появился отряд карфагенских судов?).

Это-то и было нужно Корнелию. Отправив вперед обозы и вспомогательные войска, он с главными силами повернул назад. Пользуясь густым туманом и помощью оставшихся в городе сторонников союза с Римом, ему удалось овладеть крепостными стенами. Вскоре и весь город был в руках легионеров.

Когда Никомах узнал об этом, он попытался отбить город, но силы были слишком неравны. Отброшенному от стен Кротона Никомаху пришлось пробиваться в Тарент кружной дорогой. Правда, консулу не удалось и перехватить вражеский корпус. Проложив себе дорогу через римские заслоны, Никомах благополучно достиг Фурий, откуда направился в Тарент.

Успех авантюры Корнелия Руфина мгновенно изменил ситуацию в Бруттии. Вспомогательные отряды кампанцев, отправленные им к Локрам, захватили по дороге греческий город Кавлония и разграбили его. Одновременно в Локрах произошло антиэпирское восстание. Не ожидавший предательства гарнизон был почти поголовно вырезан. Спас-

лись лишь отдельные дозоры, находившиеся вне крепости, и нашедшие спасение среди оттесненных в горы бруттиев.

Александр, сын Пирра, также отсутствовал в Локрах или же благополучно избежал гибели. Позже мы увидим его в Таренте.

Успехи римлян в 277 г. были неожиданно велики, однако они ограничивались захватом некоторых крепостей и опустошением полей в несчастном Самниуме. Подлинный перелом в войне мог наступить только после захвата Тарента. Но осадить этот обширный город пока представлялось слишком сложным делом. Неудача Пирра под Лилибеем показывала римлянам, насколько сложно взять крепость, сохраняющую коммуникации по морю, а просить карфагенян о помощи не хотелось. С одной стороны, они и так были заняты в Сицилии, с другой — придя в Тарент, могли уже не оставить его.

Так или иначе, именно победы Корнелия Руфина стали поводом для возвращения Пирра в Италию¹.

В 276 г. мы обнаруживаем на юге Италии только одного консула — Фабия Максима Гургита. Хотя историки вновь сообщают о победах римского оружия, на самом деле боевые действия ограничивались уничтожением посевов, поджогом деревень и многочисленными мелкими стычками, изматывающими обе стороны. Южноиталийцы уже окончательно перешли к малой войне, и наносить по их мобильным отрядам удары всей закованной в броню римской армией было бессмысленно. Скорее всего, Максим действовал несколькими корпусами, стремясь охватить карательными экспедициями как можно большую территорию. Именно поэтому после появления Пирра в Бруттии он и не пытал-

¹ Интересно, что несколько лет спустя, когда Гай Фабриций стал цензором, он исключил из состава сената Корнелия Руфина, обнаружив в имуществе того большое количество серебряных изделий — видимо, добычи, захваченной во время его похода в Луканию и Бруттий. Согласно строгим нравам того времени, сенатор не имел права заниматься стяжательством.

ся перекрыть ему дорогу в Тарент: римские войска были слишком разбросаны.

Вообще 276 г. для Рима оказался черным. В Риме и Лациуме началась какая-то эпидемия, унесшая тысячи жизней. Вновь появились дурные предзнаменования, самым ужасным из которых сочли бурю, которая сбросила с вершины Капитолийского храма изображение Юпитера и разбила на части. Когда собрали обломки статуи, выяснилось, что голова отсутствует. Поиски, предпринятые на Капитолийском холме, ничего не дали, и в народе поползли слухи, что это предвещает скорую гибель города. К счастью, этрусские гарсуспики сумели определить по жертвам, куда упала голова: порывом бури ее забросило на середину Тибра.

И эпидемию, и падение Юпитера перевесило более ужасное известие — царь Пирр высадился неподалеку от Регия.

* * *

Отплывая в Италию, Пирр знал, что в Мессанском заливе курсирует карфагенский флот. На этот раз, однако, он мог быть спокойнее за переправу, так как из Сиракуз транспортные корабли шли в сопровождении 110 боевых судов — наиболее боеспособной части сицилийского флота. В Италию царь вез не только эпиротов, но и большое количество на вербованных на Сицилии солдат. Его армия насчитывала не менее 25 000 человек, в том числе несколько тысяч всадников. Следовательно, для ее перевозки нужно было около 100 транспортных судов.

Пирр направил свой флот восточнее пролива, чтобы подойти к италийскому берегу в районе Локр. Однако налетевшая с Ионийского моря буря погнала его корабли на запад. И военная, и транспортная эскадры были потрепаны, разбросаны на большом пространстве и не успели собраться перед столкновением с карфагенянами.

Об организованном сопротивлении не могло идти и ре-

чи. Всякий сражался на свой страх и риск. Карфагенские суда, как своры гончих, набрасывались на царские корабли и захватывали их один за другим. Сиракузцы стремились уйти под защиту италийского берега. Однако здесь их поджидала другая опасность: подводные скалы, на которые налетело немало кораблей. Другие, миновав опасное место, выбрасывались на берег, торопливо разгружая солдат и воинское имущество.

К счастью для Пирра, волнение мешало и карфагенянам. По крайней мере, они не рискнули подойти в берег близко, и это спасло большую часть царской армии.

Читая античных историков, можно подумать, что римские боги берегли Апеннины от Пирра, дважды (по пути из Эпира и сейчас) отправляя на дно морское его армии. Правда, оба раза те воскресали и оказывались вполне боеспособны. Видимо, рассказ о потере Пирром по пути из Сицилии большей части солдат — такая же легенда, как и повествование о переправе 280 г.

Возможно, Пирр и потерял 70 кораблей, как нам сообщают источники. Но большинство из них было боевыми судами: в случае эскортной операции основная функция боевых кораблей заключается в том, чтобы отвлекать на себя противника, давая транспортникам уйти из-под удара. Как бы ни нарушила буря порядок царского флота, хотя бы часть сиракузских пентер и триер должна была выполнить свой долг.

Возвращение в Италию все-таки не погубило войско Пирра, и это подтверждается тем, что он сохранил слонов: если самые большие и неуклюжие транспортные суда благополучно достигли берега, то это же могли сделать и все остальные.

Впрочем, схватка в Мессанском проливе не прибавила его армии настроения и порядка. Войска были разбросаны вдоль берега на расстояние многих стадиев, требовалось время, чтобы собрать их и восстановить боевой дух. Остатки боевого флота боязливо жались к суше, опасаясь нового появления пунов.

Но на этот раз опасность ждала армию Пирра именно на берегу.

Тот же флот, который сражался с сиракузскими кораблями, перебросил в Италию 10 000 мамертинцев. Соединившись с кампанцами из Регия, они заперли выходы с побережья и, когда колонна армии Пирра потянулась в глубь Бруттия, напали на нее с трех сторон.

Пирр вместе с передовыми частями бросился на отряд мамертинцев, перекрывший перевал, через который он думал двигаться к Локрам. Рядом с царем сражались лучшие воины, их натиск был неудержим, и противник отступил. Освободив дорогу для армии, царь продолжал двигаться дальше.

Однако когда у перевала появились замыкающие части, нападавшие нажали с обеих сторон и захлопнули мышеловку. Разрезанная на две части армия стала беспомощна. Мамертинцы, эти ветераны, обладавшие куда большим опытом, чем набранные по сицилийским городам отряды Пирра, легко отражали попытки тыловых частей вырваться из окружения. Их соратники в этот же момент возобновили нападения на войска, возглавлявшиеся лично Пирром.

Положение усугублялось еще и тем, что в арьергарде эпирской армии находились слоны. Зажатые в узком ущелье, обстреливаемые с двух сторон, они начали метаться, топчая своих и усиливая общий беспорядок.

Никакие тактические ухищрения в этот момент не могли спасти царские войска. Нужно было биться прямо здесь, на горной дороге, доказывая свое преимущество в рукопашной схватке один на один.

Пирр развернул ушедшие вперед войска и лично повел их на деблокаду тыловых частей. Долгое время мамертинцы сдерживали его натиск. Царь участвовал в атаках и во время одной из них получил удар мечом в голову. Ранение не было серьезным, но на время его лицо залила кровь, и Пирр отступил за спины телохранителей, чтобы его перевязали.

В этот момент один из предводителей мамертинцев,

огромного роста, одетый в сверкающие доспехи, вышел в первые ряды и стал вызывать Пирра, если тот еще жив, на поединок.

Эпирский царь вырвался из рук лекарей, оттолкнул пытавшихся ему помешать телохранителей-щитоносцев и, забрызганный кровью, с мечом наголо, появился перед наглецом. Оба противника подняли оружие над головой, но Пирр успел нанести удар первым. Этот удар оказался настолько мощным, а металл его клинка был такого качества, что царь буквально «развалил» противника от тмени до поясицы.

Мамертинцы были поражены произошедшим и отпрянули назад. Воспользовавшись этим, эпирские отряды удвоили усилия и вновь выбили врага с перевала. Они успели вовремя: еще немного, и отряды, шедшие вместе со слонами, были бы попросту уничтожены. К счастью, мамертинцы успели убить только двух животных, остальных Пирр торопливо повел из негостеприимной местности. Мамертинцы были загнаны на горные гряды и больше не предпринимали попыток помешать походу царя.

Одержав победу, стоившую жизни многим солдатам, уцелевшим во время боя в проливе, Пирр скорым маршем шел на Локры. Появление эпирского царя произвело в этом городе такой эффект, что его правители открыли перед пришельцем ворота. Памятуя о судьбе эпирского гарнизона, Пирр вел себя в городе как завоеватель, наложив на его жителей контрибуцию и преследуя инициаторов переговоров с Римом.

Одновременно он направил часть своих сил на Регий, который надеялся взять внезапным приступом. Однако, несмотря на поражение в поле, регийские кампанцы и мамертинцы сумели удержать город, отбросив нападавших.

Решив, что на юге Бруттия он едва ли сможет создать себе надежный плацдарм для продолжения войны с Римом, Пирр решил возвращаться в Тарент. Но прежде ему нужно было пополнить войсковую казну. Корабли, перевозившие царские финансы, либо погибли, либо попали в руки кар-

фагенян. У самнитов и луканов денег не было, точно так же поиздержался уже и Тарент.

Пирр конфисковал имущество римских приверженцев, но и этого оказалось мало. Тогда он приказал ограбить храм Персефоны — главную святыню Локр. Поскольку в древности существовал обычай посвящать храму драгоценные вещи в знак благодарности богам за помощь в житейских делах, любое большое святилище было настоящей сокровищницей. Когда-то разграбление одних Дельф позволило фокидянам в течение десятилетия вести войну против половины Греции.

Захваченные драгоценности были погружены на оставшиеся корабли флотилии Пирра и отправлены в Тарент.

Однако боги разгневались на произошедшее святотатство. Прямо на глазах царя поднялся шторм, и флотилия была отнесена противным ветром обратно в гавань Локр. Царь и его окружение восприняли это как чудо. Не желая гневить небеса долее, Пирр приказал вернуть сокровища обратно в храм и принести Персефоне умиляющие жертвы.

Сразу после этого он двинулся в Тарент. Царь шел через Бруттий и южную Луканию. Горные города италийцев поднимали восстание, и толпы добровольцев присоединялись к армии. Неизвестно, что в этот момент происходило в Кротоне, но, судя по всему, город остался под контролем римлян.

Когда Пирр появился в Таренте, под его началом находилось 20 000 пехотинцев и 3000 всадников — вполне боеспособное войско, готовое сразиться с неприятелем.

Плутарх утверждает: «Пополнив в Таренте войско самыми храбрыми из тарентинцев, он тотчас выступил против римлян, стоявших лагерем в Самнуме». Вопреки биографу Пирра мы знаем, что сражение на Арузийских полях, последнее большое военное событие римско-эпирской войны, произошло не в конце 276, а в начале кампании следующего, 275 г. Стремясь показать стремительность и решительность Пирра, Плутарх уплотняет события. На са-

мом деле царь провел зиму в Таренте, готовя новые ополчения к следующему году. Ему была нужна решительная победа: в конце концов, римляне должны будут когда-то утомиться от поражений.

* * *

Весна 275 г. стала решающим моментом в войне Пирра с Римом. Вновь нам по крупицам приходится восстанавливать связь и логику событий. И прежде всего возникает вопрос о расположении римских сил перед броском Пирра на Беневент.

На этот год консулами стали Люций Корнелий Лентул Кавдин и Маний Курий Дентат, в 290 г. побеждавший самнитов². Последний столкнулся с трудностями при наборе солдат: впервые за последние годы мы слышим о том, что римские власти не ограничиваются добровольцами, но организуют настоящий призыв. Это означает, что ресурсы Рима уже подходили к концу. Потери в многолетней борьбе и эпидемия прошлого года подорвали их, да и настроения в Риме были совсем не воинственными. Некоторые из призывников отказались подчиниться консулу. Дентату пришлось прибегнуть к экстраординарной мере. Имущество одного из отказников конфисковали и, несмотря на обращение того к народным трибунам, служившим своего рода адвокатами народа перед Сенатом, продали с торгов. Вырученные средства пошли на военные нужды, а римские граждане получили хороший урок.

² Маний Курий — одна из самых известных фигур в военной истории Рима. Он трижды был удостоен триумфа и трижды избирался консулом. К тому же он отличался подчеркнуто скромным характером, что так нравилось античным моралистам. Плутарх рассказывает, что однажды к Манию прибыли самнитские послы и застали его варящим себе репу. Удивившись бедности обстановки, самниты предложили Манию много золота. На это Дентат ответил, что для того, кто довольствуется подобной пищей, в золоте нужды нет и что ему, Манию, приятнее побеждать владельцев золота, чем самому им обладать.

Однако консульские армии в этом году едва ли достигли размеров, которые имели во время Аускульской кампании. Видимо, они не превышали 25 000 человек каждая, вместе — около 50 000 римских легионеров и союзников. Армия Лентула выступила в Луканию, а Маний Курий расположился в Самниуме, где после высадки Пирра под ногами римлян опять горела земля.

Лагерь Дентата находился на Аппиевой дороге, неподалеку от так называемых Арузийских полей и местечка Малевент, на месте которого через несколько лет римляне построят крепость, известную нам под именем Беневент. Где оказался Лентул, нам неизвестно. Он якобы прикрывал от Пирра Луканию, но мы уже знаем, что даже замиренные луканы отпали от римлян сразу после появления царя в Италии. Остается предположить, что Лентул был где-то на Сирисе, возможно, близ союзной римлянам Гераклеи, перекрывая дорогу в западную Луканию и Бруттий.

Разделение консульских армий было вопиющей стратегической ошибкой. Если бы в руках Пирра находились войска, с которыми он приплыл из Эпира, для Рима все закончилось бы катастрофой.

Однако даже команду новобранцами, Пирр принял решение, которое в другом случае безусловно принесло бы ему успех. Он решил нанести удар не по Лентулу, а по Дентату. Таким образом самнитам оказывалась прямая поддержка, а Лентул — в случае победы царя — попадал в безвыходное положение: с перерезанными коммуникационными линиями, посреди опустошенной, озлобленной страны.

О численности Пирровых войск также приходится только гадать. Соединившись с корпусом Милона и мобилизовав тарентинцев, он мог выставить около 35 000-40 000 человек, то есть его полевая армия уступала римской. В связи с этим нужно критически отнестись к указанию источников, что, выступая в Самниум, Пирр взял лишь половину армии, вторую направив против Лентула. Это оказалось бы ошибкой, ставившей под удар весь стратегический замысел царя.

Обсервационный отряд, направленный к Сирису, имел задачу наблюдать за противником, сковывать его, но не оказывать активного давления, недаром о действиях этой группы эпирских войск в источниках не написано ничего. Под Беневент Пирр привел по крайней мере равное Дентату число солдат.

Стратегическое решение было достойно его таланта и стало совершенной неожиданностью для римлян. Пирр как всегда был стремителен. Он просто не обратил внимания на Лентула, в принципе угрожавшего его стратегическому левому флангу. Пирр, обойдя Везувий, напрямик пошел к Арузийским полям. Поражение обсервационного отряда (не Милон ли командовал им?) совершенно не перевесило бы решительной победы над Дентатом, а могло только усугубить положение консула, оставшегося в Лукании.

Тот правильно оценил ситуацию и не стал ввязываться в бой на Сирисе. Свернув лагерь, он сам поспешил на север, надеясь вовремя соединиться со своим товарищем по консульству. Однако Пирр, безостановочно двигаясь вперед, опередил Лентула.

В это время Дентат, узнав о приближении царя, собрал в лагере всю армию, совершавшую нападения на территории, контролируемые восставшими. Двигаться навстречу Лентулу означало подвергнуть себя опасности быть атакованным на марше. Более того, это позволяло Пирру перерезать дорогу, соединяющую армию с Римом. Отступить назад — значит оставить второго консула на явную погибель. Двигаться навстречу Пирру также было рискованно: римляне помнили поражения прошлых лет. Именно поэтому Дентат не покидал свой лагерь, находившийся на окраине Арузийских полей. Поведение цыплят и гадания по полету птиц также подсказывали ему оставаться на месте.

Более точные данные о расположении римского лагеря позволили бы понять сюжет последнего сражения Пирра в Италии куда лучше. Так, в изображении битвы Плутархом некоторые обнаруживают рассказ о горной гряде, которая разделяла расположения противников и которую Пирр

якобы и пытался форсировать с отборным отрядом в ночь перед битвой.

Но, «отгородившись» от наступающего противника горной грядой, Курий лишал себя возможности увидеть его приближение. Появление эфирских отрядов на вершине гряды станет для римлян неожиданным: но ведь возвышенности, расположенные перед лагерем, да еще в направлении вероятного приближения врага, должны были быть заняты дозорами.

Иными словами, такое положение римского лагеря было бы явной ошибкой, да оно и противоречит дальнейшему описанию битвы (перенесению схватки на равнину, прорыву одного из флангов Пирра до лагеря). Отсюда мы делаем вывод, что «фронтом» расположение Курия выходило на Арузийские поля, «тылом» же и каким-то из флангов (в нашей реконструкции на карте № 11 правым) опиралось на горные высоты. Тогда понятен и маневр Пирра, который должен был, по мнению царя, принести ему победу.

Ожидая скорого подхода Лентула, эфирский царь не затягивал с началом сражения. Хотя накануне боя ему приснился тяжелый сон, он решил наступать вопреки всем предзнаменованиям. Совет, собранный царем, также высказался за сражение. Пока враг опасался эфиротов, следовало атаковать.

Лобовой штурм мог стоить слишком больших жертв, поэтому царь предпринял обход. Пока большая часть армии отдыхала (на Арузийские поля она должна была выйти утром и поддержать удар по противнику с фронта), самые надежные подразделения гипаспистов и пельтастов, а также наиболее сильные слоны направились по горным тропам в тыл римлянам.

Нехватка времени сделала этот маневр более сложным, чем ожидал царь. Видимо, гряды осмотрели при дневном свете и решили, что войска сумеют ее одолеть. Ночью заросшие лесом горы предстали совсем другими. Тропы терялись в чащобе или крутились на месте, дорогу преграж-

дали каменистые осыпи и глубокие промоины, оставленные весенними ручьями. Видимость была нулевой, поэтому по приказу царя каждый из отрядов запасся факелами. Однако путь оказался слишком длинным, и еще задолго до рассвета факелы начали кончаться.

В конце концов отряд вышел на гребень горной гряды за флангом римлян. Однако было слишком поздно: уже поднималось солнце, и римляне увидели эфирские войска, движущиеся по высотам.

Это зрелище произвело на войска Дентата обескураживающее воздействие. Атака, если бы она была предпринята в тот же момент, давала Пирру шанс на успех. Однако эфиротам еще нужно было преодолеть значительное расстояние, и консул успел справиться с замешательством своих солдат. Он сообщил, что жертвы, принесенные гаруспиками, предвешают победу, и направил навстречу царю войска, превосходящие его отряд.

Эфироты были атакованы в тот момент, когда они спускались с высот и не могли противопоставить врагам правильный строй. Первые ряды воинов Пирра были перебиты или отброшены, остальные в беспорядке откатились назад. В руки стремительно наступавших римлян попали четыре слона, так и не успевших показать врагам свою свирепую мощь.

Пирр устремился к войскам, уже выходившим на Арузийское поле. Неудача обходного маневра еще не была поражением. Быть может, ему удалось бы атаковать римлян, пока те увлеченно преследуют его пельтастов?

Но Маний вовремя остановил легионеров. Он быстро перегруппировал свои войска. В лагере остался караульный отряд на случай новой попытки обхода, остальные же легионы и когорты союзников заняли позиции против армии Пирра прямо у нее на глазах.

Начался фронтальный бой, который, впрочем, трудно назвать правильным. Сражение распалось на несколько участков и шло с переменным успехом. На одном (правом?) фланге римляне действовали более успешно, тесня врага.

Зато на другом эпироты опрокинули их, используя удар слонов, конницы и отрядов фалангитов.

Здесь римляне бежали до самого лагеря. Бой вновь разгорелся у его ворот: беглецов остановили высшие римские офицеры и вывели на помощь им отряд, карауливший появление новых обходных колонн противника. Теперь у Мания не осталось резерва, но и Пирр уже ввел в бой все свои войска, за исключением остатков подразделений, разбитых в самом начале сражения и теперь пробиравшихся вдоль горной гряды к своему лагерю.

Успех фланга, добравшегося до римского лагеря, казался настолько решительным, что римский историк Люций Анней Флор утверждал, что победа оказалась результатом случая: «Сильный удар копьем в голову одного слона, еще молодого, повернул его назад. Когда он бросился назад, жалобно трубя, его узнала мать. Она вырвалась вперед, словно для того, чтобы отомстить за него, и громадой своего тела смешала все вокруг, будто это были враги».

Римляне, даже подкрепленные караульными частями, уже сдавали, когда среди наступавших эпиротов произошла эта заминка. Забрасывая животных копьями и обстреливая их стрелами с горячей паклей на наконечнике (стрелы поджигали башенки на спинах животных), римляне только усиливали ее. Напор слонов неожиданно ослаб, и Маний получил возможность охватить фланг рвущихся вперед отрядов Пирра.

Царские войска не выдержали одновременного напора римлян и собственных слонов. Победоносные еще минуту назад подразделения смешались и начали беспорядочное отступление. Сказались потери прошлых кампаний: в войске Пирра не осталось опытных солдат и офицеров, которые могли бы остановить бегство.

В одно мгновение победа, уже, казалось бы, одержанная вопреки утренней неудаче, превратилась в полное поражение. Пирр даже не смог отстоять лагерь. Его армия была рассеяна: сам царь вернулся в Тарент всего с несколькими всадниками.

Правда, римляне не слишком далеко преследовали противника. Видимо, и Маний не ожидал подобного успеха. В частности, вдобавок к четырем слонам, захваченным утром, римляне пленили еще шестерых. Во время триумфа, которого он был удостоен за победу над царем, плененные слоны стали главным украшением церемонии. Но часть животных спустя некоторое время все-таки достигла Тарента.

Однако от этого поражение не стало меньшим. Плутарх совершенно прав, когда говорит, что на Арузийских полях решился спор о том, кто будет править Италией. Пирр предпринял блестящую попытку одним ударом изменить ход войны. Под Беневентом он поставил на кон буквально все, что у него было. И проиграл.

* * *

Разбитые отряды Пирра стягивались к Таренту. Туда же отступал и отряд из Лукании. Точные потери при Беневенте нам неизвестны, но кроме половины слонов в руки римлян попало еще более тысячи пленных. Часть бруттиев, луканов и мобилизованных на Сицилии греков разбежалась. Тем не менее спустя некоторое время в руках Пирра вновь было небольшое войско.

И его боялись! Иначе чем объяснить тот факт, что консулы после соединения не пошли на Тарент? Правда, Пирр сразу после битвы начал распускать слухи о скором прибытии к нему подкреплений от царей Македонии и Сирии, но ведь ни одного солдата с Востока летом 275 г. еще не видели на италийской земле.

Тот факт, что Маний остался в своем лагере, а Ленгул после Беневента ограничился разграблением восставших самнитских общин (за что получил сомнительный — в сравнении со своим товарищем — триумф), позволил Дельбрюку заявить: «Мы не можем сказать, действительно ли Пирр потерпел здесь поражение или же только не смог провести атаку и бой остался нерешенным».

Однако, на наш взгляд, эпирский царь все-таки проиграл битву. Об этом свидетельствует не только единодушие источников в оценке событий при Беневенте, но и поведение царя в ближайшие месяцы после него. Да, римские консулы вели себя пассивно, но и Пирр оставался в Таренте, изыскивая способы получить новую армию.

Разоренные Лукания, Апулия, Самниум уже не могли ему дать значительных подкреплений. Среди южноиталийцев распространялись пораженческие настроения. Стоило произойти первой неудаче, и Пирру чуть ли не в открытую заявляли, что вместо борьбы за свободу он вынуждает союзников воевать за его собственные интересы.

Да и царь не доверял местным ополченцам. Чтобы возобновить борьбу с Римом, ему нужны были воины-профессионалы, которые имелись в Македонии, Греции и Сирии, но отсутствовали в Южной Италии, уже долгое время возвращавшей только партизан.

Для этого Пирр предпринял широкомасштабную политическую акцию. К Антигону Гонату, год назад ставшему македонским царем, и к Антиоху I в Сирию были отправлены посольства, которые имели целью напомнить о договоренностях 280 г.: Пирр не претендует на македонский престол, в обмен на что цари помогают ему войсками и финансами. Мотивировалось требование помощи еще и страшной опасностью, которая грозит западным эллинам от новых варварских держав.

Путь в Пеллу и Селевкию занял немало времени, поэтому Пирр оставался в Таренте все лето, обещая союзникам скорую поддержку. Однако и Антигон, и Антиох ответили отказом. Один из них совсем недавно утвердил свою власть над Македонией и не хотел рисковать солдатами, которых эпирский царь мог переманить на свою сторону, а потом отправить против Антигона же. А для второго все, что находилось по ту сторону Адриатики, было краем ойкумены, бесконечно далеким от его становившегося все более азиатским царства.

Вдобавок Птолемей II, забыв о долгой дружбе своего

царства с Пирром, как мы помним, регулярно «таскавшим каштаны» для его отца, пошел на заключение союзного соглашения с пунами, фактически поделившего Средиземное море между торговыми кланами Карфагена и Александрии.

Пирр чувствовал себя оскорбленным и загнанным в ловушку. Ему оставался единственный выход — смириться с неудачей и вернуться на Балканы. Как ни противоречил его натуре такой поступок, царь приказал тайно подготовить отплытие. Вновь он брал с собой 8500 солдат, оставляя остальных Милону и Гелену. Старый полководец должен был выступить дядькой-воспитателем для царевича.

Из этого решения следует, что летом 275 г. Сиракузы уже были очищены. И действительно, через год на Сицилии взойдет звезда Гиерона, знатного сиракузца, отличившегося еще во время походов Пирра. Именно он возглавит городское ополчение, сумеет отбить очередное наступление карфагенян и войдет в историю как царь Гиерон II, последний великий сиракузский монарх, значительную часть времени, правда, правивший под римским протекторатом.

Чтобы какой-то эксцесс не помешал его отплытию, царь придумал элементарную хитрость. Он приказал послам сообщить тарентинцам, что Антигон в ближайшее время явится в Италию с неисчислимыми полчищами. Когда город успокоился, Пирр погрузил солдат на корабли и где-то на исходе 275 г. вышел в Адриатику. Гесперийская эпопея завершилась.

Глава XII

Лев зимой

Нашествие галатов и судьба Македонского престола. — Пирр идет войной против Антигона. Кампания 274 г. Пирр — вновь царь Македонии. — Продолжение борьбы с Антигоном в Македонии и Греции. — Клеоним Спартанский и поход 272 г. в Пелопоннес. — Сражения в Лаконике и осада Спарты. — Поход на Аргос. Смерть Птолемея. — Гибель Пирра в уличном бою.

За время отсутствия Пирра на Балканах произошло множество событий. Вернувшись в Эпир, царь застал совершенно новую политическую и военно-стратегическую обстановку. Вместо Птолемеев в Македонии и Греции вновь господствовали Антигониды, отказавшиеся от имперских желаний Антигона I и Деметрия Полиоркета, зато намеревавшиеся сколотить на основе Македонии и своих греческих владений крепкую воинственную державу.

Вызваны перемены были нашествием кельтов-галатов, начавшимся в 279 г. Именно тогда очередная волна кельтских переселенцев, обогнув с севера Альпы и проникнув долиной Дуная в северную Иллирию, оказалась в опасной близости от северных границ Македонии. Первым ощутил на себе страшную угрозу племенной союз дарданов. К несчастью для них, дарданы вели в это время войну с Птолемеем Керавном. Они укрыли одного из сыновей Лисимаха и отказывались выдать его македонскому царю.

Дарданы попытались заключить с Птолемеем мир, чтобы совместно бороться с галатами, но тот гордо отвечал, что покоровшей весь восток Македонии нет необходимости брать в союзники каких-то дарданцев.

Вообще поведение Керавна в этот момент иначе чем мальчишеством не назовешь. Такое впечатление, что, действуя в полном согласии с правилами античной драматургии, боги в качестве расплаты за преступления наказали Птолемея безумием.

Когда орды галатов во главе с Больгием вторглись на территорию Македонии и советники предлагали Керавну отсидеться за стенами столицы, тот, даже не собрав всех наличных сил, вступил в бой, был разбит и взят в плен. Раненого царя вначале удушили, а потом отрубили ему голову и, водрузив на шест, возили перед Больгием.

После Птолемея на трон воссел его брат, Мелеагр. Но так как ему не удалось остановить нашествие, через два месяца македоняне низложили и этого представителя династии Птолемеев. Странно, отчего в этот момент в Македонии не появился Антигон Гонат. Сына Деметрия приняли бы с удовольствием — хотя бы из-за военной силы, которая была в его руках. Возможно, осторожный Антигон (совсем не напоминавший этой чертой деда и отца) предпочитал пока не вступать в схватку с варварами, наблюдая за событиями со стороны, и был прав.

В конце концов на престол посадили Антипатра, племянника уже полузабытого Кассандра. Но от славного рода этот человек не унаследовал ничего, кроме имени деда. Вскоре Сосфен, один из военачальников, сражавшийся с галатами, принудил и Антипатра сложить с себя царское облачение.

Именно Сосфену удалось нанести несколько поражений отдельным отрядам галатов, разбредшихся по стране и даже не пытавшихся штурмовать стены многочисленных городов.

После того как Больгий увел галатов на север, к Дунаю, во главе Македонии оказался Сосфен. Он не принял цар-

ского титула, именуясь «стратегом македонян». На краткое время — по крайней мере формально — в Македонии установилась военная демократия: «общество македонян» и избранный ими стратег.

Зыбкость этой системы правления стала ясна в следующем, 278 г. На этот раз во главе галатов встал вождь кельтов-тектосагов Бренн, оставивший по себе в Элладе самую черную память. Численность его войска античные историки определяют в 150 000 пехотинцев и 10 000-20 000 всадников. Если бы это было правдой, едва ли Греция устояла бы перед таким нашествием. В очередной раз цифры нужно уменьшить — хотя бы в два раза.

Но и это была очень большая армия, справиться с которой в одиночку ни одно из балканских государств не могло. Усугубляло ситуацию то, что в поход часть кельтов взяла свои семейства. Речь шла теперь не только о грабеже.

Первой нашествию вновь подверглась Македония. Хотя Диодор Сицилийский утверждает, что Сосфен отразил галатов, мы не поверим ему. Куда более верны сообщения более поздних историков о поражении македонского войска, после несчастной битвы вновь укрывшегося в крепостях.

Разоренная в прошлом году Македония уже не интересовала галатов. Поэтому они направились на юг, в Фессалию¹, которую опустошили, и вскоре подступили к Фермопилам.

Здесь им преградило дорогу ополчение, собравшееся со всей Средней Греции. Пелопоннесцы — как это уже бывало в эллинской истории — заявили, что у варваров нет кораблей, а уж Истм они как-нибудь отстоят. Павсаний приводит «ропись» численности отдельных отрядов, из которой мы можем понять, что главные контингенты выставили беотийцы и этолийцы. «Цари» (т. е. Антиох и Антигон) ограничились выделением более чем скромных отрядов наемников по 500 человек.

1 В случае поражения Бренн едва ли мог столь спокойно чувствовать себя во время похода в Северную и Среднюю Грецию.

Всего греков собралось около 28 000 человек. Этой армии было достаточно, чтобы удержать узости Фермопил от варваров. Бренну так и не удалось взять проход лобовой атакой.

Тогда вождь галатов отправил часть своих орд в Этолию и заставил этолийцев срочно покинуть ополчение. В конце концов кельты, ограбившие север и восток Этолии, потерпели поражение, но на время лишили греков самой боеспособной части армии.

Тем не менее Бренн не проник бы в Среднюю Грецию, если бы не предательство местных жителей. Будучи уже не в состоянии выдерживать присутствие варваров, грабящих их дома и насилующих их жен и дочерей, они показали Бренну ту самую тропу, по которой в 480 г. Ксеркс смог обойти греческое ополчение царя Леонида.

Греки были окружены прямо в походе. От гибели их спасло только наличие афинского флота, который принял ополченцев и вывез в безопасное место. Отныне единой армии не существовало: отряды разошлись по своим городам, чтобы попытаться защитить их.

Бренн много слышал о богатстве дельфийского храма. Именно туда и устремился поток кельтов. Дальше произошло чудо, неоднократно воспетое античными авторами: незначительные в сущности отряды фокидян, локров и этолян, собравшиеся для защиты святыни, целый день отбивали атаки галатских полчищ и к вечеру оказались заперты на территории самого храмового комплекса. В тот момент, когда галаты приступили к прямому штурму Дельф, на помощь эллинам пришли боги: Аполлон, Артемида и Афина встали в ряды сражающихся, а Гефест начал землетрясение, в результате которого несколько огромных глыб обрушилось на пришельцев с горы Парнас. Одновременно ударил мороз, и галаты скользили по обледенелым склонам холма, на котором находилась греческая позиция. Бренн пал, вдобавок поднялась метель, совершенно дезориентировавшая варваров.

Отступление галатов от Дельф было вызвано, конечно,

не божественным вмешательством, а совокупностью обстоятельств, среди которых героическое сопротивление горстки греков (4000 человек) было не единственным. Из-за задержки перед Фермопилами они вошли в Среднюю Грецию в позднее время года, а зима в Элладе тогда была куда более суровой, чем ныне. Смерть Бренна, харизматического вождя, лишила их единства управления. Нужно иметь в виду также, что в это время в тылу пришельцев появились главные силы этолян, нападая на обозы и угрожая отрезать от пути в Фессалию.

Битва при Дельфах означала конец самого страшного периода галатского нашествия. Пробившись на север через Фермопилы, Фессалию, Македонию, часть кельтов, нагруженная добычей, вернулась на берега Дуная. Другие направились на восток. Здесь они навсегда разрушили власть македонян: территория бывшего царства Лисимаха с тех пор ограничивалась прибрежными городами, переходившими то на сторону Антигонидов, то к Птолемаем. Некоторые племена переправились в Малую Азию и поселились в самой сердцевине ее. Лишь после долгих войн Селевкиды и цари Пергама оставят грабительские набеги галатов. А спустя два столетия с малоазиатскими кельтами будут воевать римляне, вновь столкнувшись с колесницами, длинными мечами, манерой идти в бой обнаженными и надев на шею «маниак» — особое золотое украшение, свидетельствующее о безумной храбрости носящего его человека.

Многочисленные отряды галатов между тем остались на северных границах Греции. Отдельные ватаги вновь доходят до Фермопил, пользуясь безвластием в Македонии, где в начале 277 г. умер Сосфен.

Тогда же, в 277 г., Антигону Гонату, овладевшему Лисимахией, удалось разгромить близ этого города одно из галатских племен. Вскоре после этого он был призван в Македонию, где за престол боролось несколько претендентов из боковых ветвей царских домов Кассандра и Лисимаха. Все они пользовались наемными отрядами галатов, кото-

рые временно стали главной ударной силой на Балканах.

Антигон также принял к себе на службу один из кельтских отрядов и быстро прогнал из Македонии ничтожных наследников погибших царств.

В 276 г. он уже полноправный царь Македонии. Поскольку в руках Гоната находился ряд крупных городов на северо-западе Малой Азии, в Геллеспонте, а также в Средней Греции (знаменитый «домен» Антигонидов с центром в Коринфе и Мегаре), этот правитель стал одной из важнейших фигур в Средиземноморье. Правда, в это же время господство на море окончательно переходит к Птолемаем, но зато Антигон мог заняться превращением Македонии в свое потомственное владение, реализовав дедовскую и отцовскую мечту. Если бы у него было еще несколько спокойных лет, Эпир наверняка попал бы в сферу интересов нового царя македонян.

* * *

Последние два года перед возвращением отца Птолемей Эпирский с трудом охранял границы царства Эакидов. На севере вместо союзных тавлантиев поселились отброшенные сюда кельтами дарданы. На юге отпала Акарнания, которая всегда имела тесные связи с Этолией, и Птолемей не рискнул начать военные действия по ее возвращению. Керкира также изгнала царский гарнизон, вернув себе независимость. Эпир миновали галаты, но не обошла чума, которая «отметилась» в Греции в самый разгар кельтского нашествия. Чтобы придать стране жизненный тонус, ей нужна была хоршая встряска.

Таковой встряской стало прибытие Пирра. Царь дал мести, у него не было денег, чтобы платить жалованье привезенным из Италии войскам. В конце концов, он просто не желал смириться с неудачей.

Пирру было только 44 года. Он по-прежнему ощущал себя полным сил, но теперь к ним прибавились опыт и практическое, весьма циничное, отношение к противникам и за-

воеванным народам. После того как цари, в том числе и Птолемей, отвернулись от него, Пирр был готов вести войну против всех, не чувствуя себя связанным никакими обязательствами. Может, именно к этому времени и относится его знаменитая фраза: «Нужно перед войной убеждать врагов страхом, выгодой, сладкими речами, состраданием, благородством, законностью, видимостью правды, силой».

Последние походы Пирра кажутся триумфальным (вплоть до самой смерти царя), но беспорядочным метанием по Македонии и Греции. Пирру вновь улыбается удача, однако эфирский государь отчего-то оказывается не в состоянии воспользоваться ею. Именно про этот период его жизни Антигон Гонат сказал: «Он похож на игрока в кости, который умеет делать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей».

Смеем утверждать, что в этом «метании» была определенная логика. Добившись успехов в Македонии, Пирр не побоялся перенести тяжесть своих усилий на юг, стремясь к созданию настоящей территориальной державы, которая в то время была невозможна на Балканах без твердой опоры на греческие города. Именно эта опора позволила Антигону Гонату выжить в самых неблагоприятных ситуациях — когда сын Деметрия терял в Македонии почти все или все. Значительную часть своей жизни следовавший в кильватере Александрии Пирр теперь попытался создать собственную политическую стратегию.

Не теряя времени, Пирр уже в 274 г. предпринял несколько наступательных движений. В орбите его власти вновь оказалась Акарнания — и старые союзники этоляне решили не ссориться с царем, более того, в последующей войне с Антигоном они явно держались дружественного по отношению к Эпиру нейтралитета.

Затем сын Пирра, Птолемей, с небольшим отрядом высадился на Керкире и быстро привел этот остров к покорности. Вновь отворив морские врата своего царства, Пирр обратился к Македонии.

Его войскам нужна была добыча — так, начиная с Плу-

тарха, историки объясняют поход 274 г. Но этому объяснению противоречит тот факт, что перед началом «набега» Пирр набрал большое число галльских наемников. Для грабительского рейда их было слишком много, а вот для настоящей войны — в самый раз. С армией в 15 000-18 000 человек он прошел через Линконский массив и ворвался на территорию Антигона, не ожидавшего нападения. С самого начала на сторону Пирра стали переходить гарнизоны пограничных крепостей. Полностью вошло в состав эфирской армии и одно из македонских подразделений численностью в 2000 человек.

Ситуация напоминала поход 287 г., и Пирр постарался извлечь из нее максимальную выгоду. Когда против вторгшейся армии выступил Антигон, эфирский царь не побоялся сразиться с ним.

Произошедшее столкновение стало еще одним примером полководческого искусства Пирра. Ему удалось захватить войска Антигона в тот момент, когда они шли по узкому ущелью. Ущелья, горная местность указывают нам на Верхнюю Македонию: видимо, от Линкона Пирр двинулся на север, а Антигон попытался перекрыть ему дорогу где-то в Орестиде.

Однако Пирр обхитрил его и вышел противнику в тыл. Армия Антигона оказалась неповоротливой и совершенно не готовой к столкновению с врагом, использовавшим в горной местности лишь подвижные отряды — но в большом числе.

Первым удару Пирра подверглись галатские наемники македонян. Они следовали в арьергарде армии, прикрывая слонов. Хотя против них сражались такие же кельты, галаты Антигона сопротивлялись ожесточенно. Лишь когда большинство из них погибло, Пирр смог прорваться к слонам. Легкие отряды и вспомогательная кавалерия, шедшие обычно с боевыми животными, бежали, и Пирру не составляло труда окружить стадо. Увидя, что их положение безнадежно, погонщики перешли на сторону эфирского царя.

Следующими под удар эфирцев попали македонские педзетеры. Несмотря на горную местность, они сумели создать импровизированный строй, но гибель галатов и потеря слонов привели их в замешательство. Когда Пирр начал атаку, македоняне подались назад, всем своим видом показывая, что не хотят вступать в бой.

Почувствовав ситуацию, эфирский царь подъехал к фалангитам ближе и, протянув к ним руку, стал окликать командиров лохов и таксисов, которых он помнил еще по времени своего правления в Македонии. Растроганные этим и не ожидающие от предстоящей схватки ничего хорошего, педзетеры поспешили перейти на его сторону и тут же объявить Пирра своим государем.

После подобного конфуза Антигону оставалось только бежать и заняться укреплением городов Нижней Македонии, которые он хотел удержать, пока набирает новую армию.

Однако Пирр действовал настолько решительно, что к середине года в руках Антигона остались только приморские крепости. Эакид занял даже оба священных города македонян, Эги и Пеллу. В очередной раз он стал настоящим македонским царем.

На Пирра теперь смотрели как на птицу Феникс, умеющую воскресать из пепла. Желая еще более подчеркнуть значимость своей победы, Пирр щедро одарил Додонский храм и храм Афины Итонийской в Фессалии. Последнему досталась большая часть добычи, а также надпись, приписываемая самому царю:

**Пирр, молоссов владыка, повесил в храме Афины
Длинные эти щиты, дерзких галатов разбив.
Он Антигона войска разгромил. Чему ж тут дивиться?
В битвах и ныне, как встарь, род Эакидов могуч.**

Хвастливость надписи показывает, что Пирр считал себя хозяином положения, а факт посвящения надписи фессалийскому храму — что под его контроль перешла и Фессалия. Хотя Антигон не сложил оружия, эфирский государь был уверен в конечном успехе своей борьбы.

К сожалению, конец 274 и весь 273 г. источники описывают очень скупо. Опять события «схлопываются», и возникает ощущение, что чуть ли не сразу после захвата Верхней Македонии Пирр отправился в Пелопоннес. Однако между этими событиями прошло полтора года. Попробуем суммировать, что мы знаем о них.

Пирр не перенес местоположение своего двора в Македонию. Вероятно, он вообще вернулся в Эфир, оставив губернатором завоеванных земель Птолемея. Царь вовсе не собирался в этот раз заигрывать со склонными к измене потомками воинов Александра Великого. В городах встали гарнизоны из эфирцев и царских наемников. Даже в Эгах, где находились священные для македонян могилы царей из дома Темеидов, были помещены 2000 галатов.

Это, естественно, привело к конфликтным ситуациям. Самая вопиющая сложилась именно в Эгах. Здесь галаты, возбужденные рассказами о богатстве царских захоронений, вскрыли могилы, забрали оттуда все украшения, а царственные мощи разбросали.

Осквернение усыпальниц Темеидов вызвало общее возмущение. Однако Пирр не обратил на это внимания. Отныне Македония переходила под управление его фамилии, она должна была забыть о прошлых царских династиях. Очень характерный момент: отношения с наемниками-галатами стали для Пирра важнее отношений с подданными.

Несмотря на недовольство, попытка Антигона отвоевать Македонию, пользуясь отсутствием Пирра, не привела к антиэфирскому движению. Правда, Гонат сам способствовал прохладному отношению македонян к его усилиям. Он составил свою армию из большого числа ненавистных местным жителям галатов. Все прекрасно понимали, что в случае победы расчет с варварами будет заключаться в выдаче им на разграбление нескольких городов.

Поэтому Македония вздохнула спокойно, когда Птолемей разгромил Антигона. Победа была такой полной, что Гонат бежал с поля боя всего с семью спутниками. К со-

жалению, об этой битве мы не знаем более ничего. Судя по логике происходящего, она произошла в 273 г., и именно этот успех заставил Пирра решить, что теперь у него развязаны руки для начала операций собственно в Греции.

* * *

Последний поход Пирра в 272 г. описан Плутархом даже более подробно, чем его войны в Италии. Это была действительно выдающаяся военная и политическая операция, которая при удачном исходе могла бы решительно изменить историю Древнего мира... Впрочем, особый колорит кампании Пирра придает именно его смерть.

На первый взгляд кажется, что в этом случае Плутархом движет не драматургия рассказа, а ход самой истории. Сейчас, зная, что Пирра ждет нелепая гибель на ночных улицах Аргоса, мы готовы видеть особый оттенок трагической обреченности во всех его действиях в этот год. Тогда и сам поход в Пелопоннес кажется стремительным полетом Орла навстречу своей судьбе, попыткой совершить напоследок что-то запоминающееся.

Но, строго говоря, никакой обреченности в действиях Пирра не наблюдается. Наоборот, поход 272 г. — вполне рациональная и расчетливая кампания, даже несмотря на то, что во время исполнения своего плана Пирр, возможно, отклонился от основной его линии.

Перенесение военных действий требовалось, как мы уже говорили, для создания устойчивого государства на юге Балкан. Владения в Греции естественным образом уравновешивали «тяжесть» Македонии в создаваемой Пирром державе. Именно эти владения придавали удивительную историческую живучесть Антигонидам.

Чтобы окончательно одолеть Гоната, Пирр должен был лишиться его земель в Пелопоннесе и, вместе с землями, возможности черпать здесь солдат, оружие, советников. Хотя эпирский государь прилюдно смеялся над Антигоном, продолжавшим носить царский пурпур, несмотря на свое

двойное изгнание из Македонии, он понимал, что хребет у его врага еще не переломлен.

Контролируемые Гонатом территории лежали на северо-востоке полуострова, но Пирр изначально не желал ограничиваться действиями в районе Истма и Коринфа. Прежде ему нужен был контроль если не над всем Пелопоннесом, то по крайней мере над основными его центрами: Мегалополем, Спартой, Аргосом.

Правда, появляясь в центре и на юге полуострова, Пирр вступал в противоречие с интересами Птолемея, традиционно ориентирующихся на союз со Спартой, но в настоящей ситуации эпирский государь, похоже, был только рад возможности «натянуть нос» египтянам.

Ему помог счастливый случай. Еще в 275 г. в Эпир прибыл Клеоним, тот самый спартанский авантюрист, который некогда был нанят Тарентом для борьбы с луканами и даже захватил Керкиру, но был изгнан Деметрием. Клеоним происходил из царского рода Агиадов и в свое время должен был стать одним из двух государей своей родины. Однако по решению совета старейшин власть была отдана его племяннику (сыну старшего брата Клеонима) Арею².

Как и большинство спартанских царевичей, которым был закрыт путь к престолу, Клеоним стал наниматься на службу различным городам и правителям. После авантюры с Керкирой он появляется в исторических хрониках лишь в 279 г., причем как лицо, определяющее политику Лакедемона. Положение Арея в этот момент пошатнулось, и его противники пригласили в Спарту Клеонима, который получил право представлять государство на переговорах с пелопоннесцами, а чуть позже возглавил спартанскую армию, которая заставила капитулировать город Трезены.

Спустя несколько лет Арей женился на Хилониде, представительнице второго царского дома Спарты — Эврипон-

² Арей I. Правил в 309-265 гг.

тидов³. Вместо того чтобы еще более укрепить положение Клеонида, этот брак обернулся для него трагедией. Хилонида была недовольна ласками пожилого уже Клеонида и начала изменять ему с Акротатом, сыном Арея, будущим спартанским царем⁴. Мало того, эта спартанская дама не скрывала своего презрения к мужу, что нестерпимо ранило того, первоначально любившего жену. Поскольку общественное мнение в равной степени легко сформировать, вызвав у людей жалость к кому-то или, наоборот, насмешку над его слабостью, вскоре вся Спарта наполнилась пересудами о шашнях Хилониды. Вместо заботы о святости семейного очага лакедемоняне подвергали Клеонида оскорблениям. Не выдержав их, тот в конце концов вновь покинул родину. Поступив на службу к Пирру, он отличился во время кампании 274 г. Именно ему принадлежит честь захвата Эг.

Когда начал обсуждаться план дальнейших военных действий против Антигона, Клеоним стал настойчиво приглашать Пирра в Спарту. Отверженный царевич пренебрежительно относился к способности лакедемонян оказать эфирскому царю сопротивление. Действительно, внутреннее положение в Спарте долгое время было напряженным; подсчитано, что из 18 спартанских царей конца IV — начала II в. 13 пали в бою, были казнены или убиты в результате заговора. Как говорит современный английский историк А. Брэдфорд, «изгнание и насильственная смерть — удел подавляющего большинства царей Спарты».

Внешний авторитет Спарты всегда базировался на мощной армии, долгое время самой передовой и мощной в Греции. Однако со времен Пелопоннесской войны число свободных граждан начинает катастрофически сокращаться. Лакедемон постепенно превращается в государство латифундистов: вместо 10 000 лакедемонян, способных сра-

³ В этот период Эврипontiды играли пассивную роль в истории Спарты. Поэтому их цари, в частности Эвдамид II, правивший как раз во время похода Пирра, в большинстве источников не упоминаются.

⁴ Будет править в 265-262 г.

жаться в фаланге во времена греко-персидских войн, к эпохе Александра Спарта обладает лишь 600-700 полноправными гражданами.

Первоначально справлялись с этим положением, ставя в строй фаланги перизков — одну из категорий неполноправного населения Лакедемона. Однако постепенно отошли от этой практики, все более используя наемные отряды.

Чтобы вести активную внешнюю политику и быть в состоянии постоять за себя, лакедемонянам была необходима постоянная финансовая подпитка извне. Именно поэтому они так часто входили в альянс с Персией, даже во время Восточного похода Александра, когда большая часть эллинских городов посылала своих солдат в армию Македонца.

После развала державы Александра лакедемоняне быстро определились со своим новым финансовым и политическим партнером. Им стал Египет, достаточно богатый для открытия постоянной «кредитной линии» и достаточно незаинтересованный в территориальных приобретениях в Греции.

Если раньше Спарта гордилась тем, что является единственным полисом, не имеющим стен, — стенами для Спарты служили щиты и копья лакедемонян, — то мы видели, что с 317 г. вокруг нее были построены укрепления, подновляемые при возникновении внешней угрозы.

По мнению Клеонида, появление Пирра в долине Эвроты (реки, на которой стояла Спарта) приведет к восстанию в периферийных лакедемонских городах, населенных в основном перизками, а также к падению власти Арея. Такое появление было бы совершенно неожиданным еще и потому, что все помнили об «особых отношениях» между Пирром и египетскими царями. В связи с этим спартанцы и в страшном сне не могли увидеть эфирского государя, разоряющего их латифундии на Эвроте.

Сам Арей в это время оставил государство на своего сына Акротата и находился на Крите — одном из главных поставщиков легковооруженных наемников, — где воевал, по-

могая жителям города Гортина в одной из частых междоусобных войн, происходивших на этом острове.

Доверившись информации Клеонима, Пирр решил овладеть Спартой, сделав ее базой своих будущих владений и одновременно центром для операций против Антигона.

Оставалось продумать переправу на полуостров. Истмийский перешеек контролировался отрядами Антигона и был практически недоступен для прорыва. Оставался путь, проложенный некогда Гераклидами. По одной из версий появления дорийских племен на Пелопоннесе, они пришли туда именно из Эпира. Им также пришлось обходить истмийские укрепления. Они выбрали переправу через Коринфский залив, побережье которого не охранялось ахейцами, господствовавшими в те далекие времена на полуострове.

Поскольку северный берег не был подконтролен Антигону, а города Ахайи как раз в это время объединялись в союз (будущий великий Ахейский союз), изгоняя тиранов, верных Гонату, то можно признать решение Пирра совершенно правильным.

Около середины 272 г. эфирская армия, сосредоточенная в Фессалии, миновала Фермопильский проход и направилась к побережью Коринфского залива. Она насчитывала 25 000 пехотинцев (среди которых были и эфироты, и македоняне, и значительное число галатов), 2000 всадников и 24 слона, захваченных у Гоната. Вместе с Пирром были двое его сыновей: Птолемей и вызванный из Тарента Гелен. «Присматривать» за Македонией должен был оставленный в Эпире Александр.

Корабли и лодки, необходимые для переправы, были приготовлены заранее, и вскоре войско Пирра уже высадилось на пелопоннесском берегу, где-то к востоку от Эгиона. Последний поход Орла начинался успешно.

* * *

Лозунгом этого похода было освобождение от власти тиранов и Антигона. Демонстрируя свое почтение перед идеалом свободы, Пирр миновал Ахайю, не причиняя вреда полям, не ставя в ее города своих гарнизонов, — этот район и так был свободен от тиранической власти.

Он направлялся в самый центр Пелопоннеса, в Аркадию (см. карту № 12). Когда-то беднейшая, гористая, как Эпир, земля полуострова, с IV столетия Аркадия стала одним из важнейших его регионов. Тот, кто контролировал ее, мог считаться хотя бы наполовину владыкой Пелопоннеса. Именно поэтому мы так часто встречаем рассказы о военных действиях вокруг Мегалополя — крупнейшего и самого богатого города этой области.

Дорога Пирра проходила почти через всю восточную и южную Аркадию, в частности мимо таких городов, как Орхомен и Мантинейя. Поскольку источники ничего не сообщают о столкновениях с местными жителями, это означает, что Пирр добился по крайней мере взаимопонимания с ними.

Мегалополь открыл перед царем ворота — и это был несомненный успех. Пирру не пришлось осаждать его, а со времен кампаний Полисперхонта в Пелопоннесе было известно, что без длительной подготовки Мегалополь не взять.

В этот город потянулись делегации от окрестных городов. Пирр старался понравиться всем без исключения. Когда прибыли встревоженные спартанцы, он и к ним обратился с соответствующими речами. «Легенда» была одной и той же: он, Пирр, явился сюда, чтобы освободить города от гарнизонов и ставленников Антигона. Обращаясь к спартанцам, он именем Зевса пообещал отправить к ним на воспитание своих младших сыновей, «чтобы они усвоили лаконские нравы и благодаря одному этому превзошли всех царей».

Спартанцы поверили ему — ведь Пирр ни слова не сказал о борьбе против Птолемея.

Между тем, дождавшись, пока подойдут отставшие части, и присоединив к армии добровольцев-мегалаполитян, давних врагов Спарты, Пирр вступил на землю Лакедемона.

Первой на его пути лежала Белемина, плодороднейшая из земель, оплодотворяемых Эвротом. Вытапывая поля, вырубая виноградники, армия двигалась по ней, когда к Пирру опять прибыли послы из Спарты. Они были обескуражены и разгневаны, обвиняя царя в том, что он начал военные действия без объявления войны. Пирр ответил на это следующее: «Никогда не доводилось слышать, чтобы вы, спартанцы, открывали кому-нибудь свои намерения»⁵.

Его замысел удавался. Хотя спартанцы послали за помощью в Мессению, Аргос, даже в Коринф к Антигону, мессеняне и аргивяне смогли отправить лишь небольшие отряды. Что касается Антигона, то Пирр был куда ближе к Спарте, чем владыка Коринфа. А уж о своевременном прибытии Арея не могло идти и речи.

Только перед городом царской армии было оказано сопротивление. Спарта находится на правом берегу Эврота, причем при подходе к ней Тайгетский кряж подступает довольно близко к берегу. Здесь и имело смысл попытаться остановить наступающих. Хотя противоположный берег более равнинный, Пирр не стал тратить время на организацию переправы. Он атаковал лакедемонян и без труда загнал их обратно в город.

Победа казалась близкой. Вооруженных людей в городе было немного, да и те понесли потери в схватке у северного предместья. О настроениях в Спарте вечером того дня красноречиво говорит Плутарх: «Илоты и приближенные Клеонида (находившиеся в городе. — *Р. С.*) начали убирать и украшать его дом так, словно на следующий день Пирру предстояло там пировать».

⁵Один из спартанцев якобы ответил на своем, лаконском, наречии: «Если ты бог, то с нами не случится ничего худого, мы ничем против тебя не пригрели. А если ты — человек, то найдется и кто-нибудь посильнее тебя».

Однако царь не вошел в Спарту сразу после своей победы. Он приказал остановиться на ночлег за ее пределами — и это решение стало его роковой ошибкой.

Ночью в Спарте состоялась сходка ее жителей. Мужчины хотели драться до конца, но прежде отправить на Крит женщин и детей. Однако те воспротивились этому решению. В Совет старейшин явилась одна из богатейших и почтенных жительниц города, Архидамия (кстати, бабушка будущего реформатора Спарты, царя Агиса IV). Она держала в руках меч и заявила, что женщины готовы сражаться рядом со своими мужьями. Они не желают пережить смерть Спарты, наоборот, они готовы умереть вместе с мужчинами.

Тогда лакедемоняне решили постараться провести на угрожаемом, северном, участке еще одну линию укреплений в дополнение к имевшимся. Это был ров, который копали все, в том числе старики и женщины. К утру ров имел глубину более полутора метров, ширину — два с половиной и простирался на четверть километра. По обе стороны от него в землю были врыты по самые ступицы колесницы и телеги — так, чтобы в город не могли проникнуть слоны.

После этого женщины стали готовить для сражающихся метательные снаряды, а Хилонида — одна из косвенных виновниц нашествия Пирра — втайне от остальных приготовила для себя петлю, которой хотела воспользоваться в случае победы врага.

Наутро Пирр вместо делегации с ключами от города увидел перед собой свежеврытый ров и воинственную толпу спартанцев по ту его сторону.

Возникает вопрос: почему же он не отдал приказ войти в город несколькими часами раньше? Быть может, царь боялся, что в темноте начнутся грабежи? События в Эгах заставляли его осторожнее относиться к своим галльским наемникам. Пирр мог опасаться и прохода своей растянутой армейской колонны через линию укреплений. Местность на ближайших подходах к Спарте была изрезана оврагами и лощинами, повсюду стояли оставшиеся от вторжений Кас-

сандра и Деметрия палисады, кое-где виднелись сторожевые башни.

Однако куда более вероятной причиной была простая самонадеянность. Легкость победы в открытом бою и малочисленность врага заставили Пирра поверить в то, что завтра сопротивления ему уже оказано не будет.

Хотя протяженность рва и вкопанных в землю колесниц не была значительной, Пирр не мог обойти подготовленные лакедемонянами за ночь укрепления, так как подходы к Спарте с севера ограничивал Тайгет. Обороняющиеся правильно рассчитали, что царь не станет тратить время на марш через горный кряж, а попытается нанести удар по самому короткому пути.

Посчитав, что ров — не такое уж непроходимое препятствие, Пирр двинул прямо через него свою тяжелую пехоту. Одновременно Птолемей с двумя тысячами галатов и отборными воинами из эпирского племени хаонов попытался нащупать слабое место в обороне противника, спустившись вдоль рва к реке.

Поле боя было очень компактным, так что и не участвующие в сражении части эпирской армии, и поднявшееся на крыши домов население Спарты могли видеть все перипетии происходящего.

Царские фалангиты бодро начали атаку, однако края рва осыпались, и они увязли в нем, не сумев выбраться на другую сторону. Хотя Пирр лично несколько раз вел их на спартанцев, тем все-таки удавалось спихивать врага вниз, не позволяя ему подняться на городскую стену рва. Убитых и раненых тут же заменяли находившиеся сзади воины: узкий фронт атаки позволил лакедемонянам, собравшим здесь всех, кто только мог держать в руках оружие, успешно противостоять противнику.

Лишь однажды Пирру и его щитоносцам удалось прорваться на другую сторону рва. Тут же на него набросились десятки спартанцев, надеясь, что смерть царя прекратит осаду.

Произошла свалка, во время которой погибло множе-

ство храбрых воинов и с той и с другой стороны. Спартанская традиция особенно выделяет некоего Филлия, который перебил многих пришельцев, но сам был изранен и, уже теряя сознание от боли и потери крови, отступил за спины товарищей, чтобы умереть среди своих и не дать врагу надругаться над его трупом.

В то же самое время солдаты Птолемея пытались пробиться там, где лакедемоняне вкопали в землю колесницы. Спартанцы со своей стороны всячески препятствовали этому, причем колесницы мешали сражаться и тем и другим. Наконец галатам удалось вырвать из земли спартанское заграждение и сбросить часть колесниц в реку. Птолемей начал теснить обороняющихся. И здесь схватка протекала беспорядочно, но преимущество атакующих становилось все более очевидным.

В этот момент Акротат, который возглавлял отряд в 300 молодых воинов, очевидно, служивший для спартанцев резервом, бегом пересек город, вышел за его пределы и сумел под прикрытием окружающих Спарту холмов обойти Птолемея. Трудно сказать, как это удалось Акротату и что в этот момент делали резервные части Пирра, но так или иначе молодые спартанцы вышли в тыл царскому сыну.

Отряду Птолемея пришлось нелегко. Часть сил царевич был вынужден повернуть назад, и обороняющимся удалось оттеснить его отряд за оборонительную линию. При отступлении пришедшие в беспорядок галаты падали в ров, застревали между оставшихся еще колесниц и были беспощадно избиваемы торжествующими лакедемонянами. Юстин сообщает, что Птолемей погиб именно во время этого штурма. Однако количество несуразностей и фактических ошибок в рассказе о последних годах Пирра в этом сочинении настолько велико, что мы предпочитаем при описании последнего похода нашего героя доверять другим источникам.

Итак, Птолемей остался жив, но ближе к ночи Пирр был вынужден остановить наступление. Едва ли его удовлетворили результаты этого дня, однако эпирские вой-

ска настолько превосходили численностью и боевым опытом обороняющихся, что царь не сомневался в скором падении Спарты. Лакедемоняне также понимали крайнюю опасность своего положения. Тем не менее сегодняшний успех значительно поднял их настроение. Когда покрытый кровью врагов Акротат возвращался в город, его окружила толпа женщин, которые хвалили выбор Хилониды и призывали царевича тут же взойти на ложе любви, чтобы зачать Спарте достойных ее героев.

Согласно Плутарху, этой ночью Пирру приснилось, что он стал подобен Зевсу-громовержцу и мечет громовые молнии на Лакедемон. Вся долина Эвроты охвачена огнем, и это необычайно радует его сердце. Как любая весточка от богов, сон имел двойное толкование. Сам царь полагал, что он предвещает безусловную победу и скорое взятие города. Большинство людей из его окружения соглашались с ним. Лишь предсказатель Лисимах напомнил об италийском веровании, согласно которому на места, в которые ударила молния, человеку ступать нельзя, следовательно, путь в Спарту для царя закрыт.

Пирр рассердился и в ответ на эти слова заявил, что Лисимах слишком падок на всякий суеверный вздор. Его спутникам следует повторять единственную фразу, сжимая оружие в руках:

Знаменья лучшего нет, чем за Пиррово дело сражаться!

С этой фразой, ставшей крылатой, эпирская армия и пошла в бой. Мы вновь видим лобовые атаки на северном направлении. Пирр так и не предпринял никакого маневра: либо он по-прежнему недооценивал противника, либо значительная часть армии была направлена на разграбление спартанских имений в долине Эвроты, и царь пока не успел подтянуть ее к своей ставке. В таком случае сил для маневра у него просто не имелось.

На этот раз эпироты, галлы и македоняне шли на приступ, нагруженные фашинами. Они сбрасывали их в ров,

заваливая оружие и мертвые тела, оставшиеся со вчерашнего дня. Спартанцы пытались отогнать их, метая копья и стрелы, которые подносили им женщины и дети. Все внимание обороняющихся было сосредоточено на рве.

Пирр решил воспользоваться этим. Возглавив отряд всадников, он направился вдоль спартанских укреплений, но, судя по всему, не к реке, а в противоположную сторону. Здесь почти не было защитников, и конным эпиротам удалось обойти укрепления лакедемонян.

В городе поднялся крик женщин, воины, обороняющие ров, заколебались, навстречу царю бросились последние резервы. Никто не ожидал, что противник решится на конную атаку. Наоборот, эпирские солдаты на другом берегу рва издали торжествующий клич.

Царю нужно было только успеть выбраться на открытое место, чтобы смять спешащих преградить ему путь горожан. Он уже обрушился на первых из спартанцев, когда пушенная кем-то с близкого расстояния стрела вонзилась в брюхо его коня. Тот упал на землю и в предсмертной агонии едва не придавил седока. Царь пытался подняться, но место, где пал его конь, было покатым и скользким, а доспех — тяжелым.

Теперь Пирру грозила смертельная опасность со стороны обступивших его лакедемонян. К счастью, подоспели эпирские воины и помогли царю встать на ноги. В рукопашной схватке он как всегда был непобедим, однако благоприятный момент для развития успеха оказался утерян, атака застопорилась, а лакедемоняне начали настолько точно и густо бить стрелами, что эпироты вернулись назад.

В этот день дело больше не дошло до настоящего сражения. Пирр хотел оправиться от травм, вызванных падением, и надеялся, что лакедемоняне все-таки склонятся к капитуляции: за два дня большинство из них было ранено, многие погибли.

Однако прискорбная непредусмотрительность, характеризующая этот эпизод Пелопоннесского похода Пирра, опять вырвала из его рук добычу. Эпирское войско по-

прежнему концентрировалось к северу от города: таким образом, другие подходы к городу остались открыты. На третью ночь осады ими воспользовался присланный Антигоном вождь пиратов Амений из Фокиды, который привел из Коринфа отряд наемников. Почти тут же появился вернувшийся с Крита Арей с дружиной и срочно набранными критянами. Гарнизон города увеличился на несколько тысяч профессиональных солдат.

Теперь женщины и старики могли разойтись по домам, и наутро Пирр увидел перед собой свежие силы врага.

* * *

Операция под Спартой превращалась в затяжную осаду. Пользуясь топтанием армии Пирра на месте, его враги начали стягивать в Пелопоннес свои войска. Тем не менее царя обуревало желание взять город вопреки всему — особенно после получения лакедемонянами подкреплений. Он еще раз попытался повторить приступ, однако новая неудача заставила его смириться с тем, что атаки, направленные на один и тот же пункт, только ослабляют его войска.

Тогда эфирские отряды разлились по долине Эвроты, охватывая Спарту с востока и юга. Пирр готов был даже перезимовать в Лакедедоне: по его приказу организовали склады, куда фуражиры собирали провиант в количестве, достаточном для зимовки. Возможно, царь даже желал, чтобы Антигон явился на выручку Лакедемона, дабы получить возможность разбить его еще раз — теперь окончательно. В каком месте около Спарты находился основной лагерь эфиротов — сказать трудно, но еще во II в. до н. э. одна из местностей близ столицы Лакедемона называлась «лагерь Пирра».

Сколько простоял Пирр под Спартой и имел ли он еще серьезные столкновения с ее защитниками, мы не знаем. Видимо, дело ограничивалось мелкими стычками, не нарушавшими общего военного равновесия.

Но, как часто бывало в судьбе Пирра, едва он оказался в

тупике, случай даровал царю возможность резко и неожиданно для врагов изменить ход войны. Вот и на этот раз в его лагерь прибыли посланники от Аристея, одного из знатных жителей Аргоса, боровшихся за власть в своем городе.

Соперником Аристея был Аристипп, слывший другом Антигона. Именно в пику ему Аристей и решил позвать на помощь Пирра.

Поход на Аргос был более приятной перспективой, чем зимовка посреди Лакедемона. Эфирского царя должны были подстегивать и известия об Антигоне. Воспользовавшись отсутствием Пирра и Птолемея, Гонат вступил в Македонию и прогнал эфирские гарнизоны из городов, занятых Эакидами в 274 г. Теперь он сосредоточил свои главные силы на Истме и в любой момент мог войти в Аргос.

Потеря Македонии не слишком взволновала Пирра. Он был уверен: новое завоевание этой страны не потребует больших усилий. Но Антигона необходимо было уничтожить, ибо сохранение «гнезда» Антигонидов в любом месте Греции означало бы постоянную угрозу для его власти. Аргос также требовал оперативного принятия решения — и Пирр не стал терять времени.

Армию собрали на левом берегу Эвроты и ради сохранения тайны об истинной цели похода объявили, что она выступает против Антигона. Солдаты восприняли это решение спокойно: они тоже не боялись Гоната, пока что показывавшего тыл при любом серьезном столкновении с эфирской армией.

Благодаря «Описанию Эллады», составленному Павсанием, мы можем представить кратчайший путь к Аргосу, который избрал Пирр. Вначале дорога поднималась к Селласии, городку, у которого находился удобный проход, ведущий из Лакедемона на север. Близ этого городка спустя полстолетия спартанский царь Клеоним будет защищать свою родину от натиска македонян и ахейцев.

Отсюда Пирр повернул на восток, в местность под названием Кари, где, вероятно, и остановился на ночь. Затем его путь шел на север, мимо одной из самых больших ду-

бовых рощ в Пелопоннесе, именуемой «Мрачной»⁶. Далее Пирр, миновав города Фирея и Гисии, выходил к Навплию, морской гавани Аргоса.

Последний марш-бросок армии Пирра оказался омрачен несчастьем, произошедшим с Птолемеем. Увидев, что вражеское войско сняло осаду города, Арей, взяв войска, приведенные им с Крита, и добровольцев из города, устремился за Пирром по пятам. Где-то на границе Лаконии он устроил засаду и, пропустив главные силы врага, сумел вклиниться между ними и арьергардом.

В арьергарде вместе с галатами шла отборная молосская конница. Здесь никто не впал в панику, но пробиться через спартанские отряды молоссы не могли. Сложилась почти та же самая ситуация, что и во время сражения с мамертинцами в Бруттии. Арей занял очень сильную позицию там, где дорога с лесистых возвышенностей спускалась на равнину, и контролировал ситуацию.

Жрец, совершавший в этот момент жертвоприношения, сообщил Пирру, что предзнаменования неблагоприятны. Если он вступит в бой с врагом, то потеряет кого-то из близких ему людей.

Однако царь не мог бросить свой арьергард. Пропустив в суматохе предсказание мимо ушей, он приказал Птолемею взять царских щитоносцев и вместе с ними пробиться к окруженным. Сам царь бросился наводить в войске порядок, чтобы поскорее оказаться на равнине.

Птолемей пробился к молоссам и галлам. Но спартанцы узнали его по богатым доспехам и внешнему сходству с царем. Царевич сумел организовать молосскую конницу для решительного удара и, похоже, вывел ее на открытое место. Однако сражение не прекращалось, и вскоре на Птолемя бросился отряд, составленный из лучших спартанских и критских пельтастов во главе с неким Эвалком. Македонские телохранители царевича преградили пельтастам

⁶ Из-за непроницаемой тени, создаваемой сплошным пологом из дубовых ветвей. Здесь же был расположен храм Зевса Скотита («Мрачного»).

путь, но в самый разгар рукопашной сечи легковооруженный критянин по имени Оресс пробрался к Птолемею сбоку и ударом копья сбросил его с коня. Удар пришелся под ребра царевичу и был смертельным.

Гибель Птолемя потрясла молоссов и царских щитоносцев. Они обратились в бегство, и спартанцы преследовали их на протяжении нескольких стадиев, пока не выскочили вслед за беглецами на равнину.

Здесь им довелось столкнуться с Пирром, которому уже сообщили о смерти сына. Царь жаждал мести, он бросил армию, штаб и в одиночку поскакал назад, чтобы кровью спартанцев утолить свое горе. Увидев бегущую молосскую конницу, Пирр остановил ее и развернул назад, на спартанских пельтастов.

Тяжеловооруженные лакедемоняне предусмотрительно остались под прикрытием деревьев, поэтому отряду Эвалка одному пришлось выдерживать силу царского гнева.

Пирр был неудержим. Он направил своего коня прямо в скопище врагов и прошел сквозь него, как нож сквозь масло. Когда сам Эвалк бросился наперерез Пирру и перерубил мечом его поводья, едва не задев левую руку царя, тот ударом копья пробил грудь неприятельского вождя. После этого Пирр спрыгнул с коня и стал сражаться уже пешим.словно обуянный самим богом войны, Пирр в одиночку ирубил большую часть отряда Эвалка. Вскоре вокруг него валялись горы трупов — как когда-то на стенах Эрикса, а тех, кто в ужасе бежал от царского гнева, добивали опомнившиеся молоссы.

Потери среди отряда Арея были настолько велики, что он больше не пытался напасть на Пирра, следуя в отдалении от царского войска.

Смерть сына задержала стремительное движение Пирра, так как прежде чем идти дальше, царь организовал над могилой Птолемя пышные поминальные игры. Войска скорбели вместе с царем: солдаты любили Птолемя, самого даровитого и удачливого среди детей Пирра. О нем рассказывали, что во время какого-то из морских сраже-

ний он захватил вражеский боевой корабль, имея рядом с собой всего семь человек — его стремительность и сила были притчей во языцех. Недаром Пирр поручал ему во время своего последнего похода самые сложные боевые участки.

Удивительное это было зрелище: жертвоприношения, воинские состязания, печальная тризна, которую справляла армия посреди враждебной страны. Со всех сторон ей грозили Арей, Амений, Аристей, Антигон. Но никто даже не попытался помешать похоронным обрядам: такой страх внушил Пирр своим противникам.

Только оплавав Птолемея, царь Эпира направился к Навплию. Место для лагеря было выбрано близ аргосской гавани потому, что Антигон уже занял высоты, господствующие над прибрежной равниной. Однако Аргос не открыл перед ним ворота; его граждане, встревоженные появлением под их стенами ратей обоих царей, не желали нарушать свой нейтралитет. Надеясь, что царская распря обойдет их стороной, они направили и к Пирру, и к Антигону вестников с предложением удалиться от города. Аргивяне утверждали, что желают сохранить дружбу с обоими царями, не подчиняясь ни одному из них.

Антигон согласился отвести армию; в залог своего доброго отношения к Аргосу он отправил в город одного из своих сыновей. Пирр также не возражал против предложения уйти из-под городских стен, но не торопился выполнить свое обещание и даже не заикался о заложниках.

В эти, последние, моменты своей жизни Пирр стремился ввести в заблуждение и аргивян, и Антигона по поводу мотивов своего похода. К Гонату был отправлен гонец, который передал ему от Пирра оскорбительное послание. Эпирский государь предлагал сыну Деметрия не отсиживаться на холмах, но спуститься на равнину и решить их спор в честном бою.

Антигон, прекрасно помнивший, чем заканчивались для

него такие «честные бои», ответил отказом. Плутарх в одной фразе сумел передать всю философию, определявшую поступки этого царя: «Антигон ответил, что для него важнее удобный момент, чем сила оружия, и что если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти». Он дождался прихода Арея (явившегося как раз накануне решающего столкновения) и ошибки своего врага.

В Аргосе царило беспокойство. Опасались Антигона, но Пирра боялись еще в большей степени. Беспокойство только подогревалось чередой страшных предзнаменований. Так, прорицательнице Аполлона Ликейского во время священнодействия привиделся ее город, с улицами, заваленными трупами, а также орел в человеческий рост, который направлялся в кровавую сечу, но неожиданно исчез.

О том, что этот орел означает Аэта Пирра, аргивяне поняли позже. Точно так же и эпирский царь не расшифровал видение, которое пришло к нему перед ночным нападением на город: когда эпирские жрецы приносили в жертву быков, царю и его приближенным показалось, что их отрубленные уже головы высунули языки и стали слизывать собственную кровь.

Несмотря на предзнаменования и охватившее аргивян ожидание подвоха со стороны Пирра, последний все-таки сумел добиться неожиданности. Аристей и его сторонники ближайшей ночью оставили открытыми одни из городских ворот.

О произошедшем дальше красноречивее всего рассказывает Плутарх, пользовавшийся и записками Проксена, и утраченной «Историей» Филарха, где последнему походу Пирра было уделено значительное внимание. Этот рассказ настолько подробен и правдоподобен, что объявлять весь его выдумкой — как сделал это Дройзен в заключительном томе «Истории эллинизма» — нелепо. За древним Аргосом действительно находились высоты, на которых Антигон расположил свою армию. Аргос действительно мог

играть на противоречиях между царями и отказываться открывать ворота перед обоими — он был достаточно большим и могущественным городом для этого, да и Афины неоднократно пытались сделать то же самое. После захвата Македонии Антигон имел армию явно не меньшую, чем его соперник, и ему не нужно было садиться в осаду в Аргосе при приближении Пирра. Так что едва ли более вероятна та версия произошедшего, согласно которой Пирр осадил Антигона, последний же после прибытия Арея совершил вылазку, завершившуюся гибелью Пирра⁷.

В отличие от Дройзена мы с доверием отнесемся к рассказу Плутарха, очень точно описавшему особенности уличного боя в ночном городе. Что касается последних строк жизнеописания эпирского государя, то создается впечатление, что они основаны на записях прямых очевидцев этих событий.

Предоставим слово Плутарху:

Пока галаты Пирра крадучись входили в город и занимали (центральную) площадь, им удалось остаться незамеченными. Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать обратно; это задержало нападающих, и аргосцы, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места⁸, отправив гонцов к Антигону. Тот, приблизившись к городу, сам остановился, но послал

⁷ Юстин, например, утверждает, что Антигон «заперся» в городе и Пирр погиб во время штурма Аргоса от брошенного со стены камня. Пирра можно обвинить во многих сумасбродствах, но чтобы он приказал идти на штурм города, защищаемого войсками как минимум равными по силе его армии, — это кажется натяжкой.

⁸ Аспиды (греч. «щит») — одна из высот, находившихся внутри города. Ее склоны были крутыми, а вершина — укрепленной. Название «щит» она получила из-за медного щита, который вешали на ней во время местного праздника (так называемые «Герей»), Одним из элементов этого праздника было состязание аргивских юношей, каждый из которых старался первым взобраться на холм и захватить щит.

Помимо Аспиды к укрепленным местам в Аргосе относился местный акрополь (Лариса), театры, некоторые гимнасии. При сложности внутренней планировки большинства греческих городов сопротивляющаяся сторона всегда могла создать нечто вроде фортов внутри города, заставляя проникшие в город колонны сбиваться с пути, разделять силы, а кое-где и отступать. Чего стоят одни Афины, умуд-

на помощь аргосцам своего сына и полководцев с большим отрядом. Подошел и Арей с тысячей критян и легко вооруженных спартанцев. Вместе напав на галатов, они повергли их в смятение.

В это время Пирр с шумом и криками входил в город возле Киларабиса⁹, и галаты в ответ тоже закричали, но в их крике не было бодрости и уверенности, — всем показалось, что это вопль страха и отчаяния. Тогда Пирр поспешно бросил вперед двигавшихся во главе войска всадников, но те лишь с большим трудом и риском для жизни могли проехать среди каналов, которыми был прорезан весь город¹¹.

В этой ночной битве нельзя было разобраться ни в действиях войск, ни в приказах начальников. Разобщенные отряды блуждали по узким улицам, во мраке, в тесноте, среди доносившихся отовсюду криков; не было возможности руководить войсками, все медлили и ждали утра. Когда рассвело, Пирр утратился, увидев Аспиду, занятую вооруженными врагами, и, заметив на площади среди украшений медную статую волка и быка, готовых схватиться друг с другом, он вспомнил давнее предсказание, что ему суждено погибнуть там, где он увидит волка, сражающегося с быком. <... >

Заметив статую и видя к тому же, что ни одна из его надежд не сбывается, Пирр пал духом и решил отступить; опасаясь узких ворот, он послал своему сыну Гелену, оставшемуся со значительными силами вне города, приказ разрушить часть стены и помочь выходящим, если враг будет насаждать на них. Однако в спешке и

рвавшиеся годами сохранять независимость и вести активную хозяйственную жизнь в то время, когда целые городские районы (Пирей, Мунихий) были заняты неприятельскими гарнизонами!

⁹ В город вошел сын Антигона Алкионей. Антигон воздержался от введения всего войска потому, что на городских улицах лучше было действовать не массой, а небольшими отрядами, а также потому, что владыка Македонии видел: большая часть армии Пирра во главе с Геленом осталась в поле и может нанести удар, когда его подразделения начнут втягиваться в городские ворота.

¹⁰ Гимнасий, посвященный местному герою Киларабу. Близ него находились еще одни городские ворота — видимо, существенно большего размера, чем «Проходные», открытые Аристеем. По этой причине Пирр и перебросил отряды, предназначенные для занятия Аргоса, именно сюда. В принципе, от Киларабиса начиналась улица, ведущая прямо в городской центр.

¹¹ Плутарх говорит не о каналах в современном смысле этого слова, а скорее о канавах, которые имелись в каждом городе и исполняли самые разные функции — от водоотводов на случай дождя до канализации.

суматохе гонец неясно передал приказ, произошла ошибка, и царевич, взяв остальных слонов и самых сильных солдат, вошел через ворота в город на помощь отцу.

Пирр в это время уже отходил. Сражаясь на площади, где было достаточно места и для отступления и для боя, Пирр, повернувшись лицом к врагу, отражал его натиск. Но его оттеснили в узкую улицу, которая вела к воротам, и там он столкнулся со спешившими на помощь войсками. Пирр закричал, чтобы они повернули назад, но большинство его не услышало, а тем, кто готов был повиноваться, преграждали путь новые отряды, вливающиеся в город через ворота.

Кроме того, самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что пришли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, неся навстречу отступающим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока наконец не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречных.

Сбитые в кучу и плотно прижатые друг к другу, воины не могли ничего предпринять поодиночке: словно единое тело, толпа ворочалась и колыхалась из стороны в сторону. Мало кто бился с врагами, зажатыми между воинами Пирра или заседавшими сзади, — большей частью солдаты ранили друг друга, ибо тот, кто обнажил меч или замахивался копьем, не мог ни опустить руку, ни вложить клинок в ножны: оружие ранило кого придется, и люди гибли от оружия своих же товарищей.

Пирр, оглядев бушевавшие вокруг бурные волны, снял диадему, украшавшую шлем, передал ее одному из телохранителей и, доверившись коню, напал на врагов, следовавших за ним по пятам. Копье пронзило ему панцирь, и он, получив рану, не смертельную и даже не тяжелую, устремился на того, кто нанес удар. То был аргосец, незнатный человек, сын бедной старой женщины. Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что ее сын вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозившей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра. Черепица ударила его в голову ниже шлема и перебила позвонки у основания шеи; у Пирра помутилось в глазах¹², руки опустили поводья, и он упал возле святилища Ликимния¹², почти никем не признанный: Некий Зопир, воевавший на стороне Антигона, и еще два-три человека

подъехали к нему и, узнав, оттащили его в преддверие какого-то дома. Между тем Пирр начал приходить в себя. Зопир вытащил иллирийский меч, чтобы отсечь ему голову, но Пирр так страшно взглянул на него, что тот, перепуганный, полный смятения и трепета, сделал это медленно и с трудом, то опуская дрожащие руки, то вновь принимаясь рубить, не попадая и нанося удары возле рта и подбородка.

Между тем многие услышали о случившемся, и Алкионей, желая убедиться, подъехал и потребовал голову. С нею он ускакал к отцу и бросил ее перед царем, сидевшим в кругу приближенных...

¹² Легендарная фигура: дядя Геракла, погибший от руки Тлеполема, который приходился ему внучатым племянником. Масса погибших от руки Геракла и его потомков мифологических персонажей были в Элладе обожествлены.

ЭПИЛОГ

Наследство Пирра

Вместе со смертью Пирра окончательно завершилась эпоха, начатая некогда Александром. Завершалась она долго, тяжело, болезненно — подобно тому, как умирал от ударов Зопира эфирский государь. Начиналось новое время, когда государственные образования нашли свои естественные границы и идеи универсальной, всемирной монархии надолго оказались забыты. Это потом на божий свет их извлекут римские императоры, пока же истории были нужны не Пирры, а Птолемеи и Антигоны Гонаты.

Мертвый Пирр превратился в объект для оттачивания остроумия. Антигон палками наказал своего сына, так пренебрежительно отнесшегося к трупам его врага, и даже заплакал, горюя над переменчивостью судьбы. Но он же придумал сравнение Пирра с игроком в кости, которое мы приводили выше.

Римляне пошли еще дальше. Уже упоминавшийся Эний написал об эфирском царе следующие строки:

Род туповат Экидов.

В деле военном сильнее они, а умом послабее...

Люди действительно умные предпочитали насмешке изучение дневника Пирра и его сочинения по тактике, которое стало учебником военного дела для многих полководцев.

Лучше всего поступили аргивяне. Они не стали издеваться над трупом, но торжественно похоронили его, устроив большой погребальный костер прямо посреди своей центральной площади. На месте костра был построен надгробный памятник, украшенный барельефами. На них изображались оружие, которым пользовался Пирр, изобретения его механиков и слоны.

Кости Пирра, поднятые с погребального костра, захоронили в храме Деметры, построенном как раз на том месте, где он нашел свою смерть. Вызвано это было тем, что на следующий день якобы не смогли найти женщину, поразившую царя. Тогда прорицатели сообщили, что это была сама богиня Деметра, под видом старухи явившаяся защитить город.

Еще во II в. н. э. можно было видеть медный щит Пирра, который висел над дверьми святилища.

Но если к телу и памяти Пирра в конце концов отнеслись с достойным его уважением, то этого нельзя сказать о государстве, которое он создавал.

После смерти отца Гелен сразу прекратил сражение и сдался Алкионею. Антигон обласкал эфирского царевича и позволил вернуться в Эфир, однако захватил лагерь и вынудил перейти к себе на службу солдат Пирра.

Естественно, теперь не могло идти никакой речи о борьбе за Верхнюю Македонию. Сейчас Антигон был способен одним ударом прекратить существование Эфирского царства — и лишь стремление упрочить свои позиции и навести порядок в только что отвоеванных землях отвлекло его от этой идеи. Однако Эфир все равно, пусть в мягкой форме, но был вынужден признать протекторат Гоната.

В Пелопоннесе все бывшие сторонники Пирра были вынуждены признать право сильного: Антигон окончательно присоединил к своим владениям лишь Мантинию и Трезены, зато в таких крупных городах, как Аргос, Сикион, Элида и Мегалополь, к власти пришли тираны, которые вели промакедонскую политику.

Уже через несколько лет противоестественный союз

между Спартой и Македонией был разорван. Арей, подпитываемый египетскими деньгами, решился на большую войну и был убит при Коринфе в сражении с Антигоном. Его сын Акротат также не дожил до седин, погибнув во время войны с аркадянами, и восстановление славы Лакедемона оказалось уделом следующего поколения спартанских царей.

В Италии к 272 г. даже в Таренте эпирская власть была половинчатой. Хотя мы не видим в источниках упоминаний о крупных боевых действиях на юге Апеннин, нет сомнений, что города, отпавшие от Рима в 276-275 гг., прежде всего Локры, вновь приняли римские гарнизоны. Тарент стал ареной гражданских раздоров, в которые Милон, начальствовавший над эпирским гарнизоном, не вмешивался до тех пор, пока у руля власти не встала партия, стоявшая за мирный договор с Римом. Когда самые отчаянные ее представители напали на Милона, тот попросту разделил город надвое. В одной его части обитали граждане, заключившие сепаратный союз с Римом, а на большей территории господствовали эпироты, которые уже не воевали с римлянами, но и не имели с ними союза.

В 272 г. Рим наконец решил закрыть «тарентское дело». Сенат могла встревожить активная и успешная деятельность Пирра на Балканах, в том числе начало его похода в Пелопоннес, и правители Вечного Города решили лишить эпирского царя его стратегического плацдарма в Италии. А может быть, они получили сведения, что теперь уже практически все тарентинцы готовы выступить против Милона.

Одна из консульских армий под командованием Люция Папирия Курсора была двинута на юг. Когда она подходила к городу, пришла весть о гибели царя. Однако вместе с этим стало известно, что на рейде Тарента появился карфагенский флот. Пуны захотели прибрать к рукам город и обратились с предложением о союзе одновременно к гражданам и к Милону.

Эпирский военачальник рассудил, что соглашение с Римом будет для Тарента меньшим злом, чем переход в ру-

ки пунов. Карфагеняне были вынуждены увести корабли (лишь спустя 60 лет в Тарент войдет Ганнибал), а Милон передал город Папирию, получив от того право на свободный выход своего гарнизона.

В Риме были настолько рады завершению конфликта, что даровали Папирию триумф за его бескровную победу. Между тем Тарент оказался вынужден скрыть укрепления, выдать военные корабли и ежегодно вносить дань в римскую казну.

После этого началась борьба с кампанцами из Регия. Они держали в страхе уже весь Бруттий, во время одной из экспедиций бывшие легионеры вновь взяли и разграбили несчастный Кротон. Чтобы одолеть их, пришлось потратить немало сил. Вначале кампанцев загнали на самую оконечность «носки» Апеннин, а в 270 г. консул Генунций после долгой осады взял Регий штурмом.

Защищались кампанцы отчаянно; большая часть осажденных погибла во время последней схватки. Но несколько сотен пленных все-таки привезли в Рим, где народным голосованием было решено казнить их всех. После этого в течение недели кампанцев выводили группами по пятьдесят человек, прилюдно секли розгами и отрубали головы.

Точку в покорении Южной Италии поставили консулы следующего, 269 г., подавившие еще одно восстание самнитов и вынудившие горные общины подписать уже совершенно неравноправный договор.

После смерти Пирра лишь однажды появится реальный шанс высадки в Италии могучей армии с Балкан. Произойдет это во время II Пунической войны, когда Ганнибал заключит антиримский союз с Филиппом V Македонским. Однако педзетеры этого потомка Антигона так и не сядут в корабли, берущие курс на Гесперию.

Ганнибал, кстати, тоже будет вести борьбу в Италии под лозунгами освобождения местных племен и городов от римского владычества. Обратим внимание, что помимо севера Италии, населенного галлами, особенно активно пунов будут поддерживать все те же самниты, бруттии, луканы,

греки Кампании и юга Апеннин. В то же время большинство общин средней части полуострова, включая этрусков, сохраняют верность Римскому союзу, и это предreshит конечную неудачу гениального полководца пунов.

Формально борьба италиков с Римом на этом не закончится. В 90 г. разразится война, названная историками «Союзнической». В сущности, это было восстание большинства апеннинских общин, объединившихся в конфедерацию под названием «Италия». Однако теперь целью борьбы станет уже не независимость, а равноправие италиков с римскими гражданами в рамках римского же государства.

* * *

Утерав все внешние владения (после смерти Пирра вновь отпала Керкира) на Балканах, Эпир тем не менее пока сохранял границы, установленные Пирром. Эпир не распался на уделы, хотя когда-то в ответ на вопрос, кому из сыновей он завещает свое царство, Пирр отвечал: «У кого меч будет острее», намекая на возможность будущих междоусобиц. После смерти Птолемея самый острый меч оказался в руках у Александра. Гелена, вернувшегося из Пелопоннеса без отца, армии, денег, отстранили от правления.

История царствования Александра, как и вообще история Эпира после смерти Пирра, нам известна плохо. На рубеже 70-60-х годов Александр воевал с дарданами, начавшими давление на северные рубежи его царства. В конце концов между Эпиром и варварами было заключено мирное соглашение, устроившее обе стороны.

Сохранялись традиционные связи с Египтом: Афиней в «Пире мудрецов» сообщает, что при Александре, сыне Пирра, в Эпире удалось вырастить урожай египетских бобов — сельскохозяйственной культуры, которая не приживалась нигде за пределами долины Нила. Подобная удача едва ли была возможна без участия египетских агрономов. С Антигоном Александр некоторое время жил в мире, пони-

мая, что бороться с мощной державой, созданной Гонатом, у него пока нет сил.

Однако в 264 г., во время Хремонидовой войны (267-261), когда Антигон оказался связан военными операциями в Греции, Александр неожиданно вторгся в Македонию. Ее верхние области, а также Фессалия мгновенно отпали от Антигона. Гонат двинулся сюда из Греции, но его македонское войско по какой-то причине подняло бунт и переметнулось на сторону сына Пирра. Произошло событие, почти повторившее ситуацию десятилетней давности.

Но это стало последним взлетом эпирского великодержавия. В том же году Деметрий, брат Антигона, нанес поражение эпирскому царю. Не ограничиваясь отвоеванием Македонии и Фессалии, он вторгся в сам Эпир. Александр, потерпев полное поражение, бежал в Акарнанию. Держава Антигонидов была восстановлена (на этот раз вплоть до завоевания ее Римом), причем даже в больших размерах, чем те, которые она имела раньше.

Правда, вскоре Александр был возвращен на престол. Македония не имела пока возможности содержать к западу от Пинда оккупационную армию. Между тем эпироты, как и их союзники (этолийцы?), симпатизировали сыну Пирра. Однако Александр вернулся на престол уже как вассал Македонии и не выходил из-под контроля Антигонидов вплоть до своей смерти в 255 г.

Если сын Пирра, по общему мнению современников, был настоящим царем, достойным своего отца, то дети Александра привели страну в состояние анархии. В течение нескольких лет на престоле сменили друг друга Пирр II, Птолемея, затем Пирр III, внук Александра. Ситуацию в государстве осложняла внутрисемейная борьба. Вдова Александра, Олимпиада, долгое время была регентшей при своих детях. Но когда они подросли, Олимпиада, отдавая предпочтение младшему сыну, Птолемею, вступила в конфликт со старшим, Пирром II. Дальнейшие события восстанавливаются с трудом. То ли Пирр II отравил свою мать и убил Птолемея, то ли наоборот, она сама из-

вела старшего сына, а младший умер во время какого-то похода.

После короткого правления совершенно незаметного Пирра III власть оказалась в руках Деидами, внучки (или правнучки?) Александра. К этому времени от Эпира уже окончательно отпали Керкира и Акарнания. Сами эпироты, уставшие от власти ничтожных потомков великого Пирра, убивавших друг друга, выказали стремление свергнуть царскую власть. Эпир захватила тяга к созданию федерации, которая в это время определяла состояние дел в Элладе.

Деидамия была вынуждена бежать в Амбракию, где и была убита в одном из храмов в 233 г.

История великого Эпира завершилась. Из его состава окончательно вышли греческие города вокруг Амбракийского залива, молоссы утратили свою роль гегемонов, и эпирские племена вернулись к полудикой жизни полуторастолетней давности. Долгое время они находились в орбите политического влияния то Македонии, то северных иллирийских династов. Но после появления на Балканах римских армий, забыв о победах Пирра над италиками, Эпир почти безропотно перешел под власть Вечного Города.

* * *

Остается еще наследие Пирра в истории военного искусства. Нам доводилось уже писать на эту тему. Война с эпирским царем стала толчком к очередному этапу развития римской армии. Организация марша, постройка лагеря, создание тыла, материальное обеспечение деятельности вооруженных сил были поставлены Пирром на самый высокий—для его времени—уровень. Его стратегические уроки, умение находить самое важное место на театре военных действий станут предметом для подражания. А что касается тактического «обхода во времени», умелого использования резервов, то позже этот принцип займет важнейшее место в образе действий Ганнибала.

Военные открытия Пирра усиливало обаяние его имени. Оно быстро обросло массой легенд, преувеличений, стало притягательным и для историков, и для моралистов.

Однако в куда большей степени Пирра помнили на Западе Средиземноморья, чем в эллинистическом мире. В Риме и Карфагене он воспринимался как великий воин, едва не сломивший власть западных наций. Несмотря на все ехидство Энния, римляне прекрасно понимали, сколь важный период в истории становления их империи был связан с именем эпирского царя.

На востоке же его оценивали в первую очередь сквозь призму многолетней борьбы с Антигонидами, и здесь значение деятельности Пирра не выходило за пределы Балкан.

Может быть, поэтому именно на Востоке оказались забыты его военные уроки и эллинистические армии быстро потеряли тот блеск, который оставил им в наследство Александр Великий.

После смерти Пирра ни один эллинистический царь или полководец не одерживал над римлянами побед, сравнимых с Гераклеей и Аускулом. В итоге эталоном военного дела станет организация римских легионов.

Но это —уже совсем другая история.

Источники

- Аполлодор*. Полиоркетика// Греческие полиоркетики. Вегеций. СПб., 1996.
- Арриан*. Поход Александра. СПб., 1993.
- Афиней*. О машинах// Греческие полиоркетики. Вегеций. СПб., 1996.
- Афиней*. Пир мудрецов. М., 2004 (кн. V.)
- Вегеций Флавий Ренат*. Краткое изложение военного дела// Греческие полиоркетики. Вегеций. СПб., 1996.
- Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. Т. I-VI. СПб., 1774-1775 (особенно кн. XVII-XXI).
- Евтропий*. Бревиарий от основания города. СПб., 2001 (кн. II).
- Ливий Тит*. История Рима от основания города. Т. I—III. М., 1988-1992 (кн. VIII-X, а также «Периохи»).
- Орозий Павел*. История против язычников. X. I—II (кн. III-IV).
- Павсаний*. Описание Эллады. Т. I—II. М., 1994 (кн. I-III).
- Плутарх*. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. I—III. М., 1961-1964 (особенно жизнеописания Пирра, Александра, Деметрия, Фокиона).
- Полибий*. Всеобщая история. Т. I—III. СПб., 1994-1995 (кн. VI).
- Полиэн*. Стратегемы. СПб., 2001 (особенно кн. IV, VI).
- Руф Квинт Курций*. История Александра Македонского. М., 1993.
- Флор Луций Анней*. Две книги эпитом римской истории обо всех войнах за семьсот лет. Воронеж, 1977 (раздел «Тарентинская война»).
- Фронтин*. Стратегемы. СПб., 1996.
- Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб., 2005.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенгтсон Г*. Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Дельбрюк Г*. История военного искусства в свете политической истории. Т. I. СПб., 1994.
- Дройзен И. Г.* История эллинизма Т. 1-3. СПб., 1998-2000.
- Казаров С. С.* Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004.
- Конноли П.* Древняя Греция и Рим. Энциклопедия военного искусства. М., 2000.
- Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
- Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994.
- Тари В. В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984.
- Шофман Ф. С.* История античной Македонии. Ч. 1. Казань, 1960.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август — 237
 Августин Блаженный — 224
 Агамемнон — 43
 Агафокл Сиракузский — 124, 135, 148-149, 174, 181-182, 217, 234, 257-259, 272, 282*284
 Агафокл, сын Агафокла Сиракузского — 258
 Агафокл, сын Лисимаха — 163, 166-167
 Агесилай — 40, 57, 61-62
 Агис IV — 323
 Адмет — 13-14
 Акротат — 257, 318-319, 325-326, 340
 Александр I Молосский, царь Эпира, дядя Пирра — 18-19, 30, 131-132, 162, 177-180
 Александр II Молосский, царь Эпира, сын Пирра — 194, 252, 273, 291, 320, 342-344
 Александр III Великий, сын Филиппа II Великого — 5-6, 9, 11, 15-21, 23-24, 26, 29, 37, 41-42, 44, 46, 62, 64-68, 70-79, 81-88, 91, 93, 95, 106, 112, 130-131, 138, 143, 147, 154-157, 164-165, 168, 170, 172-173, 177, 183, 190, 193, 196, 198-200, 209, 226, 228, 250, 273, 277, 279-280, 315, 319, 338, 345
 Александр IV Македонский, сын Александра III и Роксаны, последний македонский царь из династии Темеидов — 19-22, 24, 26, 28-29
 Александр V Македонский, сын Кассандра — 130, 136-138, 141-144, 166
 Александр Филэллин — 12
 Александр, сын Алкеты — 36
 Александр, сын Лисимаха — 169
 Александр, сын Полисперхонта — 25, 30
 Алексикрат — 133
 Алкета — 35-37, 43
 Алким — 78
 Алкионей — 335, 337, 339
 Амастрида — 106, 107
 Аминий из Фокиды — 328, 332
 Аминокл — 262
 Аминта — 74
 Ангел — 32
 Андроклид — 32
 Антигон I Одноглазый (греч. Монофтальт), он же — Фригийский — 21, 25, 34, 42, 44-46, 48, 80-98, 100-107, 109-119, 122, 125, 128, 131, 137, 139, 142-143, 157
 Антигон II Гонат, внук Антигона Одноглазого, сын Деметрия I — 146-147, 156, 158, 163-164, 172, 249, 251, 304-308, 310-318, 320-322, 328-329, 332-336, 338-343
 Антигона, дочь Береники, жены Птолемея, от первого брака, жена Пирра — 127, 133, 135
 Антиох I Сотер, сын Селевка, царь Вавилона и Сирии — 113-116, 118-119, 172, 249, 304, 308
 Антипатр I, сын Кассандра, царь Македонии после смерти своего старшего брата Филиппа IV — 130, 136, 139-143, 166
 Антипатр II, племянник Кассандра, царь Македонии во время галатского нашествия — 307
 Антипатр, полководец Филиппа и Александра Великого, второй регент Македонии после смерти Александра, отец Кассандра — 17, 19-22, 24, 45, 86
 Аппиан — 188
 Аппий Клавдий Цек — 213, 227, 228
 Арей I — 317-319, 322, 328, 330-335, 340
 Аристей — 329, 332-333, 335
 Аристипп — 329
 Аристомед — 69, 71, 74
 Аристон — 26, 28
 Аристотель — 17, 129
 Аркагаф — 258
 Арриан Флавий — 73, 75, 87
 Арриба — 18, 30, 36
 Арсам — 69
 Арсиноя, дочь Лисимаха, жена Птолемея II — 167, 171
 Арсиноя, дочь Птолемея I и Береники, жена Лисимаха — 107, 166-167, 171, 173
 Архидам — 137, 177
 Архидамия — 323
 Асандр — 90, 94
 Атизий — 69
 Аттал — 70
 Афиней — 263, 278, 342
 Ахилл — 32
 Ахилл из Мегары — 32
 Береника — 126-127, 165-166
 Биркена — 136
 Бельгий — 307
 Бренн — 308-310
 Брэдфорд А. — 318
 Валерий Максим — 191
 Вершинин Л. Р. — 7
 Вобан — 275
 Гай Нумиций — 247
 Гай Фабриций Лусцин — 187, 190, 224, 233, 235, 247-248, 250-252, 288, 291
 Ганнибал — 9, 111, 199, 214, 222, 229, 242, 267, 341, 344
 Гасдрубал — 117
 Гелен — 194, 273, 287, 305, 320, 335, 339, 342
 Гелон — 132-133
 Гелон из Гелы — 256
 Генуний — 341
 Гераклид Леонтинский — 259, 270
 Гермокл — 45
 Геродот — 12, 60
 Герцберг Г. — 7
 Гиерон I — 176, 256
 Гиерон II — 305
 Гикет — 258-259
 Гимилькон — 256
 Гиппократ из Гелы — 256
 Главк — 33-34, 37-38, 42-43, 46-47, 88
 Гней Домиций Калвин — 229
 Гней Корнелий Сципион — 246
 Гомер — 12-13, 50
 Дарий I — 61
 Дарий III — 16, 68-74, 145
 Девкалион — 12-13
 Деидамия — 23, 32, 44-45, 121
 Дексий — 221
 Дельбрюк Г. — 8, 64, 66, 221, 303

Деметрий I Градоосажда-
 тель (греч. Полиоркет), сын Ан-
 тигона I — 38, 42-47, 78, 79,
 82-83, 85, 88-89, 91-93, 98-
 106, 108-110, 112, 114-129,
 131, 137, 139, 141-149, 151-
 163, 166, 172, 182, 200, 249,
 258, 263, 273, 275, 277, 280,
 306-307, 312, 317, 324, 332
 Деметрий Фалерский — 129
 Деметрий, сын Деметрия I, брат
 Антигона II — 343
 Деций Юбелей — 216-217
 Диний — 26-27
 Диодор Сицилийский — 35, 37, 71,
 75, 80, 101, 109, 113, 308
 Дионисий I Сиракузский (Стар-
 ший) — 256, 272, 276, 279, 284
 Дионисий II Сиракузский (Млад-
 ший) — 257
 Дионисий Галикарнасский — 8,
 191, 213, 223, 238-239, 243
 Дионисий, тиран Гераклеи Пон-
 тийской — 106-107, 284
 Дионисодор — 40
 Доким — 93
 Дориэй — 257
 Дройзен И. — 7, 131, 144, 251, 333-
 334
 Дромихет — 145
 Евридика, дочь Антипатра, жена
 Птолемея I — 165
 Евридика, дочь Лисимаха, жена
 Антипатра I — 130, 166
 Евридика, жена Деметрия Поли-
 оркета — 45
 Евридика, жена Филиппа Арри-
 дея (Филиппа III) — 20-24
 Евтидем — 40
 Евтропий — 223
 Зоил — 79
 Зопир — 336-338
 Иероним Кардийский — 223, 248
 Иол-17, 24
 Ифигения — 43
 Ификрат — 56
 Кадмея — 133
 Казаров С. С. — 7
 Калат — 26-27, 29
 Кассандр — 20-30, 32-37, 42-44,
 46-47, 82-83, 88-90, 93, 98-
 104, 108, 122-124, 127, 130,
 132, 134, 137-138, 143, 159,
 166, 249, 307, 310, 323-324
 Кафисий — 42
 Квинт Гортензий — 186
 Квинт Курций Руф — 70, 73, 80
 Квинт Марций Барбула — 192
 Квинт Эмилий Пап — 233, 250-
 252, 288
 Квинт Юний Брут — 288-289
 Квириин — 215
 Кен — 70
 Килараб — 335
 Киней Фессалийский — 42, 161,
 174-175, 192-193, 226-228,
 234-235, 251-252
 Кир Древний — 61, 169, 256
 Кир Младший — 40
 Клавдий Корнелий — 188-189
 Клавдий Марцелл — 214
 Клеарх — 107
 Клеомен — 84
 Клеоним Спартанский — 45, 144,
 181-182, 317-320, 322, 329
 Клеопатра — 19
 Кнем — 15
 Конноли П. — 8
 Корнелий Непот — 56
 Кратер — 70
 Кромвель О. — 114
 Кросс Г. - 7
 Ксантипп — 267
 Ксенофонт Афинский — 40-41,
 62, 65, 130
 Ксеркс — 25, 256, 309
 Ламия — 45
 Ланасса — 135-136, 148-149, 152-
 153, 162, 258

Леонид — 309
 Леоннат — 220
 Ликиск — 30, 36
 Лисандр — 264
 Лисандра — 130, 166
 Лисимах Фракийский, царь Фра-
 кии, а затем Македонии —
 21, 42, 47, 62, 83-84, 88-98,
 100-112, 114, 117-118, 122-
 123, 130, 137, 139-143, 145,
 155-156, 158-159, 161, 163-
 164, 166, 168-173, 200, 249,
 306, 310
 Лисимах, предсказатель — 326
 Лисимах, сын Лисимаха Фракий-
 ского от Арсинои — 173
 Люций Анней Флор — 302, 346
 Люций Корнелий Лентул Кав-
 дин - 297-300, 303
 Люций Папирий Курсор — 340-
 341
 Люций Постумий — 190-192
 Люций Цецилий — 186
 Люций Эмилий — 192, 215
 Магон — 234, 269
 Малакон — 169
 Малх — 255
 Мамерк — 260
 Манний Курий Дентат — 297-303
 Мардоний — 54, 61
 Марий Гай — 6, 200, 214
 Марк Ливий — 202, 208-209, 211,
 241
 Марк Фурий Камилл — 201-204,
 206, 213, 282
 Масиситий — 59-61
 Мегакл — 219, 221
 Медий — 18
 Мелеагр, военачальник Алек-
 сандра Великого — 70
 Мелеагр, сын Птолемея I, брат
 Птолемея Керавна, царь Ма-
 кедонии в 279 г. — 307
 Менадр — 78
 Метон — 193
 Милон — 193, 195, 218, 234, 236,
 252, 289, 298-299, 305, 340-341
 Миртил — 132-133
 Митридат Ктист — 111, 123
 Моммзен Т. — 188
 Набарзан — 69
 Наполеон Бонапарт — 66
 Неоптолем, сын Ахилла — 13
 Неоптолем II, эфирский царь,
 отец Александра I Молосско-
 го — 30, 46
 Неоптолем III, сын Александра I
 Молосского, царь Эпира, со-
 правитель Пирра — 46-47,
 124, 131-135
 Неоптолем, один из полковод-
 цев Александра Македонско-
 го — 131
 Никанор — 24, 70-71, 73
 Никея — 166
 Никомах — 289-290
 Оксатр — 73
 Оксафр — 107
 Оксифемий — 258
 Олимпиада Великая, мать Алек-
 сандра Македонского — 17-
 19, 21-29, 180
 Олимпиада, жена Александра II
 Молосского — 343
 Ономакрит — 259
 Ономарх — 177
 Оплак — 220
 Оресс — 331
 Орозий — 188, 223
 Павсаний, историк — 8, 162, 166,
 308, 329
 Павсаний, полководец — 54, 60-
 61, 212-213
 Пантавах- 149-151, 153
 Парменнон — 70-71, 73
 Пелей — 13
 Пелопид — 58, 62

Пердикка — 20-21, 62, 70, 85-86, 128
 Перикл — 261
 Персей — 62
 Пирр 1-5-9, 11-12, 14, 16, 18, 31-35, 37-39, 41-43, 45-47, 62, 79-80, 88, 103, 105, 109-110, 114-115, 118-120, 122-127, 129-154, 156-166, 172-175, 177, 183-184, 187-188, 190, 192-201, 203-205, 207, 209-210, 214-236, 238-255, 258, 260, 263, 268-275, 280-289, 291-306, 311-345
 Пирр II, внук Пирра I — 343
 Пирр III, правнук Пирра I — 343-344
 Пирр, сын Неоптолема и внук Ахилла, основатель царского дома Пирридов — 13
 Пирра — 12
 Пифон — 42
 Платон — 40, 50
 Плейстарх — 108-109, 114, 122-123
 Плутарх — 6-8, 14, 17, 32, 79, 109-110, 112-113, 117, 126-127, 130, 132-133, 141, 143, 148, 161, 174-175, 212, 218-220, 223, 227, 248, 251, 272, 296-297, 299, 303, 312, 316, 322, 326, 333-335
 Полибий — 203, 207, 267
 Полиен — 104, 112
 Полисперхонт — 20-30, 33, 42, 44, 81, 85, 99, 139, 321
 Препелай — 90-94, 97, 99-100, 102-104, 110-111
 Проксен — 42, 130, 133, 333
 Птолемей I Сотер (Лаг), основатель египетской династии Птолемеев — 21, 25, 42, 44, 62, 83-86, 88-90, 94-95, 98, 105-107, 122-123, 125-131, 136, 140-144, 155-156, 159, 164-165, 168, 172
 Птолемей II Филадельф, сын Птолемея I Сотера — 164-165, 168, 172, 304
 Птолемей IV Филопатор — 263
 Птолемей Керавн, сын Птолемея I Сотера, царь Македонии — 165-168, 170-173, 175, 193-194, 200, 249, 306-307, 312
 Птолемей, сын Александра II Молосского — 343
 Птолемей, сын Лисимаха Фракийского от Арсинои — 171, 173
 Птолемей, сын Пирра от Антигоны — 136, 194, 249, 273, 311-312, 315, 320, 324-325, 329-332, 342
 Птолемиада — 125
 Публий Деций Мус Внук — 241-242, 246-247
 Публий Деций Мус Дед — 241, 246
 Публий Деций Мус Отец — 241-242, 246
 Публий Корнелий Долабелла — 233
 Публий Корнелий Руфин — 288-291
 Публий Левин — 215-219, 221-225, 228, 230, 232, 288
 Публий Сульпиций (отец) — 241
 Публий Сульпиций Саверрион (сын) — 139, 241, 246-247
 Рем — 212
 Реомифр — 69
 Роксана — 19, 21, 22, 28-29
 Ромул — 187, 201, 203, 212, 215
 Руперт, принц — 114
 Саман — 133
 Селевк — 21, 42, 82-83, 86-90, 94-98, 105-106, 109-114, 116-118, 122-123, 125, 128, 155, 159, 163, 167-172
 Сервий Туллий — 201, 203
 Ситалк — 70

Скала Р. — 7
 Сосистрат — 258, 260, 270-271, 285
 Сосфен — 307-308, 310
 Спарток — 159
 Стений Статилий — 185, 188
 Страбон — 180
 Стратоника — 121
 Сулла Люций Корнелий — 212
 Сципион Африканский — 197, 214
 Теодот из Сарда — 169
 Теодот, прорицатель — 142
 Тиберий Корунканий — 215, 229-232
 Тимод — 69, 71
 Тимолеонт — 257, 269
 Тимохар — 251
 Тиндарион — 259, 269-270
 Тит Квинкий — 139-140
 Тит Ливий — 38, 140, 179-180, 202, 208-209, 211, 213, 237, 282
 Тит Манлий — 213
 Токмаков В. Н. — 7
 Троада — 32
 Фабий Максим Гургит — 291
 Фаларис — 255
 Фалек — 177
 Фаракид — 257
 Фарипп — 14
 Фемистокл — 13
 Фенарета — 133
 Филадельф, дочь Антипатра — 45, 143, 158
 Филарх — 333
 Филипп II Великий, отец Александра Великого, царь Македонии — 11, 15, 18-20, 21, 41, 46, 55, 62-64, 70, 78, 138, 177, 193
 Филипп IV, сын Кассандра, царь Македонии — 130
 Филипп V, внук Антигона Гоната, царь Македонии во времена Ганнибала и первых Македонских войн — 139-140, 341
 Филипп, брат Кассандра, отец Антипатра II — 34-36
 Филипп, сын Лисимаха Фракийского от Арсинои — 173
 Филипп Арридей (Филипп III) — 19-20, 22, 24
 Филитер из Тианы — 167
 Филитер, царь Пергама — 172
 Филлий — 325
 Филон Византийский — 276
 Филонид — 191
 Филопемён — 38-39
 Филохар — 189
 Финик — 92
 Фонон — 258, 260, 270-271, 285-286
 Формион — 266
 Фридрих II Великий — 64
 Фронтин Секст Юлий — 98, 213
 Фтия — 32
 Фукидид — 14-15, 59, 262
 Хабрий — 56-57
 Хилонида — 317-318, 323, 326
 Цицерон — 212, 224
 Чандрагупта — 86-87
 Шуберт Р. — 7
 Эакид — 16, 18-19, 22-27, 29-30, 32-36, 42
 Эвалк — 330-331
 Эвдамид II — 318
 Эвдим — 113
 Эвмен — 21, 28, 42, 80-82, 85, 101, 113, 117, 119, 131
 Элиан — 275
 Эней Тактик — 41, 130, 161
 Энний — 224, 338, 345
 Эпаминонд — 49, 55, 58, 62
 Эпикур — 235
 Эрикс — 272
 Юлий Цезарь — 200, 212
 Юстин — 180, 325, 334

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	5
Глава I. Предыстория	10
Глава II. Провинциал	31
Глава III. Гигантомахия (1)	48
Глава IV. Гигантомахия (2)	77
Глава V. Из заложников в цари	120
Глава VI. Владыка Эпира и Македонии	135
Глава VII. Гесперия	165
Глава VIII. Луканские коровы	196
Глава IX. Пиррова победа	233
Глава X. Союз атлантистов и евразийцев	254
Глава XI. Арузийские поля	288
Глава XII. Лев зимой	306
Эпилог. Наследство Пирра	338
Источники	346
Литература	347
Именной указатель	348

Роман Викторович Светлов

ПИРР И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Редактор *Е. Е. Жирнова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Верстка *Е. М. Воронковой*

Иллюстрации предоставлены *В. А. Смоляниновым*

Карты подготовлены *В. А. Смоляниновым и Р. В. Светловым*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 15.02.2006. Формат 84х108¹/32-
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,69+вкл. 1,31.

Тираж 1000 экз. Заказ №41

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

Е-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

Е-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Пирр

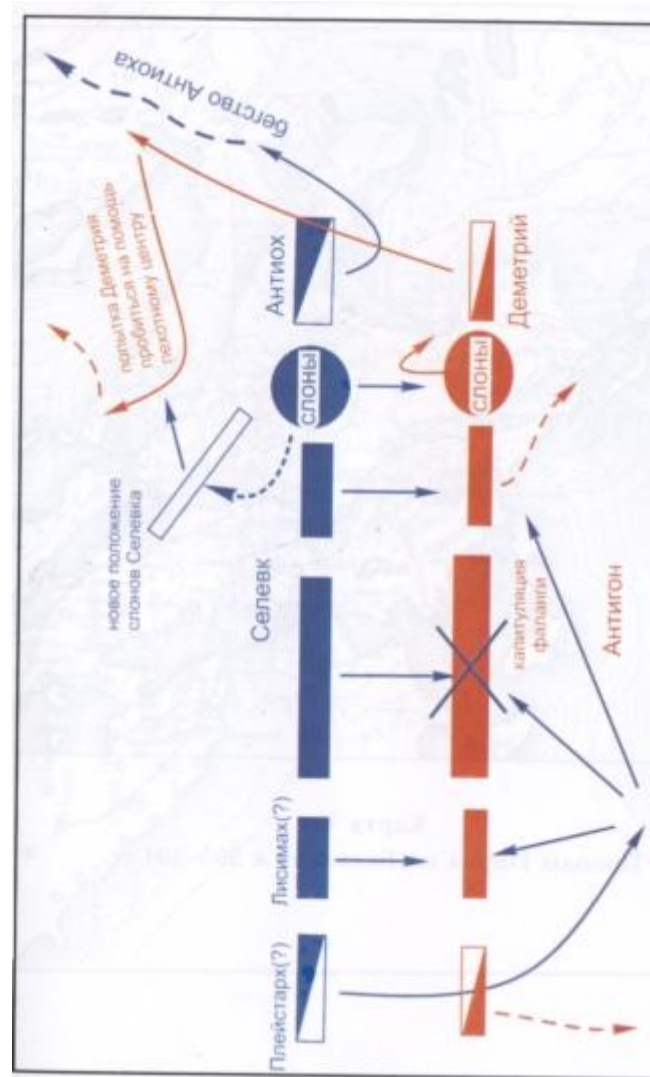
Карта I
Кампания 317-16 гг. в Фессалии и Македонии

Карта II
Битва при Иссе (333 г.)

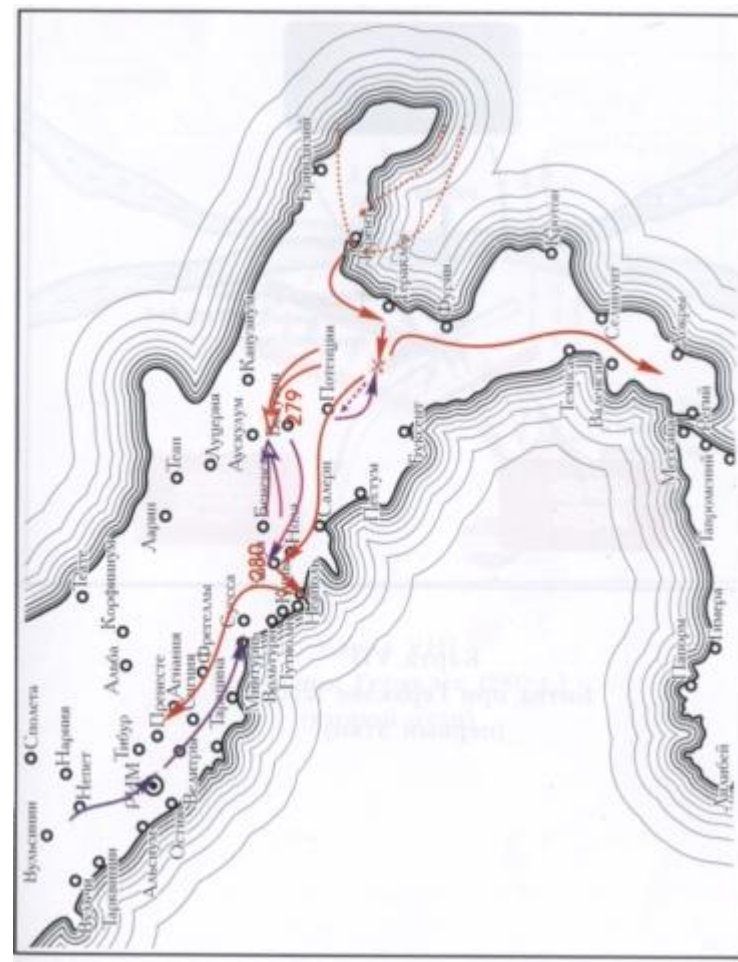

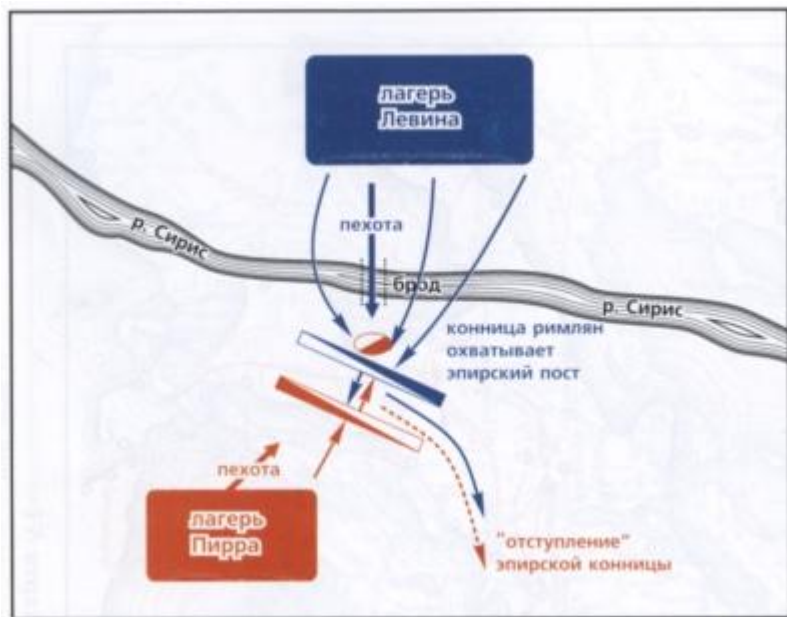
Карта III
Кампания 302 г. в Малой Азии

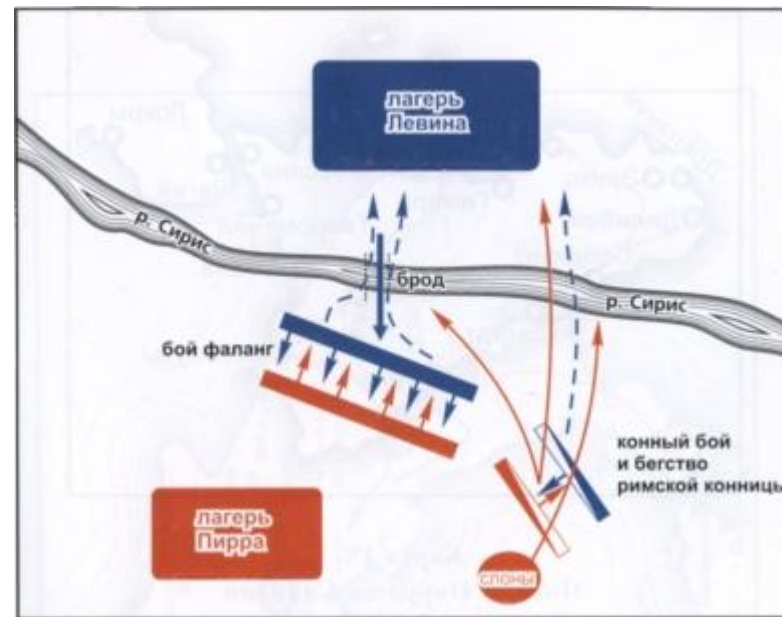

Карта V
Походы Пирра на Балканах в 295-294 гг.

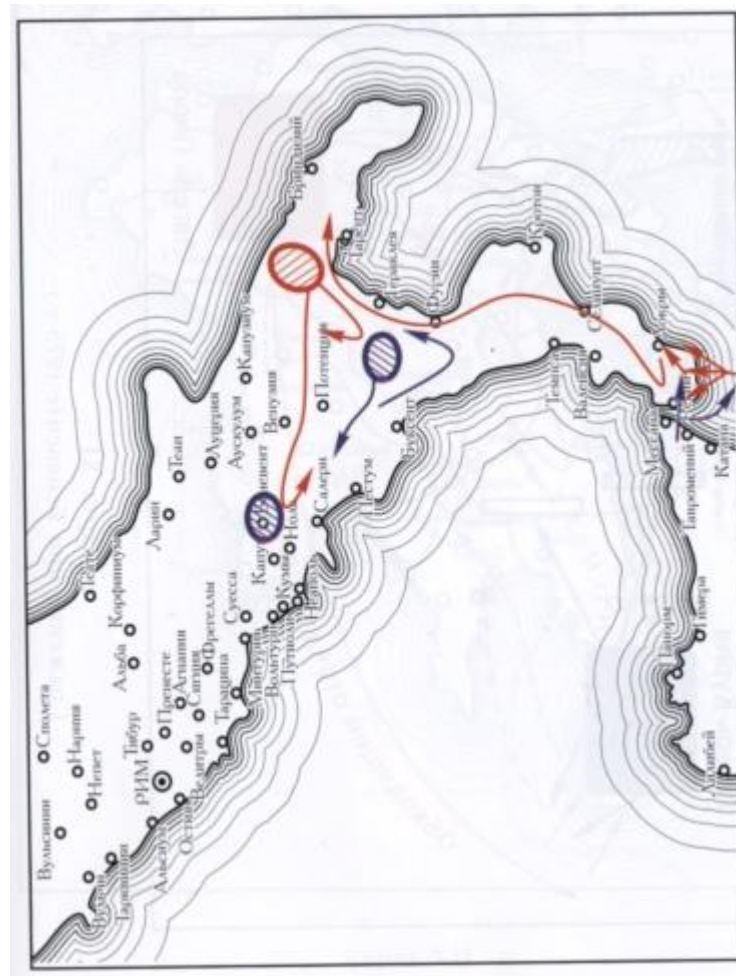
Карта VII
 Битва при Геракле (280 г.)
 (первый этап)

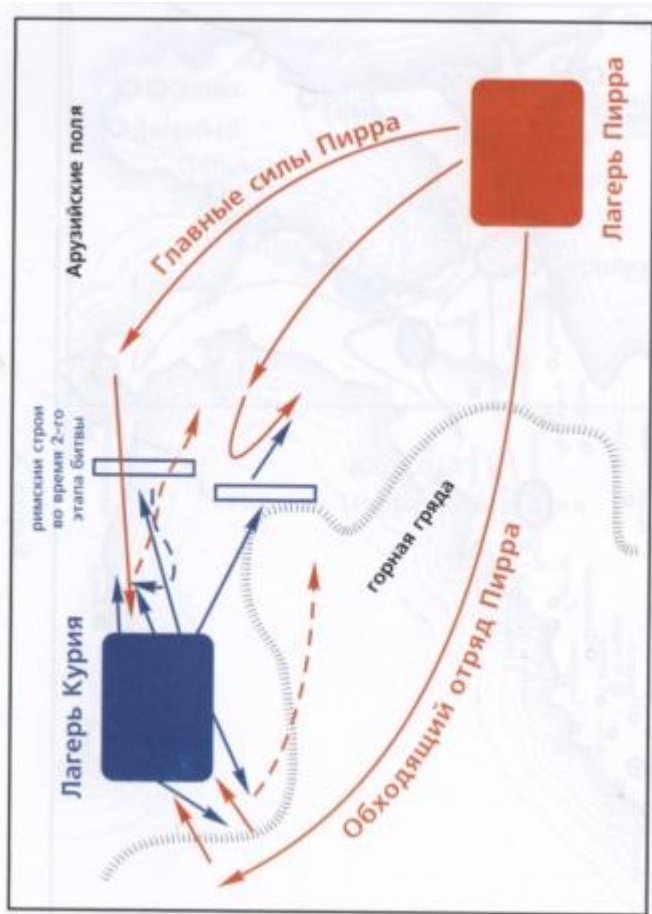

Карта VIII
 Битва при Геракле (280 г.)
 (второй этап)

Карта IX
Походы Пирра на Сицилии

Карта XII
Пелопоннеский поход Пирра (272 г.)

Александр Македонский

Птолемей I
Сотер

Лисимах

Деметрий Полиоркет

Птолемей II
Филадельф

*Монеты эпохи Александра Македонского
и диадохов*

Филипп II

Александр Великий

Монета, отчеканенная Пирром в Сиракузах

Антипатр

Филипп Арридей

Лисимах

Селевк

Додона

Город, где располагалось знаменитое святилище Зевса

**Пелла
«Дом Диониса»**

**Аргос
Остатки античного театра**

Аргос

Памятник Пиру на предполагаемом месте
его гибели